

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

Litera

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-08-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhanova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-08-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpo@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpo@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrova - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

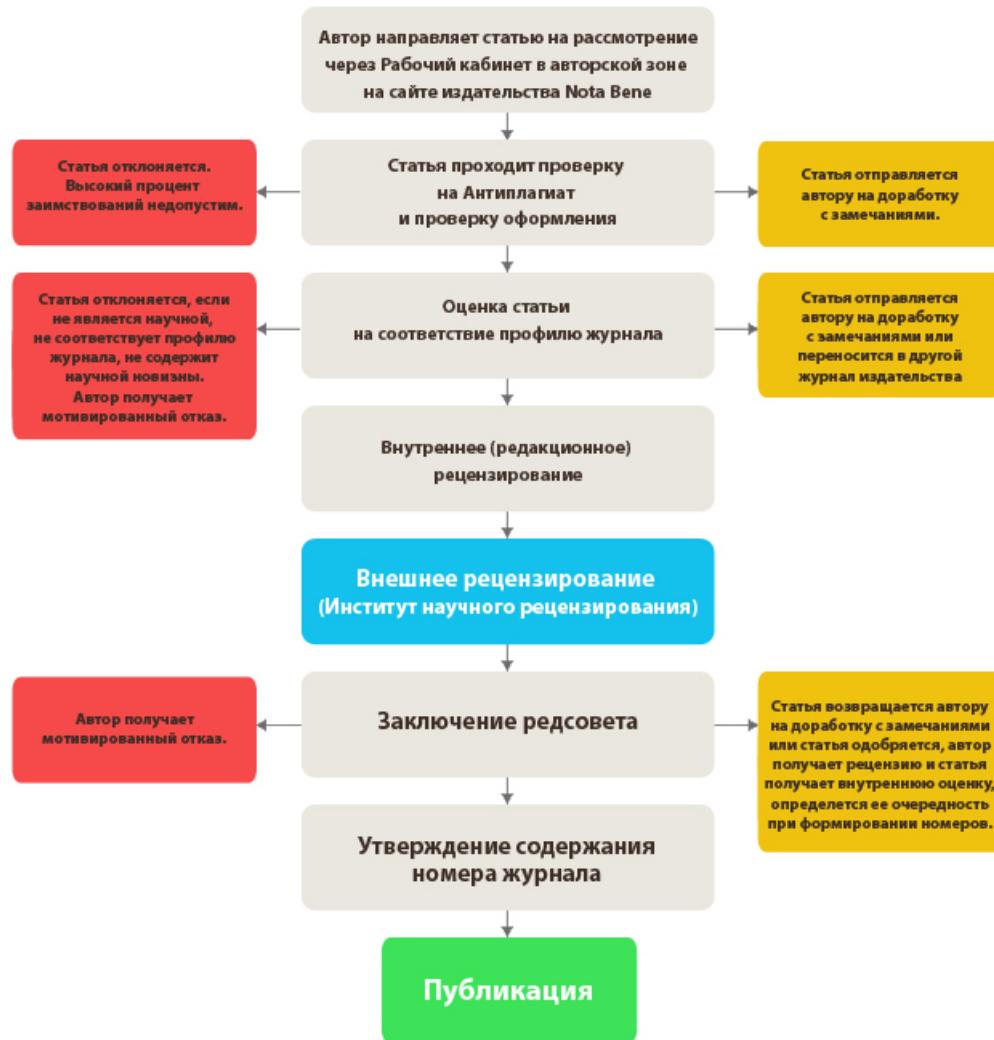
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Баранова Е.А., Бочаров И.И. Проблема реализации культуроформирующей функции в отечественных СМИ	1
Яровой С.А. Синтез искусств в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя	15
Ван Ч. Традиции Н. В. Гоголя в прозе Цзя Чифана	27
Абилькенова В.А., Гальт Л.Ю. Специфика освещения темы креативных индустрий в федеральных и окружных СМИ	43
Кузин А.Д. Медиаинформационное сопровождение кредитной деятельности банка (тематика и ключевые смыслы)	58
Сы Х. Нереализованная речь персонажей А.П. Чехова в аспекте семейной коммуникации	69
Похаленков О.Е. Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне	77
Мысовских Л.О. Экзистенциально-психологические основания преступного поведения героев Михаила Лермонтова и Федора Достоевского	84
Красников Я.Е. Категории героя и персонажа в драме в свете исторической поэтики (в неклассический период эпохи модальности)	94
Дин Л. Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными пять, семь и десять	108
Дусти Нири З.М., Шейхи Джоландан Н. Семантический анализ слов, обозначающих термин "причина" в персидском языке	117
Каверина В.В., Ван И. Критерии оформления сложных существительных (контакт-дефис) в современной русской орфографии	126
Оу М. Неевклидовы геометрии как источник веры в Бога для Ф.М. Достоевского и его героев (на примере Ивана Карамазова)	139
Любимов Н.И. Образ рощи как средство выражения аксиологической концепции автора в лирике З. Дудиной	151
Ма Ж. Метатекст как средство проявления языковой личности автора-повествователя в тексте мемуаров	163
Чаплик В.А. Некоторые лексикологические особенности современной франкоязычной прессы	173
Аринова Б.Н. Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя	183
Кузьмина Ю.А. «Бытик профессорских квартирочек»: презентация повседневности «отца-позитивиста» в мемуарах русского символизма	193
Карташева А.О., Кихней Л.Г., Осипова О.И. К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого	204
Англоязычные метаданные	220

Contents

Baranova E.A., Bocharov I.I. The problem of implementing the cultural-forming function in the Russian media	1
Yarovoy S.A. Synthesis of Arts in N. V. Gogol's "Evenings on a Farm Near Dikanka"	15
Wang Z. Traditions of N. V. Gogol in prose by Jia Zhifang	27
Abilkenova V., Galt L.Y. The specifics of the coverage of the topic of creative industries in federal and district media	43
Kuzin A.D. Media information support of bank's credit activity: themes and key meanings	58
Si H. Unrealized speech of A.P. Chekhov's characters in the aspect of family communication	69
Pokhalenkov O.E. The Comparative Analysis of the Image of the "German-Nazi" in the German Literature about the Second World War	77
Mysovskikh L.O. Existential and psychological grounds of criminal behavior of the heroes of Mikhail Lermontov and Fyodor Dostoevsky	84
Krasnikov Y.E. Categories of hero and character in drama in the light of historical poetics (in the non-classical period of the epoch of modality)	94
Ding L. Russian and Chinese phraseological units of religious themes with components- numerals five, seven and ten	108
Dousti Niri Z.M., Sheyksi Jolandan N. Semantic analysis of the words denoting the term "reason" in Persian	117
Kaverina V., Wang Y. Criteria for writing compound nouns (contact-hyphen) in modern Russian orthography	126
Ou M. Non-Euclidean Geometries as a Source of Faith in God for F.M. Dostoevsky and His Characters (on the Example of Ivan Karamazov)	139
Lyubimov N.I. The image of the grove as a means of expressing the author's axiological concept in the lyrics of Z. Dudina	151
Ma R. Metatext as a means of expressing the linguistic personality of the author-narrator in the text of the memoirs	163
Chaplik V.A. Lexicological features of modern french-speaking media	173
Arinova B.N. Written judicial discourse: mechanisms of discursive interaction between the author and the reader	183
Kuzmina Y.A. "The babbity of professors' humble abodes": Representation of Everyday Life of the "Positivist Father" in Memoirs of Russian Symbolism	193
Kartasheva A.O., Kikhnei L.G., Osipova O.I. Towards the Communicative Strategies of Russian Modernism: the Poetic Correspondence of V. Bryusov and A. Bely	204
Metadata in english	220

Litera

Правильная ссылка на статью:

Баранова Е.А., Бочаров И.И. — Проблема реализации культурноформирующей функции в отечественных СМИ // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43477 EDN: RVZEVP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43477

Проблема реализации культурноформирующей функции в отечественных СМИ

Баранова Екатерина Андреевна

ORCID: 0000-0003-1794-9936

доктор филологических наук

профессор, кафедра коммуникационного менеджмента и управления отношениями, РГСУ

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4

✉ kat-journ@yandex.ru

Бочаров Иван Ильич

студент, кафедра коммуникационного менеджмента и управления отношениями, РГСУ; старший контент-аналитик, Президентский фонд культурных инициатив

129226, Россия, г. Г Москва, ул. Вильгельма Пика, 4

✉ sergdvmoncharov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43477

EDN:

RVZEVP

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2023

Дата публикации:

05-07-2023

Аннотация: В условиях развития информационной и идеологической войны между Россией и Западом роль СМИ в формировании культурных ценностей возрастает. Она напрямую связана с обеспечением национальной безопасности. Одна из важнейших проблем современности связана с тем, что культура в СМИ перестала быть мощным инструментом формирования ценностной системы общества. В статье анализируются материалы, вышедшие за период с декабря 2022 по май 2023 г.г. в тринадцати самых

цитируемых отечественных СМИ (Rbc.ru, Russian.rt.com, Gazeta.ru, Lenta.ru, 360tv.ru, Kp.ru, Tsargrad.tv, iz.ru, Life.ru, Mk.ru, Aif.ru, Fontanka.ru, Mosregtoday.ru). Было проанализировано около 2000 материалов, которые относятся к теме «культура» в данных СМИ. Материалы анализировались на предмет соответствия культуроформирующей функции, которая заключается, в пропаганде и распространении в обществе высоких культурных ценностей, воспитании масс на образцах общемировой культуры, способствуя всестороннему гуманистическому развитию человека. Авторы приходят к выводу о том, что 1) образцы высокой, элитарной культуры редко попадают в поле зрения СМИ. В материалах на культурные темы тиражируются сплетни, слухи, события из жизни звезд шоу-бизнеса. 2) На некоторых сайтах СМИ вовсе отсутствует раздел «культура». В поле зрения читателя, который заходит на информационные порталы, редко попадают новости культуры. 3) В новостях о культуре фигурируют одни и те же фамилии, преобладают известные личности из мира шоу-бизнеса, а о новых, молодых, талантливых деятелях искусства нет ни слова. 4) Культура на сайтах СМИ освещает масштабные события, голливудские премьеры, но редко когда в рубрикаторы попадают новости о региональных фестивалях, достижениях творческих индивидуальностей, народных ремеслах. 5) Культура на сайтах СМИ подменяется развлечением.

Ключевые слова:

Материалы культурной тематики, Культура и СМИ, Культурная повестка, Функции журналистики, Функции российских СМИ, Культуроформирующая функция СМИ, Система ценностей общества, Качественная журналистика, Культурно-просветительская журналистика, Проблемы отечественных СМИ

Введение

Активное обсуждение культуроформирующей функции СМИ началось во второй половине XX века. Мы можем согласиться со С. Тулмином, который считает, что появление новых понятий связано с пониманием новых проблем [24, С.25.1], а также Освальдом Шпенглером, который утверждал, что «нужда в определении культуры возникает там, где начинается опасное смешение культуры и бескультурья» [20]. И действительно: необходимость в появлении понятия «культуроформирующая функция СМИ» возникла в результате осмысления негативных последствий индустриализации и капитализма.

Понятие «культуроформирующая функция СМИ» актуализировали исследователи из Франкфуртской школы социологии. Считается, что оно впервые упоминается в книге Макса Хоркхаймера «Диалектика просвещения» [22]. Исследователи этой школы крайне негативно относились к идее о том, что СМИ должны участвовать в распространении высоких культурных ценностей, ведь таким образом будет обеспечиваться идеологическая основа существующих капиталистических обществ через продвижение массовой культуры, что приведет к подавлению индивидуальности и позволит манипулировать сознанием людей.

Отечественные исследователи обратили внимание на проблему культуроформирующей функции СМИ в конце 60-х годов XX века. Иосиф Дзялошинский – виднейший советский исследователь средств массовой информации – в своей работе «Творческая индивидуальность в журналистике» писал, что распространение с помощью газет и

журналов понятий о высокой культуре не менее важно, чем распространение новостей об экономике, политике, обществе и так далее [\[5, С. 60.\]](#).

Стоит отметить, что в отечественном научном дискурсе под культурой в СМИ понималось не только статьи и материалы о культуре, научно-популярные статьи, но и публикация литературно-художественных произведений. Так, Владимир Данилович Пельт в журнале «Вопросы журналистики» писал, что «литературные произведения обогащают газету, усиливают ее воздействие на читателя» [\[19, С. 109\]](#).

В 80-е годы в СССР вышло учебное пособие «Введение в теорию журналистики», которая стала фундаментальной базой для изучения, в том числе, функций журналистики, одной из важнейших авторы пособия называли культуроформирующую функцию [\[18, С. 61\]](#).

Конечно, сегодня представления о культуроформирующей функции СМИ изменились. Связано это с процессами дигитализации и медиаконвергенции, трансформацией института СМИ. «Этот этап привел к глобальным изменениям происходящим на всех стадиях от создания до распространения контента, и поискам новых моделей развития медиабизнеса в условиях конвергентной среды» [\[1, С.11\]](#). Тенденции современных исследований в данной области таковы: теоретики медиа и массовых коммуникаций сошлись во мнении, что культуроформирующая функция СМИ трансформировалась в развлекательную и стала развиваться в интересах рекламодателей. Теоретики медиакоммуникаций уже давно говорят о необходимости повышать значимость культуры и культурной журналистики.

В 2011 году, Перевалов В.В. выпустил учебное пособие, в котором подробно проанализировал вопросы организации культуроформирующей деятельности средств массовой информации. Он пришел к неутешительным выводам: «надо в корне менять все основные принципы подачи информации на темы художественной культуры...» Ученый отметил, что «пресса может и должна формировать высокие культурные стандарты, отражать разнообразие в сфере культуры, содействовать доступу населения России к высокой культуре, информировать людей о событиях в мире культуры...» [\[17\]](#).

В 2020 году Винокурова пишет о том, что «по данным фонда «Общественное мнение» от 14 сентября 2019 г., культурная жизнь в списке интересов медиа-потребителей стоит только на девятом месте после тем политики, криминала и семьи». Она отмечает, что «создатели программ значительное внимание уделяют развлекательному направлению. Именно эти программы стали обязательными в сетке любого канала, потеснив собою остальные, особенно культурно-просветительской тематики» [\[4, С. 212\]](#).

В 2021 году Исследователь массовых коммуникаций Саймонс Г. (Simons G.) пишет: «коммерциализация средств массовой информации также снижает качество информации и приводит к специальному распространению массовой культуры...» [\[23\]](#). Информация в этом случае, с одной стороны, становится более занимательной, а с другой – оказывается чрезмерно упрощенной, а зачастую и довольно примитивной.

В 2022 году на «VI медиафоруме этнических и региональных СМИ» директор Президентского фонда культурных инициатив Р.В. Карманов заявил, что культуру нужно возвращать на первое место в СМИ. «Культурная повестка в рубрикаторе всегда на последнем месте. Сначала политика, общество, происшествия, авто и культура на закуску. Журналистов, которые культурой занимаются, по пальцам пересчитать». По его мнению, культура «определяет сознание», на примере Украины видно «ее отсутствие», а

также то «как манипуляции культурой приводят к тем событиям, которые мы наблюдаем» (VI Медиафорум этнических и региональных СМИ // nazaccent.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://nazaccent.ru/content/39220-vi-mediaforum-etnicheskikh-i-regionalnyh-smi.html> (Дата обращения: 17.06.2023)).

В условиях развития информационной и идеологической войны между Россией и Западом роль СМИ в формировании культурных ценностей значительно возрастает. Она напрямую связана с обеспечением национальной безопасности – важнейшей составляющей стратегии национальной безопасности РФ является её государственная культурная политика. Проблема культурной повестки в отечественных СМИ сегодня должна выходить на первый план. «Будучи частью культуры, журналистика находится в тесном взаимодействии с социально-культурным развитием общества», – пишет исследователь Лебедева Е.Г. [\[11, С.7\]](#). Она задает справедливый вопрос: «Должен ли править бал «его величество рейтинг», или журналистика должна стремиться поднимать уровень информированности и культуры аудитории?» [\[11, С.7\]](#).

Стоит отдельно заметить, что материалы о культуре в СМИ играют важную роль в стабилизации общественных настроений. Так, профессор Желтухина М.Р. пишет, что «напряженная военно-политическая обстановка в Ираке закономерным образом нашла отражение в эфирной сетке телевизионных каналов страны, где объем культурного компонента чрезвычайно мал. В условиях, когда страна переживает послевоенные годы, очень важна стабилизация общественного настроения, и культурные программы могут сыграть важную роль в этом аспекте» [\[7, С. 122\]](#).

Еще один важный тезис в пользу актуальности данной темы выдвинул генеральный директор Президентского фонда культурных инициатив Карманов Р.В. Он пишет, что «культура и экономика абсолютно связаны. Развивая экономику, нельзя игнорировать культуру. В тех регионах, где развиваются креативные индустрии, качество жизни заметно выше...» (Карманов Медиа ПФКИ // Telegram.ru [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/karmanov_media/10668 (Дата обращения: 17.06.23)). А так как основным поставщиком информации из сферы культуры являются СМИ, необходимо вводить и осуществлять планомерную культурную политику в сфере медиа и СМИ.

Безусловно, в условиях рыночной экономики, культуроформирующая функция СМИ претерпела значительные изменения. Теперь журналисты развлекают современных потребителей информации, забывая об идеологическом и культурном просвещении. А под культурой понимаются концерты звезд, сплетни из шоу-бизнеса, модные тренды, но никак не высокие культурные ценности, не образцы мировой культуры, и не «золотой фонд» человечества. Так, ранее находившиеся «на периферии системы функций» рекламно-справочная и рекреативная функции сегодня выходят на первые места: об этом говорит тот факт, что рубрики «культура» в СМИ переполнены сплетнями из мира звезд, Голливудскими премьерами. Материалы данных рубрик не нацелены на популяризацию знания и формирования культурных ценностей.

Таким образом, одна из важнейших проблем современности связана с тем, что культура в СМИ перестала быть мощным инструментом формирования ценностной системы общества.

Методология исследования

Чтобы подтвердить данный тезис, мы решили провести исследование реализации культуроформирующей функции в современных отечественных СМИ. Используя метод

контент-анализа, мы рассмотрели и проанализировали материалы, вышедшие за период с декабря 2022 по май 2023 гг.. в двенадцати самых цитируемых федеральных и региональных СМИ: Russian.rt.com, Gazeta.ru, Lenta.ru, 360tv.ru, Kp.ru, Tsargrad.tv, Life.ru, Mk.ru, Aif.ru, Fontanka.ru, Mosregtoday.ru., iz.ru – именно на данных сайтах большинство россиян предпочитают смотреть новости. «Падает интерес к чтению газет, журналов, прослушиванию эфирного радио. По значимости источников новостей и доверию к ним интернет превосходит телевидение во всех аудиториях», – пишет Поляков М. Л. [\[15, С.615\]](#).

В общей сложности было проанализировано около 1500 материалов, которые относятся к теме «культура» в данных СМИ. Материалы анализировались на предмет соответствия культуроформирующей функции, которая заключается, в «пропаганде и распространении в обществе высоких культурных ценностей, воспитании масс на образцах общемировой культуры, способствуя всестороннему гуманистическому развитию человека» [\[18, С.77\]](#). Мы анализировали сайты на предмет непосредственного наличия такой рубрики. Мы также обращали внимание на то, есть ли данная рубрика на главной странице; изучали, в каких еще, кроме рубрики «культура», разделах сайта публикуются материалы о культуре. Рассматривали жанры и тематику материалов о культуре.

Размышляя над вопросом особенностей освещения культуры интернет-СМИ, мы будем опираться на характеристику онлайн-журналистики, данной исследователем С. Г. Машковой: три основных отличая онлайн-журналистики: гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность [\[13\]](#). Так, Колесниченко А.В. в 2023 году провел исследование публикаций 20 наиболее популярных сайтов отечественных СМИ. Выяснилось, что «мультимедийные публикации составляют около четверти их контента» и «аудио встречается крайне редко, другие формы мультимедиа – интерактивная инфографика, анимация, таймлайн и др. – практически не используются». [\[9, С.3\]](#).

Авторы работы впервые анализируют материалы культурно-просветительской тематики, опубликованные на сайтах самых цитируемых федеральных и региональных СМИ РФ за период 2022 по 2023 гг.., чтобы сделать вывод о том, какое место отводится сегодня культурной тематике в отечественных средствах массовой информации, какова их роль в формировании нравственных ценностей общества в условиях идеологической войны.

Кроме метода контент-анализа, мы использовали метод глубинного интервью с экспертом. Бочаров И.И. провел интервью с Д.А. Кириком, заместителем председателя Комиссии по вопросам развития культуры и сохранения духовного наследия ОП РФ. В нем обсуждались основные проблемы культуроформирующей функции современных СМИ, а также проблемы профильных изданий о культуре. Д.А. Кирик отметил, что в современном инфо-поле культуроформирующую функцию выполняет только канал «Россия К» (глубинное интервью Бочарова И. И. с Д.А. Кириком. 20.06.2023).

Подача материалов о культуре в интернет-СМИ

Актуальными и важными представляются вопросы: в каких жанрах писать о культуре, чтобы передать все ее многообразие? Как подавать новости о культуре, чтобы их читали?

На эту тему размышляет В.В. Перевалов: «на первый взгляд публиковать различные сообщения на темы художественной культуры чрезвычайно просто: берется некое "культурное мероприятие", описывается, кто пел, кто плясал, кто рассказывал, можно еще сообщить, как принимали зрители артистов, – и готов материал. Можно еще

"показать эрудицию" - например, указать полностью имя того или иного композитора, или раскрыть псевдоним популярного ди-джея. Но можно ли такие материалы назвать формирующими культуру человека? И если "да", то какую культуру они сформируют? И нужна ли будет такая "культура" человеку, который стремится к самореализации?» [\[17\]](#)

Не будем отрицать: есть много изданий, в которых новости о культуре подается интересно и креативно: «Историк», «The Art Newspaper Russia». Однако в самых цитируемых отечественных СМИ, которые читают большинство граждан, культурная повестка освещается сухо, нередко в традициях желтой прессы.

Kr.ru – один из крупнейших отечественных медиаресурсов. Входит в лидеры СМИ по переходам из социальных сетей. Раздел «культура» обновляется довольно часто: в среднем – от 3 до 5 новостей в день. Иногда чаще. Раздела «культура» нет в рубрикаторе на главной странице сайта. Параметру мультимедийности раздел «культура» на сайте kr.ru не соответствует. Мультимедийность предполагает подачу материалов в формате аудио, видео, текст, графика. Как пример подобного материала: лонгрид на сайте rg.ru о дирижере Валерии Гергиеве [Симфония №70: Валерий Гергиев принимает поздравления по случаю юбилея // rg.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/05/02/simfonija-70-valerij-gergiiev-prinimaet-pozdravlenija-po-sluchaiu-iubileia.html>. (Дата обращения: 6.05.23).]. Он содержит как фото, так и видео, аудио материалы, а также графику. Из более чем 100 проанализированных материалов практически 100% – это статьи с несколькими фотографиями. Лонгридов, больших аналитических материалов, инфографики практически нет. Материалы о культуре могут привлечь читателя только скандальным заголовком, но никак не содержанием и подачей.

Следующий важный параметр – гипертекстуальность. «Перелинковка» между материалами в одном разделе. «Гипертекстуальность дает пользователю возможность нелинейной навигации в больших объемах информации» [\[13, С.11\]](#). Заметим, что данному параметру раздел «культура» сайта kr.ru вполне соответствует. Практически в каждом из проанализированных материалов есть гиперссылка на другой материал из раздела «культура».

«Известия» – крупнейшая общественно-политическая и деловая ежедневная газета, учреждённая в январе 1917 года. Параметру мультимедийности раздел «культура» на сайте iz.ru вполне соответствует. Вообще, культурный рубрикатор сайта газеты «Известия» отличается большим количеством уникальных материалов, лонгридов, новостей о событиях академической культуры – из проанализированной выборки таких материалов около 80%. К сожалению, на главную страницу ни один из этих материалов не попал.

Параметру гипертекстуальности раздел «культура» сайта iz.ru вполне соответствует. Практически в каждом из проанализированных материалов есть гиперссылка на другой материал из раздела «культура».

Раздел «культура» сайта «Аргументы и факты» характеризуется большим количеством ежедневных публикаций – от 10 до 20. Но количество материалов не означает качество. Практически все публикации представляют собой короткие заметки, на чтение которых требуется не больше 2 минут. Следовательно, ни о какой аналитике, ни о каких побуждениях читательской аудитории к рассуждению речи не идет. Из выборки в 100 материалов лишь около 25-30% из них представляют собой новости высокой культуры либо материалы о значимых событиях культуры. Стоит заметить, что материалы на сайте

aif.ru можно комментировать и оценивать. Но в разделе «культура» ни под одним материалом нет комментариев. И практически все материалы оценены на «1 звезду».

О мультимедийности материалов говорить не приходится, так как практически все они представляют собой короткие новостные заметки, на чтение которых требуется не больше 2 минут. Лонгридов в разделе «культура» практически нет. Параметру гипертекстуальности раздел «культура» сайта aif.ru не соответствует. В материалах очень редко попадаются ссылки на другие публикации по этой теме.

Анализируя культурные рубрикаторы самых цитируемых изданий, мы видим, что, чаще всего, материалы о культуре – это короткие новостные заметки. Очень редко, когда встречаются лонгриды, большие аналитические статьи. Еще реже – репортажи с мероприятий.

Исследователи Л.Р.Дускаева и Н.С.Цветова отмечают, что одна из особенностей журналистского материала о культуре – преобразование текста художественного явления в его вербальное описание происходит в результате интерпретации, основой для которой служит индивидуальное понимание, декодирование критиком системы знаков и образов художественного явления [6].

В.В. Перевалов отмечает, что «мир культуры безбрежен и описать события культуры в каком-то одном журналистском жанре невозможно следовательно, необходимо использовать все многообразие жанров журналистики: очерк, обзор, рецензия, репортажи, заметки, трансляции» [17]. Как показывает анализ, в современных культурных рубрикаторах используется только малый процент из всех возможных способов освещения культуры. За редким исключением встречаются интервью с деятелями культуры. Очень мало прямых трансляций (только в специализированных СМИ) и репортажей.

Стоит обратить внимание на исследование Яны Белоцерковской. Она утверждает, что «найти свою аудиторию удалось лишь СМИ, транслирующим элитарную культуру. СМИ, ориентированные на массовую культуру – «желтые» издания, таблоиды, – находятся в кризисе, так как им нечего противопоставить активно развивающимся интернет-технологиям» [3, С.40]. Белоцерковская выдвигает тезис, что сейчас в интернете стало слишком много скандалов, откровенных снимков, пошлости. Средствам массовой информации необходимо искать способ привлечь читателя в рубрику «культура». Необходимо работать над качественной подачей материала, а не уподобляться низменным интересам толпы.

Этот тезис подтвердил авторам статьи Д.А. Кирис. Он отметил: «чтобы культурная повестка интересовала людей, нужно правильно о ней писать. Нужно готовить журналистов, которые умеют писать о культуре – в этом есть определенная специфика, которая предполагает наличие определенных знаний. К сожалению, журналисты часто не понимают, о чем они пишут. Не различают театры. Не могут отличить оперу от мюзикла» (глубинное интервью Бочарова И. И. с Д.А. Кирисом. 20.06.2023).

Хотелось бы отдельно сказать о параметре интерактивности современных сайтов СМИ. Стоит отметить, что не так давно на сайтах некоторых федеральных СМИ была возможность оставлять комментарии. Сегодня эту функцию убрали. Так, например, до 2022 года на сайте «Комсомольской правды» можно было комментировать материал. На сайте iz.ru также нельзя комментировать и оценивать материалы. И эта проблема касается не только рубрик «культура». В любой другой рубрике на сайте СМИ также

нельзя проявлять активность. Об этой проблеме пишет Колесниченко А. В.: «мультимедийные публикации составляют около четверти контента», и «аудио встречается крайне редко, другие формы мультимедиа – интерактивная инфографика, анимация, таймлайн и др. – практически не используются» [9].

Отдельно стоит отметить, что реализация культуроформирующей функции издания зависит, с одной стороны, от особенностей личности журналиста, а с другой – от особенностей информационной политики издания в целом [17].

Основные проблемы культурной повестки в отечественных СМИ

Проведя контент-анализ материалов о культуре на сайтах самых цитируемых отечественных СМИ, мы пришли к выводу, что 1) образцы высокой, элитарной культуры редко попадают в поле зрения средств массовой информации. Чаще всего в материалах на культурные темы тиражируются сплетни, слухи, события из жизни звезд шоу-бизнеса. Материалы апеллируют к низменным человеческим чувствам. К примеру, большинство материалов сайта «Аргументы и факты» не имеют культурной ценности. Это либо копирайт из других источников, либо материалы, рассчитанные исключительно на развлечение и написанные с целью заставить читателя кликнуть на скандальный заголовок: «Соседи замка Галкина и Пугачевой: «Ждем в Грязи нового барина» (Соседи замка Галкина и Пугачевой: «Ждем в Грязи нового барина» // aif.ru [Электронный ресурс]. URL:

https://aif.ru/culture/person/sosed Zamka_Galkina_i_pugachevoy_zhdem_v_gryazi_novogo_ba (Дата обращения: 18.06.23)). На сайте Gazeta.ru больше половины из проанализированных материалов – это новости, в которых тиражируются сплетни, слухи из мира шоу-бизнеса. Они апеллируют к низменным чувствам человека: «Певец Стинг заявил, что омолаживается при помощи тантрического секса» (Газета.ru: [Электронный ресурс]. Певец Стинг заявил, что омолаживается при помощи тантрического секса. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2023/02/10/19707883.shtml/> (Дата обращения: 19.06.23)).

2) На некоторых сайтах СМИ (Rbc.ru, Tsargrad.tv) вовсе отсутствует раздел «культура». Это приводит к тому, что в поле зрения читателя, который заходит на информационные порталы, вообще редко попадают новости культуры. Более 60% из 50 проанализированных материалов сайта rbc.ru либо формировали модные предпочтения (Rbc.ru: [Электронный ресурс]. Мини, с принтами, облегающие: выбираем платья на 8 марта. URL: <https://style.rbc.ru/items/64009b729a79476586520e5e>. (Дата обращения: 9.06.23)), либо рекламировали что-либо (Rbc.ru: [Электронный ресурс]. Магия оранжевой ленты: новый взгляд BORK на подарки. URL: <https://style.rbc.ru/items/63e228369a794726081d75d7>. (Дата обращения: 9.06.23)). Главные темы материалов: бренды, покупки, деньги, поп-культура.

Материалы о культуре часто попадают в раздел «афиша». Такой раздел есть на сайте kp.ru. Однако найти его достаточно трудно – необходимо задавать специальный запрос. И в этот раздел иногда отправляют не только анонсы культурных событий, но и статьи, в которых нет скандала, сенсации, они не соберут большого количества просмотров. Например, материал «Выставка «Россия, СССР в 1917 – начале 1950-х»: уникальные символы нашей истории» (Выставка «Россия, СССР в 1917 – начале 1950-х»: уникальные символы нашей истории // kp.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/afisha/msk/obzory/moj-gorod/vystavka-rossiya-sssr-v-1917-nachale-1950-v-moskve/>. (Дата обращения: 29.05.23)).

3) С точки зрения героев в новостях о культуре фигурируют одни и те же фамилии, преобладают известные личности из мира шоу-бизнеса, а о новых, молодых, талантливых деятелях искусства нет ни слова. К примеру, на сайте Mosregtoday.ru не редки случаи, когда рядом с новостью о рекорде спортсмена-шахматиста из Щелково, мы видим сразу два материала о Пугачевой. Материал «Продюсер Пригожин предположил, какие чувства испытывает Пугачева за границей» (*Mosregtoday.ru: [Электронный ресурс]*). Продюсер Пригожин предположил, какие чувства испытывает Пугачева за границей. URL: <https://mosregtoday.ru/news/culture/prodjuser-prigozhin-predpolozhil-kakie-chuvstva-ispytyvaya> (Дата обращения: 9.06.23)). практически в два раза больше по объему, чем статья о шашисте. И не совсем понятно, как жителей Подмосковья касается новость о том, что «Николай Басков достал всех своих соседей /круглосуточным/ пением в квартире» (*Mosregtoday.ru: [Электронный ресурс]*. Николай Басков достал всех своих соседей /круглосуточным/ пением в квартире. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/282736420>. (Дата обращения: 9.06.23)). В этом материале мы также видим ошибку в заголовке – последствия тотальной экономии на корректорах [\[2, С.158\]](#).

4) Культура на сайтах СМИ освещает масштабные события, Голливудские премьеры, но редко когда в рубрикаторы попадают новости о региональных фестивалях, достижениях творческих индивидуальностей, народных ремеслах. На сайте 360tv.ru за анализируемый нами период времени не было практически ни одного материала о культурном событии, которое бы касалось среднестатистического жителя России: не было материалов о выставке «Балабанов» в Петербурге, о начале работы и расписании показов 16 международного фестиваля искусств в Сочи – хотя в это были важные культурные события. На сайте Gazeta.ru. даже действительно интересные новости академической культуры представляют собой сухие новостные заметки. Герои «культуры» – это звезды шоу-бизнеса: Киркоров, «Гнойный», Собчак, Пугачева. Материалы о них в большинстве случаев – это сплетни, слухи, похабные факты: «Киркоров выиграл суд у саратовца, которому мешал ловить рыбу» (*Газета.ru: [Электронный ресурс]*. Киркоров выиграл суд у саратовца, которому мешал ловить рыбу. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2023/02/10/19713697.shtml/> (Дата обращения: 19.06.23)).

5) Культура на сайтах СМИ подменяется развлечением. Очень показательная ситуация, когда материалы о музыке в разделе «культура» не представляют культурной значимости. К разделу «музыка» сайт Lenta.ru относит такие темы, как: «ЛГБТ-активисты раскритиковали Бейонсе за концерт в Дубае» (*Lenta.ru: [Электронный ресурс]*. ЛГБТ-активисты раскритиковали Бейонсе за концерт в Дубае. URL: https://lenta.ru/news/2023/01/24/beyonce_dubai/ (Дата обращения: 19.06.23)).

Еще один пример – новость на сайте Mk.ru: «Аллегрова рыдала, Киркоров целовался: "Песня года" прошла без Пугачевой и Ротару» (*mk.ru [Электронный ресурс]*. Аллегрова рыдала, Киркоров целовался: "Песня года" прошла без Пугачевой и Ротару // URL: <https://www.mk.ru/culture/2022/12/04/allegrova-rydala-kirkorov-celovalsy-a-pesnya-goda-proshla-bez-pugachevoi-i-rotaru.html>. (Дата обращения: 29.05.23)). Это новость из раздела «музыка». Медиа эпохи киберпространства забывают о подлинной культурной значимости событий.

Сегодня СМИ нужен скандал, эпатаж, который «является инструментом манипуляции сознанием: он способен формировать общественное мнение, отношение к объекту эпатажа, ломать стереотипы и менять ценностные ориентиры» [\[14, С.146\]](#). Доцент кафедры

новых медиа МГУ Лукина М. М. пишет: «конфликт, наряду с другими новостными ценностями, является общепринятым критерием для отбора информационно привлекательной темы и остается обязательным элементом новостных повесток» [10, С.27].

Отдельно хотелось бы отметить количество публикаций о культуре в «Телеграмм-каналах» самых цитируемых отечественных СМИ. Внимание к данному мессенджеру в рамках исследования обусловлено тем, что это самый популярный интернет-ресурс у российской молодежи в возрасте от 12 до 24 лет. Исследовательская компания «Медиаскоп» предоставила данные, согласно которым 69% представителей молодежи до 24 лет пользуются данным мессенджером [Назван самый популярный мессенджер у российских школьников и студентов. Telegram впервые обошел WhatsApp и YouTube // rbc.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/645c7dbe9a79472c0649cef0> (Дата обращения: 11.05.23).]. В «Телеграмме» они проводят, в среднем, 53 минуты в день.

Так, в «Телеграмм-канале» издания «Комсомольская правда» из 200 проанализированных публикаций теме культуры посвящены всего лишь 5% - около 10 материалов. При чем часть из них представляют собой некрологи. Анализ публикаций в «Телеграмм канале» «Комсомольской правды» за 22 февраля 2023 года показал, что не было ни одной новости-анонса открытия в Санкт-Петербурге масштабной выставки «Первая позиция. Русский балет». Зато «Комсомолка» уделяет внимание тому, что «Жительница Новосибирска согласилась на секс на сеансе медитации, а потом заявила об изнасиловании» [Жительница Новосибирска согласилась на секс на сеансе медитации, а потом заявила об изнасиловании // truekpru [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/truekpru/110453> (Дата обращения: 29.04.23).]. В «Телеграмм-канале» РБК ситуация не лучше – из 200 проанализированных публикаций, материалов о культуре всего 2% - не больше 5 публикаций. Тот факт, что в своих социальных сетях медиа уделяют больше внимания негативным новостям, скандалам, подтверждает масштабное исследование Першиной Е.Д. Она проанализировала более 200 тысяч постов, опубликованных в группах СМИ в 2014–2018 гг. Исследование показало, что «в сообщениях преобладает тематика происшествий, негативный настрой» [16, С.87]. «Чаще всего СМИ в социальных сетях публикуют информацию о происшествиях. После чего уже следуют такие темы, как политика, общество, культура и мода, а также экономика» [16, С.87].

Жаровский Е.Р., проводя исследование культурной журналистики в Республике Крым, приходит к выводу, что местные СМИ также не выполняют культуроформирующую функцию. Он утверждает, что «деятельность крымских журналистов по созданию текстов нуждается в ряде улучшений – деанонимизации авторства, повышении внимания к культуре других регионов России и других стран, расширении жанрово-заголовочной палитры и увеличении разнообразия визуальных элементов публикаций» [8, С.20].

Мы можем сделать вывод о том, что редакции современных СМИ не заинтересованы в развитии культурно-просветительской функции. Новости о культуре остаются лишь на традиционных сайтах в разделах «культура», однако, сейчас новости о культуре активнее потребляются в мессенджерах и социальных сетях – заходить на сайт издания нет необходимости, когда все новости приходят в виде уведомлений в мессенджер. Если способы потребления информации меняются, то медиа должны подстраиваться под данные изменения, и, следовательно, подстраивать под них, в том числе, новости о

культуре. Пока что данной тенденции в СМИ мы не наблюдаем.

Заключение

Многие исследователи медиа коммуникаций еще в конце 90-х – начале 00-х отмечали, что «надо в корне менять все основные принципы подачи информации на темы художественной культуры» [17]. Проведенное исследование состояния культформирующей функции в отечественных СМИ показывает, что проблема культурной повестки в медиа не теряет свою актуальность.

Культура – это механизм передачи от поколения к поколению того, что не передается биологическим путем: опыт, ценности, национальная идентичность. Именно поэтому, в условиях развития информационной и идеологической войны между Россией и Западом, задача сохранения культуры в обществе становится как никогда важной.

Но препятствием этой задаче стала массовая культура, порожденная Западом, возникшая с развитием техники и массовых коммуникаций в начале-середине XX века. Массовая культура стала важнейшим средством проникновения американского капитала в другие страны мира для усиления собственного господства. В отличие от высокой, элитарной культуры, которая всегда была ориентирована на интеллектуальную, мыслящую публику, массовая культура сознательно ориентируется на «средний» уровень массовых потребителей. Она представляет собой совокупность западных культурных ценностей, явлений, видов искусства и жанров, которые были разработаны и распространены на основе современных технологий и средств коммуникации и информации.

И именно СМИ являются главным инструментом, с помощью которого в общество проникает массовая культура, буквально поглощая все недюжинное и необычное, оставляя лишь ординарное и «серое».

Какое-либо положительное изменение ситуации с проблемой культформирующей функцией отечественных СМИ возможно только при условии внедрения планомерной и выверенной государственной политики в области медиа-культуры и информационного общества, при которой будет возможна организация тесного сотрудничества с одной стороны государства, с другой – средств массовой информации и культурных институтов. Эту мысль подтверждает Д.А. Кирис: «чиновники должны понимать, что именно культура является гарантом формирования идентичности нации и, следовательно, национальной безопасности. Должна быть логически выстроенная редакционная политика. На данный момент она отсутствует в корне. И от этого страдает и качество публикаций о культуре» (глубинное интервью Бочарова И. И. с Д.А. Кириком. 20.06.2023).

Приходится констатировать, что, воспользовавшись предоставленным правом на свободу передачи информации, каналы СМИ наполняются низкокачественной, зачастую не имеющей никакого отношения к подлинной культуре эрзац- продукцией, формирующее воздействие которой на социум можно назвать не иначе как, в лучшем случае, асоциальным, а подчас, к сожалению, и антисоциальным.

Но мало просто вернуть культурную журналистику на первые строчки ранжирования поисковых систем. Необходимо, чтобы культурная повестка в СМИ перестала быть способом манипуляции сознанием общества. Необходимо, чтобы освещение культуры в средствах коммуникации носило исключительно просветительский характер, а не было способом навязывания взглядов и притязаний. Культуру, возможно, пора вообще перестать выделять в информационной среде в отдельный сегмент, так как на

сегодняшний момент, как отметил Денис Кирис: «в освещении культуры нет системности. Идет поток информации, который, зачастую, не находит своего зрителя» (глубинное интервью Бочарова И. И. с Д.А. Кириком. 20.06.2023).

Библиография

1. Баранова, Е. А. Конвергентная журналистика: учебное пособие для вузов / Е. А. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023.
2. Баранова Е. А. Журналистика в киберпространстве: уход от традиционных норм и правил профессии // Сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 1. Под общей редакцией А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. 2018.-С. 157-162.
3. Белоцерковская Я. С. Специфика публикаций на тему культуры в условиях развития интернет-технологий // Проблемы образования, науки и культуры. 2016.-№1 (147).- С. 40-47.
4. Винокурова А. Э., Пантелеева И. А. Особенности реализации культурно-просветительской функции в программах современного телевизионного канала о культуре // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30, № 2. С. 211–218.
5. Дзялошинский И.М. Творческая индивидуальность в журналистике. М., 1984.-С.60.
6. Дускаева Л. Р., Цветова Н. С. Журналистика сферы досуга: учебное пособие для студентов и магистрантов факультетов журналистики. – Спб., Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2012. – 304 с.
7. Желтухина М.Р., Радхи В.С. Анализ культурных программ иракских спутниковых телеканалов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. №. 1. С. 122–131.
8. Жаровский Е.Р. Коммуникативные средства в текстах крымских журналистов на культурную тематику. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2020. № 1.
9. Колесниченко А. В. Мультимедийные жанры современных СМИ // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.
10. Журналистика. 2023. № 2 (49). 10. Лукина М. М. Современная журналистика: тематика и проблематика. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 5.
11. Лебедева Е. Г. Журналистика и культура / Е. Г. Лебедева — «Автор», 2022. С. 7-12.
12. Лукина М. М., Толоконникова А. В. Конфликт в повестке дня Российских информационных агентств: исследование в контексте конструктивной журналистики. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 5.
13. Машкова С. Г. Интернет-журналистика: учебное пособие.-Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. – 79 с.
14. Палагина И. В., Бурдовская Е.Ю. Эпатаж и скандал как инструмент формирования общественного мнения в СМИ // Гуманитарные и социальные науки. 2018.-№1.-С. 139-148.
15. Поляков М. Л., Слепцов Н. А. Сдвиг медиапотребления в России: обзор тенденций (2016–2021) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 615–630.
16. Першина Е. Д. Подход Российских СМИ к работе со своим контентом в социальных сетях. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2022. № 3.
17. Перевалов В.В. Деятельность журналиста в пространстве художественной культуры. Учебное пособие.-М., МГУП,-2011.

18. Прохоров Е. П., Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов / Е. П. Прохоров — 8*е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 351 с.
19. Пельт В.Д. Литературные материалы в газете // Вопросы журналистики. М., 1962.-С. 109.
20. Шпенглер, Освальд. Закат Европы. [вступ. Г. В. Драча].-Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.-637 с.
21. Шелковин Ю. А. О природе и функциях массовой коммуникации // Вестник Московского университета. Журналистика. 1967. № 6.-С. 41-58.
22. Horkheimer M., Adorno T. W. Dialektik der Aufklarung. Philosophische Fragmente [Dialektik of enlightenment. Philosophical fragments]. Jena: Gustav Fischer Verlag, 1988. 288 р.
23. Simons, G., & Strovsky, D. (2022). Factors transgressing journalism's contemporary mission and role. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 27(1), 109–121.
24. Toulmin S. Rationality and scientific discovery.-In: Boston studies in the philosophy of science Boston; Dordrecht, 1974, vol.20. p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Проблема реализации культурноформирующей функции в отечественных СМИ», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к исследованиям в области журналистики.

В рецензируемой статье рассматриваются особенности культуроформирующей функции СМИ на материале отечественных массмедиа.

В условиях развития информационной и идеологической войны между Россией и Западом роль СМИ в формировании культурных ценностей значительно возрастает. Она напрямую связана с обеспечением национальной безопасности – важнейшей составляющей стратегии национальной безопасности РФ является её государственная культурная политика. Проблема культурной повестки в отечественных СМИ сегодня должна выходить на первый план, что подчеркивает актуальность настоящей работы.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской журналистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Практическим материалом исследования явились около 1500 материалов, которые относятся к теме «культура» в данных СМИ, в том числе размещенных в сети интернет. Материалы анализировались на предмет соответствия культуроформирующей функции, которая заключается, в «пропаганде и распространении в обществе высоких культурных ценностей, воспитании масс на образцах общемировой культуры, способствуя всестороннему гуманистическому развитию человека».

Теоретические измышления подкреплены языковыми примерами на русском языке.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает всего 24 источника на русском и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Проблема реализации культурноформирующей функции в отечественных СМИ» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Яровой С.А. — Синтез искусств в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43469 EDN: SBXRPQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43469

Синтез искусств в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя

Яровой Сергей Александрович

ORCID: 0000-0002-4500-7455

аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени МВ Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ yarovoysa@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43469

EDN:

SBXRPQ

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2023

Дата публикации:

07-07-2023

Аннотация: В статье анализируются взгляды Н. В. Гоголя, выраженные в статьях 1830–1840-х гг., на проблему взаимодействия живописи, архитектуры, музыки и литературы. Различные функции, которыми Гоголь наделяет искусство, определяются главной идеей писателя – литература должна послужить спасению души человека. Рассмотрены также размышления Гоголя о необходимости создания универсальной техники, которая смогла бы поражать воображение читателя путем применения эффектов, заимствованных из разных видов искусства. Основная цель статьи – проследить эстетические искания Гоголя, выраженные в его статьях об искусстве, вошедших в сборник «Арабески», выявить примеры использования художественных приемов «нового» синтетического искусства в произведениях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Высказано предположение, что писатель выстраивал повести «Вечеров...» по законам зрительного восприятия, использовал в прозе приемы, в том числе, драмы, например, развертывание действия посредством высказываний и поступков персонажей, быстрая смена событий и локаций. В результате установлено, что для создания целостной

картины, призванной потрясти воображение читателя и поразить его, Гоголь вырабатывает собственную уникальную манеру повествования – использует фрагментарное деление повестей, насыщенность эпизодов действиями, уделяет значительное внимание воспроизведению в тексте оттенков цветов и подробному описанию деталей, что позволяет сделать вывод об использовании писателем эффектов того самого «синтетического» искусства, теоретическое обоснование которого было предложено им в статьях «Скульптура, живопись и музыка», «Об архитектуре нынешнего времени», «Последний день Помпеи» и некоторых других.

Ключевые слова:

синтез искусств, литературное произведение, Гоголь, визуальная перцепция, эффект, функции искусства, манера повествования, синтетическое искусство, театральность, визуальность произведения

Введение

XIX век – время расцвета и активного развития литературы и живописи, театра и музыки, следовательно, взаимодействие этих видов искусства между собой становится гораздо более тесным. Уже в «Страданиях юного Вертера» в качестве иллюстраций переживаний главного героя встречаются описательные фрагменты пейзажа, страдающей Вселенной. Ранее подобные средства изобразительности являлись отличительными чертами поэзии, однако в XIX веке схожие поэтические приемы стали использоваться и прозаиками. С этого времени картины природы начинают играть в произведении ту же роль, что и остальные персонажи, участвовать в действии с ними наравне.

Взаимовлияние литературы и живописи реализовывалось в попытках писателей-романтиков придать описательным фрагментам большую наглядность и «картинность», чем в описаниях их предшественников. Увлечение романтических авторов искусством живописи обусловлено, прежде всего, сходством мироощущений романтиков и природой самого изобразительного искусства с его яркими и цельными образами. В поэзии и музыке дух не имел предметного выражения, в то время как в скульптуре и живописи он выражался полностью – в единстве материального и духовного воплощения.

Однако не только язык живописи и язык литературы участвовали в синтезе искусств. Музыка также влияла на организацию повествования. Ярким примером могут послужить фрагмент из «Крейслерианы» Гофмана или же его новеллы «Дон Жуан» и «Кавалер Глюк», в которых музыка является неотъемлемой частью прозаического повествования, а музыкальные ритмы проникают в сам текст литературного произведения. Следовательно, виды искусства в эпоху романтизма взаимодействовали, обогащая и дополняя друг друга, благодаря чему возникали новые способы выражения и предпосылки для создания нового языка – языка зримых образов.

Безусловно, подобные процессы происходили не только в западноевропейской литературе. Отечественные писатели-классики также задумывались о необходимости органичного использования в литературных произведениях изобразительных средств живописи, конструирующего потенциала архитектуры, всего спектра возможностей эмоционально-чувственного влияния, присущего музыке. Поэтому целью данной статьи является поиск в произведениях Н. В. Гоголя, входящих в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», приемов и средств других видов искусства, прежде всего, живописи. Достижение поставленной цели предусматривает решение нескольких задач: в первую

очередь, необходимо в принципе описать эстетические взгляды Гоголя на литературу, ее миссию и задачи, поскольку во многом именно этим обуславливается авторская манера повествования. Во-вторых, стоит отметить отношение писателя к идеи синтеза искусств. Наконец, подтвердить особую специфику гоголевских повестей, определив их особенности.

Несмотря на то, что в гоголеведении и в настоящее время остается немало «белых пятен», неразработанной, конечно, данную тему назвать нельзя. Существует массив исследований, посвященных рассмотрению гоголевской визуальности, поэтики «Вечеров», эстетических идей Гоголя. Назовем работы С. Гончарова, М. Ямпольского [13], С. Фуссо, Н. Друбек-Майер [14], А. Фаустова, М. Вайскопфа, А. Иваницкого [6] и др. Однако на стыке литературоведческих и искусствоведческих подходов творчество писателя исследовалось сравнительно немного. Перспективы рассмотрения столь широкоформатной темы практически не ограничены, поскольку творческое наследие Гоголя всегда будет являться важной составляющей отечественной и мировой литературы и культуры.

Эстетические воззрения Гоголя

В статье «Последний день Помпеи» (1834), анализируя одноименную картину К. П. Брюллова, Гоголь высказывает мысль о том, что задача искусства – поражать, для чего оно пользуется определенными эффектами. Писатель задается вопросом, что делать, если это средство выражения используется нерадивым художником, желающим снискать известность и признание? В таком случае, эффекты «если ложны, то вредны тем, что распространяют ложь, потому что простодушная толпа без рассуждения кидается на блестящее» [4, VI, с. 290]. В то же время, «в руках истинного таланта они верны и превращают человека в исполина; но когда они в руках поддельного таланта, то для истинного понимателя они отвратительны, как отвратителен карло, одетый в платье великана, как отвратителен подлый человек, пользующийся незаслуженным знаком отличия» [4, VI, с. 290]. Эта же мысль присутствует в статье «Об архитектуре нынешнего времени» (1834), когда Гоголь выражает восхищение произведениями архитектуры прошлого и замечает: «мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания <...> из которых редкие останавливают изумленный глаз величеством рисунка, или своевольно дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротою украшений» [4, VII, с. 255]. С точки зрения писателя, архитектура XIX века не соответствует основной задаче искусства – воспитывать в человеке чувство прекрасного и служить улучшению нравов. Она не захватывает воображением человека, не восхищает и не поражает его, поскольку в архитектуре отсутствуют подлинные монументальность и величие, она не устремлена ввысь, как во времена античности и Средневековья. Именно готические соборы Средних веков – периода доминирования религиозного мировоззрения – писатель приводит как образец архитектурных сооружений: «Они обширны и возвышенны, как христианство» [4, VII, с. 256]. Забегая вперед, отметим, что Гоголь впоследствии пересмотрел свое увлечение готикой, что нашло выражение во второй редакции повести «Тарас Бульба», где восхищение Андрия красотой и величием католического костела является одной из причин его перехода на сторону врага и вероотступничества.

В статье писатель высказал мысль о преимуществе искусства религиозного над искусством светским, поскольку лучшие архитектурные произведения были созданы именно в «те века, когда вера, пламенная, жаркая вера, устремляла все мысли, все

умы, все действия к одному, когда художник выше и выше стремился вознести создание свое к небу, к нему одному рвался и пред ним, почти в виду его, благоговейно подымал молящуюся свою руку» [\[4, VII, с. 255\]](#). В ходе размышлений о современной архитектуре писатель раз за разом возвращается к вопросу необходимости эффектов и приходит к выводу, что они нужны именно для того, чтобы истинное произведение архитектуры «неизмеримо возвышалось почти над головою зрителя, чтобы он стал, пораженный внезапным удивлением, едва будучи в состоянии окинуть глазами его вершину» [\[4, VII, с. 261\]](#). Особую роль в архитектурной композиции писатель отводит приему контраста: «Истинный эффект заключен в резкой противоположности; красота никогда не бывает так ярка и видна, как в контрасте» [\[4, VII, с. 262\]](#).

В статьях об искусстве, опубликованных в сборнике «Арабески», вышедшем в свет в 1835 году, все чаще звучит мысль о необходимости синтеза в искусстве, заимствовании приемов и способов изображения, которые могут эмоционально воздействовать на публику и оказывать благотворное влияния на душу человека.

Здесь можно увидеть черты барочного влияния, прошедшего через эстетику эпохи романтизма. Таким образом, новое искусство, по мнению Гоголя, чтобы реализовать свою спасительную миссию, должно стать по своей природе синтетичным, нивелировать различия и перенять достижения предыдущих эпох. Этим вызвано восхищение Гоголя картиной «Последний день Помпеи» – ее ценность, по его мнению, заключается в воплощении принципа синтеза искусств: «Когда я глядел в третий, в четвертый раз, мне казалось, что скульптура – та скульптура, которая была постигнута в таком пластическом совершенстве древними, – что скульптура эта перешла наконец в живопись и сверх того проникнулась какой-то тайной музыкой» [\[4, VI, с. 293\]](#).

Эта мысль присутствовала еще в статье «Скульптура, живопись и музыка» (1831), где Гоголь так же высказывает свое видение градации видов искусства, отмечая доминирование каждого из них в определенную эпоху развития человечества. Так, скульптура связана с античностью, живопись и музыка относятся уже к Средневековью. И каждый из названных видов искусства по-своему вызывает восхищение автора. Однако, оценивая силу духовного воздействия на современников, писатель отдает предпочтение музыке и живописи перед скульптурой, которая при всем своем величии не так актуальна, поскольку стремление к изобразительной красоте превалирует в ней над стремлением к красоте духовной. В то время, как скульптура являлась «царицей искусств» в античные времена, в которые преклонялись перед красотой и гармонией, в современности – она не отвечает духовным потребностям человека XIX века, «в ней нет тех тайных, беспредельных чувств, которые влекут за собою бесконечные мечтания. В ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясений и переворотов жизни» [\[4, VI, с. 286\]](#).

По-другому писатель оценивал музыку и живопись, «которых христианство воздвигнуло из ничтожества и превратило в исполинское. Его порывом они развились и исторгнулись из границ чувственного мира» [\[4, VI, с. 286\]](#), благодаря человеческой устремленности к Богу. Гоголь особо подчеркивает назидательный характер нового искусства – оно должно нести не только наслаждение, но и стремление проникнуться радостями и горестями ближнего, должно служить очищению и перерождению человеческой души.

Помимо этого, арсенал средств грядущего синтетического искусства гораздо более обширен. Художественное творчество способно раздвинуть границы изображаемого, оно

«берет уже не одного человека, его границы шире: оно заключает в себе весь мир; все прекрасные явления, окружающие человека, в его власти; вся тайная гармония и связь человека с природою – в нем одном. Оно соединяет чувственное с духовным» [4, VI, с. 287]. Таким образом, именно живопись является самым актуальным способом художественного изображения реальности, она находится на стыке духовного и материального. Выше нее – только музыка, которая расположена уже в сфере духа, чья сила – в иррационализме, в способности привести человека к катарсису, наполнить его душу светом божественной благодати. Главным отличием музыки от живописи является ее многогранность и глубина. В связи с этим возникает образ собора, под куполом которого посредством церковных песнопений люди приходят к единению с Богом. Музыка, как и лирика в литературе, обращается к глубинным уровням сознания человека, она способна соединить людей в едином духовном порыве и направить их помыслы к небесам. Гоголь объединяет в эстетическом плане музыкальность и лиризм, как самые действенные способы обращения к душе человека. Эти два понятия становятся для писателя важными составляющими истинной художественности, служащей спасению и воскрешению человеческой души.

Образцом истинной художественности Гоголь считал произведения А. С. Пушкина, в которых гармонично сочетались живописность, лиризм и музыкальность. Основная заслуга Пушкина заключалась в том, что он сумел постигнуть весь глубинный смысл русских песен, кажущихся на первый взгляд довольно незатейливыми, и передать их мелодику в своих произведениях. В статье «Несколько слов о Пушкине» (1832) Гоголь характеризует своего великого современника то как «поэта», то называет его «художником» и «певцом», его произведения, в свою очередь, выступают то «поэмами», то «песнями», иногда даже «ослепительными картинами» [4, VII, с. 278]. Пушкин сумел показать особенности русской жизни во всей их полноте. Выразительность пушкинского слова столь яркая, что подобна кисти художника, «его эпитет так отчетлив и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает» [4, VII, с. 275].

Однако именно при описании пушкинского гения проявляется разница мировосприятия писателей, поскольку «с самого начала эстетический дискурс в творчестве Гоголя переплетен с дискурсом онтологическим <...> Универсальные эстетические категории служили для писателя одновременно универсальными категориями мироустройства и человеческого существования» [11, с. 4-5]. Эсхатологическое сознание Гоголя вступает в противоречие с оптимизмом и ренессансной гармонией произведений Пушкина. Заметен некоторый распад действительности, произошедший из-за отвержения человеком божественных законов. Танатологические взгляды Гоголя на грядущий конец мира требовали пересмотра существующих мнений об искусстве, которому писатель отводил главную роль в преображении, а в дальнейшем – и спасении людских душ. С этой точки зрения творчество Пушкина предназначено для натуру утонченных, лишь для ценителей «высокого искусства», а для того, чтобы завладеть вниманием «простолюдина», готового поддаться любому сильному впечатлению, искусству необходимо задействовать все приемы, чтобы взбудоражить воображение, поразить, вызвать слезы восторга и крики ужаса... Поэтому Гоголь в соответствии со своими эстетическими впечатлениями уже при создании первых сборников («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Арабески») все более задумывается о том, что искусство должно иметь под собой, прежде всего, религиозную основу, поскольку совмещение событий, происходящих не одновременно в художественном пространстве произведения, возможно лишь тогда, когда время не является необратимым процессом, а историческое течение жизни – циклично и повторяется. Подобное смешение хронотопа необходимо писателю для

противопоставления искусств прошлых веков и эпохи христианства – той звезды, которая «высоко в небе стоит <...> и весь мир осияла чудным светом» [4, VI, с. 263]. Искусство новой цивилизации призвано объединить в себе уникальные достижения прошлого и благодаря этому привести человечество к вере и к спасению. Таким образом, по мнению Гоголя, задачу искусства можно сформулировать строками из Евангелия – собирать сокровища на небесах, а не на земле (Мф. 6:20).

Писатель приходит к выводу, что для воздействия на широкие читательские массы необходимо применение эффектов, в первую очередь, визуальных, поскольку они наиболее быстро и просто усваиваются человеческим воображением.

Поясним, что мы понимаем под термином «визуальные приемы и эффекты». «Визуальность» нередко трактуется как синоним «зримости», то есть наглядности и «живости» литературных образов. Однако, по словам Б. М. Эйхенбаума, «речевое или словесное представление совсем не есть представление зрительное» [12, с. 341]. Проблема визуальности произведений Гоголя разрабатывалась в отечественном литературоведении на протяжении длительного времени. Стоит вспомнить работы Андрея Белого, В. В. Гиппиуса, Г. Н. Поспелова, Ю. В. Манна, Ю. М. Лотмана и многих других. Однако нам важен, скорее, драматический аспект, театральная природа ранних произведений писателя. Поскольку, как известно, действие в драме разворачивается посредством диалогов и поступков персонажей, поэтому и слово в ней предстает как действие. Соответственно, необходимо проанализировать построение писателем художественного изображения по законам зрительского восприятия. Одним из первых под подобным ракурсом «юношеские повести» Гоголя рассмотрел в начале XX века В. А. Розов [10]. Позднее к этой теме обращались М. М. Бахтин [11], Ю. В. Манн затрагивал ее в работе «Поэтика Гоголя», Ю. М. Лотман касался в отдельных статьях [7]; [8].

Идея синтеза искусств в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»

В неповторимом сочетании в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» предстают народные легенды и малороссийский быт, реальное и мистическое, история и современность. Взяв за основу изображаемого фольклорные сказания, писатель переплетает фантастику с реальными бытовыми подробностями, а народные предания выступают как важная составляющая характеристика героев. Подобная манера изображения в «Вечерах...» становится чертой оригинальной художественной выразительности, яркость и поэтичность которой подчеркивал В. Г. Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя»: «Это были поэтические очерки Малороссии, очерки, полные жизни и очарования. Все, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов обольстительного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная, роскошная, упоительная...» [2, I, с. 304]. Помимо этого, проза Гоголя очень колоритна. Автор, предвосхищая манеру импрессионистов, уделяет значительное внимание описаниям природы, быту, психологическим штрихам, многозначным деталям. Его произведения чрезвычайно динамичны, они отличаются, в том числе, и быстрой сменой декораций.

Повести «Вечеров...», несмотря на сравнительно небольшой объем, отличаются динамическим развитием сюжета, который разворачивается по театральным законам: существует сценический конфликт, интрига, мистификация. Театральный прием контраста, противодействия используется автором практически во всех произведениях цикла. Так, сюжет «Сорочинской ярмарки» будто взят из традиционной барочной пьесы.

Положительный герой Грицько влюблен в красавицу Параксу, но злая мачеха препятствует их браку. Переодевание, мистификация – и злая мачеха повержена, молодые играют свадьбу. В «Майской ночи» Левко принадлежит к числу деревенской знати, его отец – голова села. Ганна – простая крестьянская дочь и нежелание головы связаться родственными узами с бедняками рождает конфликт, который влюбленные должны преодолеть. В «Ночи перед Рождеством» кузнец Вакула с успехом выполняет ряд заданий на пути к своему счастью.

Примечательным кажется также некоторая «раздвоенность» персонажей повестей, связанная с оппозицией «душа – тело», которые находятся в постоянном противостоянии. Подобное разделение одного психологического типа на праведника и грешника можно заметить в Катерине («Страшная месть»), Петре («Ночь накануне Ивана Купала»), Вакуле («Ночь перед Рождеством»). Писатель стремился изобразить прежде всего не просто человека, предмет или явление, а дать представление о них, как о части бытия, проникнуть в их сущность, вызвать в сознании читателя рельефные образы и ассоциации. Для этого он применяет различные аллегории, метафоры, выстраивает многоуровневую структуру противопоставлений. Таким образом, целостная картина предмета или явления складывается из отдельных изображений, однако, в то же время, «эта дробность, естественно, отвергается романтическим сознанием автора, но в ней он видит и положительную сторону – “приготовление материалов” для “гения всемирного”, синтетического» [\[3, с. 280\]](#). А гоголевское «внимание к пейзажу – это <...> больше, чем просто одна из тем» [\[15, с. 113\]](#), – пейзажные отрывки используются писателем для придания слову зримости и наглядности. Этой же цели служит использование Гоголем в своих произведениях многочисленных подробных описаний еды, одежды, бытовых деталей.

Можно предположить, что, благодаря подобным приемам, произведения Гоголя будут понятны и близки современному читателю, поскольку одной из отличительных черт нынешнего состояния массовой культуры является смена образных доминант: аудиовизуальный образ приходит на смену логико-словесному, что ведет к появлению так называемого «клипового» сознания. Данное определение употребляется в противовес понятийному мышлению и отличается способом восприятия действительности – не как цельного, а посредством разрозненных аудиовизуальных образов. Причину появления данного типа мышления исследователи усматривают в постоянно возрастающем потоке информации, а образ усваивается сознанием гораздо быстрее (по сравнению со словом).

Зрительная культура, апеллируя ко внутреннему миру человека, перемещает его в сферу воображаемого бытия. Таким образом, зрителю предоставляется способ моделировать утопические ситуации в созданной им самим реальности. По словам французского социолога Э. Морена «кинематограф располагает очарованием изображения <...> поскольку обновляет и возвышает банальное и повседневное видение вещей» [\[9, с. 197\]](#). Зритель воспринимает без удивления и расценивает как должное те события и ситуации, которые не могут произойти в действительности.

В этой связи необходимо отметить и место, где разворачиваются события в повестях сборника, поскольку, по словам исследователя творчества Гоголя С. А. Гончарова, в произведениях писателя «окружающая среда, пространство, его наполнение/атрибуты овеществляют смысловую сферу персонажей» [\[5, с. 80\]](#). Диканька в «Вечерах» предстает перед нами не только своеобразной «сценой». Ее, при всей незамысловатости и простоте организации, тем не менее, можно назвать отдельным миром, микровселенной,

существующей по своим неписанным законам и правилам. В этом локусе невозможно провести четкую границу между реальным и фантастическим, поскольку эти два мира очень схожи, один является частью другого.

Заключение

Гоголь осознавал свою литературную деятельность как особую миссию по просвещению и спасению человека, по защите вечных ценностей. В этой связи писатель стремился донести свои взгляды широким читательским массам, для чего ему необходимо было использовать в тексте произведений не только исконно литературные приемы, но и заимствовать средства выражения других видов искусства. Таким образом, размышляя о синтезе искусств, об их гармоничном сосуществовании в тексте литературного произведения, о том, как создавать такие произведения, которые способствовали бы важнейшей миссии литературы, Гоголь приходит к выводу: для воздействия на публику необходим эффект, встряска для человеческого воображения.

Данного эффекта можно достичь, выстраивая прозаическое произведение по законам визуальной перцепции, используя в эпосе приемы драматического мастерства, такие как развертывание действия посредством высказываний и поступков персонажей, быстрая смена событий и локаций, насыщенность эпизодов событиями. В повестях «Вечеров» детально выписаны предметы убранства, ярко и подробно изображены бытовые детали, присутствуют пейзажные описания, что наделяет литературный текст наглядностью и делает его более «зрелищным» для читателя.

В статьях о природе искусства, опубликованных в сборнике «Арабески» (создававшемся практически одновременно с «Вечерами на хуторе близ Диканьки), Гоголь подводит некоторые итоги своих эстетических разысканий, описывая теоретическую базу синкретизма, манеру изображения которого писатель ранее использовал в повестях «Вечеров».

Библиография

1. Бахтин М. М. Рабле и Гоголь: (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 484–495.
2. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / ред.: Н. Ф. Бельчиков и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1835 / Подгот. текста и comment. В. С. Спиридовна; ред. В. А. Десницкий. С. 259–307.
3. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. 686 с.
4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и comment. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009–2010. Сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. В дальнейшем ссылки на него даются в тексте с указанием тома (римскими цифрами) и страницы.
5. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
6. Иваницкий А. И. Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. М.: Издательство РГГУ, 2000. 188 с.
7. Лотман Ю. М. Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным

- в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. I (5). С. 131–133.
8. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–292.
 9. Морен Э. Кино, или воображаемый человек (фрагменты) / Пер. с фр. М. Ямпольского // Киноведческие записки. М., 1996. № 26. С. 193–203.
 10. Розов В. А. Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя // Памяти Н. В. Гоголя: сб. речей и статей. Киев: Типограф. Импер. ун-та св. Владимира, 1911. С. 99–169.
 11. Фаустов А. А. Эстетическая теология Н. В. Гоголя (шесть лекций о повестях «третьего тома»). Воронеж: Наука–Юнипресс, 2010. 131 с
 12. Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. 540 с
 13. Ямпольский М. Б. Демон и лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис). М.: Новое литературное обозрение, 1996. 336 с.
 14. Drubek-Meyer, N. (1998) *Gogol's eloquentia corporis. Einverleibung, Identität und die Grenzen der Figuration* [Gogol's eloquentia corporis. Incorporation, identity, and the limitations of figuration]. München: Verlag. Otto Sagner.
 15. Fusso, S. (1992). The Landscape of Arabesques. In S. Fusso & P. Meyer (Eds.), *Essays on Gogol: Logos and the Russian Word* (pp. 112–125). Northwestern University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv47w2mm.13>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Синтез искусств в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Н. В. Гоголя», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения и осмыслиения произведения классика русской литературы Н. В. Гоголя.

В статье рассматриваются актуальные проблемы изучения творчества писателя. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Однако, структурно статья не отвечает выдвигаемыми требованиям. А именно, в ходе повествования, которое является по большей степени описательным, нежели чем научно-исследовательским не ясны задачи и цель, выдвигаемые автором в начале исследования, что не позволяет сопоставить полученные результаты с исходными задачами.

Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о практическом материале исследования.

Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключении должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечисление того, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 8 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Кроме того, полагаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей, несомненно, обогатило бы работу. Считаем, что библиография слишком ничтожна для подобного фундаментального исследования. Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Более того, автор не обратился ни к одному современному исследованию в данной области.

Ошибок, опечаток и нетчностей в тексте не обнаружено. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Синтез искусств в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения правок: 1) уточнения задач и цели исследования, структуризация текста, выделение научной лакуны, 2) расширение списка использованной литературы, а также обращение к зарубежным источникам, к современным исследованиям и фундаментальным работам, 3) усиление теоретической базы исследования и уточнения выводов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Природа искусства синкретична по определению, поэтому поиск любых связующих нитей является затеей продуктивной и достаточно перспективной. Литературный текст представляет собой не что иное как слитное единство условностей, образов. Писатели, поэты, драматурги порой нарочито опирались на уже имеющийся опыт, формировали свой собственный оригинальный текст в формате творческого диалога. Литературная классика XIX века, конструктивный XX век, да и новейшая литература вполне уместно использует т.н. «синкретический» код искусств. Собственно именно дешифровке этого процесса и посвящена рецензируемая статья. Автор отмечает, что «целью работы является поиск в произведениях Н.В. Гоголя, входящих в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», приемов и средств других видов искусства, прежде всего, живописи». Думаю, подобный вектор интересен, нетривиален, продуман. Достижение поставленной цели предусматривает решение нескольких задач: «в первую очередь, необходимо в принципе описать эстетические взгляды Гоголя на литературу, ее миссию и задачи, поскольку во многом именно этим обуславливается авторская манера повествования», «во-вторых, стоит отметить отношение писателя к идеи синтеза искусств», «наконец, подтвердить особую специфику гоголевских повестей, определив их особенности». Слаженность цели и задач задает работе нужный вектор логической разверстки темы; отмечу, что методология исследования находится на стыке литературоведческих и искусствоведческих подходов. Это, на мой взгляд, также придает работе актуальность, новизну, оригинальность. Текст дробится на т.н. условно-смысловые параграфы, это

дает возможность потенциально заинтересованному читателю двигаться вместе с автором, последовательно раскрывать суть вопроса. Большая часть суждений имеет объективно-выверенный характер, серьезных фактических нарушений не выявлено; стиль сочинения стремиться к собственно научному типу. Удачно в работе сочетаются грани исторического, теоретического, культурологического и собственно литературоведческого порядка. В начале работы отмечено, что «взаимовлияние литературы и живописи реализовывалось в попытках писателей-романтиков придать описательным фрагментам большую наглядность и «картинность», чем в описаниях их предшественников. Увлечение романтических авторов искусством живописи обусловлено, прежде всего, сходством мироощущений романтиков и природой самого изобразительного искусства с его яркими и цельными образами. В поэзии и музыке дух не имел предметного выражения, в то время как в скульптуре и живописи он выражался полностью – в единстве материального и духовного воплощения». Как показывает практика литературной работы, синтез искусств был характерен и как зарубежной, так и отечественной культуре: «однако не только язык живописи и язык литературы участвовали в синтезе искусств. Музыка также влияла на организацию повествования. Ярким примером могут послужить фрагмент из «Крейслерианы» Гофмана или же его новеллы «Дон Жуан» и «Кавалер Глюк», в которых музыка является неотъемлемой частью прозаического повествования, а музыкальные ритмы проникают в сам текст литературного произведения. Следовательно, виды искусства в эпоху романтизма взаимодействовали, обогащая и дополняя друг друга, благодаря чему возникали новые способы выражения и предпосылки для создания нового языка – языка зримых образов», наблюдаем схожее и в текстах российских литераторов: «подобные процессы происходили не только в западноевропейской литературе. Отечественные писатели-классики также задумывались о необходимости органичного использования в литературных произведениях изобразительных средств живописи, конструирующего потенциала архитектуры, всего спектра возможностей эмоционально-чувственного влияния, присущего музыке...», «в частности у Н.В. Гоголя». На мой взгляд, удачно введена в работу часть, связанная с конкретизацией эстетических принципов Гоголя, этот блок раскрывается далее по тексту, конструктивно же он дает возможность полновесно понять смысл синкретизма, синтеза искусств в текстах Н.В. Гоголя. Напомним еще раз, что «условность» литературы может быть конкретизирована в визуальном, зримом, а это иные типы искусства. Автор отмечает, что «проблема визуальности произведений Гоголя разрабатывалась в отечественном литературоведении на протяжении длительного времени. Стоит вспомнить работы Андрея Белого, В. В. Гиппиуса, Г. Н. Поспелова, Ю. В. Манна, Ю. М. Лотмана и многих других». Работу отличает аналитический тон повествования, умение аргументировать тот или иной тезис / гипотезу. Часть суждений выстроены в строгом соответствии с стандартом научной мысли: например, «повести «Вечеров...», несмотря на сравнительно небольшой объем, отличаются динамическим развитием сюжета, который разворачивается по театральным законам: существует сценический конфликт, интрига, мистификация. Театральный прием контраста, противодействия используется автором практически во всех произведениях цикла. Так, сюжет «Сорочинской ярмарки» будто взят из традиционной барочной пьесы», или «в этой связи необходимо отметить и место, где разворачиваются события в повестях сборника, поскольку, по словам исследователя творчества Гоголя С. А. Гончарова, в произведениях писателя «окружающая среда, пространство, его наполнение/атрибуты овеществляют смысловую сферу персонажей». Диканька в «Вечерах» предстает перед нами не только своеобразной «сценой». Ее, при всей незамысловатости и простоте организации, тем не менее, можно назвать отдельным миром, микровселенной, существующей по своим неписанным законам и правилам. В

этом локусе невозможно провести четкую границу между реальным и фантастическим, поскольку эти два мира очень схожи, один является частью другого» и т.д. Стандарт издания выдержан, основные требования учтены, этические рамки не нарушены. Тема работы, думается, может быть интересна не только «чистым» филологам, но и искусствоведам, культурологам. Основная проблема текста, его тема раскрыты, однако, должных примеров, которые были ли бы взяты из самой наличной художественной структуры, могло быть больше, это придало бы работе полновесность, слаженность, фундаментальность. Выводы по текстуозвучны основному блоку, но и они могли быть развернуты, расширены; в finale научного труда желательно манифестиовать перспективу дальнейшего развития изучаемой проблемы. Рекомендую рецензируемую статью «Синтез искусств в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ч. — Традиции Н. В. Гоголя в прозе Цзя Чжифана // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43474 EDN: SCEUYD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43474

Традиции Н. В. Гоголя в прозе Цзя Чжифана

Ван Чжуанчунь

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра Русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет

670011, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Микрорайон Энергетик, 60А, кв. 28

✉ msdevine@126.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43474

EDN:

SCEUYD

Дата направления статьи в редакцию:

01-07-2023

Дата публикации:

08-07-2023

Аннотация: Предметом исследования в статье являются особенности рецепции произведений Н. В. Гоголя в творчестве китайского писателя XX в. Цзя Чжифана. В работе применяются методы сравнительно-сопоставительного и структурно-семиотического анализа с использованием элементов культурологического анализа, также используется метод интерпретации отдельного текста, анализ отдельных стилистических элементов. В эпоху формирования многополярного мира изучение рецепции творчества русских писателей в иноязычных культурах становится особенно востребованным. Русская классика, верная традициям сохранения вечных ценностей и дающая ключ к пониманию русского национального характера, остается объектом научных интересов для отечественных и зарубежных исследователей. Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот впервые вводится имя известного китайского писателя-реалиста Цзя Чжифана и ряд его произведений в их связи с сатирическими традициями Н. В. Гоголя. Выводы. Феномен «гоголизации прозы» Цзя Чжифана предполагает несколько составляющих. На уровне сюжета это прямые или косвенные отсылки к элементам произведений Н. В. Гоголя (обманчивая «демоническая ночь», введение героя в заблуждение, осмеяние «маленького человека»),

нагромождение «пошлостей жизни», смена «мимики смеха» на «мимику скорби»); перекличка деталей; использование элементов фантастики. На уровне стилистики Цзя Чжифан в своих повестях и рассказах сохраняет приемы гоголевского гротескного изображения действительности, основой которой становится оппозиция «живое-мертвое»: кукольность в портретном изображении персонажей; сатирический прием «обратное сравнение»; сатирический прием «логики обратности». Сохраняя гоголевские традиции, Цзя Чжифан трансформирует их, заставляя работать на раскрытие авторской идеи. Он использует собственные художественные приемы, что в совокупности с деталями объективного мира позволяет представить историческую эпоху, опираясь на основную формулу гоголевских произведений «смех сквозь слезы».

Ключевые слова:

творчество Гоголя, китайская литература, сатира Гоголя, повести Гоголя, русская литература, рецепция творчества, литературные традиции, творчество Цзя Чжифана, влияние Гоголя, сатирические приемы

В эпоху формирования многополярного мира изучение рецепции творчества русских писателей в иноязычных культурах становится особенно востребованным. Русская классика, верная традициям сохранения вечных ценностей и дающая ключ к пониманию русского национального характера, остается объектом научных интересов для отечественных и зарубежных исследователей. Творчество Н. В. Гоголя как одного из самых загадочных русских писателей неизменно притягивает внимание литературоведов, а его художественные традиции, в том числе в области сатирического отображения действительности, продолжают влиять на авторов других стран. Творческое наследие Н. В. Гоголя в Китае изучается с начала XX в. В силу исторической ситуации, складывавшейся в стране в то время, внимание первых исследователей привлекал обличительный пафос гоголевской сатиры. Рецепция сатирических произведений Гоголя в произведениях китайских авторов требует отдельного рассмотрения, поскольку «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [\[1, с. 353\]](#).

Цзя Чжифан (1916-2008), известный китайский писатель, представитель «июльской школы», переводчик произведений русской литературы, исследователь литературы Китая, работал в лучших традициях реализма. Будущий профессор факультета китайского языка Фуданьского университета родился в семье богатого землевладельца в деревне Наньхуо, провинция Шаньси. У молодого человека были прекрасные перспективы и ясное будущее. Однако уже в старшей школе его прогрессивные на тот момент взгляды, не совпадающие с официальной идеологией, привели к тому, что он попал в тюрьму. Цзя Чжифан был судим еще трижды, и все три раза по политическим мотивам. В общей сложности из 92 лет писатель более 20 лет провел в тюрьме. Отголоски этих жизненных событий нашли отражение в творчестве писателя.

Как преподаватель университета, Цзя Чжифан в начале 1950-х годов воспитал плеяду талантливых специалистов и ученых, таких как Чжан Пейхэн, Ши Чандун, Цзэн Хуапэн, Фань Боцюнь и др. Как писатель и исследователь, Цзя Чжифан оставил после себя сочинения и переводы в 4-х томах: «Творчество», «Теория», «Письма и дневники» и «Переводы».

Жизнь Цзя Чжифана была полна трудностей и испытаний. Однако, не смотря на все это, после того как писатель был оправдан, он сразу же вернулся к образовательной и научной деятельности. После освобождения и реабилитации он опубликовал ряд литературоведческих работ: сборник «Новое собрание писем выдающихся людей Китая с древности до начала XX века» (1992), сборник «Дневники В. Я. Брюсова» (1992), «Словарь эстетической оценки современной прозы в жанре саньвэнь (эссе)» (2003).

Судьба писателя, тяготы его долгой жизни, приобретенный опыт общения с людьми «дна» и одиночество в трудные времена китайскими исследователями творчества Цзя Чжифана воспринимается как одна из причин, по которым писатель «нашел художественно-эстетическое соответствие для своего способа отображения действительности в произведениях Гоголя» [\[16, с. 66\]](#).

Все же основной причиной восприятия и освоения Цзя Чжифаном художественных открытий Гоголя является активная переводческая деятельность. Из 17 переведенных Цзя Чжифаном произведений русских писателей, 8 принадлежат перу Н. В. Гоголя [\[3, с. 24\]](#). Заслугой Цзя Чжифана является не только популяризация произведений русского писателя в Китае, но и его стремление сделать произведения Н. В. Гоголя понятными для своего народа в сфере особенностей языка, сюжетов, образов персонажей, сатирических приемов.

Успешное освоение художественных открытий гоголевской прозы сделало тексты Цзя Чжифана новаторскими, а также позволило писателю достоверно воспроизвести умонастроения целого поколения китайского народа во время переходного периода в начале прошлого века.

Кроме переводческой деятельности Цзя Чжифана определяющими для его творчества стали, несомненно, исторические события, среди которых в первых рядах следует назвать влияние духа эпохи Четвертого мая (культурная революция 1919 г.), а также сходство социально-значимых событий в общественной жизни России и Китая в начале XX в. В этот непростой для страны период китайская интеллигенция, поддерживающая революцию, искала в русской литературе духовное соответствие своему времени, стремилась обнаружить общие культурные и художественные параллели.

Под влиянием движения «Четвертое мая» среди литераторов оказались востребованными переводы произведений русской литературы и ее изучение. Не стал исключением и Цзя Чжифан, молодой человек, который уже давно посвятил себя литературному творчеству и художественному переводу и черпал для себя вдохновение и писательский опыт из русской литературы. Поэтому произведения русских писателей, особенно Н. В. Гоголя, по признанию самого Цзя Чжифана, стали объектами подражания на раннем этапе творчества: «в этот особый момент, связанный с судьбами государства и нации, гоголевское чувство долга и желание спасти народ от великих бед, просветить и пробудить его глубоко вдохновило молодого Цзя Чжифана и заставило его не только активно заимствовать гоголевские художественные приемы, но и в полной мере овладеть мастерством описания, обращая внимание на мельчайшие детали жизни» [\[6, с. 88\]](#).

Интерес современных исследователей Китая к прозе Цзя Чжифана выразился в возрастающем количестве научных работ, посвященных творчеству писателя. Поскольку имя Цзя Чжифана является новым для российского сравнительного литературоведения,

считаем необходимым ввести в научный оборот последние наиболее значимые работы по творчеству писателя. Литературоведы КНР анализируют сюжеты произведений Цзя Чжифана и стилистику его рассказов [14], идеино-тематическое содержание прозы писателя [2, 10, 15].

Цзя Чжифан, как и многие писатели движения «Четвертого мая», сознательно воспринимал влияние русской литературы в начале своего творчества и использовал наработки русских писателей в плане сюжета, образов персонажей и т. д. Однако по мере совершенствования собственного писательского мастерства Цзя Чжифан создал свой индивидуальный стиль, творчески перерабатывая и сохраняя отдельные традиции гоголевской прозы, что и позволило исследованиям творчества писателя говорить о «гоголизации» повестей и рассказов Цзя Чжифана.

Изучая рецепцию сатиры в произведениях Цзя Чжифана, необходимо отметить, что в целом, критика общественных пороков в произведениях Цзя Чжифана больше связана с гоголевским принципом «смех сквозь слезы». Традиции гоголевской прозы реализуются у китайского прозаика, в основном, на уровне сюжета и отдельных стилистических приемов, которые будут рассмотрены далее.

Тематическое сходство прозы Цзя Чжифана и Н. В. Гоголя, по мнению китайских исследователей, заключается, прежде всего, в интересе писателя к теме «маленького человека», что было неожиданным в эпоху больших политических изменений в Китае: «в героическую эпоху в Китае следовало бы писать о великих делах и великих людях, но Цзя Чжифан намеренно избегал этого и описывал только мелких людей из низших слоев общества, сосредоточив внимание на условиях жизни таких людей в мещанской среде» [6, с. 83].

В качестве примера можно привести рассказ Цзя Чжифана «Человеческие печали» (1936), в котором повествуется о мелком торговце, продающем мешковину. Он всего лишь песчинка в круговороте исторических перемен, он может только наблюдать за происходящими вокруг событиями, находясь в смятении и тоске. Главный герой рассказа «Теория прибавочной стоимости» (1942) – слабодушный Юй Цзыгу, который хотел быть счастливым, поэтому подстраивался под обстоятельства, стремился за легкой и праздной жизнью, что, в конце концов, привело его к жизненному краху. Также маленький человек представлен в повести о неудачной судьбе дантиста «Проза жизни» (1942) и в рассказе «Все ниже и ниже» (1946), вкратце представляющем путь героя от борца с несправедливостью до опиумного наркоторговца.

Из всех перечисленных произведений повесть «Проза жизни» ближе всего к пафосу гоголевской «Шинели», потому что трагизм отдельно взятой судьбы «маленького человека», в которой звучат обличительные интонации в адрес тех, кто создал такие условия в стране, показан с «горькой улыбкой» писателя. Представленный отрезок из жизни «маленького человека» наглядно показывает влияние социальных потрясений на рядовых граждан и общий упадок гуманистических идей в этот сложный для Китая период.

Цзя Чжифан при этом сознательно отказывается от акцентированного изображения героических ситуаций, патриотических поступков и исторических событий, которые могли бы вмешаться в жизнь персонажа, что подходит для более авторитетного жанра романа. Писатель только касается вышеперечисленного в диалогах героев повести. На протяжении всего произведения повествование не выходит за пределы вагона провинциального поезда, бесконечных, с виду совершенно пустых разговорах

пассажиров вагона.

Главный герой, врач-дантрист, отрывками повествует соседям о своей трагической судьбе. Из его рассказов читатель узнает, что сначала наш герой жил в Шанхае. Как настоящий патриот, он поддерживал антияпонскую войну китайского народа. И по этой причине свою частную клинику он переоборудовал в госпиталь для раненых солдат. Когда Шанхай пал, ему пришлось бежать от преследования врага из города сначала в Чунцин, а затем из Чунцина в Сиань. В Сиане с ним произошла неприятная история: он вступил в конфликт со своим старшим коллегой-медиком, из-за чего потерял работу. В это же время его обманули на крупную сумму, поэтому на момент повествования герой находится в очень сложном материальном положении. После роковых неудач в своей жизни герой повести с горечью приходит к выводу: «Содержание жизни человека – это, во-первых, деньги, во-вторых, деньги, и, в-третьих, тоже деньги» [\[12, с. 97\]](#).

На примере этого героя мы видим, что в сложное время хороший человек, рядовой гражданин, потерял веру в человечность, иссущил свою душу, утратил духовные ценности.

В повести «Проза жизни» традиция гоголевской прозы реализуется, во-первых, в противоречии формы и содержания. Так, жизненный крах дантиста, представленный в виде фрагментов легкомысленной болтовни героя во время пустых разговоров попутчиков, непроизвольно вызывает жалость у читателей: здесь трагедия жизни человека открывается в обыденной жизненной ситуации, а непринужденный, легкомысленный тон рассказчика противоречит драматическому содержанию рассказываемого.

Во-вторых, Цзя Чжифан использует гоголевский путь типизации: трагедию целого социального слоя писатель Китая, вслед за автором «Шинели», показывает на примере жизни одного человека.

В-третьих, в данной повести реализуется гоголевский прием, который Ю. В. Манн называет «логикой обратности», когда в тексте наблюдается «извращение, перелицовка моральных и нравственных норм: терпит и страдает наиболее достойный; вознаграждается ничтожество и порок» [\[7, с. 350\]](#). Герой Цзя Чжифана не совершает злодеяний, наоборот, он как добропорядочный гражданин следует своей совести, но в результате социальных потрясений терпит жизненный крах. Самое трагичное в судьбе героя произведения состоит в том, что такие падения «на дно» были в то время в Китае массовыми и повсеместными, поэтому в повести Цзя Чжифана трагедия «маленького человека» становится печальным символом целой эпохи, воплощением судьбы социальной группы, так же, как в произведениях Н. В. Гоголя. В этом контексте образ железной дороги приобретает символическое значение: маленький человек не может повлиять на ход истории, которая как поезд, увлекает с собой людей, не давая им выбора.

Гоголевский принцип «логики обратности» также лежит в основе сюжета рассказа Цзя Чжифана «Все ниже и ниже». Перед читателем предстает история наркоторговца Хэ Тяньмина, который уговорами пытается втянуть в свой грязный бизнес маленького человека – чиновника некоего административного учреждения. Сюжет рассказа построен на параллелизме действий человека и состояния природы: Хэ Тяньмин все настойчивее убеждает молодого чиновника Лao Ся заняться торговлей опиумом, так же как все сильнее ночная тьма захватывает пространство в доме и за его пределами.

В этом рассказе, кроме гоголевской «логики обратности» интерес представляет трансформация Цзя Чжифаном гоголевской традиции фантастического изображения ночи, а также мотив смеха, объективированный писателем в определенных художественных целях.

Обратимся к изображению ночи, которая в рассказе Цзя Чжифана является одновременно и символом, и действующим лицом, наряду с персонажами произведения. Действие разворачивается вечером, когда за окном сгущаются сумерки. Хэ Тяньмин уже полдня ждет к себе гостя, и из-за долгого ожидания он совсем не уверен, согласится ли молодой Лао Ся на его предложение заняться торговлей опиумом.

Пришедший наконец молодой человек испытывает сильный страх, он боится буквально до смерти, о чем говорит его портретная характеристика: «В тусклом свете заката лицо гостя было безжизненным» [\[11, с. 91\]](#) (здесь и далее цитаты произведений Цзя Чжифана представлены в переводе автора статьи, Ч. Ван). Перед началом серьезного разговора и хозяин, и гость очень напряжены. Они оба молчат, как будто собираясь с мыслями. В это время появляется третий персонаж – темнота (или тьма). Прием олицетворения соединенный с метафорическим описанием армии тьмы, говорит о готовности к предстоящей «войне» хозяина дома с убеждениями его гостя: «Во дворе становилось темно, и очертания саранчового дерева уже были размытыми. Тьма, словно боясь опоздать, вела свои громадные и славные войска в наступление, накатывала, создавала заторы, создавала шум, похожий на жужжение роя комаров, заставляя души людей трепетать от страха. Темнота в доме частично проникала со двора, частично выползала из всех углов дома, как из укрытия. Тьма множилась» [\[11, с. 92\]](#). Этот почти физически ощущаемый захват дома темнотой готовит читателя к тому, что хозяин дома готов захватить молодого гостя и вовлечь его в сети зла. Сгущающаяся тьма становится союзником хозяина в борьбе с душевным состоянием гостя, с его сомнениями: «Гость не пытался защититься от атаки хозяйствского смеха; его глаза постоянно смотрели за дверь, что было своего рода бегством. Теперь почти осозаемая, похожая на некое вещество, темнота наполняла весь двор; людям казалось, что слышны звуки ее толкотни, шума и борьбы: Ом, ом, ом, ом... Это заставляло все больше и больше чувствовать свою беспомощность и наводило ужас. Хохот хозяина и темнота за стенами дома переплетались...» [\[11, с. 94\]](#).

Для того чтобы убедить своего гостя, наркоторговец Хэ Тяньмин начинает говорить о своем опиумном бизнесе как о совершенно обыденной торговле, упоминая об армейском друге, который помогает проворачивать противозаконные дела («Мы с ним вместе участвовали в студенческом движении в Бэйпине. После антияпонской борьбы мы вместе вступили в армию, и теперь вместе занимаемся бизнесом» [\[11, с. 96\]](#)). Двойное дно этой фразы, ее подвох заключается именно в том, что хозяин объединяет поступки истинных патриотов, службу государству и противозаконный бизнес как явления одного порядка.

Однако гость все еще растерян, он сомневается. Свет зажженной хозяином свечи позволил увидеть смущенное лицо гостя и его новые брюки. Хэ Тяньмин решительно переходит к обвинениям гостя в трусости, рисуя перед ним жестокую картину его будущей жизни в нищете, лишенной всех материальных благ. Молодой Лао Сэ из последних сил пытается удержаться, рассказывая хозяину о перспективах своей карьеры. И тогда Хэ Тяньмин, переключив внимание гостя, произносит перед гостем пламенную речь, в которой раскрывает философию жизни, поучая младшего по возрасту, как старого доброго друга: «Деньги сегодня – это все... лучше прожить радостно одну минуту, чем жить недовольным сто лет» [\[11, с. 96\]](#). И молодой Лао Сэ

попадает в эту ловушку ложной доброты и обманчивых картин будущей богатой жизни и соглашается участвовать в наркоторговле.

Тьма, на первый взгляд, победила в рассказе как на физическом уровне, так и на духовном. Она поглощает все больше и больше (вспомним: заголовок рассказа «Все ниже и ниже»), но не молодого Лао Сэ, а наркоторговца Хэ Тяньмина. После ухода Лао Сэ «во дворе тьма уже выстроила прочный фундамент полного владычества. Спокойствие – ничего не видно; безмолвие – ничего не слышно. Несмотря на то, что слабый свет в доме наносил ущерб тьме во дворе, она упрямо боролась со светом, сопротивляясь еще более ожесточенно. Слабый свет лампы дрогнул на секунду, колеблемый ветром, и погас, и сила тьмы сразу же воспользовалась удобным случаем, чтобы укрепиться, ни на секунду не расслабляясь... Хэ Тяньмин продолжал оставаться в темном дворе. С тех пор как он проводил гостя, он чувствовал радость победителя» [\[11, с. 98\]](#).

Наполовину фантастическое изображение тьмы, ночи, используемое Цзя Чифаном в рассказе «Все ниже и ниже», напрямую отсылает нас к изображению «демонических ночей» в творчестве Н. В. Гоголя. Исследователь феномена ночи в творчестве великого русского писателя, И. А. Станичук, отмечает, что «образ "страшных" ночей характерен для позднего романтизма..., поэтому "темные демонические" ночи являются другой стороной романтического мировидения Гоголя, выражая все более обостряющееся чувство дисгармоничности жизни» [\[9, с. 15\]](#). Исследователь отмечает присущую Н. В. Гоголю «тенденцию изображения зла и его могущества как неотъемлемой части исключительно демонических темных ночей» [там же]. Анализ рассказа позволяет говорить о явных параллелях между образами тьмы/ночи в рассказе Цзя Чифана и повестью «Невский проспект» Н. В. Гоголя. Ю. В. Манн указывает на фольклорную традицию в гоголевском понимании тьмы и ночи, когда тьма затемняет сознание человека, и эта символика тьмы тоже имеет место в произведении Цзя Чифана.

Герои произведений Гоголя и Цзя Чифана – молодые, неопытные люди, представители небогатого сословия мелких чиновников. Действие повестей происходит в темную пору, «когда сумерки упадут на дома» [\[5, с. 14\]](#). Это «тайное время», по Н. В. Гоголю, когда все представляется не тем, чем является на самом деле. Так, занятие незаконной опиумной торговлей молодому Лао Сэ показывают, как обычный бизнес, которым может заниматься человек, воевавший вчера за свободу Китая от японских угнетателей. Эта сюжетная ситуация перекликается с обманом художника Пискарева «Перуджиновой Бианкою», освещаемой светом фонаря в петербургской ночи.

Оба героя оказываются обманутыми: художник Пискарев, под воздействием опиума, в своих мечтах идеализирует незнакомку даже после того, как понимает, кто она такая. Однако вместо красавицы из мечты сталкивается с женщиной, продающей себя, которая не желает ничего менять в своей жизни. И герою не остается ничего другого, как покончить с собой. Обманутый Лао Сэ, ослепленный мечтами о красивой жизни и обещанным богатством («В этом ярком описании он, казалось, видел свое великолепное будущее, похожее на груду ослепительного золота, сияющего прекрасным светом» [\[11, с. 96\]](#)), соглашается участвовать в продаже опиума.

Цзя Чифан, вслед за Гоголем, использует полуфантастический образ ночной тьмы, чтобы показать читателю ночь как время соблазна и лжи: «Он лжет во всяческое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущеною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов,...когда сам демон зажигает лампы для того

только, чтобы показать все в ненастоящем виде» [\[5, с. 46\]](#). Разница с повестью «Невский проспект» состоит в том, что причиной обмана у Гоголя становится не столько ночь и тьма, сколько искусственный, ненастоящий свет фонаря в петербургской ночи, искажающий все, что попадает в поле освещения. В рассказе Цзя Чжифана тьма усиливает страх героя, а разговор в темноте заставляет его увидеть все в ложном свете. Как видим, в обоих произведениях «ночь приобретает гротескный характер и несет в себе коннотации обмана, искушения, дьявольского наваждения» [\[9, с. 17\]](#).

Однако рассказ Цзя Чжифана, в отличие от повести Гоголя «Невский проспект» все же оставляет надежду на положительный исход событий. В первый раз читатель понимает это, когда после согласия выполнить все указания наркоторговца, молодой Лао Сэ внезапно вспоминает о том, что опаздывает на семинар, на котором надо быть обязательно. Он поясняет, что главный секретарь будет разбирать «Чжун Юн», часть учения Конфуция, так называемого конфуцианского «четверокнижия». Эта деталь введена в рассказ неслучайно: «Чжун Юн» – это философский трактат, написанный Цзы Сы, название произведения переводится как «Учение о срединном и неизменном». Содержание этого трактата говорит об избегании крайностей, о стойкости духа и «срединном пути» (избегании крайностей) как источнике жизненного счастья. Также по негативной реакции наркоторговца («Хозяин на мгновение оторопел, затем опустил голову и выругался» [\[11, с. 98\]](#)), и по тому, что Лао Сэ отказался от предложения хозяина проводить его, мы понимаем, что, скорее всего, после семинара об идеях Конфуцианства иллюзия быстрого обогащения преступным путем рассеется, молодой человек переосмыслит свои действия и откажется от гибельного пути.

Кроме того, в пользу прозрения молодого героя говорит и финал рассказа Цзя Чжифана, где «победивший» неопытного юношу хозяин дома, вдруг вспомнил о своей юности, когда он был полон надежд. Наркоторговец одновременно вдруг представил себе другие свои победы: когда участвовал в студенческом движении в Бейпине, когда противостоял коррупции в армии. Эти воспоминания представляют собой жестокий контраст в сравнении с положением наркоторговца в обществе в настоящее время: «Всё это соединилось в одно целое, став одной вздымающейся волной, вступающей с ним в ожесточенную схватку. Сначала он оборонялся, закусив губу и твердо, стоя посреди двора; позже, словно линия обороны рухнула, он с невероятной быстротой зашагал назад и вперед короткими мелкими шагами. Он казался раненым зверем, окруженным тьмой, бесконечно шагающим быстрыми и короткими шагами, опуская голову все ниже и ниже...» [\[11, с. 98\]](#).

Для наркоторговца выхода из окружившей его тьмы нет, он осознает глубину своего падения, но как для раненого зверя, для него уже не будет спасения во тьме его жизни. Финал рассказа напрямую иллюстрирует часто используемую Н. В. Гоголем в его произведениях антитезу «потенциальных возможностей человека и их конкретной реализации, высокого предназначения человека и его пошлого реального существования» [\[7, с. 37\]](#).

Также рассказ Цзя Чжифана сходен отчасти с повестью Н. В. Гоголя «Шинель». И хотя сходство это не так явно, все же можно проследить некоторые переклички в раскрытии темы «маленького человека». Первое сходство с «Шинелью» представлено через гоголевский прием объективации смеха, используемый Цзя Чжифаном. Так, в начале рассказа молодой чиновник со страхом приходит к наркоторговцу. Чтобы скрыть свой страх и неуверенность, молодой Лао Ся оправдывает свое опоздание тем, что был на

тренировке по боксу. Хозяин дома удивлен, он не ожидал такого контраста: искренний молодой человек, который живет честным трудом и в данный момент выглядит очень испуганным, занимается видом спорта, который требует от человека подавить в себе страх боли. Хозяин с издевкой комментирует оправдания Лао Сэ, сопровождая свои слова громким смехом. Точно также как в «Шинели» эпизод издевательств чиновников департамента над Башмачкиным, по мнению Ю. В. Манна, есть не что иное, как проявление «функции смеха как преследования, как утверждения себя посредством попрания человеческого достоинства другого» [\[7, с. 452\]](#).

В данном случае, этот эпизод представляет собой в чистом виде иллюстрацию смеха «над "неравным", официально, поверхностно – над низшим, а на самом деле – более высоким и достойным» [\[7, с. 452\]](#). Этот смех «обнаруживает полускрытую или явную недоброжелательность и агрессивность» [\[7, с. 452\]](#). Смех хозяина над Лао Сэ, как и смех чиновников над Башмачкиным, звучит издевательски, хотя молодой человек, имеющий надежды честно добиться повышения, прилежно изучающий конфуцианство и занимающийся боксом, несравненно более высок в моральном плане, чем пригласивший его наркоторговец.

Еще одно сходство рассказа Цзя Чжифана с гоголевской повестью «Шинель» заключается в мотиве искушения героя, это «подстерегающие человека всевозможные соблазны и "заманки"» [\[7, с. 453\]](#). Так, в рассказе Цзя Чжифана герой, обладающий внутренней, почти детской чистотой и наивностью легко поддается на обман наркоторговца о том, что торговля опиумом – это просто бизнес, верит его пламенной речи о философии современной жизни, где «смелые наедаются досыта, а робкие умирают от голода» [\[11, с. 97\]](#). Последний аргумент наркоторговца, который заставил молодого человека принять предложение – это угроза нищеты.

В рассказе Цзя Чжифана хозяин замечает, что у Лао Сэ новые брюки, и опытный наркоторговец приводит последний аргумент: «Скажу тебе так: если ты продолжишь также плыть по течению, боюсь, в будущем ты не сможешь купить себе даже одну пару матерчатых штанов» [\[11, с. 97\]](#). Здесь писатель показывает реакцию молодого человека на эти слова: «гость побледнел, он вдруг увидел свое жалкое будущее. Это был крах его жизни» [\[11, с. 97\]](#). Взаимосвязь этого эпизода с потерей Башмачкиным новой шинели, приведшей к смерти героя, неслучайна: оба героя – «маленькие люди», и для них потеря новой дорогой вещи, реальная или воображаемая, сродни катастрофе, это настоящий жизненный крах.

Лао Сэ соглашается на предложение хозяина. И дальше Цзя Чжифан использует сцену смеха: «Больше не зная, что сказать, он просто облизал свои сухие губы и внезапно рассмеялся, тем самым закончив речь. Хозяин, глядя на это неловкое выражение чувств, рассмеялся в унисон. Гость почувствовал, что они уже бесконечно близки в этих раскатах смеха, поэтому он засмеялся еще усерднее, как будто от всего сердца старался выполнить работу, назначенную ему руководителем» [\[11, с. 97\]](#). Здесь мы видим, по М. М. Бахтину, побежденный смехом страх: гость теперь не боится будущей нищеты и хозяин не боится, что его предложение не примут.

Смех героев обрывается внезапно, и здесь Цзя Чжифан тоже использует гоголевский прием, когда «мимика скорби» сменяет «мимику смеха», при этом наблюдается «разрушение солидарности повествователя и большинства, несовпадение их взгляда на главного героя» [\[7, с. 458\]](#). Этот прием представлен в «Шинели» и тесно связан с

феноменом юродивого, когда в сознании одного из молодых людей, издевавшихся над Башмачкиным, совершается «переход от смеха к состраданию» [7, с. 458], осмеяние Башмачкина сменяется жалостью к нему.

Подобные психологические находки Н. В. Гоголя Цзя Чжифан, скорее всего, не использует сознательно. Автору рассказа была важна не смена полюсов в отношении читателя к своему персонажу, а контрастный поворот от тьмы зла в буквальном смысле к «свету мудрости», который должен вывести молодого героя на истинный путь. Так, смех Лао Сэ обрывается внезапно, когда он вспоминает о том, что ему необходимо идти на семинар по изучению основ конфуцианства. Этот эпизод с называнием трактатов, составляющих основу учения, имеет большое значение для судьбы героев и для назидательного и вместе с тем оптимистического финала рассказа Цзя Чжифана. «Мимика скорби» здесь меняет «мимику смеха» не для молодого и чистого юноши, поддавшегося соблазну, а для наркоторговца Хэ Тяньмина, который остается один на один со своим юношеским светлым прошлым и непроглядной, победившей его темнотой своего настоящего.

Помимо сходств с произведениями Н. В. Гоголя на уровне деталей и сюжетных линий в прозе Цзя Чжифана можно увидеть гоголевские традиции использования отдельных сатирических приемов, в совокупности позволяющих говорить о рецепции сатиры Гоголя в творчестве одного из лучших прозаиков Китая.

Особенно заметно влияние гоголевской сатиры в первой повести Цзя Чжифана «Человеческие печали», которая была опубликована в апреле 1937 года в четвертом выпуске сборника литературных произведений «Обучение и жизнь», публикуемого под редакцией Ху Фэна. В то время Цзя Чжифан был студентом-первокурсником. В некоторой мере это была работа начинающего писателя, поэтому в ней моменты ученичества были еще достаточно сильны.

Главный герой повести – «маленький человек», продавец мешковины, чья душа погружена в мрачные размышления, смятение и тоску. Он внимательно наблюдает за всем, что происходит вокруг. Произведение представляет собой цепочку зарисовок и размышлений главного героя. Его наблюдения изложены в ироничной манере, и вместе с тем они отдают горечью и печалью. Люди вокруг главного героя пьют, едят, употребляют опиум, пользуются услугами продажных женщин, сплетничают, работают – на смене этих обыденных мелочей строится сюжет. Можно говорить здесь о гоголевской традиции изображения картины мира, когда «...углубление смысла происходит за счет того, что "глупость" следует за "глупостью"». И тогда в какой-то момент читателю открывается, что лиц и событий иного порядка не будет и не может быть и что это унылое течение пошлости и "называется жизнью"» [7, с. 348].

В традиционной гоголевской манере представлены портреты героев повести «Человеческие печали», когда живое изображается как неживое, что влечет за собой гоголевский гротескный эффект кукольности. Исследователи творчества Гоголя считают мотив кукольности, автоматизма, мертвленности величайшим достижением русской и мировой культуры [7]. В духе гоголевских традиций Цзя Чжифан в портрете героев повести раскрывает оппозицию «живое-мертвое». В качестве примера можно привести ироничное описание хитрого старшего продавца в той лавке, где работает главный герой: «невысокий мужчина средних лет с лысой головой. У него выпуклый искусственный глаз, и он очень аккуратно носит старый серый матерчатый халат... Он отпускал шутки проходящим мимо людям... Тонкие морщинки, расходились от его рта на

квадратном маленьком лице при внезапном смехе, похожем на фейерверк» [\[13, с. 3\]](#). Если вспомним героев Гоголя, то в его произведениях «контраст живого и мертвого, омертвление живого часто обозначается именно описанием глаз» [\[7, с. 268\]](#). Так, одноглазым был Голова из повести «Майская ночь» и портной Петрович, который шил Башмачкину его шинель в одноименной повести. Их спутницы за этот недостаток внешности называли их «одноглазыми чертями».

Также в качестве примера гротескного описания внешности можно привести портрет жестокого и бездушного владельца лавки, в которой работает главный герой: «Его квадратное лицо снова стало румяным, каким оно было во время смеха, оно расширилось, а оба глаза подернулись серой дымкой за линзами очков; голос был то звериным, то птичьим, и казалось, что в воздухе повеяло холодом» [\[13, с. 7\]](#). Здесь писатель прямо использует гоголевский гротескный прием в изображении внешности персонажа: «Маска как бы подменила собой человека, ...как бы срослась с человеческим лицом, чтобы человеческое тело или его части как бы определились, стали неодушевленной вещью» [\[7, с. 263\]](#). Все персонажи, с которыми сталкивается главный герой повести Цзя Чжифана – маски, вещи, бездушные куклы, но не люди. Им чужды страдания, радости, печали. Все персонажи как бы мертвые, и об этом размышляет главный герой.

Цзя Чжифан сначала в полушутивой, гротескной манере обрисовывает внешность героев, а затем заставляет их обнаружить свое невежество, цинизм и равнодушие по отношению к происходящим революционным событиям и их участникам, используя сатирический прием саморазоблачения. Так, главный герой слышит шутливую и вместе с тем ужасающую речь хозяина лавки: «"Вы, молодежь, будьте патриотами! Спасайте общество! Неравенство! Революция! Ух, люди расстроены и глухи! Людям легко это сделать, это очень просто! Положите тела погибших в мешок, зашейте его и пойте! Как мешок с зерном, — но зерно ценно, и зерном можно утолить голод! Погрузите на поезд и отвезите к берегу моря, заполните мешки один за другим, чтобы даже духи не знали и демоны не почуяли; мертвое тело вскорумит рыбу, когда рыба вырастет, ее выловят рыбаки и увезут в город, на рынок, рыба попадет на кухню, и окажется на столе, а предатель съест ее... Видишь, это просто такой круговорот, как легко! Ха-ха-ха!" Моя подушка холодная и влажная, и я чувствую, что плачу. Возможно, это был плохой сон, но я отчетливо слышал скрип кровати внизу, слова людей, которые ели рядом с хозяином» [\[13, с. 18\]](#) В этом фрагменте переход от «мимики смеха» к «мимике скорби» подчеркнут особо: грубое, почти натуралистическое веселье богатого хозяина контрастирует со слезами работника, который эти слова слушает. Это тот самый «переход от "веселого" к "печальному", смутный эмоциональный тон, сопровождающий именно гоголевскую амбивалентность» [\[7, с. 345\]](#). Приведенный эпизод также иллюстрирует использование Цзя Чжифаном гоголевской «логики обратности», которая, по определению Ю. В. Манна, заключается в том, что «терпит и страдает наиболее достойный; вознаграждается ничтожество и порок...у Гоголя, как правило, недостойный счастливее достойного; словом, моральные нормы также ставятся с ног на голову» [\[7, с. 350\]](#).

В ряду гоголевских сатирических приемов которые использует в своей повести Цзя Чжифан, необходимо назвать прием «обратного сравнения»: «писатель, вместо того, чтобы уподобить человека животному, сравнивает животное с человеком» [\[8, с. 77\]](#), этим достигается особый смысловой эффект: «если человеческое передвигается в более

низкий, "животный" ряд, то последний "возвышается" до человеческого» [\[7, с. 269\]](#).

Так, в повести «Человеческие печали» данный прием наблюдаем, например, в эпизоде, когда герой однажды видит, как по улице козел ведет на бойню стадо овец. При этом герой говорит о козле, как о человеке: «Он был добрым парнем, толстым и аккуратным, даже роскошным; два рога, очень культурные, того же цвета, что и старое черное дерево, пара узких, но ясных, добрых глаз, высоко выступающих на длинном, тонком и чистом лице; широкий рот, похожий на щелку, был уверенно закрыт, а длинная борода разевалась.... Это просто был джентльмен в стаде, которое слепо шло за ним... Кажется, я уже видел такое старое и аккуратное животное. Это иностранный пастор в церкви за углом» [\[13, с. 23\]](#). В приведенном фрагменте явно прослеживается сходство с эпизодом из повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», когда, характеризуя обширное хозяйство Чуба, Гоголь, в частности, пишет: «Бородатый козел взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня выступавших по двору индеек и оборачиваясь задом, когда завидывал своих неприятелей, мальчишек, издевавшихся над его бородою» [\[4, с. 211\]](#).

При рассмотрении текста повести Цзя Чжифана «Человеческие печали» снова возникает вопрос о том, был ли знаком писатель с поэмой Гоголя «Мертвые души» на иностранном языке (перевод поэмы на китайский язык появился после выхода в свет произведений Цзя Чжифана). Вместе с тем, анализ текста повести позволяет нам утвердительно ответить на этот вопрос и предположить, что писатель читал ее на языке оригинала. Дело в том, что гоголевские традиции Цзя Чжифана сохраняют в повести «Человеческие печали», когда использует «разнополюсные» лирические отступления, которые русские исследователи изучают на примере текста поэмы «Мертвые души». Более того, размышления героя Цзя Чжифана в тексте повести разнополярны, так же как в поэме Гоголя, они тоже основаны на «антитезе высокого и низкого, патетики и иронии» [\[7, с. 154\]](#).

В качестве примера ироничного отступления можно привести размышления главного героя или автора повести о козле, который вел стадо овец на убой: «По крайней мере, он должен быть хорошим человеком, но, с одной стороны, он не может в это поверить, потому что родился козлом. С другой стороны, история и естествознание говорят, что наибольшая польза этих животных заключается в снабжении высших животных пищей – лучше будет есть его свежим или в консервах? Интересно, как козел будет себя чувствовать? И он, наверное, уже не молод» [\[13, с. 24\]](#). Как видим, в этом ироничном рассуждении Цзя Чжифан следует за Гоголем, вплоть до обращения к мотиву еды, характеризующей категорию низменного, с преобладанием «плотоядного обилия» – того, которое «характеризует Чичикова или Собакевича» [\[7, с. 154\]](#).

Параллельно с ироничными размышлениями героя в повести нередко развиваются рассуждения патетического характера, раскрывающие мировидение героя, его отношение к окружающей действительности. В качестве примера можно привести мысли героя о поиске истины: «...Я думаю, что правда глубоко зарыта в песок истории, и я не могу из-за этого вздохнуть с облегчением...Этот мир, вероятно, весь стоит на песке. Я хочу превратиться в лопату и докопаться до истины. В этом отношении для меня книги будут так же ценные, как и учителя!» [\[13, с. 40\]](#).

Таким образом, феномен «гоголизации прозы» Цзя Чжифана состоит в том, что писатель опирается на основную формулу гоголевских произведений «смех сквозь слезы»,

используя художественные открытия великого русского писателя. Для достижения своей цели писатель обращается к образу «маленького человека», поскольку именно через призму одной судьбы становится понятен трагический путь целого народа. Во всех рассмотренных здесь произведениях Цзя Чжифана маленький человек, так или иначе, испытывает на себе негативное влияние эпохи. Анализ произведений Цзя Чжифана позволяет говорить о нескольких составляющих «феномена гоголизации». Во-первых, это, конечно, сюжетные переклички с текстами произведений Н. В. Гоголя. Сюда относятся, прежде всего, прямые или косвенные отсылки к отдельным сюжетным элементам: обманчивая «демоническая ночь», введение героя в заблуждение, осмеяние «маленького человека», нагромождение «пошлостей жизни», смена «мимики смеха» «мимикой скорби». Кроме того, можно отметить перекличку деталей, которые позволяют говорить о том, что при работе над рассказом «Все ниже и ниже» Цзя Чжифан опирался на повести «Невский проспект» и «Шинель» Н. В. Гоголя, а при создании повести «Человеческие печали» ориентировался на цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Если сравнивать роль фантастики в сатире Цзя Чжифана с сатирическими произведениями Н. В. Гоголя, то можно говорить и том, что произведения Цзя Чжифана почти не содержат фантастики, фантастические образы остаются только в деталях и нужны для воплощения основной идеи произведения. Цзя Чжифан сохраняет стилистические приемы гоголевского гротескного изображения действительности как способ реализации оппозиции «живое-мертвое». В частности, сохраняется кукольность в портретном изображении персонажей, подчеркивающая их цинизм и бездушие. Также примечательно использование гоголевского сатирического приема «обратное сравнение» (Цзя Чжифан сохраняет даже образ того же самого животного, что и Н. В. Гоголь в повести «Ночь перед Рождеством»), гоголевский прием «логики обратности», воспринятый Цзя Чжифаном для передачи трагического мироощущения в своих произведениях.

На уровне композиции гоголевские традиции представлены в произведении «Человеческие печали» такими приемами, как соприсутствие в тексте «разнополярных» размышлений героя, иронических и патетических, что в единстве призвано передать сложность мироустройства, так же как передают эту сложность лирические отступления в «Мертвых душах». Отличие заключается в том, что Цзя Чжифан вкладывает эти размышления в уста героя, тогда как Н. В. Гоголь отстраняется от содержания текста, то есть в повести «Человеческие печали» нет лирических отступлений, поскольку перед Цзя Чжифаном стояли иные художественные задачи.

Сохраняя гоголевские традиции, писатель вместе с тем трансформирует их, заставляя работать на раскрытие авторской идеи. Он использует собственные художественные приемы, индивидуализирующие героев через сюжетные ситуации и через их речь, что в совокупности с деталями объективного мира позволяет раскрыть характерные особенности отрицательных персонажей, обличить их невежество и жадность, показать путь низменного преображения мелких государственных служащих, моральное разложение военных, упаднические настроения героев-интеллектуалов.

Цзя Чжифан прожил большую часть своей жизни в трудное для Китая время, испытав на себе все тяготы эпохи первой половины XX столетия. Поэтому беспомощность его героев, их поиски себя в смутные времена рассказывают читателю о сложном жизненном пути самого автора.

Библиография

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Худож. лит.,

1979. – 412 с.
2. Ван Юй. Искусство и проблемы людей: краткое обсуждение рассказов писателя Июльской школы Цзя Чжифана = 艺术直面“人”的问题 — 七月派作家贾植芳小说简论 / Ван Юй // Журнал Университета Санся. – 2016. – № 4. – С. 44-48.
 3. Ву Пэйсянь. Мировая литература и современная китайская литература: исследования новых произведений Цзя Чжифана = 吴培显,"世界的文学"与中国现代文学—贾植芳先生的新文学研究的启示述要 / Ву Пэйсянь // Обзор Янцзы. – 2010. – № 4. – С. 23-25.
 4. Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [Москва; Ленинград]: Изд-во АН СССР, Т. 1. – 1940. – С. 201-243.
 5. Гоголь Н. В. Невский проспект // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [Москва; Ленинград]: Изд-во АН СССР, Т. 3. Повести. – 1938. – С. 7-46
 6. Ли Чуньсяя. О феномене «гоголизации» прозы Цзя Чжифана = 论贾植芳作品的果戈里化现象 / Ли Чуньсяя // Журнал Университета Хекси. – 2016. – № 6. – С. 83-88.
 7. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. Манн. – 2-е изд., доп. – Москва: Худож. лит., 1988. – 412 с.
 8. Николаев Д. П. Смех-оружие сатиры / Д. П. Николаев. – Москва: Искусство, 1962. – 223 с.
 9. Станичук И. А. Феномен ночи в творчестве Н. В. Гоголя: автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. А. Станичук. – Тверь, 2014. – 24 с.
 10. Сунь Юлин. Духовная бдительность и культура: анализ военных рассказов Цзя Чжифана = 灵魂警醒与文化思索—贾植芳战争小说探析 / Сунь Юлин // Журнал университета Хэси. – 2017. – № 3. – С. 76-79.
 11. Цзя Чжифан. Все ниже и ниже = 贾志芳.《再往下》/ Цзя Чжифан // Избранные рассказы Цзя Чжифана. Хуайинь: Цзянуское народное издательство, 1983. – С. 91-98.
 12. Цзя Чжифан. Проза жизни = 贾志芳《生活散文》/ Цзя Чжифан // Избранные рассказы Цзя Чжифана. Хуайинь: Цзянуское народное издательство, 1983. – С. 41-90.
 13. Цзя Чжифан. Человеческие печали = 贾志芳.人间悲哀 / Цзя Чжифан // Избранные рассказы Цзя Чжифана. Хуайинь: Цзянуское народное издательство, 1983. – С. 1-40.
 14. Цянь Лицинь. Картинь обычаяев доисторического человечества: читая «Сборник рассказов» Цзя Чжифана» = 人类史前时期的风俗画 — 读《贾植芳小说选》/ Цянь Лицинь // Журнал Фудань. – 2005. – № 4. – С. 5-13.
 15. Чжу Цзяньхун. Идеи рассказов Цзя Чжифана и мастерство повествователя = 浅谈贾植芳小说的思想与艺术/ Чжу Цзяньхун // Журнал колледжа Хекси. – 2017. – № 4. – С. 88-91.
 16. Ян Ваньшоу. Цзя Чжифан и современная китайская литература = 贾植芳与中国现代文学 / Ян Ваньшоу // Журнал университета Хэси. – 2018. – № 6. – С. 66-69.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Традиции Н. В. Гоголя в прозе Цзя Чжифана», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающей важности изучения рецепции творчества русских писателей в иноязычных культурах, в первую очередь китайской. Отметим возрастающий интерес к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, так и обратному явлению – интересу наших соседей к русскому языку и культуре, что способствует сближению двух стран. Кроме того, автор рассматривает рецепцию творчества русского писателя в произведениях Цзя Чжифан – известного китайского писателя, переводчик произведений русской литературы, исследователя литературы Китая, который работал в лучших традициях реализма.

Целью статьи является анализ рецепции творчества Н. В. Гоголя в китайском литературоведении. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить своеобразие китайской рецепции творчества российского автора, популярного в Китае. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о практическом материале языкового исследования. Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюdenы основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на китайском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, что, несомненно, усилило бы теоретическую значимость работы. Отметим также нарушение ГОСТа при выстраивании библиографии. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской культуры, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных

вузов. Статья «Традиции Н. В. Гоголя в прозе Цзя Чжифана» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Абилькенова В.А., Гальт Л.Ю. — Специфика освещения темы креативных индустрий в федеральных и окружных СМИ // Litera. – 2023. – № 7. – С. 43 - 57. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43546 EDN: SSTVRW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43546

Специфика освещения темы креативных индустрий в федеральных и окружных СМИ

Абилькенова Валерия Анатольевна

кандидат социологических наук

доцент Высшей школы гуманитарных наук Югорского государственного университета

628007, Россия, ул. Чехова, 16 автономный округ, г. Ханты-Мансийск, ул. Ул. Чехова, 16, оф. ул. Чехова, 16

 kab-valeriya@mail.ru

Гальт Лолита Юрьевна

магистр Высшей школы гуманитарных наук Югорского государственного университета

628007, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Ханты-Мансийск, ул. Ул. Чехова, 16, оф. 239 (2)

 kab-valeriya@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43546

EDN:

SSTVRW

Дата направления статьи в редакцию:

05-07-2023

Дата публикации:

12-07-2023

Аннотация: В нашей стране увеличивается интерес к сфере креативных индустрий, как к сектору экономики с высокими возможностями развития. В этой связи возрастает и роль журналистики: она не просто информирует читателей об этой сфере, но и привлекает к ней внимание инвесторов, государства, бизнеса. Поэтому эффективная презентация темы креативных индустрий на страницах СМИ – довольно новая и актуальная задача для федеральной и региональной журналистики. Москва и Ханты-

Мансийский автономный округ – Югра являются сегодня примерами успешного развития в стране сферы креативных индустрий. В статье анализируются материалы, опубликованные в газетах «Вечерняя Москва», «Аргументы и факты», «Новости Югры» и «Аргументы и факты – Югра» с октября 2022 года по май 2023 года. Предмет исследования: специфика и тенденции освещения темы креативных индустрий. Количественно-качественные характеристики материала были исследованы при помощи метода контент-анализа. Для сравнения федерального и регионального опыта освещения креативных индустрий использован сопоставительный метод. Авторы приходят к выводу о том, что 1) в федеральных СМИ при выборе жанра отдается предпочтение такому жанру как новости, основная цель – развлечь читателя, продемонстрировать уровень поддержки местных начинаний властями. 2). В окружных СМИ креативные индустрии зачастую освещаются в жанре репортажа, погружая читателя в творческую атмосферу, происходит знакомство не только с продуктом, но и процессом его создания, с эмоциями, которые дарят взаимодействие с продуктом. 3). В федеральных СМИ проявляется тенденция к акценту на потребительских свойствах креативного продукта, показателях рентабельности проекта, возможностях применения продукта в новой области, соответствии трендам. 4). В окружных СМИ наблюдается тенденция усиления интереса к местным проектам, которые основаны на историко-культурном наследии и искусстве.

Ключевые слова:

креативные индустрии, функции журналистики, культура и журналистика, качественная журналистика, культурно-просветительская журналистика, актуальные вопросы журналистики, региональная журналистика, субъекты креативных индустрий, творчество и журналистика, креативные проекты

Введение

Креативные индустрии, являющие собой материальную основу концепции креативной экономики, начиная с 1990-х годов составляют отдельное направление научных исследований. Вместе с тем теоретическое обоснование понятия «креативные индустрии» и методологические подходы к их классификации являются сегодня дискуссионными вопросами.

Понятие «творческие индустрии» было введено в научный оборот в конце XX века (1998 год) в документе по картированию творческих индустрий Департамента культуры, медиа и спорта правительства Великобритании. Креативные индустрии в этом документе определяются как «отрасли промышленности, которые основываются на индивидуальном творчестве, мастерстве и таланте, имея потенциал реализации продуктов интеллектуальной собственности, создания богатства и обеспечения рабочих мест через поколение» [\[17\]](#).

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) определяет креативные индустрии как отрасли, «совмещающие в себе создание, производство и коммерциализацию товаров и услуг нематериального и культурного характера» [\[17\]](#).

На Конференции ООН по торговле и развитию креативные индустрии получили несколько определений:

- как циклы создания, производства, обмена и распределения товаров и услуг, основанных на творческом и интеллектуальном капитале;
- как деятельность на основе знаний, сфокусированная, но не ограничивающаяся искусством, потенциально ориентированная на получение прибыли от торговли и прав интеллектуальной собственности;
- как материальные продукты и нематериальные интеллектуальные или художественные услуги с творческим и экономичным содержанием, и в то же время такие продукты и услуги, которые ориентированы на достижение рыночных целей [\[17\]](#).

Первая модель классификации креативных индустрий также была разработана в Великобритании в 1998 году, она была связана с утверждением приоритетности таких факторов социально-экономического развития, как креативность и инновационность. Эта модель объединяет в себе 13 разнотиповых креативных индустрий [\[17\]](#).

Модель Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) была разработана в 2003 году и включает отрасли, прямо или косвенно принимающие участие в создании, производстве, обмене и распределении объектов авторского права. Основное внимание в данной модели уделяется интеллектуальной собственности, которая основывается на креативности созданных товаров и услуг, включенных в классификацию. Модель включает 3 подгруппы креативных индустрий: отрасли, производящие интеллектуальную собственность (основные отрасли авторского права); отрасли, необходимые для передачи товаров и услуг потребителю (взаимозависимые отрасли авторского права) и промежуточная группа (промежуточные отрасли авторского права), где интеллектуальная собственность является лишь незначительной частью их деятельности [\[18\]](#).

Модель Института статистики ЮНЕСКО (2005 год) распределяет креативные индустрии на две подгруппы: индустрии в основных (центральных) культурных направлениях и индустрии со значительным диапазоном воздействия в сфере культуры [\[20\]](#).

Модель креативных индустрий некоммерческой организации «Американцы за искусство» была разработана в 2005 году и отличается максимально сжатым представлением креативных отраслей без выделения подгрупп, акцентируя внимание именно на создании добавочной стоимости за счет творческого потенциала как отдельных личностей, так и организаций в целом [\[16\]](#).

Указанные классификации представлены в таблице 1.

Таблица 1. Организационный уровень классификации креативных индустрий

Модель Министерства культуры, медиа и спорта Великобритании (2001)	Модель ВОИС (2003)	Модель Института статистики ЮНЕСКО (2005)	Модель некоммерческой организации «Американцы за искусство» (2005)
Реклама Архитектура	Основные отрасли	Индустрии в основных	Реклама Архитектура

Искусство и рынок антиквариата	авторского права:	направлениях культурной сферы	Художественные училища и художественные услуги
	Реклама	Музеи, галереи, библиотеки	Дизайн
	Организация коллективного управления имущественными правами	Исполнительские виды искусства	Фильмы
	Кино и видео	Фестивали	Музеи, зоопарки
	Музыка	Изобразительное искусство, ремесла	Музыка
	Исполнительные виды искусства	Дизайн	Исполнительские виды искусства
	Издательское дело	Издательство	Издательство
	Программное обеспечение	Телевидение, радио	Телевидение и радио
	Радио и телевидение	Фильмы и видео, фотография	Изобразительное искусство
	Видео- и компьютерные игры	Интерактивные медиа	
Взаимозависимые отрасли авторского права:		Индустрии в расширенных областях культуры	
Записывающие материалы (кассеты, диски, CD-плееры, другое)		музыкальные инструменты	
Бытовая электроника		звуковое оборудование	
Музыкальные инструменты		архитектура	
Бумажная индустрия		Реклама	
Фотографическое оборудование		Полиграфическое оборудование	
Промежуточные		Программное обеспечение	
		Аудио-визуальное аппаратное обеспечение	

	отрасли		
	авторского права:		
	Архитектура		
	Одежда, обувь		
	Дизайн		
	Мода		
	Предметы домашнего		
	употребления		
	Игрушки		

Существуют также авторские модели креативных индустрий. Так, модель концентрических кругов была разработана Дэвидом Тросби в 2001 году и базировалась на понимании креативной ценности товаров и услуг, благодаря которой индустрии отличаются от других отраслей экономики. По мнению автора этой модели, креативные идеи можно представить в виде концентрических кругов, где центр – это идеи креативного искусства (рассматриваются в форме звука, текста и изображений) с высокой степенью выражения культурного содержания, а последний круг – идеи с высоким уровнем выражения коммерческого содержания. То есть культурный контекст идей с каждым кругом уступает коммерческому и наоборот. Модель объединяет в себе следующие 4 подгруппы: основные креативные отрасли, другие креативные индустрии, креативные индустрии, смежные отрасли (таблица 2) [\[21\]](#).

Модель классификации креативных индустрий Джона Хокинса была разработана в 2001 году. Она включает в себя 15 секторов креативной экономики без распределения на подгруппы и основывается на утверждении, что креативные индустрии охватывают сферу создания и продажи креативных идей и творений, включая коммерческую профессиональную и любительскую деятельность (таблица 3) [\[14, С. 04-139\]](#).

Символическая текстовая модель разработана Дэвидом Хезмондалшем в 2002 году. Культура общества формируется в данной модели на символических текстах или сообщениях, передаваемых с помощью различных носителей, таких как кино, радио и пресса. Данная модель объединяет в себе 3 креативные подгруппы индустрий (основные, периферийные, пограничные) (таблица 3) [\[19, С. 97\]](#).

Классификация креативных индустрий по авторским подходам представлена в таблице 3.

Таблица 3. Авторские подходы к классификации креативных индустрий

Модель концентрических кругов Дэвида Тросби (2001)	Модель классификации креативных индустрий Джона Хокинса (2001)	Символическая текстовая модель Дэвида Хезмондалша (2002)
Основные творческие отрасли	Реклама Архитектура	Основные культурные индустрии:

(центральный круг):	Изобразительное искусство Ремесла Дизайн Мода Кино Музыка	Реклама Индустрія фильмов Интернет Музыка Издательское дело Радио и телевидение Видео- и компьютерные игры
Прочие основные культурные индустрии (второй круг):	Исполнительные виды искусства Издательское дело НИОКР Программное обеспечение Игры	Периферийские индустрии: Креативное искусство
Культурные индустрии (третий круг):	Услуги по предметам культурного наследия Издательское дело Звукозапись Радио и телевидение Видео- и компьютерные игры	Пограничные культурные индустрии: Бытовая электроника Мода Программное обеспечение Спорт
Смежные отрасли (последний круг):	Реклама Архитектура Дизайн Мода	

Как видим, модель Министерства культуры, медиа и спорта Великобритании; модель некоммерческой организации «Американцы за Искусство» и модель классификации креативных индустрий Джона Хокинса не предусматривают классификацию креативных индустрий с выделением подгрупп в противовес другим четырем моделям (Модель концентрических кругов Дэвида Тросби, Символическая текстовая модель Дэвида Хезмондалша, Модель ВОИС, Модель Института статистики ЮНЕСКО). Такие отличия объясняются разными целевыми ориентациями и способами интерпретации структурных характеристик креативных отраслей.

В последнее десятилетие креативные индустрии активно развиваются и в России, хотя сталкиваются, по мнению М.А. Залевской и М.А. Морданова, с рядом сложностей.

«Органами региональной и федеральной власти концепция креативных индустрий не в полной мере рассматривается в качестве потенциального и эффективного инструмента экономического развития», - отмечают исследователи [4]. Тем не менее, данная проблема постепенно решается, и роль креативных индустрий в Российской Федерации уже закреплена нормативно. Например, в Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года (далее — Концепция, этот документ утвержден Распоряжением правительства РФ от 20 сентября 2021 года № 2613-р) было дано определение креативным индустриям и очерчены отрасли, которые входят в данное понятие [8].

Так, под творческими индустриями понимается совокупность сфер деятельности, «в которых хозяйствующие субъекты осуществляют производство товаров и услуг, обладающих экономической ценностью в рамках гармонического формирования личности и повышения качества жизни общества» [8]. К области креативных индустрий в российском законодательстве отнесены: индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия, искусства, современные медиа и производство цифрового контента, а также прикладные творческие отрасли.

Таким образом, можно заключить, что (1) креативные индустрии, представляющие собой материальную основу концепции креативной экономики, начиная с 1990-х годов, проходят этап методологической идентификации. (2) Обобщающим определением креативных индустрий, по нашему мнению, может стать их трактовка как нового, динамичного, трансформационного и трансграничного сектора современной экономики, основанного на реализации креативного капитала (синергическое сочетание человеческого, культурного, социального и институционального капитала) на микро- и макро- и глобальном уровнях.

Медиа как часть системы креативных индустрий

Медиа занимают особое место в системе креативных индустрий, они являются непосредственным субъектом творческих индустрий. Так, в национальной «Концепции развития творческих индустрий» в число креативных индустрий входят также современные медиа и производство цифрового контента (кино-, видео-, аудио-, анимационное производство, обработка данных и разработка программного обеспечения, виртуальная и дополненная реальность, компьютерные и видеоигры, блогерство, печатная индустрия, средства массовой информации, реклама и пр.). Медиа, как и другие субъекты креативных индустрий, отличает синтез творческой деятельности и коммерчески ориентированной.

На творческий процесс создания журналистского произведения обращает внимание С. Г. Корконосенко. Он отмечает: «Журналистика пронизана творчеством: сотруднику СМИ приходиться принимать решения в конкретных условиях, порой опровергающих схемы, ранее устойчиво бытовавшие и в социальной практике, и в общественном сознании, не укладывающиеся в рамки нашего повседневного опыта» [9, С. 26]. Называя журналистское творчество «одухотворенным действием», отечественный исследователь В. Ф. Олешко утверждает, что она «поднимает личность на качественно новый уровень», а субъект творчества (творческая личность) является основным элементом творческого процесса [10], [11, С. 16]. Мы совершенно согласны с мнением исследователя о том, что «современное понимание творчества как сущностной характеристики человека достаточно полно проявляет характер изменений, происходящих в социальном мире.

Следовательно, творчество можно определять как форму саморазвития индивидума, развертывание его сущностных сил, по меркам свободы, как форму вовлечения в высшие смыслы бытия» [\[11, С. 6\]](#). На наш взгляд, среди современных научных исследований, посвященных творческой личности журналиста, особого внимания заслуживает докторская диссертация российской исследовательницы Е. С. Дорошук, которая справедливо отмечает, что творческая некомпетентность журналиста приводит к трудностям в понимании его массовой аудиторией, к невозможности достижения эффективного результата профессиональной деятельности» [\[3, С. 82-91\]](#).

В то же самое время важно не забывать о высокой гуманной миссии журналистского творчества. В коллективной монографии «Исследования журналистского творчества: современные подходы» отмечается: «Поскольку судьбы человечества сегодня напрямую связаны с возрастанием роли информационных систем и журналистики, ее духовного, творческого потенциала, важно, чтобы эта креативность соотносилась с высокими ценностями, сущностным проникновением в явления и процессы жизнедеятельности общества, способностью помогать ему динамично и успешно развиваться» [\[5, С. 53\]](#).

Л. А. Фоминова и А. Г. Шкурат отмечают следующие особенности современных медиа как составляющей креативных индустрий: продукция СМИ «все больше регулирует и организуют свободное время людей. При этом медиаконтент, созданный как журналистами, так и представителями других творческих профессий, становится той частью творческого ландшафта, который все больше заполняет образ жизни современных людей. Вовлечение креативных людей в сегодняшнюю городскую среду оказало влияние и на СМИ. Индустрия средств массовой информации и развлечений стала одной составляющей городского образа жизни, а города стали центрами концентрации производства и распространения медиаконтента» [\[13, С. 41\]](#).

Однако современные профессиональные медиа как субъекты креативных индустрий сталкиваются с рядом сложностей. Эксперт в области креативных индустрий Г. Гольденцвайг отмечает, что самой большой сложностью для журналистов становится высокая конкуренция с новыми игроками на информационном рынке. «Журналистика, в отличие, например, от музыки и моды, вынуждена бороться за позицию основного источника информации, доказывать преимущества профессионализма. Иерархия источников информации существует и в музыке – видеоклип, где безголосый мальчик поет на школьном выпускном, на YouTube способен потеснить «деяния» каких-то профессиональных музыкантов. Но вряд ли потребитель музыки переключится на подобные видеоказусы как основной «подножный корм». А вот прожить, опираясь только на блогосферу, непрофессиональную журналистику плюс исключительно справочные ресурсы (расписания, курсы акций, прогнозы погоды и пробок на дорогах), все более реально», - констатирует исследователь. Выход он видит в грамотном сочетании профессионализма журналиста и творческом подходе к материалу, форме подачи информации. «Чтобы претендовать на большее, необходимо быть в состоянии давать читателю/зрителю/слушателю больше, чем способен дать любой блогер», - заключает он [\[2, С. 21\]](#).

Интересный взгляд на проблему снижения качества журналистских текстов приводит Е. А. Цуканов, который связывает ее с отсутствием у журналиста живого интереса к тому, о чем предстоит писать: «не пишется чаще всего потому, что не о чем писать, а не потому, что не соблюdenы некие алгоритмы и процедурные тонкости профессионального ремесла. В свою очередь, не о чем писать бывает именно потому, что у кого-то нет

подлинного познавательного интереса к объекту» [\[15, С. 164\]](#).

При этом СМИ важно отстаивать не только собственную идентификацию как субъекта креативных индустрий, но и способствовать развитию и продвижению креативных индустрий в целом.

Роль СМИ в продвижении креативных индустрий

«СМИ играют важную роль в развитии креативных индустрий», - уверен журналист Джон Тус. Более того, называя культуру и творчество «памятником» национальной самобытности народа, журналисты, специализируясь на таких темах, выполняют важную миссию, считает Тус. «Для редакторов СМИ креативные индустрии – это неиссякаемый источник интереснейших материалов. Люди, работающие в секторе креативных индустрий, могут поведать много такого, что могло бы заинтересовать массы, к тому же писать о них самих – не менее увлекательно. Их рассказы всегда полны позитива, душевности, индивидуальности. Зачастую, это истории об успехе, но не только о нем. Главное то, что они интересны читателю», - уверен Джон Тус [\[12\]](#).

Рассуждая о роли медиа в развитии креативных индустрий, К. С. Комарова обращает внимание на три аспекта. Первый – это возможность быть услышанным для креатора. Публикации в медиа способны моментально превратить творческого человека в знаменитость, сделать его проект популярным, обсуждаемым. Второе – это инструмент привлечения инвестиций в творческие проекты. Одна из главных сложностей заключается в том, что авторы творческих проектов не понимают, как сделать свою идею коммерчески привлекательной. Единицам удается работать на ограниченный сегмент потребителей, и крайне немногочисленны проекты, которые могут привлечь крупные инвестиции и массового потребителя. В последние годы в России СМИ выступают в качестве связующего звена между креаторами и крупным бизнесом из «традиционных» секторов экономики, который может вложить средства в развитие творческого проекта. Третий аспект, на который делает акцент исследователь, это высокая эффективность новых медиа, позволяющие оперативно распространять информацию на фактически неограниченную аудиторию. Блогеры и инфлюенсеры, которые выступают в качестве лидеров мнений, также способны эффективно продвигать творческий проект [\[7, С. 46-48\]](#).

К. Д. Киуру и С. В. Линьков обращают внимание на инструментарий, которые работники СМИ используют в продвижении креативных индустрий. По мнению исследователей, необходимо подбирать те средства, которые затрагивают эмоциональную сферу аудитории, и прекрасно с этой задачей справляются средства драматургической композиции и, в первую очередь, сторителлинг [\[6\]](#). Следует задействовать весь жанрово-стилистический потенциал новых медиа, средства конвергенции – это позволяет эффективно презентовать креативные продукты.

Можно заключить, что взаимодействие медиа и креативных индустрий видоизменяют и современный журналистский дискурс. Освещение культурных событий и творческих проектов предъявляют журналисту новые требования: он должен выступить в качестве активного участника события и в определенной мере – креатором.

Методология исследования

Чтобы подтвердить данный тезис, мы решили провести исследование специфики освещения темы креативных индустрий в федеральных и окружных СМИ (Ханты-Мансийского автономного округа – Югры), а также выявить современные тенденции

освещения этой темы. Используя метод контент-анализа и сопоставительный метод, мы рассмотрели и проанализировали материалы изданий «Вечерняя Москва» и «Аргументы и факты» (15 материалов) за 2022-2023 годы и «Новости Югры» и «Аргументы и факты – Югра» (17 материалов) за 2022-2023 годы.

В своих исследованиях мы опирались на положения, изложенные С. В. Белковским и О. Н. Савиновой в работе «Контент-анализ в журналистико-исследованиях»: «Суть метода – выделение в тексте некоторых ключевых понятий или иных смысловых единиц с последующим подсчетом частоты употребления этих единиц, соотношения различных элементов текста друг с другом» [1, С. 10]. На основе подробного теоретического анализа феномена креативных индустрий и места СМИ в их продвижении нами выделены критерии, соответствие которым может влиять на эффективность освещения творческих продуктов в средствах массовой информации:

- освещении преимуществ, которые дают креативные индустрии потребителю – это тот критерий, который отвечает за востребованность продукции, услуги;
- освещении возможностей, которые предоставляют креативный проект потенциальному инвестору;
- указании социальной нагрузки, которую несет креативный проект;
- указании участия/неучастия проекта в государственных программах – в ходе исследования мы исходили из того, что указание на участие проекта в программе является своего рода сигналом для других креаторов, которые также могли бы воспользоваться поддержкой со стороны государства;
- использовании мультимедийных материалов;
- полную информацию о проекте как для потребителя, так и для инвестора.

Кроме того, исследовалось направления креативных индустрий, которые получают освещение в СМИ, а также жанры материалов.

Сравнительный анализ освещения креативных индустрий в федеральных и региональных медиа

Проведя контент-анализ материалов, мы пришли к выводу, что:

1. В федеральных СМИ креативные индустрии наиболее часто освещаются в формате обзорной статьи, жанр новости по популярности на втором месте, сравнительно редко используются лонгрид, репортаж и интервью. При этом темой публикаций являются не сами креативные индустрии, а уровень их поддержки местными властями. Это говорит о несколько формальном подходе к вопросу освещения творческих продуктов, недопонимания журналистом важности отрасли креативных индустрий в современной экономике и своей миссии как участника их продвижения.
2. Наиболее часто в федеральных СМИ освещаются прикладные креативные индустрии (конструирование транспорта («Двухколесная революция: современные модели велосипедов могут заменить автомобили» // vm.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://vm.ru/technology/1042823-dvuhkolesnaya-revoluciya-sovremennye-modeli-velosipedov-mogut-zamenit-avtomobili> (Дата обращения: 03.03. 2023)); производство игрушек и сувениров («Жизнь игрушками красна: как власти Москвы поддерживают малый и средний бизнес» // vm.ru [Электронный ресурс]. URL:

<https://vm.ru/economy/1029356-zhizn-igrushkami-krasna-kak-vlasti-moskvy-podderzhivayut-malyj-i-srednij-biznes> (Дата обращения: 03.03.2023)); полезные в быту изобретения («Какие интересные разработки представлены на Конгрессе молодых учёных?» // aif.ru [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/science/kakie_interesnye_razrabortki_predstavleny_na_kongresse_molodih (Дата обращения: 10.03.2023)); косметика из природных материалов («Крем из икры морских ежей и янтаря. Чем Россия ответит зарубежной косметике» // aif.ru [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/health/secrets/krem_iz_ikry_morskikh_ezhey_i_yantarya_chem_rossiya_otvetit_na (Дата обращения: 10.03.2023)); мода («И вяжет, и слова не скажет. Чем сейчас живёт малый бизнес» // aif.ru [Электронный ресурс]. URL: https://astrakhan.aif.ru/society/people/i_vyazhet_i_slova_ne_skazhet_chem_seychas_zhivyon (Дата обращения: 10.03.2023)). На втором месте по популярности находятся современные медиа и производство цифрового контента.

Преобладает потребительский подход к идеи привлекательности креативных индустрий. Наблюдается перевес в область прикладных креативных индустрий. Во всех проанализированных материалах подчеркиваются такие преимущества, как удобство использования, возможность интеграции с цифровыми сервисами, польза для здоровья. Удовлетворение духовных потребностей средствами креативных индустрий практически не оговаривается, перспективный творческий продукт позиционируется как физически осязаемый и удобный в использовании.

3. Привлекательность для инвестора была обозначена в 12 публикациях из 15-ти. Журналисты стремятся подчеркнуть экономические перспективы творческого проекта, способствуют тому, чтобы объект креативных индустрий получил дополнительное финансирование. При этом авторы апеллируют как к настоящим и перспективным финансовым показателям проекта, так и к его возможностям в глобальном масштабе, указывается тренд, он воспринимается как определенный залог успеха.

4. Освещение темы креативных индустрий в окружных СМИ ХМАО - Югры является достаточно подробным: большинство публикаций выполнены в жанре репортажа, который позволяет читателю «погрузиться» в тему, ощутить эффект присутствия в мастерских авторов творческих проектов, познакомиться не только с формальными преимуществами их продуктов, но и узнать, как они создаются, какие дарят эмоции.

5. Не все публикации о креативных индустриях дают необходимую информацию о продукте потребителю и инвестору. Это говорит о том, что в окружных редакциях журналисты не всегда осознают свою роль в коммуникации между авторами творческих проектов, покупателями и инвесторами.

6. В окружных СМИ популярностью пользуются индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия. Журналисты окружных СМИ охотно и подробно рассказывают о родном крае, его уникальных культурных проектах: фестивалях, музеях, экомаршрутах. При этом подчеркивается не только удобство продукции для покупателя, ее качество, но и уникальность, оригинальность.

7. В окружных СМИ наблюдается тенденция усиления интереса к местным проектам, которые основаны на историко-культурном наследии и искусстве. Авторы подробно и интересно (используя жанр репортажа, большое количество фотографий) рассказывают об уникальных этнических фестивалях, туристических объектах, музеях. Такой подход вызывает закономерный интерес у читателя, у потенциального потребителя культурной

услуги. В то же время, региональные журналисты не уделяют внимания коммерческой составляющей креативных проектов, тем самым, ограничивая круг потенциальных инвесторов.

Заключение

В условиях развития информационного общества возможности средств массовой информации значительно увеличиваются – это не только канал информирования, но и инструмент воздействия на массовую аудиторию. Креативные индустрии сегодня – это материальная основа концепции креативной экономики, основанная на реализации креативного капитала (синергическое сочетание человеческого, культурного, социального и институционального капитала) на микро- и макро- и глобальном уровнях. Российское законодательство относит к креативным индустриям отрасли, основанные на использовании историко-культурного наследия, искусства, современные медиа и производство цифрового контента, а также прикладные творческие отрасли.

СМИ и медиа являются не только субъектом креативных индустрий, но и инструментом популяризации и продвижения других отраслей креативных индустрий. Рассказывая о креативных проектах, журналисты участвуют в процессе сотворчества. ХМАО – Югра – регион, который одним из первых на территории РФ приступил к нормативному урегулированию вопросов развития креативных индустрий. Специфика развития творческих проектов на территории ХМАО – Югры заключается в активном использовании этнокультурного потенциала, природных особенностей региона.

Проведенный контент-анализ позволяет заключить, что креативные индустрии являются популярной темой публикаций в федеральных и окружных СМИ, однако подход к их освещению разнится.

В федеральных СМИ при выборе жанра отдается предпочтение новости. Цель журналиста – не подробно рассказать о необычном продукте, а развлечь читателя, продемонстрировать уровень поддержки местных начинаний властями. В отдельных материалах (выполненных в жанре лонгрида) креативные индустрии находят подробное описание: через личные истории, через опыт героев описывается сам продукт, его преимущества для потребителя.

В окружных СМИ, напротив, креативные индустрии зачастую освещаются в жанре репортажа. Такой выбор позволяет журналистам погрузить читателя в творческую атмосферу, познакомить не только с продуктом, но и процессом его создания, с эмоциями, которые дарит взаимодействие с продуктом.

В федеральных СМИ проявляется тенденция к акценту на потребительских свойствах креативного продукта, показателях рентабельности проекта, возможностях применения продукта в новой области, соответствии трендам. На наш взгляд, такая информация выступает в качестве триггера, который стимулирует интерес инвестора и массового потребителя.

В окружных СМИ наблюдается тенденция усиления интереса к местным проектам, которые основаны на историко-культурном наследии и искусстве. Авторы подробно и интересно (используя жанр репортажа, большое количество фотографий) рассказывают об уникальных этнических фестивалях, туристических объектах, музеях. Такой подход вызывает закономерный интерес у читателя, у потенциального потребителя культурной услуги. В то же время региональные журналисты не уделяют внимания коммерческой составляющей креативных проектов, тем самым ограничивая круг потенциальных

инвесторов.

Можно заключить, что в целом для федеральных СМИ характерна тенденция к проявлению утилитаристского и прагматического подхода в освещении темы креативных индустрий. В региональных СМИ эта тенденция не имеет массового характера: местные журналисты в большей мере используют стратегию эмоциональной вовлеченности читателя.

Таким образом, креативные индустрии представляются важным сектором современной экономики, успешность развития которого в значительной мере зависит от позиционирования в СМИ. Положительной тенденцией является возрастающий интерес к данной теме со стороны федеральных и окружных изданий. Чтобы сделать освещение данной тематики более эффективным, необходимо преодолеть формальный подход, использовать инструменты конвергенции, способствовать большей эмоциональной вовлеченности читателя наряду с сохранением содержательности публикаций,

Библиография

1. Белковский С. В., Савинова О. Н. Контент-анализ в журналистиковедческих исследованиях: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017.– С.10.
2. Гольденцвайг Г. Журналистика вынуждена бороться за позицию основного источника информации // Медиатренды. – 2010.-№ 2.-С. 2.
3. Дорошук, Е.С. Содержательная характеристика культурной безопасности в контексте проблематики медиаконтента // Медиаобразы культуры в современной информационном пространстве. Сборник научных статей /нау. ред. Е.С. Дорошук.- Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014.-С.82-91.
4. Залевская М.А., Морданов М.А.Состояниеи перспективыразвития креативных индустрий: опыт Югры // Этап. – 2022. – № 1.
5. Исследования журналистского творчества: современные подходы: Памяти А. А. Тертычного / Е. Л. Вартанова, И. Н. Денисова, С. Б. Стебловская [и др.]. – М.: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова", 2021. – 195 с.
6. Киуру К.Д., Линьков С.В. Драматургический дизайн, нарративный дизайн и визуальный сторителлинг как этапы создания медиапродукта // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2022. – № 3 (45).
7. Комарова, К. С. Роль масс-медиа в развитии креативных (творческих) индустрий в России / К. С. Комарова // Актуальные исследования. – 2022. – № 39(118).-С. 46-48.
8. Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года
<http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBcJIAAtAya8FAVDUfP.pdf>
9. Корконосенко С.Г. Основы творческой деятельности журналиста. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://evartist.narod.ru/text5/58.htm> (дата обращения: 9.03.2023).
10. Олешко В.Ф. Журналистика как творчество: учебное пособие для курсов «Основы журналистики» и «Основы творческой деятельности журналиста». Серия: Практическая журналистика / В.Ф. Олешко. – М.: РИП-холдинг, 2004. – 222 с.
11. Олешко, В. Ф. Творческая реализация журналиста в деловых изданиях / В. Ф.

- Олешко, Е. В. Тарханова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – Т. 147, № 1.-С. 30-39.
12. СМИ играют важную роль в развитии креативных индустрий. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culturepartnership.eu/article/media-plays-important-role-in-the-development-of-creative-industries> (дата обращения: 9.03.2023).
13. Фоминова, Л. А. Роль средств массовой информации в сфере креативных индустрий / Л. А. Фоминова, А. Г. Шкурат // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сборник научных статей. Том Часть VII. – Москва : Издательство "Перо", 2021.-С. 37-43.
14. Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. – М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2011. – 256 с.
15. Цуканов, Е. А. Медиакультура и медиаворчество за пределами технологий / Е. А. Цуканов // Культура в фокусе научных парадигм. – 2019. – № 9. – С. 162-166.
16. Americans for the Arts. – URL: <http://www.americansforthearts.org> (дата обращения: 9.03.2023).
17. Creative economy: a feasible development opinion. – URL: http://unctad.org/es/Docs/ditctab20103_en.pdf (дата обращения: 9.03.2023).
18. Guide on Surveying the Economic Contribution of the Copyright-based Industries, Geneva: WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/copyright/893/wipo_pub_893.pdf (дата обращения: 9.03.2023).
19. Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. – London: Sage Publications, 2002. – 480 p.
20. International Flows of Selected Cultural Goods and Services 1994-2003: Defining and Capturing the Flows of Global Cultural Trade, Montreal: UIS. – URL: https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/international-flows-of-selected-cultural-goods-and-services-1994-2003-en_1.pdf (дата обращения: 9.03.2023).
21. Throsby D. Economics and Culture. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 208 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика освещения темы креативных индустрий в федеральных и окружных СМИ», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения специфики публикаций в различных типах средств массовой информации. Как известно, в условиях развития информационного общества возможности средств массовой информации значительно увеличиваются – это не только канал информирования, но и инструмент воздействия на массовую аудиторию.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной журналистике. Статья является новаторской, одной из первых в российской журналистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный

методы.

В работе автор приводит различные классификации типов креативных индустрий в нашей стране и за рубежом, а также исследование специфики освещения темы креативных индустрий в федеральных и окружных СМИ (Ханты-Мансийского автономного округа — Югры), а также выявление современных тенденций освещения этой темы. Практическим материалом явились тексты изданий «Вечерняя Москва» и «Аргументы и факты» (15 материалов) за 2022-2023 годы и «Новости Югры» и «Аргументы и факты — Югра» (17 материалов) за 2022-2023 годы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 21 источник на русском и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В статье присутствуют ряд опечаток, например, «...идентификацию как субъекта...»

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике, а также в практической подготовке будущих журналистов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика освещения темы креативных индустрий в федеральных и окружных СМИ» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кузин А.Д. — Медиаинформационное сопровождение кредитной деятельности банка (тематика и ключевые смыслы) // Litera. – 2023. – № 7. – С. 58 - 68. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43512 EDN: SCWURV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43512

Медиаинформационное сопровождение кредитной деятельности банка (тематика и ключевые смыслы)

Кузин Александр Дмитриевич

выпускник экономического факультета, магистр по направлению "Менеджмент", Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, предприниматель.

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 44

✉ z1587963@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43512

EDN:

SCWURV

Дата направления статьи в редакцию:

05-07-2023

Дата публикации:

12-07-2023

Аннотация: Статья посвящена особенностям содержания медиаинформационного контента, сопровождающего процессы банковского кредитования. Автор рассматривает ключевые параметры кредитной политики сквозь призму их освещения в специализированных медиатекстах с точки зрения лексико-семантических значений. Предмет исследования – особенности осмыслиения основных лексико-семантических единиц (слова и словосочетания), обозначающих критерии и параметры банковской деятельности, связанной с кредитной политикой, ключевые понятия кредитно-финансовой сферы, которые составляют основное содержание медиатекстов в качестве терминологически-категориального аппарата, обязательны к использованию при продвижении банковских кредитных продуктов, но требуют разъяснения для массовой аудитории в связи с потребностью в минимизации кредитных рисков. В статье показано, как формируются смысловые фреймы, систематизируются наиболее важные тематические разделы и предлагаются ключевые слова и выражения, в том числе и терминологической сферы. Выявлены наиболее существенные смысловые позиции и

определенено, что тематически фреймированное текстовое медиасопровождение, ориентированное на продвижение услуг кредитования, снижение кредитных рисков и кредитно-информационное просвещение аудитории, становится сегодня критически важным условием для эффективного медиаменеджмента в банковской сфере. Определено, что медиаинформационная политика банка, связанная с текстовым сопровождением кредитования, должна строиться на основе интерпретации ключевых понятий, их доходчивого объяснения массовой аудитории.

Ключевые слова:

медиасопровождение, медиаинформационная политика, банковское кредитование, кредитные риски, фрейм, лексика, смысл, продвижение, массовая аудитория, интерпретация

Введение и постановка проблемы

В современных условиях конкуренции и социально-политических катаклизмов особого внимания требует медиадеятельность по продвижению тех или иных услуг и продуктов. Данная ситуация актуальна и для банковской деятельности, ориентированной на массовую аудиторию, в частности – для кредитования населения. Этот вид банковской деятельности сопряжён с тем, что, с одной стороны, банк стремится охватить кредитованием как можно большую часть населения. А с другой, - содержание текстов достаточно сложное, насыщено терминологией, которая требует пояснения и толкования.

Г. В. Лазутина считает, что «термины обозначают разные характеристики этих реалий» [\[1, с. 44\]](#). Известно, что финансовые документы, обязательные к подписанию, часто так сложны для понимания, что раздражают аудиторию. Поэтому медиаинформационная политика банка, связанная с текстовым сопровождением кредитования, должна строиться на основе смыслового истолкования ключевых понятий, их доходчивого и ненавязчивого объяснения массовой аудитории в специализированных медиатекстах. По мнению Е. Л. Вартановой, «медиатекст отличается от других видов текстов и интегрирует ряд особенностей – адресованность массовой аудитории, публицистичность, характеризуемую как принадлежность текстов сфере функционирования идей в обществе, и в результате – его бытование в социальном пространстве» [\[2, с. 9\]](#). Как подчёркивает Г.Н. Трофимова, «любое медиапослание несет в себе информацию, которая вложена в него для того, чтобы передать смыслы, способные стать знанием. Получение такого знания из содержания медиатекста становится важнейшей потребностью современного получателя медиа» [\[3\]](#).

Кредитный риск как предмет освещения в медиатекстах

Необходимость обеспечения эффективного функционирования банков в условиях высокой динамики развития и трансформации современной рыночной среды, связанных с усилением конкурентной борьбы на внутренних и внешних рынках, возникновением новых и существенной модификации существующих факторов, влияющих на банковскую деятельность, закономерно приводит к актуализации задач управления соответствующими рисками. Освещение этих вопросов в медиа – важнейший принцип управления инструментом которой в рамках становятся медиатексты.

Среди всей совокупности банковских рисков одно из центральных мест занимает кредитный риск, который сопровождает кредитные операции и является

фундаментальной основой всей банковской деятельности. В медиапространстве функционирует большое количество специализированных текстов, освещивающих кредитную деятельность банков. Причём их существенная часть – это тексты, направленные на массовую аудиторию, так как кредитование является ключевой сферой взаимодействия с населением.

Риск является составляющим компонентом банковской деятельности, равно как и любой иной финансово-экономической деятельности, в рамках которой принятие управленческих решений обусловлено влиянием большого числа разнообразных факторов и поступков контрагентов, которые сложно спрогнозировать исчерпывающим образом и с высокой степенью достоверности. В том числе это фактор доступности и ясности информации, изложение которой неизбежно сопровождается большим количеством специальной лексики. Именно с неопределенностью, или с вероятностными процессами, обусловленными тяжестью точного предвидения хода событий в будущем, как правило, связывается риск как характеристика любого вида деятельности. Толкование понятия «риск» очевидно нуждается в детализации.

Анализ теоретических источников позволяет отметить, что в научных исследованиях до сих пор отсутствует единый подход к категории «риск». Выяснение места и значения кредитного риска в системе рисков банковской деятельности, прежде всего, предполагает формирование четкого категорийно-понятийного аппарата, то есть установление содержательного наполнения определения дефиниции «кредитного риска», исходя из общенаучных концепций, сформированных отечественными и зарубежными учеными. Для достижения указанной цели необходимо исследовать логику происхождения понятия риска, его сущность и содержание.

В русском языке слово «риск» имеет определённое лексико-семантическое значение: 1) возможность опасности, неудачи; 2) действие наудачу в надежде на удачный исход. В современных отечественных и зарубежных исследованиях не существует единого подхода к определению риска как экономической категории. В целом, обобщая имеющиеся взгляды на данную проблему, можно говорить о существовании следующих двух направлений в трактовке этого понятия:

- «результатное» направление, сторонники которого при определении риска исходят, в первую очередь, из результата события (успеха или неудачи), при этом риск, как правило, понимается как возможность наступления какого-либо неблагоприятного события [\[4, 5, 6, 7, 8, 9\]](#);
- «процессное» направление, в рамках которого определение риска обобщает прохождение целостного процесса, начиная от действия факторов формирования рисковой ситуации и заканчивая получением результата вследствие ее существования [\[10, 11, 12\]](#).

Проблемы толкования понятия «кредитные риски»

Существующая в настоящее время неоднозначность в трактовке содержательного и сущностного понимания категории «риск» связана с попыткой обобщить в ней всю совокупность разнородных факторов опасности и неуверенности и всех их возможных последствий для тех или иных видов деятельности, совместить различные, зачастую кардинально отличные, научные подходы к ее трактовке. Следует уточнить лексико-семантические значения понятий опасности и неуверенности. Слово «опасность» имеет в русском языке значение «потенциальный источник нанесения ущерба; возможность,

угроза бедствия; возможность нанесения вреда». Слово «неуверенность» является полным антонимом понятию «уверенность» и означает «растерянность, сомнение, недоверие».

В современной теории риска можно четко выделить два противоположных взгляда на трактовку данной категории – классический, который представлен такими учеными, как Дж. Моль и И. Сенфор, и неоклассический, представленный А. Маршаллом, А. Пигу, Дж. Кейнсом, принципиальная разница в которых обусловлена различным восприятием характера соотношения между неуверенностью и риском.

Согласно постулатам классической теории, источником возникновения риска является неуверенность, представляющая собой состояние, в котором не представляется возможным добиться объективной квантификации ожидаемой ситуации. Риск рассматривается здесь в виде функции прямой зависимости: с ростом неопределенности возрастает и уровень риска и наоборот. При этом указанные два понятия тесно взаимосвязаны с горизонтом времени: с увеличением продолжительности периода возрастают неопределенность и риски.

Таким образом, в рамках классического подхода «риск» и «неопределенность» в определенной степени отождествляются и рассматриваются как вероятность образования убытков и затрат в результате выбора решения и стратегии деятельности. В условиях неопределенности конечный результат можно предсказать лишь приближенно, взяв одно из потенциально возможных значений.

В свою очередь, представители неоклассической теории риска видят различие между риском и неуверенностью в том, что риску обычно сопутствует возникновение разнообразных характеристик неконтролируемых переменных, тогда как неуверенности это несвойственно [13]. В частности, в соответствии с теорией Ф. Найта, риск представляет собой конечный результат определенной деятельности, которую возможно измерить, используя методы теории вероятности и закона больших чисел. Если же такие расчеты невозможно провести, то результат деятельности является неопределенностью [14]. Указанный подход справедлив лишь с позиции математических вычислений, тогда как в практической деятельности в ситуациях связанных с риском просчитать вероятность результата невозможно.

Сравнивая классический и неоклассический подходы необходимо отметить, что взгляды неоклассиков являются логическим развитием классических. Так, неоклассическая теория предполагает, что генетические корни риска изначально возникают в неопределенности, которая является особым объективным состоянием, что впоследствии вызывает субъективное восприятие опасности – неуверенность. То есть ее сторонниками, как правило, лишь уточняется механизм возникновения причинно-следственной связи между неуверенностью и риском на основе выделения первичных причин формирования состояния неуверенности.

Соответственно, неуверенность или опасность могут быть определены лишь для определенного вида деятельности и с точки зрения соответствующего субъекта и объектов управления. Раскрытие неопределенности или вероятностного характера деятельности через определение опасности и неуверенности относительно достижения установленной цели и обуславливает неоднозначность трактовок понятия «риск», имеющихся в современной научной литературе. Подобная неоднозначность способствует усложнению понимания медиатекстов банковской тематики.

При рассмотрении понятия «риск» можно выделить ряд ключевых фреймов как главных составляющих риска: «исключительно неблагоприятное явление» / «явление, которое может принести выгоду»; «ситуация неопределенности вообще» / «ситуация неопределенности в ожидании только негативных последствий»; «риск как измеряемое событие (вероятность или ущерб)» / «явление, измеряемость которого не является его необходимым атрибутом»; «событие или действие (деятельность) субъекта»; «событие или группа событий»; «объективное или субъективное событие».

При рассмотрении понятия «банковский риск» необходимо адаптировать представление о «риске» в специфических условиях его возникновения в банковской деятельности. Можно выделить шесть основных подходов к пониманию смысла словосочетания «банковский риск», а именно:

- вероятность отклонения от ожидаемого результата;
- угроза потерь;
- вероятность получения как убытков, так и прибыли;
- неуверенность предвосхищение результата;
- ситуативная характеристика банковской деятельности, отражающая неопределенный характер ее исхода;
- деятельность банка, связанная с преодолением неопределенности.

Анализ имеющихся в литературных источниках определений понятия «банковский риск» позволяет выявить несущественные различия, которые заключаются в основном в выбранном подходе к пониманию сущности риска в целом с учетом представленной выше совокупности трактовок. При этом в различных интерпретациях понятия «банковский риск», как правило, акцентируется внимание на его финансовом характере, что, в частности, проявляется в форме возможных исходов ситуации риска. В целом же, банковский риск определяется как возможность понесения банком потерь в случае возникновения неблагоприятных для банка обстоятельств. В состав смысловых фреймов представлений о банковских рисках входят различные компоненты, в том числе:

- риски операционной среды (нормативно-правовые риски, риски конкуренции, экономические риски, страновые риски и др.);
- управленческие риски (риск неэффективной организации или неспособности менеджмента к принятию оптимальных решений, риск злоупотреблений и пр.);
- риски оказания финансовых услуг (операционный, технологический, стратегический риск, риск применения новых финансовых инструментов и др.);
- финансовые риски (в том числе – риск процентной ставки, кредитный, валютный риск, риск ликвидности, риск привлечения заемного капитала и др.).

Кредитный риск априори сопровождает всю совокупность кредитных отношений, которые возникают в ходе реализации банком определенной кредитной сделки и предоставления кредита потенциальному заемщику. В результате мы приходим к двум наиболее полным определениям «кредитных рисков». Первое - количественная интерпретация вероятности возникновения нежелательных событий при проведении банком финансовых сделок, в ходе осуществления которых контрагент банка не в состоянии выполнить взятые на себя по кредитному договору обязательства. Второе - отсутствие уверенности кредитора в

том, что должник окажется в состоянии реализовать свои обязательства по срокам и условиям кредитного договора, а также будет иметь намерения по реализации своих обязательств. И то и другое требует расшифровки и объяснения в медиатекстах, предоставляемых массовой аудитории, на которую направлены кредитные предложения банка. Так, данные определения обобщенно указывают на все возможные причины возникновения такого рода риска, поскольку нарушения каких-либо условий кредитного договора относительно порядка определения суммы долга и осуществления платежей, в частности, периодичности начисления процентов и периодичности погашения основного тела кредита и процентов по нему, сопровождаются финансовыми потерями для банка, нарушением запланированного движения финансовых потоков.

Тематика и проблематика медиатекстов в сфере кредитования

Для современных банков кредитование является одним из основных и важнейших видов услуг, приносящих основной объем доходов. В то же время медиаинформационная политика должна быть направлена на уменьшение объема кредитных задолженностей и на превентивную профилактическую работу с населением по разъяснению возможностей и смыслов кредитования. Следовательно, каждому банку принципиально важно сформировать свою коммуникативную стратегию кредитной политики и её медиаинформационного сопровождения, которые обеспечили бы реализацию комплекса мер, в том числе и информационных, по взаимодействию банков и населения. Если под кредитной политикой подразумевается система разнообразных денежно-кредитных мероприятий, реализуемых банком в целях достижения определенных финансовых результатов, то к сфере медиаинформационного сопровождения относится подробное, доступное и доходчивое разъяснение специфики банковского кредитования населения в целом, а также такое же доступное толкование смыслов и значений понятия «кредитные риски».

Сущность кредитной политики коммерческих банков представлена в виде документа, определяющего совокупность целей, задач, ключевых принципов и практических действий кредитной организации в сфере операций, обусловленных принятием кредитного риска. В широком смысле – это стратегия и тактика банка в сфере кредитных операций [15]. Но подобная стратегия не может быть эффективной без медиаинформационной политики, сущность которой заключается в реализации создания и распространения среди населения соответствующих медиатекстов, интерпретирующих в форме, доступной для населения, суть, смыслы и значения терминологических словесных обозначений, являющихся ключевыми для адекватного понимания и взаимодействия.

В стратегическом плане, кредитная политика призвана определять приоритеты, принципы и цели банковского учреждения на кредитном рынке, в тактическом – представляет собой совокупность финансовых и прочих инструментов, используемых для достижения целей банка в ходе проведения кредитных сделок, включая порядок их совершения, подходы к организации процесса кредитования. Медиаинформационная политика, соответственно, призвана разъяснить населению все действия и меры реализации кредитной политики банка с целью уменьшения кредитных рисков и безопасного расширения объема кредитования. Грамотное использование соответствующих медиатекстов, насыщение их определенными вербальными средствами, позволяет использовать их как эффективные инструменты коммуникативных стратегий, направленных на снижение потенциальных рисков.

В качестве рекомендации по разработке содержательного наполнения медиатекстов

можно предложить детализацию мероприятий кредитной политики, которая предполагает применение комплексного подхода, охватывающего:

- детальную регламентацию процесса кредитования;
- разработку и применение оптимальных схем администрирования кредитов;
- сопровождение и мониторинг кредитов в течение всего срока кредитования,
- ранее выявление и своевременную санацию проблемных кредитов;
- разработку критериев проблемности кредитов и алгоритмов реагирования на ее признаки;
- идентификацию кредитов по уровню риска, своевременное и полное формирование резерва под возможные потери по ссудам и систематическую его корректировку;
- систематическую оценку качества и тенденций кредитного портфеля [\[16, с. 115\]](#).

Прежде всего, следует определить основную проблематику медиатекстов о кредитовании, которая согласуется со всей совокупностью целей и задач кредитной политики банка:

- поддержание оптимального соотношения риска и доходности банковского кредитного портфеля;
- определение ориентиров в сфере позиционирования на кредитном рынке согласно банковской стратегии развития;
- формирование действенной организационной структуры по оперативному и активному управлению кредитными рисками;
- формулирование базовых принципов как основы управления кредитными рисками в банке;
- разработка четких стандартов, определяющих полномочия в сфере управления кредитными рисками;
- организация выполнения законодательства, а также требований собственных внутренних распорядительных документов.

Важно разъяснить различия между тремя разновидностями кредитной политики банка: агрессивной, консервативной и умеренной [\[17, с. 113-114\]](#). В рамках проведения агрессивной кредитной политики банк нацелен на максимизацию доходности по каждой категории кредитов, сгруппированных по степени срочности и с учетом уровня риска вероятного сокращения дохода по совокупному кредитному портфелю банка. Тут требуют толкования термины «максимизация», «доходность». При консервативной кредитной политике банк своей основной целью полагает достижение умеренного, но стабильного дохода с обеспечением наивысшей надежности кредитных вложений, а формирование оптимального кредитного портфеля осуществляется исходя из стремления банка к поддержанию минимальной доходности и как можно большей минимизации риска. Наконец, основная цель умеренной кредитной политики заключается в обеспечении банком наиболее стабильного среднего дохода в сочетании со средним допустимым уровнем риска, при котором банковское учреждение может выполнять кредитование не только надежных, но и некоторого числа высокорисковых заемщиков.

Обеспечение эффективного кредитного процесса требует его адекватного освещения в сопровождающих медиатекстах. Это особенно актуально для российской банковской системы в настоящее время, в период санкций, когда кредитная политика становится более жёсткой и рискованной. Для того чтобы нивелировать эту ситуацию, банкам необходимо предпринять меры для увеличения объёма медиатекстов, разъясняющих специфику финансовых ресурсов, которые можно было бы направить на кредитование.

Особенно подробно следует рассказывать о деятельности по управлению кредитными рисками на всех стадиях кредитного процесса: начиная с рассмотрения кредитной заявки, структурирования и экспертизы намечаемой кредитной сделки, вынесения заключения по кредитной заявке, заключения сделки (открытия кредитного лимита) и заканчивая кредитным администрированием (оформлением сделки, ведением кредитного досье и пр.), мониторингом использования ссуды, мониторингом финансового положения клиента, обслуживания заемщиком кредита, исполнения клиентом своих обязательств вплоть до момента окончательного завершения расчетов по сделке.

Цели и задачи медиаинформационной политики в сфере банковского кредитования

В условиях нестабильной внешней среды банку, с целью налаживания и дальнейшего поддержания устойчивых связей с клиентами необходимо обеспечить высокий уровень постоянной медиакоммуникации через воспроизведения медиатекстов между банком и клиентами в ходе формирования портфеля кредитов, чтобы минимизировать вероятные потери посредством изменения условий кредитования. Обеспечивая разнообразный набор кредитных продуктов, коммерческий банк, тем самым повышает свою привлекательность для широкого круга клиентов. Правильное освещение этих продуктов, их выгодных сторон, содержания и преимуществ, является важнейшей задачей банковской медиаинформационной политики, решение которой зависит от грамотного выбора языковых и стилистических средств для формирования содержания самих медиатекстов.

Активная медиаинформационная политика позволяет облегчить последствия негативных или кризисных изменений в различных секторах экономики и территориях на уровень качества кредитного портфеля, что в свою очередь будет способствовать упрощению диверсификации структуры портфеля кредитов. Адекватное медиаинформационное сопровождение может стать эффективным инструментом, во многом способствующим обеспечению оптимальной концентрации кредитного портфеля, направленной на снижение кредитного риска. В рамках решения своих стратегических задач банк должен непрерывно совершенствовать совокупность требований к описанию в сопровождающих медиатекстах целевой структуры своего кредитного портфеля, повышая таким образом свою конкурентоспособность на рынке кредитных услуг.

Банку, располагающему широкой сетью филиалов, важно полноценное медиаинформационное освещение процессов оптимизации структуры кредитного портфеля, учитывая региональные особенности территорий, где находятся банковские филиалы. Для снижения избыточной концентрации кредитных рисков, сопровождающих операции с заемщиками из различных регионов, банк должен предусмотреть ряд текстов в рамках комплекса мер медиаинформационной политики по освещению региональной диверсификации своего кредитного портфеля, учитывая при этом культурную и языковую специфику региональной аудитории, что позволит облегчить толкование продвигаемых смыслов и информации банка. Кроме того, следует обратить внимание на оптимизацию концентрации кредитных рисков в разрезе отдельных экономических секторов. Работая над концентрацией по отраслям, банк должен отдавать предпочтение тем секторам

экономики, которые наименее подвержены рыночным рискам, характеризуются стабильными темпами развития и адекватным характером агрегированной задолженности. В сопровождающих медиатекстах необходимо обстоятельное разъяснение подобных действий банка и их значимости для эффективных кредитных взаимоотношений. Банку, в рамках своей медиаинформационной политики, сопровождающей его кредитную политику, следует подробно разъяснить отраслевую структуру кредитного портфеля, учитывая целевые уровни вложения в материальное производство и непроизводственную сферу.

Важнейшим принципом регулирования кредитного риска является диверсификация банковского кредитного портфеля по видам кредитных операций [18, с. 265]. Эта тема также должна найти отражение в разъясняющих сопроводительных медиатекстах. Указанный принцип кредитной деятельности банка, в совокупности с прочими составляющими, выражается в определении оптимальной структуры банковского кредитного портфеля в разрезе размеров кредитов, классов активов, уровней риска. Чтобы оптимизировать совокупный кредитный риск для кредитного портфеля в целом, банку следует управлять структурой данного портфеля по таким классам активов, как суверенные заемщики (центральные банки государств и сами государства), банковские и прочие финансовые организации, корпоративные заемщики, розничные заемщики. Описание активов является еще одной важной темой медиаинформационного сопровождения.

Достижение банком оптимальной сбалансированности кредитного портфеля по уровню рисков и финансовой устойчивости возможно на основе эффективного управления портфельной структурой и с учетом принятой в банке классификации в рамках системы клиентских рейтингов. При всесторонней и полноценной разъяснительной медиполитике аудитория получает не только необходимый пакет знаний, но и устойчивые положительные эмоции, облегчающие взаимопонимание банка-кредитора и заёмщика. «Движение от институциональной массовой коммуникации к медиакоммуникации есть следствие возрастания значимости потребителя медиапродуктов в коммуникационном процессе в результате создания современных технологических посредников, лишивших СМИ монополии на распространение смыслов» [19].

Вывод

Таким образом, кредитная политика как основа для всего процесса кредитования, определяет его параметры и особенности. Поддержание приемлемого уровня кредитного риска с одновременным достижением планового объема дохода от ссуд в условиях нестабильной внешней среды требует от банков применения не только научно обоснованной кредитной политики, с опорой на данные анализа текущей рыночной ситуации и своевременной реакцией на изменение факторов, способных оказать влияние на рынок кредитных услуг. Крайне важным становится тематически фреймированное текстовое медиаинформационное сопровождение, ориентированное на продвижение услуг кредитования, снижение кредитных рисков и кредитно-информационное просвещение аудитории.

Библиография

1. Лазутина Г. В. Термины — хранилище концепций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 1. С. 41-59
2. Вартанова Е. Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 1., 2011: 9. С. 8-15

3. Трофимова Г. Н. К проблеме формирования смыслов современными медиа // Медиаскоп. 2021. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2694>
4. Ендовицкий Д. Систематизация методов анализа и оценка инвестиционного риска / Д. Ендовицкий, С. Коменденко // Инвестиции в России. – 2001. – № 3. – С. 39–46
5. Жоваников В. Н. Риск-менеджмент в коммерческом банке в условиях переходной экономики // Деньги и кредит. –2002. – № 5. – С. 60–65
6. Кинев Ю. Ю. Оценка рисков финансово-хозяйственной деятельности предприятий на этапе принятия решения // Менеджмент в России и за рубежом. – 2000. –№ 5. – С. 73–83
7. Кривов В. Проблема рисков при принятии управленческих решений // Управление риском. – 2000. – № 4. – С. 15–17
8. Филин С. Неопределенность и риск. Место инновационного риска в классификации рисков // Управление риском. – 2000. – № 4. – С. 25–30.
9. Балабанов И. Т. Риск-менеджмент. – М. : Финансы и статистика, 1996. – 192 с
10. Масленников Ю. С. Системное и ситуационное управление банковской деятельностью / Ю.С.Масленников, Ю. Н. Тронин // Бизнес и банки. – 1998. – № 3. – С. 2–5
11. Серегин Е. В. Предпринимательские риски. – М.: Финансовая академия, 1994. – 364 с.
12. Тронин Ю. Н. Можно ли управлять рисками? // Банковские технологии. – 2000. – № 3. – С. 60–63
13. Шапкин А. С. Экономические и финансовые риски. Оценка, управление, портфель инвестиций. – 3-е изд. – М. : «Дашков и Ко», 2004. – 544 с.
14. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М. : Дело. – 2003. – 360 с
15. Иванова Е.В. Функции кредитной политики коммерческого банка на макро и микроуровне // Студенческая наука XXI века.-2016.-№ 2-2(9).-С. 115.
16. Литвиненко В. С. Роль и значение кредитной политики коммерческого банка // Вестник научных конференций.-2016.-№ 2-6 (6).-С. 68.
17. Зайцева М. В. Оптимизация кредитного портфеля коммерческого банка: Дис. .. канд. экон. наук. – М., 2014. – С. 113-114.
18. Ковальчук Д. С. Проблемы реализации эффективной кредитной политики банков // Science Time.-2016.-№ 2(26).-С. 265.
19. Коломиец В. П. Концептуализация медиакоммуникации // Медиаскоп. 2019. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2575> DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Медиаинформационное сопровождение кредитной деятельности банка (тематика и ключевые смыслы)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», представленная на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения особенностей медиадеятельности по продвижению тех или иных услуг и продуктов в современных условиях конкуренции и социально-политических катаклизмов. Как известно, в условиях развития информационного общества возможности средств массовой информации значительно

увеличиваются – это не только канал информирования, но и инструмент воздействия на массовую аудиторию.

В статье автор уделяет внимание медиаинформационной политики банка, связанной с текстовым сопровождением кредитования.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной журналистике. Статья является новаторской, одной из первых в российской журналистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Неясен практический материал исследования, а именно на чем зиждется исследование, каков языковой корпус, отобранный для проведения работы?

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающейся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит сведения из истории изучения вопроса, автор не приводит основных концепций и научных направлений, что не позволяет выделить приращение научного знания, сделанное автором.

Выводы по статье не в полной мере отражают проведённое исследование и требуют уточнения.

Библиография статьи насчитывает 19 источников исключительно на русском языке. Считаем, что работы зарубежных ученых обогатили бы настоящую работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа.

Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике, а также в практической подготовке будущих журналистов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Медиаинформационное сопровождение кредитной деятельности банка (тематика и ключевые смыслы)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сы Х. — Нереализованная речь персонажей А.П. Чехова в аспекте семейной коммуникации // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43619 EDN: TCQQOA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43619

Нереализованная речь персонажей А.П. Чехова в аспекте семейной коммуникации

Сы Хунфэн

аспирант, кафедра русского языка, Южный федеральный университет

344010, Россия, Ростовская область, г. Ростов На Дону, ул. Зорге, 21

✉ jerry_on_don@qq.com

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43619

EDN:

TCQQOA

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2023

Дата публикации:

03-08-2023

Аннотация: В статье представлен анализ фрагментов нереализованной речи героев А.П. Чехова в текстах повестей и рассказов, написанных в 1888-1904 гг.: «Бабы», «Жена», «Соседи», «Страх», «Черный монах», «Рассказ неизвестного человека». Выявлены типичные способы введения нереализованной речи в авторский контекст. В ходе исследования было установлено, что нереализованная речь передаёт сокровенные мысли и эмоциональное состояние главных героев, являясь важным фактором для понимания сути многих событий, которые происходят в семенной жизни персонажей А.П. Чехова. Нереализованная речь представляет собой значимый компонент текста, способствующий правильной интерпретации той либо иной ситуации, которая связана с семейной коммуникацией чеховских персонажей. Нереализованная речь, внутренняя по своей природе, имеет внеречевую причину, по которой она не может быть выражена словесно. В большинстве случаев такой причиной является эмоциональное состояние персонажа, представленное в чеховском тексте описанием мимики или жеста, внеречевая ситуация, не позволяющая выразить программируемое – чтобы не обидеть

другого. Анализируя фрагменты рассказов данного периода творчества А.П. Чехова, репрезентирующие семейную коммуникацию, можно прийти к выводу о том, что нереализованная речь актуализирует внутреннеречевую ситуацию в исследуемых текстах. Типичными способами передачи нереализованной речи являются несобственно-прямая, прямая или косвенная речь, реже встречается в этой функции тематическая речь в авторском повествовании. Типичным вводом для нереализованной речи является модальный глагол со значением желания или волеизъявления + инфинитив со значением речевой деятельности в конструкции с противительным союзом: хотел сказать, но...; хотелось сказать, но...; хотел ответить, но... и т.д.

Ключевые слова:

речь, семейная коммуникация, нереализованность, Чехов, речь героев, персонаж, повесть, рассказ, авторский контекст, главный герой

Введение

Типичные для рассказов и повестей А.П. Чехова фрагменты нереализованной речи являются крайне важным, если не определяющим фактором для понимания сути художественного произведения. Нереализованная речь представляет собой значимый компонент текста, способствующий правильной интерпретации той либо иной ситуации, которая связана с семейной коммуникацией чеховских персонажей. Кроме того, фрагменты нереализованной речи способствуют созданию психологических характеристик героев произведений.

Тема настоящего исследования привлекала внимание многих ученых, особенно в аспекте изучения проблем коммуникации в произведениях А.П. Чехова (работы А.Д. Степанова (2006), Г.П. Козубовской (2005), Д. Сабадаш (2005), А.А. Щербаевой (2008) и др.). А.А. Щербаева подчеркивала, что «одной из характерных тенденций современного этапа развития языкоznания является детальная разработка парадигм человеческого фактора в речевой деятельности» [Щербаева, 2008, с. 108]. Анализ речевой деятельности героев рассказов и повестей А.П. Чехова позволит выявить общие проблемы семейной коммуникации.

Исследование и его результаты

Семейная коммуникация в прозе писателя передается как на вербальном, так и на невербальном уровнях, что зависит от конкретной жизненной ситуации, изображенной в художественном тексте. Исследователь Г.П. Козубовская отмечает, что «традиционно жест в художественной литературе рассматривается как сиюминутное выражение состояния человека» [Козубовская, 2005, с. 232]. Действительно, невербальная коммуникация, сопровождающая речь героев, в том числе и нереализованную, дает представление об эмоциональном состоянии персонажа, о причинах невозможности речевой реализации.

Одним из факторов, оказавших влияние на семейную коммуникацию, стал процесс демократизации семейных отношений в России в период конца XIX века. Этот процесс был тесно связан с эмансипацией женщины, изменения ее социальной роли. «Демократизация внутрисемейных отношений происходила крайне медленно. К началу XX в. среди дворянства и интеллигенции внутрисемейные отношения также во многом сохраняли традиционные черты, характерные для патриархального уклада в семье

(главой является мужчина, он же основной кормилец и защитник семьи, младшие подчиняются старшим). Социальные, экономические и политические процессы начали интенсивнее оказывать влияние на семью. Под их воздействием меняется состав семьи от многопоколенной (как правило, три поколения), многодетной к нуклеарной (родители и ребенок), структура распределения власти в семье от патриархата к детоцентристской (ребенок в центре внимания родителей, все, что делается в семье, для него и ради него» [Гончарова, 2013, с. 227].

Исторический период, отраженный в рассказах и повестях А.П. Чехова, выбранных в качестве языкового материала, охватывает первую и вторую половину XIX и начало XX века, когда особенно остро стояли вопросы семейной жизни. В анализируемых текстах писатель при помощи нереализованной речи изображает изменения в обществе, связанные с новой парадигмой отношения к женщине. Сокровенные мысли героев и героинь чеховских повестей и рассказов скрыты именно в нереализованной речи, вербально выраженной опорными глаголами или глагольно-именными сочетаниями: *сказал, подумал, хотел выразить мысль и под.*

Анализируя фрагменты рассказов данного периода творчества А.П. Чехова, репрезентирующие семейную коммуникацию, можно прийти к выводу о том, что нереализованная речь актуализирует внутреннеречевую ситуацию в исследуемых текстах. Типичными способами передачи нереализованной речи являются несобственно-прямая, прямая или косвенная речь, реже встречается в этой функции тематическая речь в авторском повествовании. Например: «**Что сказать ему? – думала она. – Я скажу,** что ложь тот же лес: чем дальше в лес, тем труднее выбраться из него. **Я скажу:** ты увлекся своею фальшивою ролью и зашел слишком далеко, ты оскорбил людей, которые были к тебе привязаны и не сделали тебе никакого зла...» [Чехов, т.7, с. 173]. В анализируемом фрагменте представлен внутренний диалог героини, которая хочет поговорить с мужем. Однако разговор не состоялся: множество гостей и праздничная суeta заставляют ее принять временную роль и изображать радушную хозяйку дома. Речь героини так и остается нереализованной.

Нереализованная речь в finale рассказа характерна для героя рассказа «Именины» Петра Дмитрича, который пришел к осознанию трагического события. Эмоциональная реакция героя на это событие стала причиной невозможности выразить словесно то, что он чувствовал: «**Он глядел в сторону, шевелил губами и улыбался детскими-беспомощно.**

– Всё уже кончилось? – **спросила** Ольга Михайловна.

Петр Дмитрич хотел что-то ответить, но губы его задрожали, и рот покривился старчески, как у беззубого дяди Николая Николаича» [Чехов, т. 7, с. 197-198]. Нереализованная речь Петра Дмитрича, изображение деталей невербального общения с героиней вызваны особым психологическим состоянием, которое он переживает после потери ребенка. Внутреннее эмоциональное состояние персонажа в finale рассказа позволяет увидеть изменения, которые произошли в его душе. Об этом «открытии души» как о «наиболее высоких нравственных требований, предъявляемых к человеку», пишет В.В. Дементьев, определяя эмоциональную и нравственную кульминацию русской коммуникации [Дементьев, 2013, с. 9].

Отличие внутренней речи от нереализованной в том, что, как правило, интроспективная речь/мысль направлена внутрь субъекта, это разговор с самим собой, результатом которого может явиться вербализованная реплика диалога, либо неверbalный акт

(например, молчание или изображенные жест, мимика). Нереализованная речь, внутренняя по своей природе, имеет внеречевую причину, по которой она не может быть выражена словесно. В большинстве случаев такой причиной является эмоциональное состояние персонажа, представленное в чеховском тексте описанием мимики или жеста, внеречевая ситуация, не позволяющая выразить программируемое – чтобы не обидеть другого.

Глагольные лексемы, вводящие нереализованную речь персонажа, могут относиться к микрополю интеллектуальной деятельности – думать, но чаще составляют сочетание двух слов, одно из которых – глагол интеллектуальной деятельности, принадлежащий лексико-семантической группе со значением желания (модальный) или решения – хотел, решил, второе – прототипический глагол «речевой деятельности» в форме инфинитива – сказать (говорить) или глаголы с семантикой речевого общения – ответить, спросить.

Типичным контекстом, в котором функционируют глаголы, вводящие нереализованную речь, можно считать третьесличное повествование, хотя они встречаются и в первоначальном нарративе. Например, персонаж текста «Рассказ неизвестного человека» вступает в диалог с любимой женщиной, обманутой другим:

«- Ну, да уж ладно! Он трус, лжец и обманул меня, а вы? Извините за откровенность: вы кто? Он обманул меня и бросил на произвол судьбы в Петербурге, а вы обманули и бросили меня здесь. Но тот хоть идей не приплетал к обману, а вы...»

*- Бога ради, зачем вы это говорите? – **ужаснулся я, ломая руки и быстро подходя к ней.** – Нет, Зинаида Федоровна, нет, это цинизм, нельзя так отчаиваться, выслушайте меня. – **продолжал я, ухватившись за мысль, которая вдруг неясно блеснула у меня в голове и, казалось, могла еще спасти нас обоих.** – Слушайте меня. Я испытал на своем веку много, так много, что теперь при воспоминании голова кружится, и я теперь крепко понял мозгом, своей изболевшей душой, что назначение человека или ни в чем, или только в одном – в самоотверженной любви к ближнему. Вот куда мы должны идти и в чем наше назначение! Вот моя вера!*

Дальше я хотел говорить о милосердии, о всепрощении, но голос мой вдруг зазвучал неискренно, и я смущился...» [Чехов, т. 8, с. 199]

Высокие фразы, о которых подумал и которые намеревался сказать Владимир Ильич, герой рассказа, оказались не только неуместными в той ситуации, в которой находилась собеседница, но и лживыми. Именно это стало причиной невозможности выразить вербально эти мысли, по сути осознание неискренности уже сказанного привело к нереализованной речи.

В первоначальном повествовании рассказа «Бабы» персонаж выполняет функции рассказчика, описывая события со своей точки зрения. Нереализованная речь содержит модус персонажа-рассказчика: «... К тому времени я дурь из головы выбросил, и за меня уж хорошую невесту сватали, и **не знал я только, как с любвишкой развязаться.** Каждый день **собирался поговорить** с Машенькой, да не знал, с какой стороны к ней подступить, чтоб бабьего визгу не было» [Чехов, т.7, с. 345]. Намеренное введение автором диминутива «любвишка» характеризует самого героя как человека лицемерного, циничного, не способного понять душевное состояние любящей его женщины. Неискренность внешней речи вызвана стремлением выглядеть перед людьми богобоязненным человеком, однако истинное лицо говорящего автор раскрывает, вводя в речь персонажа, рассказывающего о своих отношениях с Машенькой, глаголы семантического поля «речевая деятельность» и квалификаторы, которые представляют

«риторичность» говорящего: «...Как будто мне было внушение от ангела небесного, прочитал я ей наставление и говорил так чувствительно, что меня даже слеза прошибла» [Чехов, т.7, с. 346].

В рассказе «Жена», где представлено повествование от лица мужа, также есть фрагменты нереализованной речи, например: «... Мне хотелось сойти вниз и сказать ей, что ее поведение за чаем оскорбило меня, что она жестока, мелочна и со своим мещанским умом никогда не возвышалась до понимания того, что я говорю и что я делаю. Я долго ходил по комнатам, придумывая, что скажу ей, и угадывая то, что она мне ответит» [Чехов, т.7, с.469]. Намерения героя высказать жене свои претензии не осуществились, однако он принял решение пойти к ней, хотя знал, что это будет неуместно. Выделенный курсивом в тексте рассказа повтор личного местоимения «я» раскрывает характер персонажа, его эгоизм, ревность и равнодушие к интересам жены, тщеславие, нежелание понять другого. Нереализованная речь героя построена на обвинении близкого человека, которого, как признается сам Павел Андреевич, он не знал и не понимал.

В большинстве проанализированных фрагментов текста, представляющих семейную коммуникацию, нереализованная речь персонажей вводится автором в объективированное повествование от 3 лица. Например: «Она глядела покойно и обыкновенно, как будто вместе с братом приехала к Власичу в гости. Но Петр Михайлыч чувствовал, что произошла какая-то перемена в нем самом. В самом деле, прежде, когда она жила дома, он мог говорить с нею решительно обо всем, теперь же он был не в силах задать даже простого вопроса: «Как тебе живется здесь?» Этот вопрос казался неловким и ненужным... [Чехов. т.8, с. 67-68].

Нереализованный вопрос героя рассказа «Соседи» вполне оправдан теми внутренними изменениями, которые произошли в нем после встречи с сестрой. Он почувствовал и понял, что отношения между Зиной и Власичем серьезны, основаны на любви и взаимопонимании, а то, что казалось страшным и невозможным, с точки зрения окружающих, на самом деле таковым не является.

Нереализованная речь персонажей принадлежит авторскому повествованию, хотя передан модальный план самого героя. Об этом говорит в своей докторской диссертации В.П. Ходус, анализируя метапоэтику драматического текста А.П. Чехова: «Мысли героев пропущены через авторское сознание, но тем не менее они существуют» [Ходус, 2009, с. 27]. Подразумеваемая речь героев в тексте оказывается нереализованной, и причины того, что мысли персонажа не были верbalизованы, представлены самим же автором. В рассматриваемом фрагменте эти причины заключены во внутреннем, душевном состоянии героев.

В рассказе А.П. Чехова «Черный монах» невысказанные эмоции героини играют очень важную роль в репрезентации концептуальных смыслов повествования. Сам образ Черного монаха в аспекте темы нашего исследования является значимым. По сути, этот воображаемый персонаж передает сгусток нереализованных мыслей героя рассказа, которые способствуют созданию его образа.

Главный герой Андрей Коврин рассказывает в начале повествования Тане Песоцкой во время прогулки в саду легенду о Черном Монахе. Считаем, что именно это запускает цепочку событий, которые ведут к трагической развязке.

Именно нереализованная речь главного героя определяет понимание образа Черного монаха. «Черный монах» вводится в текст в форме модели параллельного

повествования. С одной стороны, идет изложение сюжета, и с другой – разговоры Андрея Коврина и Черного монаха, что говорит о психическом расстройстве главного героя, которое явно для других персонажей:

Коврин от волнения не мог говорить. Он хотел сказать текстю шутливым тоном: – Поздравьте, я, кажется, сошел с ума, – но пошевелил только губами и горько улыбнулся [Чехов, Т. 8 с. 235].

Именно это психологическое расстройство передается через нереализованную речь главного героя, которая выражена глагольной лексикой *от волнения не мог говорить, хотелось сказать, думал* и др.

В повести Таня, жена главного героя, едва сдерживается, чтобы не выразить эмоционально свои чувства мужу. Эгоизм больного человека вызывает у близких отторжение. Нереализованная речь является причиной понимания сути того чувства, которое Таня испытывает к мужу: «**Ей захотелось сказать ему что-нибудь обидное, но тотчас же она поймала себя на неприязненном чувстве, испугалась и пошла из спальни**» [Чехов, т. 8, с. 254]. Героиня чувствует, что Коврин стал чужим ей человеком, именно поэтому она так и не сказала ему обидные слова, которые могут быть обращены только близкому. В семейной жизни такие конфликты, от которых страдают оба любящих человека, обычно заканчиваются примирением. Однако неприязненное чувство испытывают к тому, кого уже не любят, к чужому.

А.П. Чехов говорит о важности и необходимости искренней речи в семейной коммуникации. Нереализованная речь передает скрытые мысли главных героев, которые они не могут высказать вслух. Первопричиной возникновения такой речи в большинстве случаев является эмоциональное состояние персонажа, вноречевая ситуация.

В большинстве проанализированных фрагментов текста, представляющих семейную коммуникацию, нереализованная речь персонажей вводится автором в объективированное повествование от 3 лица. Типичным глагольным сочетанием, вводящим нереализованную речь, является модальный глагол со значением желания или волеизъявления + инфинитив со значением речевой деятельности в конструкции с противительным союзом: *хотел сказать, но...; хотелось сказать, но...; хотел ответить, но... и т.д.*

Библиография

1. Гончарова Т.С. Российская семья: история и современность. ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет». Воронеж, 2013.
2. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и грамматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.
3. Козубовская Г. П., Сабадаш Д. «Попрыгунья» А. П. Чехова и поэтика жеста. Нереализованный миф о Пигмалионе и Галатее // Культура и текст. 2005. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poprygunya-a-p-chehova-i-poetika-zhesta-nerealizovannyy-mif-o-pigmalione-i-galatee> (дата обращения: 15.02.2023).
4. Ходус В.П. Метапоэтика драматического текста А.П. Чехова: лингвистический аспект. 2009.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7. М., 1978.
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 8. М., 1978.
7. Щербаева А.А. Дискурсивные особенности речи персонажей в произведениях А. П.

Чехова // Культурная жизнь Юга России. 2008. №3. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-osobennosti-rechi-personazhey-v-proizvedeniyah-a-p-chehova> (дата обращения: 15.02.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи привлекала внимание многих ученых, особенно в аспекте изучения проблем коммуникации в произведениях А.П. Чехова. Предметная область работы достаточно интересна, думается, что новый взгляд на вопрос коммуникации в текстах А.П. Чехова вполне правомерно может быть высказан. Работа имеет строгий, выверенный вид, части логически связаны друг с другом. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, это проявляется в следующих фрагментах – «Семейная коммуникация в прозе писателя передается как на вербальном, так и на невербальном уровнях, что зависит от конкретной жизненной ситуации, изображенной в художественном тексте. Исследователь Г.П. Козубовская отмечает, что «традиционно жест в художественной литературе рассматривается как сиюминутное выражение состояния человека» [Козубовская, 2005, с. 232]. Действительно, невербальная коммуникация, сопровождающая речь героев, в том числе и нереализованную, дает представление об эмоциональном состоянии персонажа, о причинах невозможности речевой реализации», или «Исторический период, отраженный в рассказах и повестях А.П. Чехова, выбранных в качестве языкового материала, охватывает первую и вторую половину XIX и начало XX века, когда особенно остро стояли вопросы семейной жизни. В анализируемых текстах писатель при помощи нереализованной речи изображает изменения в обществе, связанные с новой парадигмой отношения к женщине. Сокровенные мысли героев и героинь чеховских повестей и рассказов скрыты именно в нереализованной речи, вербально выраженной опорными глаголами или глагольно-именными сочетаниями: сказал, подумал, хотел выразить мысль и под», или «Отличие внутренней речи от нереализованной в том, что, как правило, интроспективная речь/мысль направлена внутрь субъекта, это разговор с самим собой, результатом которого может явиться вербализованная реплика диалога, либо невербальный акт (например, молчание или изображенные жест, мимика). Нереализованная речь, внутренняя по своей природе, имеет внеречевую причину, по которой она не может быть выражена словесно. В большинстве случаев такой причиной является эмоциональное состояние персонажа, представленное в чеховском тексте описанием мимики или жеста, внеречевая ситуация, не позволяющая выразить программируемое – чтобы не обидеть другого» и т.д. Примеры, которые вводятся в текст, уместны, иллюстративны, качественны. Работа ориентирована на качественный, филологический анализ: «В рассказе «Жена», где представлено повествование от лица мужа, также есть фрагменты нереализованной речи, например: «... Мне хотелось сойти вниз и сказать ей, что ее поведение за чаем оскорбило меня, что она жестока, мелочна и со своим мещанским умом никогда не возвышалась до понимания того, что я говорю и что я делаю. Я долго ходил по комнатам, придумывая, что скажу ей, и уггадывая то, что она мне ответит» [Чехов, т.7, с.469]. Намерения героя высказать жене свои претензии не осуществились, однако он принял решение пойти к ней, хотя знал, что это будет неуместно. Выделенный курсивом в тексте рассказа повтор личного местоимения «я» раскрывает характер персонажа, его эгоизм, ревность и равнодушие к интересам жены, тщеславие, нежелание понять другого. Нереализованная речь героя построена на обвинении

близкого человека, которого, как признается сам Павел Андреевич, он не знал и не понимал». Выводы по тексту соотносятся с основной частью: «А.П. Чехов говорит о важности и необходимости искренней речи в семейной коммуникации. Нереализованная речь передает скрытые мысли главных героев, которые они не могут высказать вслух. Первопричиной возникновения такой речи в большинстве случаев является эмоциональное состояние персонажа, внречевая ситуация. В большинстве проанализированных фрагментов текста, представляющих семейную коммуникацию, нереализованная речь персонажей вводится автором в объективированное повествование от 3 лица. Типичным глагольным сочетанием, вводящим нереализованную речь, является модальный глагол со значением желания или волеизъявления + инфинитив со значением речевой деятельности в конструкции с противительным союзом: хотел сказать, но...; хотелось сказать, но...; хотел ответить, но... и т.д.». Основные требования издания учтены, практический характер работы наличен; текст не нуждается в серьезной правки и расширении. Материал можно продуктивно использовать в вузовской и школьной практике при работе с текстами А.П. Чехова. Рекомендую статью «Нереализованная речь персонажей А.П. Чехова в аспекте семейной коммуникации» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Похаленков О.Е. — Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.40130 EDN: TMENVW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40130

Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне

Похаленков Олег Евгеньевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра литературы, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
248002, Россия, Калужская область, г. Калуга, ул. Николо-Козинская, 56, кв. 8

✉ olegpokhalenkov@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.40130

EDN:

TMENVW

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2023

Аннотация: В представленной работе автор рассматривает немецкоязычную прозу о Второй мировой войне. Компаративистский анализ осуществляется на материале романа одного из самых знаменитых немецких прозаиков и писателей-антифашистов "Время жить и время умирать" Эриха Марии Ремарка и романе современного немецкого прозаика Уве Тимма "На примере брата". Объектом исследования выступает поэтика вышеназванных произведений в сравнительном аспекте. Предмет - реализация центрального образа произведения - образа "немца-нациста", который является участником Восточного похода. Автор подробно останавливается на реализации образа, включая в анализ образ художественного пространства произведений и мотивную систему. Основной вывод исследования основывается на различном подходе к интерпретации образа "немца-нациста" у Ремарка и Тимма. В своем романе Ремарк четко указывает на вину своих соотечественников в развязывании войны и массовых убийствах мирных жителей. Образ немца-нациста ассоциируется с образом идеологического врага. Современный немецкий автор придерживается другой точки зрения, которая, во многом, опирается на его личный опыт, тк герой романа - это брат писателя. Образ немца-нациста в его произведении коррелирует с образом заблудившегося немца, который поверил

патриотический риторики и выполнял приказ.

Ключевые слова:

Эрих Мария Ремарк, образ, Вторая мировая война, немецкая проза, мотив, Уве Тимм, повествователь, художественное пространство, сравнительный анализ, структурный анализ

В западном литературоведении закрепилось мнение, что Вторая мировая война не оставила такого значимого следа, как, например, Первая мировая, за которой на Западе закрепилось имя – Великая война. Например, в английской литературе Первая мировая война стала источником появления новой для этой литературы прозы и поэзии. Здесь уместно вспомнить «окопную» поэзию и З. Сассуна, Р. Грейвза, У. Оуэна и др. [см. подр.: 6; 7; 8] Или трилогию современной английской писательницы П. Баркер («Regeneration», 1991), в которой она вновь обращается к теме Великой войны, затрагивая самые злободневные темы для английского общества – социального неравенства, гомосексуализма, привилегированного частного образования и др, т.е. те темы, актуальность которых не ставится под сомнения в Англии. Литературная ситуация в немецкой литературе была совершенно другой. Сразу после поражения Германии в Первой мировой войне на литературную арену выступили талантливые молодые писатели, произведения которых, сейчас относятся к классике литературы «потерянного поколения» – Л. Ренн, Э.М. Ремарк и др. Но, если даже при разделении немецкого общества на тех, кто поддерживал мнение Ремарка о предательстве целого поколения, которое было послано погибать на передовую и тех, кто считал Ремарка предателем немецкого общества и солдатского братства, ситуация после Второй мировой войны в немецкой литературе отражала, во-многом, накал политических страстей, который существовал в самой Германии.

В течение долгого времени тема виновности / невиновности за фашистское наследие была превалирующей в послевоенной немецкой литературе. Такие авторы как В. Борхерт, Г. Бёлль, Э.М. Ремарк и др., сами испытавшие ужасы нацистского тоталитаризма, старались ниспровергнуть миф о «чистом Вермахте» и лишить возможности появления реваншистских настроений среди неонацистов [см. подр.: 2].

Проблема отношения к памяти о прошедшей войне и ответственности за многочисленные жертвы особенно остро стала ощущаться после утверждения общественного мнения о том, что не все, воевавшие на Восточном фронте виновны. Идея о том, что мужчины и женщины просто оказались жертвами пропаганды, казалась очень притягательной и стала поддерживаться среди широких слоев населения. В особенности эти настроения получили поддержку у наиболее радикально-настроенных писатели, например, Х.Г. Конзалик, даже развивали в своих произведениях мысль о «культурном» походе на Восток. Подобная пропаганда приносила свои плоды, так как в начале 1950-х годов многие западные немцы считали, что идея национал-социализма был не так уж плоха. Именно в этот период выходит в свет, анализируемый нами роман Э.М. Ремарка – «Время жить и время умирать» (1954) и спустя более полувека автобиографический роман одного из самых знаменитых современных немецкоязычных авторов Уве Тимма «На примере брата» (2003).

Сравнивая вышеназванные произведения о Второй мировой войне, стоит отметить, что «Время жить и время умирать» Ремарка – это художественный вымысел, в то время как

«На примере брата» – это реальная историю брата автора, который служил в одной из частей СС. Если Ремарк ставит своей задачей показать губительное воздействие идеологии нацизма на человека и его постепенное моральное разложение, то Тимм старается разобраться и объяснить для себя поведение брата и его потенциальное участие в массовых убийствах, осуществленных его дивизией. Сам Тимм следующим образом говорит о разнице в интерпретации категории вины на своей родине: «Возможно, одно из существенных различий между Восточной и Западной Германиями, то бишь между позднейшими ФРГ и ГДР, как раз в том, что в западной части перед населением со всей неумолимостью был поставлен вопрос коллективной вины. Что с точки зрения демократической процедуры только логично: Гитлера ведь избрали всем народом. В восточной части, напротив, в механистически-упрощенном ракурсе все свели к различию между обманщиками и обманутыми, в том смысле, что капиталисты, эксплуататоры, были обманщиками, а трудящиеся оказались обманутыми. Вина, таким образом, становилась явлением классовым, имеющим обоснование в экономических интересах. Благодаря чему авторитарное мышление и верноподданническое служение государству остались вне критики, больше того, были восприняты и унаследованы социалистическим обществом в качестве своеобразных прусских доблестей» [\[4\]](#).

Таким образом, «Восточный поход» до сих пор становится темой для немецких прозаиков. Амбивалентное взгляд на прошедшую войну существует и в настоящее время. В этом случае, проведенный анализ центрального образа произведений – образа «наци» позволит выявить сходства и типологические схождения двух авторов, которые обращались к теме развенчания мифа о чистом вермахте и невиновности простых немцем, механически выполняющих приказ.

Центральный образ будет рассматриваться с помощью понятия о «литературном герое» Л.Я. Гинзбург. Гинзбург считала, что «образ героя в прозаическом тексте имеет свои особенности и его возможно реконструировать только при учете всех элементов на всех уровнях текста. Он реализуется в тексте через следующие элементы – систему мотивов, речь, способы характеристики (ее элементы – имя (другие способы называния), оценки, описания); специфика данных элементов обусловлена точкой зрения (пространственной, временной, психологической), определяющей характер героя. <...> характер является структурой, возникающей из наблюдения людей над процессами внутренними (самонааблюдение) и внешними» [\[1\]](#).

На взаимосвязь образа героя и системы мотивов указывает, по мнению О.М. Фрейденберг: «В сущности, говоря о персонаже, тем самым пришлось говорить и о мотивах, которые в нем получали стабилизацию; вся морфология персонажа представляет собой морфологию сюжетных мотивов» [\[5, с. 221-222\]](#).

Сюжет романа «Время жить и время умирать» разворачивается в трех художественных плоскостях: боевые действия на Восточном фронте (хронотоп фронт, а также топосы и локусы, соответствующие местонахождению Гребера в этом времени и пространстве) и мирная жизнь в тылу Германии (отпуск Гребера).

Основное внимание в представленной работе будет уделено оппозиции Гребера – задумавшегося о своей роли немецкого солдата – и Штейнбрэннера – убежденного нациста. Находясь в рамках художественного пространства войны, Гребер неоднократно сталкивается с убийствами безвинных мирных жителей, партизан и военных противников. Но именно в на фронте герой начинает задумываться о природе ведущейся войны и задаваться вопросом: всегда ли необходимо убивать на войне? И кто настоящий

враг? Осознание своей роли в ведущейся войне построено на противопоставлении внутри системы персонажей: делении на «своих» и «чужих». Подобный прием, выбранный Ремарком, приводит к демифологизации и дискредитации мифа об идеологическом единстве в немецкой армии.

Карл-Хайнц, брат писателя и центральный персонаж романа Тимма, погибает на Украине. В самом произведении он представлен двумя ипостасями: в образе сына и брата, характеристики которого представлены в речи и воспоминаниях близких и в образе солдата Вермахта, элитного подразделения СС «Бычья голова». Вторая ипостась дается автором через призму уже собственного восприятия дневника брата, который он вел во время службы и который попадает в руки писателя уже после гибели героя.

Следует отметить, что две представленные ипостаси образа Карла-Хайнца практически не коррелируют друг с другом. Говоря о брате, Тимм подчеркивает его миролюбивый характер следующими эпитетами: «тихий», «мечтающий», «храбрый», «боязливый», «стойкий», «честный» и др. Нarrатор подчеркивает, что таким сыном родители гордились: «Карл-Хайнц, который был так привязан к отцу и вообще был настоящим мальчишкой... Этим мальчишкой он, отец, гордился» [\[4\]](#). Или: «Брат – это был мальчик, который не врал, всегда был честен и стоеck, не плакал, был смел, но и послушен. Образцовый брат» [\[4\]](#).

Автор особо подчеркивает тот факт, что в семье родители (подобно многим жителям Германии) всю ответственность за убийства мирных жителей на Восточном фронте возлагали на политиков, которые развязали эту войну. Образ же Карла-Хайнца же соотносился в их сознании с образом потерявшегося или заблудившегося юноши, который просто поддался патриотической риторике и выполнял приказ. Тимм даже приводит пример подобного воздействия на молодое поколение, указывая на источник – роман «В стальных грозах» Э. Юнгера: «Самое поразительно при чтении “В стальных грозах” Эрнста Юнгера и, пожалуй, самое захватывающее – это искренность в самовыражении сознания, для которого смертельная отвага, долг, самопожертвование все еще абсолютные ценности. Не только социальные ориентиры, но именно ценности, которыми – в совместной борьбе – когда-то, трансцендентно, будет преодолен нигилизм. А вот что это мужество, этот долг, это послушание оказались одновременно ценностями, при помощи которых, благодаря которым дальше проработали фабрики смерти, даже если ревнители ценностей об этом не знали – хотя могли бы знать, – вот этого мой отец никогда не мог и не хотел уразуметь. Это был вопрос, которым отцовское поколение даже не задавалось – как если бы в их сознании для его постановки не было соответствующих инструментов – и на который, когда вопрос звучал со стороны, ответа не было, одни отговорки» [\[4\]](#).

Следует отметить, что в случае мотивировки попадания на фронт у авторов наблюдаются расхождения: если у Ремарка Гребер был добровольцем, который попал на Восточный фронт и только там стал задуваться о своих действиях, то Тимм рисует совершенно другую картину. Образ его брата соотносится с «заблудившимся» юношой, который поверил в псевдопатриотические лозунги и попал на фронт по случайности. Но этот мотив оспаривает сам автор, рассказывая о том, что брат мечтал о фронте, об Африке, о службе в войсках генерала Роммеля: «Брат мечтал о сапогах на шнурковке, какие тогда носили пилоты, мотоциклисты, штурмовики. Экономил, карманные деньги откладывал, пока не набрал на сапоги. На одной из фотографий он в форме гитлерюгенда и в этих сапогах, высоких, почти до колен. Шнурковка держалась на крючках. Он в Африку хотел. Но к Роммелю по личной заявке не брали» [\[4\]](#).

Образ «наци» в романе Ремарка реализуется в сцене убийства (расстрела) русских партизан. Основной конфликт писатель раскрывает с помощью противопоставления Гребера Штейнбреннера, т.е. идеология самого автора противопоставляется идеологии нацизма. Причем Гребер идет на убийство своего соотечественника сознательно, подчеркивая свой выбор, называя Штейнбреннера «убийцей»: «Гребер очнулся, подошел к сараю, вытащил ключ из кармана и отпер дверь. – Идите, – сказал он. Русские молча смотрели на него. Они не верили ему. Он отбросил винтовку в сторону. – Идите, идите, – нетерпеливо повторил он и показал, что в руках у него ничего нет. Русский, что помоложе, осторожно сделал несколько шагов. Гребер отвернулся. Он отошел назад, туда, где лежал Штейнбреннер. – Убийца! – сказал он, сам не зная, кого имеет в виду. Он долго смотрел на Штейнбреннера. И ничего не чувствовал» [\[3, с. 398\]](#).

В романе Тимма мы не видим подобной оппозиции, так как родители Карла-Хайнца сознательно пытались подчеркнуть различия между войсками, в который служил их сын и элитными частями СС, которые творили «бесчинства» на оккупированных территориях: «Эта шайка, – так стало принято говорить, – эти преступники. Но мальчик-то был в войсках СС. Это были обычные боевые воинские части. Преступниками были другие, те, что из СД. Так называемые части специального назначения. А первым делом те, что наверху, – руководство. Воспользовались мальчиком, злоупотребили его юношеским идеализмом» [\[4\]](#).

Нарратор (братья Карла-Хайнца), рассказывая историю брата, несмотря на мнение родителей, время от времени вынужден был подчеркивать его безучастное и даже отстраненное наблюдение смерти, ее констатация. Например, в одной из дневниковых записей он фиксирует: «Март 21

Донец

Заняли плацдарм над Донцом. 75 м от меня Иван курит сигареты, отличная мишень, пожива для моего МГ» [\[4\]](#).

Таким образом, возникает вопрос об особенностях образа нациста в двух произведениях, которые разделены полувековым временным рубежом. Кто был настоящим убийцей у Ремарка и был ли брат Тимма убийцей?

Странно отметить, что для понимания ремарковского понимания необходимо обратиться к сцене с русскими военнопленными. Ремарк показывает жестокое обращение убежденного нациста Штейнбреннера к пленным, противопоставляя, таким образом, Гребера и Штейнбреннера, и в тоже время подчеркивая, что даже нацист Штейнбреннер нуждается в мотиве для убийства. Оказавшихся в части оппозиции «чужой» для своих же соотечественников, Гребер начинает ассоциировать себя с жертвами – пленными русскими. Эту трансформацию в образе Гребера – солдата Вермахта – Ремарк подчеркивает в сцене расстрела русских партизан: «И вдруг мысли нахлынули на него, обгоняя одна другую. Казалось, с горы сорвался камень. Что-то навсегда решилось в его жизни» [\[3, с. 28\]](#).

Нацист Штейнбреннер персонифицируется в произведении Ремарка в образе истового нациста Штайнбреннера – носителя идеологии «убийства», который противопоставляется немцем – жертвам войны, которые выполняли приказ в силу страха за свою жизнь.

Мотив вины / невиновности возникает в конце романа Тимма в контексте открывшихся фактов о пытках и массовых убийствах в концлагерях: «Это не попытка объяснения. И

никакое писание, никакая фраза не спасет, не поможет – в смысле дедукции, упорядочения, понимания, нет, здесь только одно: самозащита перед лицом того, что тебе открылось. Среди фотографий, сделанных Ли Миллер в Даахау сразу после освобождения лагеря американцами, есть одна, запечатлевшая эсэсовца, утопленного заключенными в речушке. Слегка размытые в струях прозрачной воды, можно различить лицо и пятнистую защитную униформу, как будто всплывающие из неведомых, грозных глубин. "The Evil" – так назвала Ли Миллер эту фотографию. А что, если бы брата перевели в концлагерь, охранником?» [\[4\]](#).

Таким образом, оба автора по-своему подошли к интерпретации образа нациста. Ремарк четко указывает на виновных – идеологических врагов, которые поддерживали Вермахт, но начинают задумываться (подобно Греберу) или верить в правоту нацистов до последнего (как Штейнбреннер). В романе, который был написан полвека спустя, Тимм рисует образ заблудившегося юноши, нациста не по убеждению, а скорее увлеченного символикой, риторикой вождей. Писатель особо подчеркивает, что дневник, который он цитирует, скорее содержит фиксированные факту, а не описания убийств.

Библиография

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. URL:
https://modernlib.net/books/ginzburg_lidiya/o_psihologicheskoy_proze/ (Дата обращения 26.04.2020)
2. Никонова Т.А. Война в литературе 40-х – 60-х годов // Русская литература XX века. Воронеж, 1999. С. 505-515.
3. Ремарк Э.М. Время жить и время умирать. Горький, 1983. 287 с.
4. Тимм У. На примере брата. URL:
https://royallib.com/book/timm_uve/na_primerere_brata.html (Дата обращения 20.12.2020)
5. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 449 с.
6. Bond B. The Unquiet Western Front: Britain's role in Literature and history. Cambridge: Cambridge UP, 2007. 140 p.
7. Fussel P. The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford UP, 2005. 368 p
8. Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. London: Bodley Head, 1990. 514 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей немецкоязычной литературы, в которой описываются события второй мировой войны. К писателям данной эпохи относятся, например, В. Борхерт, Г. Бёлль, Э. М. Ремарк.

Центральным сюжетом статьи является анализ романа Э. М. Ремарка «Время жить и время умирать», опубликованный в 1954 году и автобиографический роман Уве Тимма «На примере брата», изданный в 2003 году.

В произведениях рассматриваемой эпохи центральной является проблема отношения к

памяти о прошедшей войне, а также идея о том, что мужчины и женщины просто оказались жертвами пропаганды, казалась очень притягательной и стала поддерживаться среди широких слоев населения.

Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение и описание.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Практическим материалом исследования явились тексты немецкоязычных автором, однако не указывается работал ли автор с текстом на немецком языке или русскоязычном переводе книг? Если это был перевод, то кто переводчик? В тексте автор не приводит цитат на языке оригинала из рассматриваемых романов, подтверждающие теоретический материал.

Библиография статьи насчитывает 8 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. Недостатком является отсутствие теоретических работ немецких литературоведов, что не позволяет обратиться к иным трактовкам рассматриваемого феномена. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Mysovskikh L.O. — Existential and psychological grounds of criminal behavior of the heroes of Mikhail Lermontov and Fyodor Dostoevsky // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.38571 EDN: TMGBZT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38571

Existential and psychological grounds of criminal behavior of the heroes of Mikhail Lermontov and Fyodor Dostoevsky / Экзистенциально-психологические основания преступного поведения героев Михаила Лермонтова и Федора Достоевского

Мысовских Лев Олегович

ORCID: 0000-0003-0731-1998

магистр философии, аспирант департамента "Филологический факультет", кафедра русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620083, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, оф. 336

✉ levmisov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.38571

EDN:

TMGBZT

Дата направления статьи в редакцию:

05-08-2022

Аннотация: В статье сквозь призму философии экзистенциализма и социальной психологии исследуются предпосылки преступного поведения главных героев романов Михаила Лермонтова «Герой нашего времени» и Федора Достоевского «Преступление и наказание» – Григория Печорина и Родиона Раскольникова. Автор статьи утверждает, что причины преступного поведения как Печорина, так и Раскольникова являются внутриличностными. Однако личностные характеристики индивида формируются под воздействием социума, в котором он существует, что и демонстрируется на примере главных героев романов Лермонтова и Достоевского. Таким образом, в статье наглядно показан главный принцип философии экзистенциализма в действии: существование человека предшествует его сущности. Автор статьи приходит к выводу, что Печорин и Раскольников обладают многими сходными чертами характера, а основное отличие между ними заключается в социальном статусе персонажей. В обоих романах писатели

порицают пороки российского классового общества. Автор статьи резюмирует, что с точки зрения религиозного экзистенциализма судьба Печорина является куда более мрачной, нежели судьба Раскольникова, так как душу Печорина забирает всепоглощающее ничто, душа же Раскольникова получает шанс на спасение. У героев Достоевского всегда есть надежда, так как Бог указывает им путь, по которому человек может прийти к благодати. Именно здесь кроется основное различие между Лермонтовым и Достоевским.

Ключевые слова:

экзистенциализм, психологизм, русская литература, теория литературы, художественная литература, философия, Лермонтов, Достоевский, Печорин, Раскольников

Introduction

In fiction, the philosophy of existentialism is most often associated with writers such as Jean-Paul Sartre and Albert Camus, who created their most memorable characters in the middle of the twentieth century. However, it is well known that Sartre and Camus had predecessors. Existentialism originates from such philosophers as Søren Kierkegaard (1813-1855), Karl Jaspers (1883-1969) and Martin Heidegger (1889-1976). It is also well known that questions and ideas that can be considered existential, such as the meaning of life and the difficult position of a person in an increasingly alien world and an indifferent Universe, can be found even earlier in the world of art and literature. In search of the precursors of the existential hero, we turn to the Russian literature of the XIX century, which witnessed the appearance of the predecessors of existential heroes in the works of Mikhail Lermontov (1814-1841) and Fyodor Dostoevsky (1821-1881).

Purpose, materials and methods

The purpose of this article is to study the existential and psychological foundations of criminal behavior of the main character of Mikhail Lermontov's novel «Hero of Our Time» – Grigory Pechorin – and the main character of Fyodor Dostoevsky's novel «Crime and Punishment» – Rodion Raskolnikov. Such studies bring us closer to the answer to the question of whether the characters of the Russian classical literature of the XIX century can be considered as precursors of existential and absurdist heroes of the mid-XX century, many of whom also had criminal tendencies.

The theoretical and methodological basis of the research is the classical developments of recognized existentialist philosophers S. Kierkegaard, J.-P. Sartre, K. Jaspers, as well as modern scientists engaged in existential theories in the field of literary studies A. Koshechko, G. Moskvin, L. Mysovskikh, N. Ulitina.

The material of the research is Mikhail Lermontov's novel «The Hero of Our Time» and Fyodor Dostoevsky's novel «Crime and Punishment», in which the existential-psychological foundations of the criminal behavior of the main characters are identified, for which the following scientific methods are used: biographical, dialectical, hermeneutic. The biographical method makes it possible to establish the origins of Lermontov and Dostoevsky's interest in the nature of criminal human behavior. The dialectical method makes it possible to discover the truth through reasoning and argumentation. The hermeneutic method makes it possible to explore the artistic images of the novels of Lermontov and Dostoevsky in the cultural context of the epoch.

Results and discussion

In Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*, the author's focus on psychological observations and psychoanalysis is clearly highlighted. It is possible to note Dostoevsky's commitment to the use of psychological realism. The novel focuses on the theme of man as a product of his environment. Dostoevsky penetrates into the most secret corners of the human psyche and puts them on display to the reader, mercilessly highlighting the hidden from the initial view and, sometimes, the terrifying essence of the «crown of creation». «It is precisely where man, in his blind and destructive passions, rebels against the demands of reason, against all the rules of decency and universally recognized morality – it is there that the true ontological reality of the human spirit breaks out, through the thin shell of universally recognized empirical reality» [\[16\]](#). This is exactly what we can observe on the example of Rodion Raskolnikov, when we begin to understand the motives of the crime committed by him.

In his novel, Dostoevsky tries to solve the existential psychological problem of the nature of criminal human behavior: whether it is inherited or acquired under the influence of the environment. On the one hand, man is what he is, because nature or God made him that way. Consequently, a person cannot be held responsible for his actions, because they are carried out in accordance with his essence. On the other hand, people are viewed as products of their environment, society. From birth, a person receives a certain status, immersing him in a system of social relations that ultimately determine what and how he thinks and who he becomes. From this point of view, the causes of crime and violence lie in the social structure of society, defined by poverty and unequal opportunities. Raskolnikov did not see anything bad for society in the murder of the old woman. But such a worldview was formed by the society itself. Discussing how Napoleon would have acted if the key to his elevation was the murder of an old woman, Raskolnikov is confident that such a great man, from his point of view, would not have wavered for a moment in his determination.

The term «existentialism» was applied to Dostoevsky retrospectively. Sartre considered his conceptual aphorism «if there is no God, then everything is allowed» to be the very essence of existentialism. Today Dostoevsky is a recognized existential writer of the XIX century. His novels are permeated with existential issues, in particular, he tries to solve the existential-psychological problem of the nature of criminal human behavior. In this case, we face a logical question: if Sartre's theories can be applied so organically to Dostoevsky's novels, then why not apply them in a similar way to other authors of works of fiction, including those representing Russian literature, including writers who are the predecessors of Dostoevsky and who had a significant influence on him. So, it is known that Dostoevsky was greatly impressed by the work of another Russian writer and poet – Mikhail Lermontov, whose «diamond prose», embodied in the novel «Hero of Our Time», served as a kind of spark for Dostoevsky's thoughts. Considering the existential foundations of the nature of Raskolnikov's criminal behavior, Dostoevsky largely reflects in his character the features of the hero Lermontov – Pechorin, because the existential foundations of the nature of the criminal behavior of both characters are largely similar. In fact, it can be argued that Dostoevsky's Raskolnikov is born from the image of Pechorin. The main difference between the main characters of the two Russian writers lies only in their social status: «if Pechorin had been born poor, he would have become Raskolnikov, if Raskolnikov had been rich, he would have turned into Pechorin» [\[8, p. 33\]](#). Therefore, the existential theories derived in Western Europe in the twentieth century, in our opinion, it is quite possible to apply to Russian writers of the first half of the XIX century, and not only to Dostoevsky. A common feature of Lermontov and Dostoevsky with Western European existential writers of the

twentieth century is the expression in their works of concern arising from the realization that a person is free and responsible for his own actions. Perhaps the most striking example of the consonance of the novels of Lermontov and Dostoevsky with existential works of art of the twentieth century is Camus' novel «The Outsider». The main character Mersault kills a man unknown to him. Despite the fact that he was tried and found guilty, Mersault has no remorse. He does not resist imprisonment, because he is physically incapable of it, and this condition does not depress him. His apparent indifference means that he is alien not only to society, which cannot understand the reasons behind the murder, but also to himself.

It is possible to mention some more famous existential writings, where similar problems are presented. For example, the play «Waiting for Godot» by Beckett and «Young Adam» by Trocchi. In the first case, it is the fear of what free will and responsibility mean for the individual that makes the main characters inactive, waiting for instructions on what to do from the eternally absent Godot. Trocchi's novel also describes a murder and a trial, but this time the culprit, narrator Joe, escapes punishment and is content to watch the trial of a man convicted of his crime. And again, the lack of emotion or remorse is striking, since Joe, like Mersault, seems to lack any moral imperative to act in a way that society would consider morally acceptable. Thus, here we can note almost complete identity with the views of Pechorin, whom Lermontov placed above morality or simply outside it, like the future Nietzschean superman. The connecting theme in all these texts is that if a person is free and responsible, then only he can decide what the concepts of «right» and «wrong» mean, and therefore the judgment comes only from the individual. Such literature depicts a gloomy existence, which suggests that existential life is a painful life that must be endured alone, as Lermontov's hero Pechorin did.

Social psychology, studying the influence of a group on an individual, tries to determine the degree of conditionality of his behavior by this influence, which is defined as a phenomenon of conformity, which in modern research is considered as «a way to agree on the basic values of social reality» [9, p. 59]. In the study of Dostoevsky's Crimes and Punishments, one can use a socio-psychological approach that takes into account the nature of the society of the novel, the influence of society on individual heroes, especially Raskolnikov.

«Crime and Punishment» raises the problem of «freedom of choice», which in this case was «imposed» on a person by his social position and his ideas about the actions of outstanding people. And the imposed «freedom» ceases to be such. Dostoevsky shows what consequences await society as a result of the use of «free will» by its members. He is trying to find a force capable of resisting the «free will» of man. The main character of the novel appears to be a man who has suffered a deep psychological trauma that has clouded his mind and led not just to the commission of sin, but to its peculiar sacralization, the transformation of sin into a certain sublime theory, which Raskolnikov develops in favor of public ideas about the success of the individual, which gave rise to the murderer in Raskolnikov. He understands that, from the point of view of society, a poor person who has not achieved success in the competitive struggle of individuals is a despised person, unworthy of the respect of society. And Rodion himself shares this point of view. And so, in order to get rid of his own self-contempt, the contempt cultivated by society, he finds no other way out than committing a terrible crime. That is, Raskolnikov's crime is his inner need, nurtured by public ideas about the greatness and success of a person.

Pechorin's crimes are even more determined than Raskolnikov's by the internal needs of the Lermontov character. Pechorin's cynicism and boredom, combined with his selfishness, are among the main reasons why he harms others. Lermontov's novel is replete with such

descriptions. The sufferings that Pechorin causes to others range from the relatively minor heartache of the characters (Maxim Maksimych, Werner, Mary, Vera) to, in modern terms, frankly criminal acts: the abduction of a minor girl Bela, and the murder of Grushnitsky in a duel. It is often difficult to understand the motives of Pechorin's malice. And it is also difficult for him to explain his actions. For example, he asks himself why he is courting Princess Mary and thus trying to break the heart of Grushnitsky, who is head over heels in love with her, although Mary is not particularly attracted to Pechorin himself: «I often ask myself why I am so persistently seeking the love of a young girl whom I do not want to seduce and on whom I will never get married?» [\[5, p. 225\]](#) G. Moskvin, exploring the meaning of love for Lermontov through the prism of existential theories, notes that in the years of the creation of the novel «The Hero of Our Time» for its author, «love is not so much the highest value as an absolute existential condition, sine qua non of being» [\[6, p. 59\]](#).

Raskolnikov can be regarded as a Nietzschean rebel. According to Friedrich Nietzsche, the superman commits a crime for self-affirmation. The good of humanity does not bother him at all. Rodion Raskolnikov lives in a world without mercy, faith, hope, justice. His life has no purpose. He challenges the very state of his being, unnecessary suffering, the absurd contrast between an innate sense of justice and morality, on the one hand, and the injustice of the world around him, on the other. He does not consider the idea of class struggle, does not try to find like-minded people to unite and resist injustice together. He prepares and commits his act alone. And alone, he is forced to bear the burden of moral responsibility for him, a burden that eventually crushed his psyche.

Similarly, Pechorin is a harbinger of the Nietzschean superman. Pechorin is a proud, energetic, strong-willed, ambitious man. In fact, this is the description of the Nietzschean superman. However, after discovering that life does not meet his expectations, and he has nowhere to put his personal qualities, Pechorin becomes embittered, cynical and bored. That is, Pechorin «makes his existential choice, having got into a borderline situation» [\[7, c. 81\]](#), about which Karl Jaspers wrote in the twentieth century: «a person's spiritual situation arises only where he feels himself in borderline situations. There he remains as himself in existence, when it does not close, but all the time breaks up again into antinomies» [\[18, c. 322\]](#).

Raskolnikov's fate is not the fate of a single person who is an exception to the rules. This is the fate of the entire lower class in Russia, and – more broadly – of all marginalized and exploited representatives of the lower classes around the world. And it doesn't even matter what mental qualities representatives of the lower classes have: gentleness and kindness or egoism and intellectual prudence. Raskolnikov, by the way, combines all these qualities. Dostoevsky draws in his novel characters of the lower class, with the most diverse types of characters, but their lot is the same – the contempt of society. Sonya is kind and willing to suffer to make people happy. That's why she's a prostitute. In her house there is terrible poverty. And she is doing everything in her power to somehow improve the well-being of her family. Dunya is ready to make any sacrifice to help her loved ones. She goes through all sorts of humiliations in Svidrigailov's house. The latter can be represented as one of the hypostases of Raskolnikov himself, whose name is vanity. The antipodes of Sonya and Dunya are Svidrigailov and Luzhin. The money that Svidrigailov gives Sonya is not a symbol of his kindness. He does this only for his own pleasure, for the elevation of himself both in his own eyes and in the opinion of others. Luzhin is a calculating manipulator. He is too arrogant, counting on his own strength and on the helplessness of his victims. No matter

how different the psychotypes of the heroes of Dostoevsky's novel beat, they are all flawed people in some way. Nevertheless, for Dostoevsky, «regardless of what people are like, whether they are good or evil, the significance of their lives is equivalent» [17, c. 154].

Even before committing the crime, Raskolnikov appears to the reader as a flawed person: hungry, withdrawn, with obvious mental problems. And all his inferiority is a product of the socio-economic environment in which he exists all his life. Crushing poverty makes Raskolnikov, Sonya, and Dunya flawed people... Standing on a step or several steps above them financially, Svidrigailova, Alyona Ivanovna, Luzhin makes flawed a false sense of superiority and the power that their finances give them over poor people, the opportunity to bully them, humiliate and demonstrate their superiority and enjoy such a position themselves. All this turns them, perhaps, into even more flawed people than those beggars whom they despise and oppress. And the hero of Lermontov – Pechorin, perhaps, can be put at the very top of this ladder of flawed people, since Pechorin is capable of destroying or breaking the life of a person who, in his opinion, is so insignificant that he does not even deserve moral reasoning about the actions that are committed against him.

Raskolnikov, like Pechorin, reacts rather sluggishly to the social injustice surrounding him. Nevertheless, he shows amazing determination in the implementation of the plan to kill the old interest-bearing woman. It is this criminal act, according to Dostoevsky's plan, that absorbs all the antagonism between the oppressed and the oppressors. Thus, Dostoevsky's novel «Crime and Punishment» can be considered a social protest against the existing social order, which is a painful reality for members of society. And the purpose of the novel is the search for a new society, more just, more humane and a new personality: healthy, happy and beautiful.

In the novel, the reader discovers ideas formed in Raskolnikov's mind about people and creatures trembling. People have the right to violate moral guidelines. Trembling creatures are deprived of such a right. That is, in Raskolnikov's understanding, morality is intended for trembling creatures. Napoleon, as a «great man», can afford to be outside of morality in order to achieve his «great» goals. Dostoevsky contrasts Raskolnikov's egoism and individualism with Sonya Marmeladova's peaceful and submissive worldview. Raskolnikov's code of ethics, which is based on atheism, which makes him related to Sartre's existentialism, allows him to transgress the norms of social behavior and violate the law, since he considers himself a carrier of new ideas, a person different from trembling creatures. Raskolnikov's radical individualism leads him to severe psychological trauma and subsequent insanity. In contrast to Raskolnikov, Sonya endures poverty, grief, hunger, humiliation and bullying with equanimity.

The psychological description of the characters in the novel draws Dostoevsky into the intimate sphere of the subconscious. According to Freud, dreams occupy a special place in psychoanalysis. Dreams symbolically direct a person's attention to the meaning of the events taking place. This is exactly Raskolnikov's dream about killing a horse. Having already conceived a crime, Raskolnikov subconsciously warns himself against committing it. The brutal murder of a horse foreshadows the murder of a pawnbroker and her sister committed by him. Svidrigailov's dreams are similar, in which he sees a reflection of his animal lust. Dostoevsky uses an internal monologue through which he conducts a psychological study of his characters, which allows the reader to better understand why they commit certain actions. The use of an internal monologue reveals Raskolnikov's soul to the reader, showing the duality and inconsistency of his personality. In this way Dostoevsky reveals the psychological states of the characters and the types of their consciousness. The

technique of internal monologue was used by Lermontov even before Dostoevsky. So, Pechorin, talking about the absurdity of his life «alone with himself» expressed the following thoughts: «Why did I live? For what purpose was I born?.. And it was true that it existed, and it was true that I had a high appointment, because I feel immense powers in my soul» [\[5, c. 247\]](#).

A person, from the point of view of the founder of existentialism Kierkegaard, goes through three stages of the existential path: aesthetic, ethical and religious, after which he acquires faith. However, this restricts the freedom of the individual. N. Ulitina, exploring the existential problems of man in Lermontov's work in the context of Kierkegaard's existential theories, comes to the following conclusion: «The path to God is spirituality, faith presupposes conditions for spiritual development, while Lermontov, through the image of Pechorin, notices that then, obeying the will of God, a person gives Him his freedom and his responsibility. Both authors show the same existential experiences in choosing the true path, their heroes believe that only faith will save a person. Pechorin wants to convince himself that he also has faith in the form of hope for the future, but in fact nothing happens, hope dies, and God does not save from the horror of death. Pechorin comes to the conclusion: if he goes into higher development ("healing of mental illnesses"), then he will cease to be a person, himself, that is, a person, since this transition implies submission to the Absolute, and the person again falls into spiritual slavery» [\[15, p. 58\]](#).

Conclusion

The novel «Crime and Punishment» is a trial of class society. Dostoevsky castigates the inhumanity, callousness, cruelty of people towards each other. Here are people deprived of any prospects and hopes for a better future. Raskolnikov sees in the old interest-bearing woman a parasite who is part of the exploiting class, sucking the blood out of him, and people like him. But Raskolnikov's rebellion is individualistic and is aimed not at fighting social injustice, but at satisfying his unhealthy egoistic ambitions. There is not even a glimmer of hope in the novel. The author denies any possibility of social struggle. Instead, Dostoevsky offers Christian humility and suffering. The novel «The Hero of Our Time» is also a trial of class society. Only here is presented the misfortune of the upper class of Russia, which in conditions of despotic tyranny does not have the opportunity to realize their talents and reveal the enormous potential inherent in a person. From the point of view of religious existentialism, Pechorin's fate is much more gloomy than Raskolnikov's fate, since Pechorin's soul is taken away by an all-consuming nothingness, while Raskolnikov's soul gets a chance for salvation. Dostoevsky's heroes always have hope, because «God is a kind of beacon, whose light is able to lead out of the most terrible darkness» [\[22, c. 88\]](#). This is where the main difference between Lermontov and Dostoevsky lies.

Библиография

1. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие / В. В. Заманская / – М.: Флинта: Наука, 2002. – 304 с.
2. Заманская В. В. Экзистенциальный тип художественного сознания в XX веке / В. В. Заманская // Наука о литературе в XX веке: (история, методология, литературный процесс). – М., 2001. – С. 144–160.
3. Кошечко А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / А.Н. Кошечко. – Томск, 2014. – 480 с.

4. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор. – Москва, Академический проект, 2014. – 160 с.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М. Ю. Лермонтов. – Санкт Петербург, Издательство Пушкинского Дома, 2014.
6. Москвин Г. В. Запрос любви (источник и энергия прозы М. Ю. Лермонтова) // Вестник МГУ. Серия 9. 2011. № 1. – С.57–68.
7. Мысовских Л. О. Григорий Александрович Печорин – лишний человек или русский экзистенциальный герой? // Культура и текст. 2022. № 2. – С. 77–85. DOI: 10.37386/2305-4077-2022-2-77-85.
8. Мысовских Л. О. Писатель и экзистенциализм: художественная литература как средство выражения экзистенциальных идей // Филология: научные исследования. 2022. № 4. – С. 29–41. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.4.37743.
9. Мысовских Л. О. Феномен конформизма во французской социологии культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 58–63. DOI: 10.24412/1997-0803-2021-3101-58-63.
10. Сартр Жан-Поль. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. 639 с.
11. Сартр Жан-Поль. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. – СПб.: Наука, 2001. 319 с.
12. Сартр Жан-Поль. Что такое литература? – М.: ACT, 2020. 448 с.
13. Сартр Жан-Поль. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – Москва, Политиздат, 1990. – С. 319–344.
14. Созина Е. К. Динамика художественного сознания в русской прозе 1830 – 1850-х годов и стратегия письма классического реализма: Автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. К. Созина. – Екатеринбург, 2002. – 35 с.
15. Улитина Н. М. Экзистенциальные проблемы человека в творчестве М. Ю. Лермонтова: опыт культурологической интерпретации: Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. – Екатеринбург, 2017. – 175 с.
16. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/frank/dost1.html> (дата обращения 09.10.2021).
17. Щербина Ю. И. С. Л. Франк о гуманизме Достоевского // Человек. 2019. Т. 30, № 4. С. 149–155.
18. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва, Политиздат, 1991. – 527 с.
19. Gosetti-Ferencei J. A. The Ecstatic Quotidian: Phenomenological Sightings in Modern Art and Literature. Penn State Press, 2007. 280 p.
20. Kirillova N., Ulitina N. Soren Kierkegaard and Mikhail Lermontov as first existentialist philosophers. European Journal of Science and Theology, 2017, Vol. 13, no 1. PP. 95–100.
21. Montgomery M. R. Out of your existential mind: Madonna, relevance and nuance. Existential Analysis: Journal of the Society for Existential Analysis, 2020, no 31 (2). PP. 247-277.
22. Mysovskikh L. O. Existential type of artistic consciousness: genesis and ways of development in the literature of the XIX century. Litera. 2022. No. 4. PP. 83–92. DOI 10.25136/2409-8698.2022.4.37521.
23. Sartre Jean-Paul. Literature and Existentialism. New York: The citadel press, 1962. 164

п.

24. Sartre Jean-Paul. On The Sound and the Fury: Time in the Work of Faulkner. [Electronic resource]. Access mode:
<https://drc.usask.ca/projects/faulkner/main/criticism/sartre.html> (accessed 02. December's 2021).
25. Turcan C. Rousseau and Kierkegaard: authenticity of human existence. European Journal of Science and Theology, 2017, Vol. 13, no 1. PP. 5–14

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Экзистенциально-психологические основания преступного поведения героев Михаила Лермонтова и Федора Достоевского» предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения проблемного вопроса на материале двух классических произведений русской литературы. Работа представлена на английском языке.

В поисках предшественников экзистенциального героя автор обращается к русской литературе XIX века, которая стала свидетелем появления предшественников экзистенциальных героев в произведениях Михаила Лермонтова и Федора Достоевского.

Целью данной статьи является изучение экзистенциальных и психологических основ преступного поведения главного героя романа Михаила Лермонтова «Герой нашего времени» – Григория Печорина – и главного героя романа Федора Достоевского «Преступление и наказание» – Родиона Раскольникова.

Материалом исследования послужили роман Михаила Лермонтова «Герой нашего времени» и роман Федора Достоевского «Преступление и наказание», в которых выявляются экзистенциально-психологические основы преступного поведения главных героев, для чего используются следующие научные методы: биографический, диалектический, герменевтический.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в теории литературы, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса. Библиография статьи насчитывает 25 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранных языках. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Большое количество цитируемых работ Мысовских косвенно свидетельствует об искусственном «накручивании цитирований». Однако, данные замечания не являются существенными и

не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Экзистенциально-психологические основания преступного поведения героев Михаила Лермонтова и Федора Достоевского» может быть рекомендована к публикации в научном журнале, входящим в перечень ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Красников Я.Е. — Категории героя и персонажа в драме в свете исторической поэтики (в неклассический период эпохи модальности) // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43615 EDN: TMPB7J URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43615

Категории героя и персонажа в драме в свете исторической поэтики (в неклассический период эпохи модальности)

Красников Ярослав Евгеньевич

ORCID: 0009-0002-8188-6845

старший преподаватель, кафедра теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет; старший преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин, Институт театрального искусства имени народного артиста СССР И.Д. Кобзона

141446, Россия, г. Москва, ул. Миусская Площадь, 6

✉ yar-krasnikov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43615

EDN:

TMPB7J

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2023

Аннотация: Целью предлагаемой статьи является рассмотрение ключевых тенденций, происходящих с категориями героя и персонажа драматургического текста в третьем глобальном периоде исторической поэтики – эпохе поэтической модальности (в её неклассический период), – поскольку именно на этом этапе литературного процесса субъектной сфере произведения уделяется самое пристальное внимание. Автором работы среди прочего отмечаются: трансформации образов действующих лиц, вызванные как актуальными социальными реалиями, так и кризисами их идентичности; изменения в плане коммуникативного взаимодействия и речи героев и персонажей; преобразование драматического конфликта из внешнего (событийного) во внутренний (личностный) и др. К ключевым методам, применяемым в работе, стоит отнести сравнительно-типологический анализ, дескриптивный и герменевтический. Новизна данного научного исследования заключается в систематизации имеющихся представлений, касающихся данной проблематики, а также в широте затрагиваемого материала (от европейской и отечественной драматургии рубежа XIX и XX вв., пьес

символистов и абсурдистов до отечественной «новой драмы» к. ХХ – н. ХХI вв.). Особым вкладом в разработку поэтики драматургии являются продемонстрированные в статье теоретическое обоснование и практическое применение предлагаемого автором термина «образ-силуэт» (по аналогии с предложенными в концепции исторической поэтики С. Н. Бройтманом понятиями «образ-тип», «образ-характер» и «образ-личность»).

Ключевые слова:

поэтика драмы, драматургия, герой, персонаж, система персонажей, историческая поэтика, поэтика модальности, субъектный неосинкретизм, образ-личность, образ-силуэт

Введение

Важным качеством литературной практики эпохи поэтической модальности является переориентация эстетических доминант: вектор, сосредоточенный на категории жанра в предшествующий глобальный период исторической поэтики (эпоху эйдетической поэтики), перенаправляется в сторону субъектной сферы текста. Объектами подчеркнутого внимания авторов и особого рецептивного интереса читателей эпохи становятся герои и персонажи художественных текстов. Так обстоит дело и в драматургическом роде литературы – в фокусе оказываются действующее лица пьес.

Категории героя и персонажа нередко становятся предметами литературоведческого исследования, однако подавляющее большинство работ на эту тему связано с аналитическим рассмотрением текстов эпического рода литературы (романы, повести, сказки и т. п.). Тексты драмы оказываются в этом смысле несколько обделёнными. При этом нельзя сказать, что научная литература, посвящённая данной проблематике отсутствует в отечественной филологии вовсе. Известные нам работы сосредоточены на рассмотрении драматургических типажей, систем персонажей, месте героев и персонажей в художественном мире пьес и при этом написаны преимущественно в историко-литературном ключе, то есть рассматривают произведения драматургов конкретного десятилетия, века или же пьесы, принадлежащие тому или иному литературному течению. Как правило, вопрос специфики героев и персонажей обзорно затрагивается в научно-учебной литературе в довольно лаконичных разделах или весьма бегло и, что называется, мимоходом (например, в коллективном труде о новейшей отечественной драматургии под ред. Т. В. Журчевой [16]; в монографии Л. Н. Татариновой «История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века» [19]; в главе о западно-европейской драматургии в учебном пособии по истории зарубежной литературы XX века МГУ, написанной П. Ю. Рыбиной [18]).

Среди наиболее значимых исследований по данной проблематике стоит отметить: докторскую диссертацию Л. Г. Тютеловой о поэтике субъектной сферы русской драмы XIX века (которая затрагивает материал от драматургии романтиков до драматургии А. П. Чехова) [20], кандидатские диссертации Т. Н. Денисовой, работа которой посвящена концепции героя в русской драматургии 2-ой половины XX века [3], и О. Ю. Багдасарян о драме «поствампиловцев», где особое место отведено анализу речевой деятельности героев и персонажей [1]; статьи В. А. Лукова об «идеальных героях» в европейской драме XIX века [14] и С. М. Козловой о сущности «безличных героев» современной драмы [8], а также «Экспериментальный словарь новейшей драматургии» под ред.

профессора РГГУ С. П. Лавлинского^[23], где в большинстве словарных статей с разных ракурсов затрагиваются вопросы категорий героя и персонажа в художественном мире драмы (часть из которых предварительно печатались в авторитетных периодических изданиях^{[12], [5]} и др.). Таким образом, актуальной проблемой на данный момент является наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии, в особенности, отсутствие работ, рассматривающих героев и персонажей в драме в свете исторической поэтики.

Магистральная цель нашего исследования – проследить историческую специфику поэтических категорий героя и персонажа в драматургических произведениях неклассического периода эпохи поэтической модальности. Для реализации поставленной цели в рамках данной научной статьи предстоит поэтапно решить следующие задачи: описать специфику понимания и изображения феномена личности в драматургии выбранного периода; определить новаторские типы героев и персонажей, появляющиеся в произведениях эпохи; выявить формы присутствия субъектов в тексте, которые были заимствованы из предшествующих периодов исторической поэтики; охарактеризовать новаторство драматургов неклассического периода эпохи модальности на уровне создания образов и использования мотивов; и, наконец, привлечь наиболее целесообразные примеры драматургических произведений, отражающие особенности категорий героя и персонажа выбранной эпохи.

Материалом данного исследования послужили наиболее репрезентативные тексты отечественной и зарубежной драматургии середины XIX – начала XXI веков (включающие пьесы: А. П. Чехова и его европейских современников, символиста М. Метерлинка, представителя ОБЭРИУтов А. Введенского, абсурдиста С. Беккета, советского драматурга А. Вампилова, постмодерниста В. Ерофеева, авторов отечественной «новой драмы», а также наших современников А. Строгонова, Д. Данилова и многих других).

Понимание и изображение личности в эпоху модальности

Свойственный в целом эпохе поэтической модальности интерес ко внутреннему миру героев и персонажей порождает новую единицу в поэтике субъектной сферы литературного текста – «образ-личность» (наряду со сформировавшимися ранее «образом-типом» и «образом-характером»). Как отмечает С. Н. Бродтман, «на заре поэтики художественной модальности перед литературой встала задача изображения личности, а не характера»^[2, с. 266]. Так, появившийся новый тип художественной образности оказался своеобразным революционным открытием. Выкристаллизовавшийся в лоне словесного творчества образ-личность явился логичным следствием исканий романтиков в литературе, появления и развития индивидуалистического типа сознания, а также распространения эгоцентрического поведения в жизни, а затем, через десятилетия, теоретически выявлен в результате достижений психологической науки, развития метода психоанализа и его экспансии на широкие поля гуманитарных наук.

В неклассический период эпохи поэтической модальности пристальный интерес к феномену личности сталкивается с пониманием того, что человек в действительности далёк от того совершенства, которые отличали полулегендарных героев античных трагедий, видных исторических фигур в драматургии классицизма и многих других действующих лиц пьес предшествующих эпох. От века к веку герой драмы проходит путь от выдающейся и уникальной в своем роде фигуры до постепенного приближения к рядовым обывателям, и, как отмечает исследователь театра П. Пави, «история

литературы являет серию последовательного деклассирования героя» [\[17, с. 53\]](#).

Углубление авторов эпохи поэтической модальности в вопросе постижения «Я» героя приводит к осознанию того, что даже в литературе как деятельности по конструированию эстетически завершенной реальности абсолютные целостность и цельность характера недостижимы. Невозможно всегда безусловно соответствовать занимаемым в обществе социальным ролям (которых, как оказывается, у человека множество) и предъявляемым, в связи с этим, требованиям окружающих о них.

Предметом интереса европейских драматургов периода конца XIX – начала XX веков становится «трагизм повседневной жизни» [\[6, с. 19\]](#), вызванный несоответствием идеального представления о себе и исполняемым в обществе социальным ролям. Неустроенность, несовершенство героев в той или иной степени наглядно демонстрируются в текстах драматургов рубежа веков: А. П. Чехова, Г. Ибсена, А. Стриндберга, М. Метерлинка, Б. Шоу, Г. Гауптмана... Как остроумно подчеркивает театроревед Б. И. Зингерман, «если в старом театре говорилось о трагедии в жизни, то в новом – о трагедии жизни» [\[6, с. 19\]](#). Главным новшеством драматургии этого периода становится введение в текстовое полотно драмы композиционной формы диспута. «Теперь, – как отмечает И. О. Шайтанов, – место развязки занимает дискуссия, в ходе которой персонажи должны не выяснять отношения, а понять сами себя» [\[22, с. 10\]](#).

Основной акцент в пьесе переносится с активных действий и ярко выраженного внешнего событийного конфликта героев и персонажей на их рефлексию, душевые переживания, соответственно, конфликт внутренний, который связан, в первую очередь, с противоречиями в пределах личности. Как отмечают исследователи, в драматургии рубежа веков «герои обычно располагаются не как раньше, не “друг против друга”, <...> их поступки лишаются прежней определенности <...> и, соответственно, не всегда вызывают должную – противоположную направленную – реакцию у других действующих лиц» [\[6, с. 11\]](#).

Так, например, ключевое действие главных пьес А. П. Чехова («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад») заключено преимущественно не в агонистическом противостоянии действующих лиц, а в их авторефлексии. Общение персонажей друг с другом в чеховской драматургии часто превращается в так называемый «диалог глухих», где каждый говорящий замкнут на самом себе, настолько погружен в собственный внутренний мир и личные проблемы, что едва ли слышит собеседника. Как справедливо отмечает литераторовед Ю. В. Доманский, такие «диалоги оказываются по сути своей монологичны» [\[4, с. 68\]](#). Локомотивами развития сюжета в зрелой драматургии А. П. Чехова становятся монологи ключевых действующих лиц, в пределах которых может происходить неоднократная смена точек зрения героя на его нынешнее положение и окружающих его лиц, переосмысление планов на будущее, а также переоценка прошлого (например, монолог Нины Заречной из четвёртого действия «Чайки»). В одной из предшествующих работ нами было отмечено особое значение нарративного типа дискурса в пьесе «Чайка», позволяющего драматургу в форме «сценических нарративов» эксплицировать отношение героев и персонажей к страницам собственной биографии, значимым событиям, происшествиям, историям из прошлого [\[9\]](#).

Открытая борьба на сцене протагонистов и антагонистов остается в прошлом (в драматургии эпохи эйдетической поэтики и классического периода эпохи поэтической модальности) или вне пределов высокой литературы, сохраняясь, например, в популярном на европейских подмостках в середине XIX – начале XX веков жанре

«хорошо сделанной пьесы». Иногда эта традиция своего рода массовой литературы становится поводом для осмеяния и пародии, например: «Чехов высмеивает традиционные театральные страсти и традиционную борьбу личных интересов в своих водевилях» [\[6, с. 13\]](#).

В неклассический период эпохи поэтической модальности под микроскопом драматургического взгляда оказываются субъекты, переживающие «кризис идентичности» [\[21\]](#), то есть герои и персонажи, ощущающие внутренний разлад, несоответствие желаемого и действительного в их жизни, что зачастую перерастает в ключевой конфликт пьесы. Так, например, Зилов из пьесы А. Вампилова «Утиная охота» переживает кризис среднего возраста, не может и не хочет соответствовать ролям рядового инженера в заурядном бюро; внешне «добропорядочного» мужа, имеющего при этом, как некоторые другие, любовницу; товарища для безынтересных к нему «друзей» и т. п. Впрочем, как замечает исследователь драматургии Н. И. Ищук-Фадеева, «эта искусственная атмосфера естественна для Зилова, утратившего представление об истинных человеческих ценностях» [\[7\]](#). Глубокий внутренний кризис героя в итоге материализуется в инсценированные друзьями его же похороны, а самого Зилова фактически награждает «статусом “живого трупа”» [\[7\]](#).

Принципиальным моментом поэтики драмы эпохи поэтической модальности является уход от типа «готового героя», действующие лица новых пьес нередко отличаются непредсказуемостью поведения. Это отражает, с одной стороны, авторскую установку о том, что любая личность несводима к ее внешним проявлениям и, тем более, к способным запрограммировать поведение социальным ролям. С другой стороны, неожидаемая и внезапная перемена в поведении может быть спонтанным решением и для самого действующего лица и, следовательно, является маркером ищущей себя личности, «нащупывающей» стратегии взаимодействия с окружающими людьми. Такого рода внешне эксцентричное поведение героев драмы рассматриваемой эпохи может быть проявлением (как бы «выплескиванием» на поверхность) коренящегося в глубинах личности кризиса идентичности, что часто выражается в нелогичности, необдуманности поведения, желании привлечь внимание собеседников шокирующим или эпатирующим способом.

Весьма шокирующее, например, ведёт себя героиня пьесы А. Строгонова «Орнитология» Татьяна, надевающая на себя костюм курицы в самый жаркий момент дискуссии с персонажем по фамилии Любезный, а затем и вовсе решаясь остаться в неглиже. Говоря о такого рода поведении действующих лиц, Б. И. Зингерман отмечает, что «при более близком рассмотрении оказывается, что их эксцентрические поступки жестко детерминированы положением, которое они занимают в обществе» [\[6, с. 18\]](#). Современный мир, надо сказать, притупляет и стирает некоторые реакции и эмоций. В случае с упомянутой героиней, можно сказать, что она решает принять на себя роль своеобразного психоаналитика (что очень близко с реальной профессией автора пьесы), пытаясь вызвать интерес к жизни и любознательность у заманенного к ней в гости Любезного, одновременно с этим пытаясь разобраться и в себе самой.

Новые социальные типажи и поиск оригинальных героев

Палитра героев и персонажей драматургии неклассического этапа эпохи поэтической модальности пополняется новыми лицами, важным моментом в характеристике которых является их социальная принадлежность. С одной стороны, это можно воспринимать как естественную реакцию литературы на меняющуюся жизнь. Среди историко-литературных

типажей в драме неклассического периода появляются как представители нового класса буржуазии, как «*наполеон промышленности*» Босс Менген (в «Доме, где разбиваются сердца» Б. Шоу), бирократы и советская номенклатура (например, в «Бане» В. Маяковского), сталевары, бетонщики, газосварщики из советской «производственной драмы», чиновники и госслужащие в пьесах А. Гельмана, офисные клерки и менеджеры (как в «Методе Грёнхольма» Ж. Галсерана) и т. п.; так и остававшиеся ранее в тени художественного изображения социальные низы: начиная от довольно невинной цветочницы из Лондонского квартала Сохо (в «Пигмалионе» Дж. Б.Шоу), где ей противопоставлен по социальному происхождению и образованности профессор фонетики Хиггинс, деклассированных обитателей ночлежки Костылева (в «На дне» М. Горького) или осатаневших и погрязших, как хищники, своими «*коготками*» в грехе крестьян Никиты и матери его Матрены (во «Власти тьмы» Л. Толстого) до откровенных бандитов и маргиналов из текстов отечественной «новой драмы» конца XX – начала XXI столетий [\[23, с. 152-159\]](#).

С другой стороны, такие социально маркированные персонажи могут являться значимым симптомом ангажированности литературы в целом и драматургических произведений для театра в особенности. В периоды острого идеологического противостояния на мировой арене и во внутренних пределах отдельных стран драматургия становится способом воздействия на сознания зрительских масс. Во многом с этой идеей были связаны эстетические установки и стратегии так называемого «эпического театра» Б. Брехта. Подытоживая его теоретические размышления, литературовед П. Ю. Рыбина резюмирует позицию драматурга: «Публика призвана не наслаждаться иллюзорными радостями или страданиями, но через спектакль определять свое личное отношение к актуальным событиям общественной и политической жизни» [\[18, с. 370\]](#). Эта установка была важной для последователей брехтовского метода, представителей европейского документального театра, соцреалистических пьес и даже отдельных произведений новейшей отечественной драматургии (в особенности связанных с жанром вербатим).

Творческий поиск драматургов эпохи поэтической модальности нередко реализуется в оригинальном выборе героя. Пьесы символистской школы выводят на сцену существа, вещи, даже продукты, не наделенные в привычной действительности душой и сознанием. Отчасти это сопоставимо с аллегорическими фигурами средневековой драмы, однако в пьесах нового времени такие герои не просто олицетворяют силы природы или силы, воздействующие на человека (как античные боги), они ведут себя, подобно людям, с долей непредсказуемости в поведении, страхами, сомнениями и т. п. При этом такого рода действующие лица позволяют порой улавливать скрытые авторские интенции на интуитивном уровне. Как отмечает Л. Н. Татаринова, для символиста М. Метерлинка «познание ничего общего не имеет с интеллектом, оно – интуитивно и спонтанно, оно связано с предвидением, предчувствием, постижением Судьбы» [\[19, с. 16\]](#). Так, в его известной пьесе «Синяя птица» (которую А. Блок в своих заметках настоятельно рекомендовал называть всё-таки не синей, а голубой, так как именно этот эпитет в русской традиции связан с художественными образами романтиков и их последователей [\[19, с. 32-33\]](#)) присутствует сцена, где на глазах юных героев из неживого предмета Хлеб превращается в полноправное действующее лицо, а разворачивающийся диалог, демонстрирует, что он, оказывается, тоже наделен некоторой способностью к рефлексии. Помимо вышеупомянутого Хлеба систему персонажей «Синей птицы» также составляют: Насморк, Огонь, Вода, Молоко, Сахар, Пёс и Кошка, Души Часов, Душа Света, Духи Кипариса, Липы, Каштана и некоторых других бессловесных в обычной жизни предметов и существ.

В ряд таких действующих лиц, появляющихся в новейшей отечественной и зарубежной драматургии, которые неожиданно для читателей и зрителей и, быть может, даже для самих себя начинают размышлять на философские темы и задавать экзистенциальные вопросы, можно включить, например, рассуждающих о Боге Пингвинов (из «У Ковчега в восемь» У. Хуба), Личинку рефлектирующую (из «Болота» М. Крапивиной) и др.

Субъектный неосинкетизм и хоровое слово

Стоит отметить, что смешение разнородных элементов, полярных характеристик, будь то жанровые принципы комедии и трагедии, различные лексические пласти, контрастные черты характера героев и персонажей и т. п., является одним из продуктивных путей развития поэтики художественных текстов эпохи поэтической модальности. В произведениях неклассического периода эпохи, как отмечает П. Пави, «человек систематически демонтируется <...>, низведен до состояния индивидуума, напичканного противоречиями и интегрированного в историю, которая определяет его более, чем он об этом подозревает» [\[17, с. 11\]](#).

Вбирая эволюционные достижения предыдущих эпох на уровне субъектной структуры, драма неклассического периода эпохи поэтической модальности прибегает к приёму так называемого «субъектного неосинкетизма» [\[15\]](#) как способу «художественного “исследования” кризиса самосознания современного человека» [\[12, с. 120\]](#). В отдельных случаях это может проявляться как своеобразное расщипление субъекта на отдельные голоса, именующие разные стороны его характера, ипостаси (как, например, в пьесе В. Сорокина «Hochzeitsreise» героиня «при случае делится на Машу-1 и Машу-2»). В большинстве текстов субъектный неосинкетизм проявляется в форме слияния различных голосов в один. Интересным примером слияния двух субъектов является монодрама Ю. Клавдиева «Я, пулеметчик», где герой говорит сразу от собственного лица современного молодого человека и от лица деда, прошедшего войну. Как отмечает специалист по современной русской драматургии С. П. Лавлинский: «Переход от одного голоса к другому в [данном – Я. К.] тексте почти не маркируется – автор намеренно “сливает” их в судорожный речевой поток» [\[11, с. 61\]](#). Или, например, открытым также остается вопрос о границе автора, героя и ремарочного субъекта в монодрамах Е. Гришковца («Как я съел собаку», «Дредноуты» и др.).

Обращаясь к архаичным формам организации субъектной структуры, авторы драмы эпохи модальности могут вводить в тексты своих произведений структуры, напоминающие речи античного хора (явившегося в конце эпохи синкетизма симптомом обособления индивидуального начала и дифференциации автора и героев). Так, Ф. Г. Лорка в текстовое полотно своей пьесы «Кровавая свадьба» вводит «трех дровосеков, появляющихся в 1-й картине III действия под звуки скрипок и играющих роль античного хора» [\[18, с. 368\]](#). В отечественной драматургии подобный прием можно встретить в пьесе А. Введенского «Ёлка у Ивановых», где персонажи, собирательно именуемые детьми буквально (как отмечено в ремарках) произносят свои реплики хором.

«Образ-силуэт» и обезличенность героя

В более поздних текстах драматургии эпохи поэтической модальности появляются герои и персонажи особого типа, которые не являются личностями с внутренней кризисностью и способностью к саморефлексии. Это лица, проявляющие чрезвычайно малую или вовсе никакую способность к самоанализу, не отличающиеся стойкими внутренними ценностными убеждениями, очевидной поведенческой и сюжетной инициативой. Как

отмечает П. Пави, «современный герой не может более влиять на события, у него нет позиции относительно реальности» [17, с. 53]. Такого рода действующие лица «плывут по течению», а мотивировками их поведения являются более или менее базовые биологические потребности. Нам кажется уместным, продолжая классификацию типов образов, предложенную в концепции исторической поэтики С. Н. Бройтманом [2] («образ-тип», «образ-характер» и «образ-личность») назвать подобное действующее лицо «образом-силуэтом». Такого рода фигуры – это не недостаточно прописанные автором герои, как, например, второстепенные персонажи в комедиях Мольера, чью магистральную линию поведения определяет принадлежность к социальному типу (образ-тип) или особый темперамент, которым руководят доминирующие страсти (образ-характер). Это также не онинические персонажи, как, например, невидимые фантомы в пьесе Э. Ионеско «Стулья» или невидимые зрителю «звуки шагов в пустой комнате» из пьесы Ю. О'Нила «Долгий день уходит в ночь». Образ-силуэт – это действующее лицо, доведенное драматургом до крайности в своей нецельности, отличающееся отсутствием внутренних ценностных установок, в своем пределе являющееся биологическим индивидом без ярко выраженной психологической личностной уникальности.

Наглядно такие образы-силуэты проявились в произведениях так называемого театра абсурда. «Абсурдисты так обыгрывают ситуацию семейного ужина, ожидания, встречи, общения двух людей, что персонажи их пьес приобретают свойства индивидуумов без индивидуальностей – некой ходячей карикатуры, в которой в то же время заключено нечто неотторжимо человечное, одновременно смешное и грустное» [18, с. 381]. Например, собеседники из «Лысой певицы» Э. Ионеско или парочка Владимир (Диди) и Эстрагон (Гого) из пьесы С. Беккета «В ожидании Годо». Примерами в отечественной драматургии могут стать молодожены Жених и Невеста из пьесы О. Богаева «Dawn-Way», собиратели яблок из «Урожая» П. Пряжко, пара встречающихся и начинающих жить вместе молодых людей из пьесы В. Леванова «Шкаф».

Отнести к этому ряду образов-силуэтов стоит и заглавного героя пьесы Д. Данилова «Человек из Подольска». Лаконичность и неглубина ответов в саморепрезентации Человека из Подольска говорит о свойствах его мыслительной деятельности и, главное, ценностных жизненных установках, демонстрирует «рестрикцию его взгляда» (о чём подробно мы уже писали [10]). Хотя, надо заметить, это далеко не самый слаборефлектирующий герой в текстах драмы последних десятилетий, тем более что в процессе этого абсурдного допроса он начинает многое переосмысливать.

Важно также, что наименование Человека из Подольска, как и ряда других образов-силуэтов дано в безымянной и тем самым обезличенной форме. Подобное лишение действующих лиц имени может восприниматься в двух аспектах. С одной стороны, в таком случае «человек предстает здесь как родовое понятие: беззащитное существо перед силами природы и будущего» [19, с. 18] (как герои «Слепых» М. Метерлинка или Первочеловек в пьесе Л. Андреева «Жизнь человека»). С другой, безымянных героев часто можно встретить в отечественной «новой драме» (например, Он и Она в пьесе В. Леванова «Шкаф»), где наименование героев по их социальной роли или даже сведение к местоимению можно прочитывать (наряду и с вышеуказанной трактовкой) как маркируемую автором внутреннюю пустоту и ненаполненность персонажей, т. е. силуэтность.

Маргинальность и эскапизм

Заметной тенденцией в построении систем персонажей пьес неклассического периода

эпохи поэтической модальности является обращение к маргинальным слоям современного социума. В отечественной традиции таких героев на сцену первым вывел М. Горький в буквально перевернувшей современный ему литературный и театральный мир пьесе «На дне» (подобно революционному решению А. Н. Островского вывести на сцену купеческое сословие).

Обращение к героям и персонажам такого рода весьма популярно в наши дни и реализуется в пьесах, написанных в русле так называемых «документальной драмы» и «гипернатурализма» (или в терминологии М. Липовецкого «чернухи» [\[13\]](#)). По замечанию О. В. Дрейфельд, в современном искусстве заметен интерес «к изображению физиологизированных или социально неблагополучных сторон „дна жизни“, а также табуированных сюжетов во взаимоотношениях представителей разных слоёв общества как единственной доступной разновидности реальности современного человека» [\[5, с. 109\]](#). В зарубежной драме тенденция проявляется – от изображения воровского мира «Трёхгрошовой оперы» Б. Брехта до героев пьес М. Макдонаха «Сиротливый запад», «Калека с острова Инишман», изображающих физически неполноценных или душевно покалеченных действующих лиц. В отечественной драматургии к примерам таких художественных текстов могут быть отнесены «Рогатка» Н. Коляды, «Пластилин» В. Сигарева и др.

Реакцией на неумолимый темп жизни современного мира является желание убежать от всех и от себя, выражаясь в тексте в так называемом мотиве *escape'a*. От довольно невинных попыток героя-мечтателя по прозвищу Петушок убежать в загородную местность и стать «колонистами» в художественном мире «Серсо» В. Славкина до способов уйти от реальности, связанных с пагубной тягой к алкоголю или одурманивающим веществам: многие герои и персонажи пьес А. Вампилова, «Трамвая „Желание“» Т. Уильямса, «Dostoevsky-Trip» В. Сорокина и т. п.

Значимой тенденцией современной драматургии является «стремление к натуралистическому жизнеподобию» [\[18, с. 358\]](#). Частой реакцией на жестокий мир, своеобразной формой выражения беспомощности является агрессия, физическая («театр жестокости» А. Арто и его последователей) или словесная (доходящая порой до вербального насилия). Стоит заметить, что нецензурная и обсценная лексика закрепилась в поэтике отечественной «новой драмы» рубежа XX – XXI веков в качестве одного из характерных элементов речи героев и персонажей. Однако, весьма искусно и остроумно это выглядит в речи действующих лиц «Вальпургиевой ночи, или Шагов Командора» В. Ерофеева, для многих из которых слово становится практически единственной доступной формой защиты.

Заключение

Подводя итог, в первую очередь стоит отметить, что важнейшим моментом для данного периода исторической поэтики является осознание сложности и противоречивости человеческой натуры, что выливается в интерес драматургов к изображению кризисных моментов личности и авторефлексии.

Конечно, многообразные пути развития категории героя и персонажа в драме эпохи поэтической модальности сложно свести к единому знаменателю, однако можно выделить доминирующие тенденции. Так, наряду со стратегией обособления и подчеркивания уникальности личности («образ-личность») присутствует стратегия стирания индивидуальных черт действующих лиц («образ-силуэт»). Значимыми становятся новые социальные реалии, находящие отражение в оригинальных типажах.

Весьма частыми характеристиками действующих лиц эпохи, как было подчёркнуто в работе, оказываются проявляющиеся черты маргинальности и мотивы эскапизма.

Помимо отмеченных выше особых типов образности, уникальных для субъектной сферы третьего глобального периода исторической поэтики, драматургия неклассического периода эпохи модальности также вбирает и активно применяет такие достижения предыдущих эпох (эпохи синкретизма и эпохи эйдетической поэтики), как явление неосинкретизма, хоровое слово, по-своему преобразуя их в художественных текстах.

Библиография

1. Багдасарян О. Ю. Поствампиловская драматургия: поэтика атмосферы : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01/ Ур. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006. – 20 с.
2. Брайтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы : учебное пособие. В 2 т. Т. 2 / под ред. Н. Д. Тамарченко. – Москва : Академия, 2004. – 368 с.
3. Денисова Т. Н. Концепция героя в русской драматургии 2-ой половины XX века : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Архангельск, 2014. – 22 с.
4. Доманский Ю. В. Вариативность драматургии А. П. Чехова. – Тверь : Лилия Принт, 2005. – 160 с.
5. Дрейфельд О. В. Натурализм // Миргород. – 2016. – №1 (Suplement) – С. 109-115.
6. Зингерман Б. И. Очерки истории драмы 20 века. – Москва : Наука, 1979. – 392 с.
7. Ищук-Фадеева Н. И. Святые и грешные: Драматургия и драма Александра Вампилова// Литература («ПС»). – 2001 – № 2. – Режим доступа: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200100205>.
8. Козлова С. М. Безличный герой современной драмы // Русская литература в ХХ веке: имена, проблемы, культурный диалог / редактор: Т. Л. Рыбальченко. Том Выпуск 10. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2009. – С. 341-356.
9. Красников Я. Е. Нarrативные особенности пьесы А. П. Чехова «Чайка» // Litera. – 2023. – № 6. – С. 171-180.
10. Красников Я. Е. Рестрикция взгляда в мире героев пьесы Д. Данилова «Человек из Подольска» // Реальность и «другая реальность» в литературе и культуре: визуальные аспекты : Сборник статей XII межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 11–12 марта 2021 года. – Москва: Эдитус, 2021. – С. 167-172.
11. Лавлинский С. П. «Театр жестокости» по-русски (позиция героя и адресата в монодраме Юрия Клавдиева «Я, пулеметчик») // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоzнание. Культурология. – 2010. – №11 (54). – С 55-68.
12. Лагода М. А. Неосинкретизм драматический / М. А. Лагода, А. М. Павлов // Новый филологический вестник. – 2011. – № 2 (17). – С. 118-121.
13. Липовецкий М. Растратные стратегии, или Метаморфозы «чернухи» // Новый мир. – 1999. – № 11. – С. 193-210.
14. Луков В. А. Идеальный герой в европейской драме XIX века // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 11.
15. Малкина В. Я. Неосинкретизм // Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – Москва : Intrada, 2008. – С. 143-144.
16. Новейшая драма рубежа XX-XXI вв.: предварительные итоги / коллективная

- монография / под общ. ред. Т. В. Журчевой. – Самара : Самарский государственный университет, 2016. – 296 с.
17. Пави П. Словарь театра / пер. с фр. – Москва : Прогресс, 1991. – 504 с.
 18. Рыбина П. Ю. Западная драматургия XX века // Зарубежная литература XX века: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. М. Толмачёва. – Москва : Академия, 2003. – С. 357-390.
 19. Татаринова Л. Н. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века: Учебное пособие. – Краснодар: ZARLIT, 2010. – 204 с.
 20. Тютелова Л. Г. Поэтика субъектной сферы русской драмы XIX века: от драматургии романтиков к драматургии А.П. Чехова : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Самарский государственный университет. Самара, 2012. – 43 с.
 21. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112-123.
 22. Шайтанов И. О. Между викторианством и антиутопией. Английская литература первой трети XX века // Литература. – 2004. – № 43. – С. 9-15.
 23. Экспериментальный словарь новейшей драматургии / гл. научн. ред. С. П. Лавлинский. – Siedlce : Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2019. – 391 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Категории героя и персонажа в драме в свете исторической поэтики (в неклассический период эпохи модальности)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной и посвящена рассмотрению сложного феномена в свете исторической поэтики.

Автор обращается к неклассическому периоду эпохи поэтической модальности, когда пристальный интерес к феномену личности сталкивается с пониманием того, что человек в действительности далёк от того совершенства, которые отличали полулегендарных героев античных трагедий, видных исторических фигур в драматургии классицизма и многих других действующих лиц пьес предшествующих эпох, с чего, собственно, и начинается повествование.

Однако отметим, что исследование посвящено не неклассическому периоду, а «категории героя и персонажа в драме», поэтому удивительным кажется отсутствие теоретического обоснования во вводной части статьи.

Цели и задачи исследования не ясны из текста.

Отсутствие ссылок на работы предшественников и описания истории изучения вопроса не позволяют выделить новизну исследования и судить о приращении научного знания. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико- семантический анализ, герменевтический и сравнительно- сопоставительный методы.

Автор не приводит информации о практической базе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Данный факт не позволяет научное приращение знание и новизну исследования. Заключение не отображает в полной мере задачи, поставленные в исследовании.

Библиография статьи насчитывает 16 источников исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу. Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации усилило бы теоретическую составляющую исследования. При составлении библиографии автором был нарушен общепринятый алфавитный принцип ГОСТа.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях в области отечественной филологии.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Категории героя и персонажа в драме в свете исторической поэтики (в неклассический период эпохи модальности)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения правок, а именно; 1) усиление библиографии и оформление с общепринятым ГОСТом, 2) четкая постановка цели и задач, отбор практического материала исследования, 3) структурирование текста статьи в соответствии с заглавием и целью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Категории героя и персонажа нередко становятся предметами литературоведческого исследования, однако подавляющее большинство работ на эту тему связано с аналитическим рассмотрением текстов эпического рода. Вопрос специфики героев и персонажей обзорно затрагивается в научно-учебной литературе в довольно лаконичных разделах или весьма бегло и, что называется, мимоходом. Однако, уделить должное внимание этому необходимо, что собственно и осуществляет автор рецензируемой статьи. Как отмечается в начале работы, «цель исследования – проследить историческую специфику поэтических категорий героя и персонажа в драматургических произведениях неклассического периода эпохи поэтической модальности». Фиксированный целевой грейд ориентирует и на решение ряда задач: а именно, «описать специфику понимания и изображения феномена личности в драматургии выбранного периода; определить новаторские типы героев и персонажей, появляющиеся в произведениях эпохи; выявить формы присутствия субъектов в тексте, которые были заимствованы из предшествующих периодов исторической поэтики; охарактеризовать новаторство драматургов неклассического периода эпохи модальности».

на уровне создания образов и использования мотивов; и, наконец, привлечь наиболее целесообразные примеры драматургических произведений, отражающие особенности категорий героя и персонажа выбранной эпохи». Литературная база исследования многомерна, обширна: «материалом данного исследования послужили наиболее репрезентативные тексты отечественной и зарубежной драматургии середины XIX – начала XXI веков (включающие пьесы: А. П. Чехова и его европейских современников, символиста М. Метерлинка, представителя ОБЭРИУтов А. Введенского, абсурдиста С. Беккета, советского драматурга А. Вампилова, постмодерниста В. Ерофеева, авторов отечественной «новой драмы», а также наших современников А. Строгонова, Д. Данилова и многих других)». На мой взгляд, работа имеет четко выверенную структуру, она грамотно написана, в сочинение весьма планомерно сочетается теоретическая и собственно практическая части. Методология работы соотносится с рядом современных и актуальных принципов анализа научной проблемы. Систематизация в данном случае позволяет консолидировать имеющийся критический опыт, а также наметить перспективу изучения вопроса. Стиль работы соотносится с собственно-научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «в неклассический период эпохи поэтической модальности пристальный интерес к феномену личности сталкивается с пониманием того, что человек в действительности далёк от того совершенства, которые отличали полулегендарных героев античных трагедий, видных исторических фигур в драматургии классицизма и многих других действующих лиц пьес предшествующих эпох. От века к веку герой драмы проходит путь от выдающейся и уникальной в своем роде фигуры до постепенного приближения к рядовым обывателям, и, как отмечает исследователь театра П. Пави, «история литературы являет серию последовательного деклассирования героя», или «основной акцент в пьесе переносится с активных действий и ярко выраженного внешнего событийного конфликта героев и персонажей на их рефлексию, душевые переживания, соответственно, конфликт внутренний, который связан, в первую очередь, с противоречиями в пределах личности. Как отмечают исследователи, в драматургии рубежа веков «герои обычно располагаются не как раньше, не “друг против друга”, <...> их поступки лишаются прежней определенности <...> и, соответственно, не всегда вызывают должную – противоположную направленную – реакцию у других действующих лиц», или «принципиальным моментом поэтики драмы эпохи поэтической модальности является уход от типа «готового героя», действующие лица новых пьес нередко отличаются непредсказуемостью поведения. Это отражает, с одной стороны, авторскую установку о том, что любая личность несводима к ее внешним проявлениям и, тем более, к способным запрограммировать поведение социальным ролям. С другой стороны, неожидаемая и внезапная перемена в поведении может быть спонтанным решением и для самого действующего лица и, следовательно, является маркером ищущей себя личности, «нащупывающей» стратегии взаимодействия с окружающими людьми. Такого рода внешне эксцентричное поведение героев драмы рассматриваемой эпохи может быть проявлением (как бы «выплескиванием» на поверхность) коренящегося в глубинах личности кризиса идентичности, что часто выражается в нелогичности, необдуманности поведения, желании привлечь внимание собеседников шокирующим или эпатирующим способом» и т.д. Автор достаточно строг в формулировках, объяснении сути вопроса, аргументации собственной позиции. Серьезных фактических нарушений в работе не выявлено. Материал можно продуктивно использовать при изучении курсов теоретического и практического характера, например, «Теория литературы», «Теория современной драмы», «История литературы» и др. Удачно, на мой взгляд, что текст дробиться на фрагменты; формальная дифференциация позволяет перейти и на смысловую. Термины, понятия используются в строго унифицированном режиме. В работе достаточно сносок, цитаций; включение в

текст цитатных конструкций сделано с учетом требований издания. Основной вопрос, который рассматривается в сочинении, раскрыт. Автор приходит к выводу, что «важнейшим моментом для данного периода исторической поэтики является осознание сложности и противоречивости человеческой натуры, что выливается в интерес драматургов к изображению кризисных моментов личности и авторефлексии», «многообразные пути развития категории героя и персонажа в драме эпохи поэтической модальности сложно свести к единому знаменателю, однако можно выделить доминирующие тенденции. Так, наряду со стратегией обособления и подчеркивания уникальности личности («образ-личность») присутствует стратегия стирания индивидуальных черт действующих лиц («образ-силуэт»). Значимыми становятся новые социальные реалии, находящие отражение в оригинальных типажах. Весьма частыми характеристиками действующих лиц эпохи, как было подчёркнуто в работе, оказываются проявляющиеся черты маргинальности и мотивы эскапизма», «драматургия неклассического периода эпохи модальности также вбирает и активно применяет такие достижения предыдущих эпох (эпохи синкретизма и эпохи эйдетической поэтики), как явление неосинкретизма, хоровое слово, по-своему преобразуя их в художественных текстах». Считаю, что основная цель данного исследования достигнута, задачи – решены. Материал обладает должной научной новизной, автор смог создать работу в условиях диалога с оппонентами, а также заинтересовать потенциального читателя. Серьезная правка текста излишня, наличного объема достаточно для расширенного представления научной проблемы. Рекомендую статью «Категории героя и персонажа в драме в свете исторической поэтики (в неклассический период эпохи модальности)» к открытой публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дин Л. — Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными пять, семь и десять // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43595 EDN: TMRFRZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43595

Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными пять, семь и десять

Дин Лина

ORCID: 0000-0002-0379-6839

аспирант, кафедра общее и русское языкознание, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 21

✉ 1042215065@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43595

EDN:

TMRFRZ

Дата направления статьи в редакцию:

18-07-2023

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному анализу нумеративных фразеологических единиц с религиозным компонентом в русской и китайской лингвокультурах. Объектом исследования являются фразеологизмы русского и китайского языков религиозной тематики, содержащие компоненты-числительные пять, семь и десять. Предметом исследования являются лингвистические и национально-культурные особенности русских и китайских фразеологизмов с религиозным компонентом. С целью выявления и описания сходств и различий в видении мира, свойственных русским и китайским народам, применялись такие методы и приёмы исследования, как лингвокультурологический анализ, сопоставительный метод, описательный метод, этимологический анализ и др. Задачи данной статьи осуществляются с помощью лингвокультурологического анализа некоторых фрагментов национального менталитета, отражённых в зеркале фразеологии. Научная новизна работы состоит в подробном изучении нумеративных фразеологизмов с религиозным компонентом в двух языках. Представляется, что русские фразеологизмы, содержащие компоненты- числительные семь и десять, в основном несут коннотативное значение,

обозначая полноту, законченность и совершенство. В китайском языке фразеологизмы с вышеупомянутыми компонентами имеют более тесную связь с даосским учением, чем с буддизмом и конфуцианством. Сопоставительное изучение нумеративных фразеологизмов в обоих языках содействует проникновению в иную культурную реальность, пониманию этнокультурной специфики числового кода, связанной с религиозной сферой.

Ключевые слова:

фразеологизмы, числовой компонент, религиозная тематика, язык и культура, языковая картина мира, сопоставительный анализ, христианство, конфуцианство, даосизм, буддизм

Введение

Язык, культура и религия, представляющие собой важные факторы формирования национального менталитета, влияют друг на друга. Язык служит главным средством в межличностной коммуникации и межкультурном общении, поскольку главная функция языка – коммуникативная, помимо того, в нём закреплены специфические элементы культуры народа – носителя данного языка. Религия в формировании национальной картины мира играет немаловажную роль. Например, православие оказало влияние на возникновение старославянского языка – первого письменного языка всех славян, и на развитие русского языка, проникло в глубь русской народной культуры, материальной и духовной. В последние десятилетия тема взаимосвязи «язык-культура-религия» привлекла многих исследователей, в том числе, И. В. Бугаеву [11], Н. Б. Мечковскую [12], А. В. Меня [11], А. Б. Рановича [15], Чжу Жуйвэня [22] и др. Отдельного внимания заслуживает сопоставительный анализ фразеологизмов с религиозным компонентом в аспекте лингвокультурологии, поскольку фразеологизмы играют важную роль в создании языковой картины мира. Задачи данной статьи осуществляются с помощью лингвокультурологического анализа некоторых фрагментов национального менталитета, отражённых в зеркале фразеологии.

«Число – одно из основных понятий математики, используемое для количественной характеристики, сравнения, нумерации объектов и их частей» [10]. Однако помимо счётного значения, Ю. М. Лотман отмечает особое значение чисел и числовой символики в истории культуры, великое множество случаев, когда число приобретает, сверх своего основного цифрового значения, некоторые добавочные – культурно-типологические [7, с. 430]. Поэтому русские и китайские фразеологизмы с числовым компонентом религиозной тематики представляют значительный научный интерес. Цель данной статьи – выявить и описать сходства и различия в духовной самобытности русского и китайского этноса на материале фразеологизмов с компонентом-числительным пять, семь и десять в лингвокультурологическом аспекте. Заметим, что в сопоставительном плане фразеологизмы с числовым компонентом исследовались в основном на материале индоевропейских языков [2; 14; 19 и др.], тогда как работ, в которых комплексно рассматриваются сходства и различия данных единиц в русском и китайском языках, не так много [4; 8; 18 и др.], поэтому новизна данной работы заключается в том, что исследование наивной картины мира двух народов посредством анализа фразеологических единиц религиозной тематики.

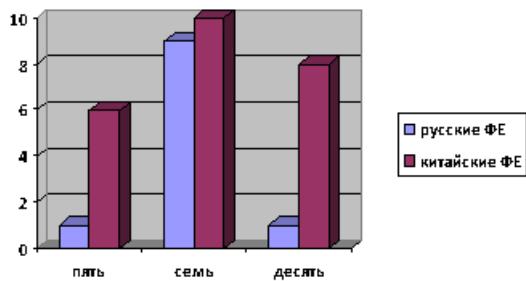
Материалом исследования послужили 11 русских фразеологических единиц, извлечённых методом сплошной выборки из «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов (2010)», автором которого является Дубровина К.Н. и «Словаря русской фразеологии, историко-этимологический справочник», и 24 китайских фразеологических единицы, взятых из словарей «Буддийская фразеология» и «Китайский большой словарь чэньюй: историко-этимологический справочник».

Проанализировав собранные фразеологизмы на религиозную тематику в **Таблице №1** «Русские и китайские ФЕ религиозной тематики с числовыми компонентами пять, семь и десять», выяснили, что в русском языке фразеологизмы с числовыми компонентами, в основном, происходят из Библии, некоторые из язычества; в китайском языке конфуцианство, даосизм и буддизм занимают важное место в создании картины мира, что отражено во фразеологии.

Таблица №1. Русские и китайские ФЕ религиозной тематики с числовыми компонентами пять, семь и десять

Числа	В китайском языке				В русском языке		
	Конфуцианство	Даосизм	Буддизм	Всего	Православие	Другие	Всего
пять	2	2	2	6	1		1
семь	1	3	6	10	7	2	9
десять	6	1	1	8	1		1

Диаграмма №1. Соотношение русских и китайских ФЕ с числовыми компонентами пять, семь и десять

Данные в **Диаграмме №1.** свидетельствуют, что число семь в русской и китайской лингвокультуре, особенно в религиозной сфере, играло важную роль.

1. Число «пять»

В Библии единица пять, в первую очередь, является символом ответственности, что многократно проявляется в выражениях и цитатах, таких как пять покрывал, пять перекладин, пять столбов, «И сделай жертвенник из дерева акации длиной в пять локтей и шириной в пять локтей...» [17], здесь размер пять на пять означает, что Христос на кресте взял на Себя полную ответственность за исполнение требований Божьей праведности, святости и славы [17]. В «Евангелии от Матфея» содержится известная притча о пяти неразумных девах и пяти благоразумных, в ней число пять состоит из четырёх плюс один, означающее, что человек (которого обозначает число четыре), к которому добавлен Бог (которого обозначает число один), несёт ответственность. Нужно отметить, то обстоятельство, что пять дев – неразумных, и пять – благоразумных, не значит, что половина верующих неразумны, а другая половина – благоразумны. Оно

выражает мысль о том, что все верующие несут ответственность за то, чтобы наполняться Святым Духом [17].

В русском языке нашлась пословица без пяти просвир обедни нет, возникшая на основе благочестивой традиции – молиться перед едой, которая приобретает коннотативное значение – хорошая подготовка к действию.

В китайском языке отмечена особая симпатия к числу пять, в основном, в связи с древней философской категорией У-син (五行, wǔxíng), представляющей пять элементов Вселенной («вода», «дерево», «огонь», «металл», «почва»), которым присущи два основных циклических взаимодействия: взаимопорождение и взаимопреодоление. Согласно учению о пяти первоэлементах, пять цветов (五色, wǔsè, синий, красный, жёлтый, белый и чёрный) соответствуют пяти Цзан – органам (五脏, wǔzàng): печени, сердцу, селезёнке, лёгким и почкам. В китайской традиционной картине мира пять – святое и мистическое число, выступающее символом центра мира (九五之尊) и основополагающим правилом (三纲五常). Лаоцзы использовал фразеологизм 目迷五色 (даос. Глаза разбежались, пестрит в глазах), для описания запутанной и сложной мирской жизни. Нами выявлено ключевое значение рассматриваемых устойчивых сочетаний – «многообразие». Анализ фразеологизмов буддийского происхождения с компонентом пять, позволяет заключить, что их семантическая структура осложняется значением «весь, полностью», например, 五体投地 (будд. Падать ниц; клань земной поклон, вместе с ним кланяются пять частей: лоб, две кисти, двое колен и две стопы. Обр. в знач.: благоговеть перед кем-л., относиться с глубоким уважением, испытывать величайшее восхищение); 五蕴皆空 (будд. 五蕴 – пять сканд (Все дхармы, распределённые по пяти группам – сканда: 色 rupa – чувственные; 識 vijnana – сознания; 受 vedana – чувств, восприятия; 想 sanjna – процессов различения; 行 samskara – вообще процессов) [21]. Человек состоит из этих пяти сканд.

2. Число «семь»

«Семь – одно из самых удивительных чисел. Семь – это число духовного порядка, которое правит миром, которое символизирует творение и созидание» [13, с. 12].

Число семь является христианским символом, имеющим распространение в разных культурах [9, с. 77], в христианской культуре семь считается святым, мистическим числом, поскольку это число многократно упоминалось в Библии, например, семь тайнств, семь даров Святого духа, семь добродетелей и смертных грехов, семь Архангелов, семь пророков, семидневный пост и покаяние, здесь семёрка обладает сакральным значением, символизировала полноту, законченность и совершенство. В русской культуре семь – символ чего-л. чрезмерного: за семью замками (печатями) – что-л. абсолютно непостижимое, недоступное, в глубокой тайне; семь смертных грехов – самые тяжкие и непростительные пороки; быть на седьмом небе – быть очень счастливым [9, с. 77]. Библеизм за семью замками происходит из старославянского языка, известны и другие его варианты, «наиболее распространённый из которых – тайна за семью печатями (возможно, потому, что книга за семью печатями – это какие-то сокровенные знания, информация, к которой нет доступа, непостижимая тайна)» [20, с. 304].

В китайском языке фразеологизм даосского происхождения с компонентом семь 七窍生烟 (даос. Из семи отверстий повалил дым. Семь отверстий – глаза, уши, нос, рот. Обр. в знач.: «выйти из себя, вспыхнуть гневом»), имеет инвариантное значения «чрезмерно».

Выражение *семь пятниц на неделе*, по комментарию в «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» [16, с. 99], восходит к языческому культу богини плодородия, воды, дождя, покровительницы материнства Мокоши. День богини Мокоши, пятница, был днём, свободным от работы. В этот день запрещалось прядь, купать детей, начинать какое-л. дело и т.д. Христианство перенесло все атрибуты Мокоши на день Св. Параскевы Пятницы. В пятницу следовало поститься, поминать умерших. Пятницы были торговыми днями, а тем самым и сроком исполнения торговых и долговых обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, обещал исполнить его в следующий базарный день – в следующую пятницу [5, с. 36]. В современном русском языке данный фразеологизм обозначает человека, который «очень часто и непредвиденно меняет планы, настроения и т. п.» [5, с. 36].

Семь, в китайской картине мира, отсылает к концепции смерти, так как седьмой месяц (июль) в народе считается «злым месяцем». Пятнадцатое июля по лунному календарю традиционно называется «День мёртвых». «Это один из тех периодов в году, когда, по народному поверью, врата подземного мира открыты и души умерших могут выйти в мир людей» [6, с. 77].

В даосизме *семь*, являясь циклом движения, обозначает системность и порядок Дао, таким образом, возник ряд выражений, связанных с числом семь: 七星 (даос. Семь звёзд); 七元 (даос. Семь начал – Солнце, Луна и пять больших планет); 七煞 (даос. Циша – злой дух стихии Металл); 七宝 (даос. Семь сокровищ – золото, серебро, лазурит, раковина тридакны, агат, коралл и горный хрусталь или жемчуг и биотит) и т.д. Фразеологическая единица 三魂七魄 (даос. Тройственное духовное начало и семь нечистых животных духов в теле человека), даосского происхождения, используется для обозначения человеческой души. Во фразеологии даосского происхождения 七返灵砂 (даос. Выпив чудодейственный препарат, человек может многократно возвращаться к жизни) заключается идея бессмертия.

Примерами фразеологизмов, содержащих структурные элементы 七.../八... (семь раз... и восемь раз...) и построенных на ярком образном значении «беспорядочность», являются следующие обороты китайского языка: 七颠八倒 (будд. Семь – кувырком, восемь – в повалку. Обр. в знач.: бессвязный, хаотический – о речи; в беспорядке); 七零八落 (будд. Рассыпаться в беспорядке); 七手八脚 (будд. Семь рук и восемь ног. Обр. в знач.: суетиться, в суматохе, в спешке); 七上八下 (будд. В смятении, охваченный тревогой, сердце бешено билось), передающие отрицательную эмоционально-оценочную окраску. Фразеологизм буддийского происхождения 七情六欲 (будд. семь чувств и шесть страстей) использовался для описания эмоций, присущих всему человечеству, семь чувств – радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть и половое влечение; шесть желаний, шесть страстей (порождаемых шестью индриями, см. 六根: глаз, ухо, нос, язык, тело и разум).

3. Число «десять»

Число *десять* в Библии обозначает человеческое совершенство и завершённость, завершённость без недостатков [17]. Десять пальцев рук служат наглядной иллюстрацией этого совершенства и этой завершённости. Помимо того, Десять Заповедей также были даны человеку для его совершенства и завершённости. Фразеологическая единица библейского происхождения *Десять Заповедей* в современном русском языке имеет значение «основные правила, которым необходимо следовать в каком-либо деле, предприятии» [20, с. 136].

Коннотативное значение приобрело и китайское числительное десять, символизируя «полноту, совершенство»: 十全十美 (конф. Полностью и без изъяна; совершённый во всех отношениях). Самый удобный для древних людей счётчик – это пальцы; в обоих языках слово десять казалось ранее самым большим числом, отсюда возникло другое коннотативное значение данного числа – «много», например, в китайском языке: 一曝十寒 (конф. В мире растёт много прекрасных растений, за которыми легко ухаживать. Но если взять их и оставить сушиться под солнцем на один день, потом их оставить в холодном месте на десять дней, то они умрут. Обр. в знач.: «учиться (работать) с большими перерывами, от случая к случаю, урывками, насоками, кое-как»); 十目所视, 十手所指 (конф. букв. десять глаз смотрят, десять рук указывают; от людского глаза не скроешься; все взгляды устремлены на кого-л. Обр. в знач.: «под строжайшим надзором масс»). Кроме того, отмечается типичная фразеологическая модель 十...九... (десять раз... и девять раз...), употреблённая для обозначения большей доли от общего количества, например, 十病九痛 (конф. Болезненный, боль во всем теле); 十室九空 (дао. Из десяти домов девять пустуют. Обр. в знач.: «об опустошённом районе»).

Заключение

Таким образом, числовые ассоциации отражает народное мировоззрение и традиционные языковые особенности. Носители русского языка, как и носителя китайского языка, являются представителями своеобразных цифровых культур. Установлено, что нумеративные фразеологизмы с компонентами пять, семь и десять в обоих языках отражают «приобретение ими образно-метафорического значения, а также определённой коннотативной окраски» [3, с. 34]. Так, русские фразеологизмы с компонентами-числительными семь и десять в основном передают коннотативное значение полноты, законченности и совершенства. В китайском языке фразеологизмы с компонентами семь и десять имеют более тесную связь с даосским учением, чем с буддизмом или конфуцианством. Таким образом, сопоставительное изучение нумеративных фразеологизмов в обоих языках содействует проникновению в иную культурную реальность, пониманию этнокультурной специфики числового кода, связанной с религиозной сферой.

Библиография

1. Бугаева И. В. Праздники и их наименования в православном социолекте // Социальная политика и социология. 2008. № 1. С. 218-234.
2. Гизатуллина Л. Р. Нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. Наук. Уфа, 2004. 231 с.
3. Ди Яогуанг, Киселева Л. А. Отражение этнокультурного своеобразия числовой символики в русской и китайской фразеологии // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2018. № 2. С.34-40.
4. Ди Яогуанг, Киселева Л. А. Фразеологизмы с числовым компонентом в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6(60). Ч. 2. С. 75-77.
5. Ермаков Н. Я. Пословицы русского народа / Н. Я. Ермаков. Санкт-Петербург : тип. С.А. Корнатовского, 1894. 48 с.
6. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1989. 360 с.
7. Лотман Ю. М. Семантика числа и тип культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб. 2000. С. 430-433.

8. Лю Я. Сопоставление и способы перевода фразеологизмов с числительными в китайском и русском языках : магистерская диссертация / Я. Лю ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Кафедра иностранных языков и перевода. Екатеринбург, 2020. 94 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология: : Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. М.: Академия. 2004. 208 с.
10. Математическая энциклопедия / Гл. ред. И.М. Виноградов. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 1151 с.
11. Мень А. [В.] К истории русской православной библеистики // Богословские труды. Т. 28, 1987. С. 272-289.
12. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Агентство«ФАИР», 1998. 350 с.
13. Мэн Цинжун. Лингводидактическое описание цифр «Семь» и «Девять» в русском и китайском языках // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2008. № 3. С. 11-15.
14. Пасечник Т. Б. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 217 с.
15. Ранович А. Б. Очерк истории древнееврейской религии. Вводная статья акад. Н. Никольского "Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иуды" (с. III-LXXXIV). М.: Гос. антирелигиозн. изд-во. 1937. 400 с.
16. Словарь русской фразеологии: Ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л.И. Степанова; С.-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. 700 с.
17. Уитнесс Ли. Библия (восстановительный перевод) / Под ред. отдела служения «Живой поток». Анахайм: Living Stream Ministry, 1998. 898 с.
18. Цуй Хун Ень. Семантика наименований чисел в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003. 161 с.
19. Чернева Н. П. Семантика и символика числа в национальной картине мира: На материале русской и болгарской идиоматики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 270 с.
20. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. М. : Флинта : Наука, 2010. 808 с.
21. 五蕴| Перевод 五蕴(academic.ru) [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/chi_rus/29653/%E4%BA%94%E8%96%80?ysclid=1jrd253kpf281667796 (дата обращения: 07.07.2023)
22. 朱瑞玲. 佛教成语. 格致出版社, 2006. Чжу Жуйвэнь. Буддийская фразеология // Издательство Гэчжи. Шанхай. 2006. 432 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными пять, семь и десять», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной,

ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, а также пониманию важности культурологических исследований для понимания языковой картины мира. Кроме того, в настоящее время возрастает интерес к исследованию религиозной лексики и фразеологии, в изучение чего вносит определенный вклад рецензируемая работа.

Задачи данной статьи осуществляются с помощью лингвокультурологического анализа некоторых фрагментов национального менталитета, отражённых в зеркале фразеологии. Цель данной статьи является выявление и описание сходства и различия в духовной самобытности русского и китайского этноса на материале фразеологизмов с компонентом-числительным пять, семь и десять в лингвокультурологическом аспекте.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии и концептологии, через призму лексики двух различных культур с учетом религиозных верований народов. Исследование является сопоставительном, проведенном на материале двух языков.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

К сожалению, автор не указывает на объем корпуса, отобранного для практической части исследования по каждому из языков и на принципы и методы отбора. Автор приводит убедительные данные, однако методы корпусного исследования, а также статистические методы, которые могли бы быть применены в данном случае, не были использованы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на китайском и русском языках.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены научные труды на русском и китайском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, а встречаются учебники, учебные пособия. При составлении библиографии автором был нарушен общепринятый принцип ГОСТа.

В статье встречаются ряд орфографических ошибок и опечаток, к примеру, «межкультурном общении», «первого письменно языка всех славян».

Статья слабонаучна, приводимые аргументы не в полной мере доказаны языковыми примерами.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, сравнительному изучению русской и китайской культур, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Русские и китайские

фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными пять, семь и десять» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дусти Нири З.М., Шейхи Джоландан Н. — Семантический анализ слов, обозначающих термин "причина" в персидском языке // Litera. — 2023. — № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43486 EDN: TNAFKF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43486

Семантический анализ слов, обозначающих термин "причина" в персидском языке

Дусти Нири Зухре Мухаммад-Али

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет

1439813164, Иран, Тегеран область, г. Тегеран, ул. Карегар, 1, оф. Факультет иностранных языков
Тегеранского университета

✉ druzh87@yandex.ru

Шейхи Джоландан Нахид

кандидат филологических наук

преподаватель, кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет

1439813164, Иран, Тегеран область, г. Тегеран, ул. Карегар, 1, Факультет иностранных языков
Тегеранского университета

✉ sheikhinahid@ut.ac.ir

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43486

EDN:

TNAFKF

Дата направления статьи в редакцию:

02-07-2023

Аннотация: Термин "причина" относится не только к лингвистике, но и к ряду других наук, в том числе философии и логике. В русском и персидском языках существуют разные слова, обозначающие причину. Однако у каждого из них имеется конкретный оттенок значения, который отличает его от других. В число этих слов входят: *علت* (эллат), *سبب* (сабаб), и *دلیل* (далил), причина, основание, повод и др. А также есть какие-то случаи, когда можно заменить данные слова друг другу, а в некоторых случаях невозможно заменить их друг другом. Настоящая работа посвящена семантическим свойствам персидских слов, обозначающих причину, а также их связь с аналогичными русскими словами. Здесь рассматриваются вопросы о словах, которые обозначают

термин "причина" в персидском языке и их взаимоотношениях. Авторы также рассуждают о разнице между ними и сравнивают их с русскими эквивалентами. Это поможет русскоязычным студентам, которые изучают персидский язык в понимании различных персидских слов - синонимов, а также поможет русским и иранским переводчикам при подборе адекватных слов при переводе текстов с русского языка на персидский и наоборот.

Ключевые слова:

причина, персидский язык, семантика, языкознание, основание, русский язык, синоним, каузация, обусловленность, импликация

Как в русском, так и в персидском языках существует относительно много слов, которые носят семантику "причины", но некоторые из них применяются более широко, чем другие слова. В число этих слов входят: علت (эллат), سبب (сабаб), и لدلل (далил), причина, основание, повод и др. При анализе термина причина, мы также коротко говорим об этих словах.

Как в философских, так и в логических словарях причину представляют как событие, явление, вызывающее другое (действие, следствие). В логическом словаре И. Н. Кондакова говорится также о временной связи между причиной и следствием: "причина – то, что предшествует другому и вызывает его в качестве следствия". Данный словарь говорит также о том, что познание причинной связи явлений может помочь человеку поставить перед собой положительные цели и воспрепятствовать негативным следствиям явлений [1, с. 479]. Философский энциклопедический словарь 1983 объединяет определение причины и следствия и представляет их как "философские категории, отображающие одну из форм всеобщей связи и взаимодействия явлений". Причину считает "явлением, действие которого вызывает, определяет, изменяет, производит или влечет за собой другое явление". [2, с. 531].

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, данное слово представлено в двух значениях: "1. Явление, вызывающее, обуславливающее другого явления. Причина спешки в том, что не хватает времени. 2. Основание, предлог для каких-либо действий. Смеяться без причины" [3, с. 603].

А. М. Аматов ссылаясь на А. А. Потебню пишет, что слово причина в русской лингвистике не служит только одним словом, а русская причина есть причиняющее (*potagentis*), причинение (совершение действия), причинённое (совершённое, сделанное); отражение действия на предмете имеет причиною действие субъекта [4, с. 5].

Негативный оттенок значения слова "причина"

Среди синонимов слова "причина" можно видеть слова, передающие негативные значения. В словаре синонимов и антонимов современного русского языка даются слова "вина, виновник, источник" в качестве синонима слова "причина" [5, с. 294].

"Понятие причины и причинных отношений фундаментальное для развития систем знаний, сформировалось под давлением аномальных фактов. Человек ищет причины болезней и не задумывается над тем, почему он здоров. Причины стремятся выяснить и устраниить. Если же речь идет об обеспечении того, что необходимо для достижения

положительных целей, то говорят не о причинах, а об условиях: условия создают, причины устраняют. Глагол причинять сочетается с обозначением отрицательных аномальных явлений: вред (зло) причиняют, а пользу (добро) приносят.

Русскому слову вина наряду с его современным значением, было присуще значение "причина". В словаре В. И. Даля оно стоит на первом месте и толкуется как "начало, причина. Источник. Повод, предлог".

Такое негативное значение присуще для слов, обозначающих причину, не только в русском языке, но и в других языках. Греческое слово αἰτία "причина" означало также вину, ответственность за вред или зло. В философском и медицинском греческом языке тоже слово, обозначающее причину, имеет отрицательное значение. Кроме того, корень латинского слова *causa* "причина" тоже обозначает обвинение.

Объяснить причину часто значит свести ненормативное явление к норме или открыть нечто дотоле неизвестное (новую норму). Никто не спрашивает, почему он пришел вовремя, но могут спросить о причине опоздания. Опоздавший и сам спешит сослаться на чрезвычайные обстоятельства. Беспричинность работает на обвинителя. Причина создает смягчающее обстоятельство [6, с. 76-77]. По мнению Аматова, причина является каким – либо вмешательством в нормальный ход событий [4, с. 8].

Такое же негативное значение носит также персидское слово علت (эллат), которое обычно первым словом возникает в уме персоязычного человека для обозначения понятия причины. Слово علت (эллат) обозначает негативные причины. В толковом словаре персидского языка Амид мы видим такие слова, как 1. болезнь, боль, страдания.

2. Предлог, 3. обоснование в качестве значения слова علت (эллат) [7, с. 762].

علت عمدۀ این تحریم‌ها به بیان خود غربی‌ها "متوقف کردن ماشین جنگی روسیه بود".

(эллате омдейе ин таһримхā бе байঁне ходе гарбінā мотевагеф кардане машинае джангие рустие буд)

Основная причина данных санкций, как и признают сами западные стороны, заключалась в том, чтобы "остановить военную машину России".

دادستان باکو در حال تحقیق درباره علت و عوامل ترور این نماینده است و از رسانه‌ها خواسته تا حدس و گمان غیرمستند مربوط به این حادثه را منتشر نکنند.

(дăдсетăне бăку дар hăле таһигиг дарбăрейе эллат ва авамле тероре ин намăянде аст ва аз ресăненhă хăсте тă nadсо гомане гейремостанад марбут бе ин hăдесе рă монташер наконанд)

Прокурор Баку, который проводит расследования по причинам и факторам убийства депутата, попросил СМИ не распространять не документальные прогнозы по поводу данного инцидента.

На самом деле, слово علت (эллат) – это арабское слово, первым значением которого является болезнь. Так что мы видим у персоязычных людей в Иране, что инвалидов называют معلول (малул), что считается пассивной формой слова علت (эллат). Также слова علت (эллат) и معلول (малул) считаются главными словами, которые принимаются при выражении понятий причины и следствия. Т.е. персидским эквивалентом оборота "причинно-следственные отношения" считается "رابطه علت و معلولی" (работе-ье эллат ва малули).

Слова, обозначающие понятие причинности в русском и персидском языках

Кроме слова **علت** (эллат), которое можно назвать эквивалентом к слову причина, в персидском языке существуют еще 2 слова, обозначающие "причина": **سبب** (сабаб). Реже употребляется и слово **دلیل** (далил). Все эти слова заимствованы из арабского языка.

Хотя есть и другие слова, такие как **باعث** (баэс), **واسیله** (василе), **موجب** (муджеб), но причисленные 3 слова считаются самыми популярными.

Слово **سبب** (сабаб) имеет более позитивное значение наряду со словом **علت** (эллат). Таким образом, можно сказать, что слово **سبب** (сабаб) также имеет более широкое значение, что главное слово, которое в персидском языке означает понятие причины, т.е. **علت** (эллат), так как данное слово также применяется при выражении негативной причины:

شرایط سخت و غیرانسانی پناهجویان در اروپا سبب شده تا نهادهای بین المللی نسبت به شرایط موجود، به کشورهای اروپایی هشدار دهند.

(шарайете саҳт ва гейреэнсәни панәйдҗүйән дар орупә сабаб шоде тә наһәдхәйе бейнолмелали несбат бе шарайете моджуд бе кешварһәйе орупәи тошдар даһанд)

Тяжелые антигуманные условия беженцев в Европе привело к тому, что международные организации предупреждали европейским странам о нынешней ситуации.

سریازان امپراتور فرانسه با توجه به زمستان سخت روسیه با گرسنگی و بیماری روبه رو شدند و هر دو عامل سبب شد تا ارتش ناپلئون بنایپارت در اکتبر 1812 مجبور به عقب نشینی شده و بدون دستاورد مشخصی تصمیم به بازگشت بگیرد.

(карбажане эмпературе фарансе ба таваджон бе земестане саҳте русие ба гороснеги ва бимәри руберу шоданд ва har до ѡмел сабаб шод тә артеше напелон бонапарт дар октябре 1812 маджбур бе ағабнешини шоде ва бедуне дастоварде мошахаси тасмим бе бажашт бегирад)

Из-за суровой русской зимы силы французского императора столкнулись с голодом и болезнями, и оба фактора стали причинами, которые заставили армию Наполеона Бонапарта отступить в октябре 1812 года и принять решение о возвращении без определенного достижения.

В первом примере можно заменить слово **سبب** (сабаб) словом **علت** (эллат), но во втором примере невозможно заменить его данным словом.

Персидское слово **سبب** (сабаб), что имеет арабский корень, обозначает и повод, предлог, средство, направление, инструмент, путь и образ [8, с. 648]. Однако данное слово передает как негативные, так и позитивные причинные значения.

بس بگشتم که بپرسم سبب درد فراق مفتی عقل در این مسئله لایعقل بود (حافظ)

(бас бегаштам кэ бепорсам сабабе дарде ферд, Мофтие агл дар ин масале лайагел буд.)

Много искал я, чтобы спрашивать у кого-то причину разлуки; Муфтий ума не способен был думать об этом вопросе [9, с. 212]

(دوش می گفت که فردا بدhem کام دلت سببی ساز خدایا که پشیمان نشود (حافظ)

(душ мигофт ке фардā бедаһам кāме делат; сабаби сāз ходāйā ке пашимāн нашавад)

Вчера сказал он: "завтра буду выполнять твоё желание"; Дай бог (такое средство), чтобы он не изменил свое решение [\[9, с. 232\]](#)

لرام و خواب خلق جهان را سبب توبی زان شد کنار دیده و دل تکیه گاه تو (حافظ)

(ārām o xābe xlge jaħān rā sabab to; zān shod keneħre diđe o del tekiġkāħe to)

Ты являешься способствующим фактором покоя и сна всех людей мира; поэтому же я поместил тебя в свою душу и глаза [\[9, с. 418\]](#)

В первом предложении слово سبب (сабаб) обозначает причину неблагоприятного случая (разлука), во втором случае – средство, а в третьем предложении носит семантику причины благоприятного факта (покой и сон людей). В первом предложении можно заменить слово سبب (сабаб) словом علت (эллат), но во втором и в третьем предложениях невозможно этого делать.

Следует отметить, что иранские древние мыслители, религиозные ученые и мудрецы, такие как Мевлеви Руми, назвали причину, как سبب (сабаб), а следствие – مسبب (мосаббаб) [\[10, с. 2\]](#). Также П. Наджафи и Дж. Рахимиан называют причину как سبب ساز (сабабсāz) и следствие как سبب پذیر (сабабпазир) [\[11, с. 26\]](#).

Иранский лингвист А. Шафай убежден, что у слова دلیل (далил) более обширное значение, чем у слова سبب (сабаб). По его мнению, основным значением слова سبب (сабаб) является причина, мотив, а у слова دلیل (далил) – основа. Любое سبب (сабаб) может служить и دلیل (далил) действия, а обратная связь отсутствует. Шафай продолжает, что دلیل (далил) может и не приводиться к следствию, названному в главном предложении. В качестве примера он приводит 2 предложения [\[12, с. 475\]](#):

بلند حرف نزن، بچه بیدار می شود.

(боланд harf назан баче бидār mishawad).

Не говори громко, ребенок проснется.

چون بلند حرف زدی بچه بیدار شد.

(боланд harf назан баче бидār mishawad).

Ребенок проснулся, потому что ты громко говорил.

Первое предложение показывает связь دلالت (делāлат) (= импликация), а второе – سببیت (сабабиат) (= причинность). Как и показывают вышеприведенные примеры, существует такое семантическое различие между двумя понятиями, что импликативное предложение выражает следствие действия в условном предложении, т. е. указывает на условия, при которых будет иметь место названное следствие (потенциальное, ирреальное), а причинное указывает на причину уже осуществленного следствия (действительного, реального).

При этом в своем русско-персидском словаре Г. А. Восканян приводит сразу слово دلیل как персидский эквивалент на слово основание в значении причины [\[13, с. 382\]](#). Также в персидско-русском словаре Ю. А. Рубинчика приведено слово основание как один из эквивалентов к слову دلیل в значении причина [\[14, с. 658\]](#).

Слово دليل (далил), исходит из арабского корня ڏد (далла), данный корень связан еще со словом دلالت (делалат), что считается эквивалентом импликации, также иногда употребляется в значении причины, направления, довод, доказательство. Данное слово выражает значение мотив, повод. Но не всегда можно использовать данное слово во всех предложениях со значением причины, например:

(به کوی عشق منه بی دلیل راه قدم ، که من به خویش نمودم صد اهتمام و نشد (حافظ)

(бе күйе эшг манең би далиле рәң гадам, кем ан бе хиш немудам сад эһтемәмо нашод)

Не начинай путь любви без надежного руководителя, так как я совершил сотен попыток по-своему, но не достиг своей цели. (Хафиз) [9, с. 172]

(اندرافتی به چاه نادانی، چون نیابی بسوی علم دلیل (ناصر خسرو

(андарофти бе чәне нәдәни, чон найәби бесуюе элм далил)

Если бы не найдешь руководителя к знаниям, ты бы попадаешь в ловушку неграмотности (Насер Хосро) [15, с. 417]

Здесь мы видим, что данное слово было применено со значением руководителя. Также оно обозначает такие значения, как свидетельство, документ, направление,

Кроме того, есть редкие случаи, когда слово دليل (далил) используют для выражения значения цели:

نتانیا هو برای حمله به فلسطین سه دلیل داشت: آرام ساختن فضای داخلی رژیم صهیونیستی، مقابله با گروه های مقاومت، گسترش شهرک ها

(нетәньяху барайе һамле бе фелестин се далил дашт: әрәм кардане фазайе дәхелие режиме сеһйонисти, могәбеле бағоруһһайе могәвемат, гостареше шаһракһа)

У Нетаньяху было 3 целей в нападении на Палестины: успокоить внутреннюю атмосферу сионистского режима, противостояние группам сопротивления, расширение поселений.

Также в русском языке есть другое слово, которое называет данное понятие: основание. Основание по лексическому значению похоже на персидское слово دلیل.

российский عدم اعتماد كامل به تحقیقات ملى کشورها را دلیل درخواست از سورای امنیت سازمان ملل برای انجام تحقیق در خصوص خرابکاری در خط لوله گاز نورد استریم بیان کرده بود.

(русиye адаме этемәде кәмел бе таһигигәте меллие кешварһа rә далиле дархаст az шорайе амниате сәзмәне мелал барайе анджәме таһигиг дар хосусе харәкәри дар хате лулейе нордстрим байән кард)

Россия указала на отсутствие полного доверия к национальным расследованиям стран, в качестве основания своего обращения в Совет Безопасности ООН с просьбой расследовать саботаж на газопроводе Северный поток.

مکیندر با سنجیدن واقعیت تهدید از هر دو قسمت هارتلند تقسیم شده، قسمت غربی آن یعنی آلمان را برای بریتانیا خطرناکتر دانست که البته دلایل جدی برای آن وجود داشت.

(макиндер ба санджидане вәгеиате таһдид az har до гесмате hәртланде тагсим шоде, гесмате гардие ән йани әлмән rә барайе бритәниә хатарнәктар дәнест ке албате далайеле джедди барайе ән воджуд дашт)

Взвесив реальность угрозы от обеих частей разделенного Хартленда, Маккиндер считал более опасной для Британии его западную часть — Германию, на что конечно, были серьезные основания.

В первом примере можно заменить слово دلیل (далил) словом علت (эллат), но невозможно привести слово سبب (сабаб) вместо слово دلیل (далил). В русском переводе данного предложения также можно применить слово "причина":

روسیه عدم اعتماد کامل به تحقیقات ملی کشورها را **علت** درخواست از شورای امنیت سازمان ملل برای انجام تحقیق در خصوص خرابکاری در خط لوله گاز نورد استریم بیان کرده بود.

(русиe адаме этемāде кāмел бe тaгигgāte меллиe кешварhā rā эллате дархāst aз шорāye амниate сāzmāne мелal барāye анджāme тaгиг dар хосусе харābkāri dар хате лулейe нордстриm байān карd)

Россия указала на отсутствие полного доверия к национальным расследованиям стран, в качестве причины своего обращения в Совет Безопасности ООН с просьбой расследовать саботаж на газопроводе Северный поток.

Во втором примере невозможно заменить слово دلیل (далил) (основания) словами سبب (сабаб) или علت (эллат). А в русском предложении также невозможно заменить слово основания такими словами, как причина.

Подводя итог сказанному, можно указать на следующие факты в отношении слов, обозначающих причинности, в персидском языке:

- В персидском языке, как и в русском языке, имеются несколько слов, обозначающих причинности.
- Данные различные слова могут быть подобными по ряду семантических оттенков, но при некоторых оттенках своего значения они отличаются друг от друга, и хотя могут заменить друг другу в ряде предложений, нельзя заменить их в некоторых других предложениях и контекстах.
- Слово علت (эллат) – это главное слово в персидском языке, обозначающим причинность. В большинстве случаев данное слово носит негативный оттенок значения.
- Слово سبب (сабаб) носит более позитивное значение, но в некоторых случаях обозначает "средство" достижения какой-то цели
- Слово دلیل (далил) обозначает основание. В некоторых предложениях можно его заменить словом علت (эллат), но редко случаев, когда оно носит то же значение, что سبب (сабаб). Данное слово также применяется в редких случаях в значении цели.

Библиография

1. Кондаков И. Н. Логический словарь – справочник. М.: Наука. 1975.
2. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалев С. М., Панов В. Г. Философский энциклопедический словарь. М: Советская энциклопедия. 1983.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е издание. М., 1999.
4. Аматов А. М. Причинность в языкоznании как отражение философской категории каузальности // Научные ведомства. Серия гуманитарные науки. 2010. № 12. С. 5-12.

5. Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. М., Аделант, 2014.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е издание. М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Амид Х. Словарь персидского языка. Тегеран: Рах-е рошд, 2022.
8. Моин М. Персидский словарь. Моин (новая редакция). Тегеран: Бехзад, 2018.
9. Хафиз Ширази. Сборник стихов. Тегеран: Паям Эдалат, 2022.
10. Афзали Б. Голизаде Х. Причина и следствие в поэзии Мевлеви Руми // История литературных текстов периода Эраки. 2021. № 2. С. 2-20.
11. Наджафи П. Рахимиан Дж. Причинность в персидском языке (на основе ролевой и эталонной грамматики) // Журнал грамматических исследований. 2021. С. 25-50.
12. Шафай А. Научные принципы грамматики персидского языка. Тегеран: Новин, 1984.
13. Восканян. Г.А. Русско-персидский словарь. Тегеран: Современная культура (Фарханг-е моасер), 2022.
14. Рубинчик. Ю.А. Персидско-русский словарь. В 2 томах. Т. 1. М.: Перска, 2019.
15. Насир-Хосров. Сборник стихов. Тегеран: Художественно-литературный дом Гуя, 2022.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Семантический анализ слов, обозначающих термин "причина" в персидском языке», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к проведению сравнительных исследований на материале русского и персидского языков.

В рецензируемой статье рассматривается философское и языковое осмысление рассматриваемого вопроса.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Теоретические измышления подкреплены языковыми примерами на русском и персидском языках. Однако автор не приводит данных о языковом корпусе, отобранным для проведения исследования. На каких принципах был отобран языковой материал и насколько он актуален в современных реалиях?

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления. Теоретические

положения иллюстрируются текстовым материалом на персидском и русском языках из рассматриваемых произведений, в том числе сопровождаются авторским переводом (транскрипцией). Библиография статьи насчитывает всего 15 источников на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных лингвистов, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Кроме того при оформлении библиографии выявлены нарушения общепринятого ГОСТа, а именно нарушение алфавитного принципа следования источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по персидскому языку, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Семантический анализ слов, обозначающих термин "причина" в персидском языке» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каверина В.В., Ван И. — Критерии оформления сложных существительных (контакт–дефис) в современной русской орфографии // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43527 EDN: TNBZIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43527

Критерии оформления сложных существительных (контакт–дефис) в современной русской орфографии

Каверина Валерия Витальевна

ORCID: 0000-0003-2788-7804

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

117149, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1-51, оф. 962

✉ kaverina1@yandex.ru

Ван Имин

аспирант, кафедра русского языка филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1-51, оф. 962

✉ klaralera1@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43527

EDN:

TNBZIY

Дата направления статьи в редакцию:

07-07-2023

Аннотация: Предметом исследования являются закономерности распределения слитных и дефисных написаний сложных существительных в современных правилах. Особое внимание уделяется выявлению основных критериев оформления слов исследуемой группы в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г., до сих пор имеющих статус свода норм правописания государственного языка. Поскольку действующие правила устарели, в работе рассмотрены также предписания обновленных, но не имеющих официального статуса академических сводов правил: полного академического

справочника 2006 г. и новейшего электронного ресурса ОРОСС «Орфографическоеcommentирование русского словаря» Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, Е. В. Теньковой.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выполнен анализ современных правил правописания сложных существительных и лежащих в их основании критериев. Установленная непоследовательность кодификации указанных норм берет начало в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и получает дальнейшее развитие в современной справочной и учебной литературе, в частности в полном академическом справочнике 2006 г. В результате сделан вывод о необходимости включения в базовый свод орфографических правил раздела, содержащего основные нормы разграничения слитных и дефисных написаний, изложенные кратко, просто и ясно.

Ключевые слова:

правила, русская орфография, слитные написания, дефисные написания, правописание, сложные слова, оформление контакт-дефис, полуслитное написание, сложные существительные, кодификация

Современный этап нормализации орфографии характеризуется отсутствием единого общепринятого свода правил. Действительно, устарели, но до сих пор не отменены «Правила русской орфографии и пунктуации» Утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. образования СССР и М-вом просвещения РСФСР. Москва: Учпедгиз, 1956 (Правила 1956). Изданная в 2006 г. под грифом Орфографической комиссии при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук работа «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» Под. ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006 (ПАС 2006) содержит обновленные правила, однако не имеет официального статуса издания, регулирующего нормы государственного языка. В новейшем электронном ресурсе ОРОСС «Орфографическое commentирование русского словаря» Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, Е. В. Теньковой на сайте по адресу URL: <https://oross.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.06.2023) скорректированы правила ПАС 2006, но он также не имеет официального статуса. Кроме того, в настоящее время продолжают переиздаваться и пользоваться авторитетом книги Д. Э. Розенталя, например: Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Под ред. И. Б. Голуб. М.: Айрис-пресс, 2020. Данная ситуация ортологической неопределенности еще более усложняет прояснение и без того непростого правила.

Интерес к орфографии сложных слов возникает в 1930-е годы [24], что объясняется развитием языка в советском обществе, в частности бурным ростом разнообразия структурных типов сложных слов, требовавших регламентации орфографии. Так, появляются сложные существительные, обозначающие единицы измерения типа *человеко-день*, наблюдается большая продуктивность у сложных прилагательных типа *машинно-тракторный, марксистско-ленинский* и т. п. Отсутствие до середины 1950-х годов единого свода правил правописания создавало трудности для школы, книгоиздания и вообще всех пишущих. Важным итогом орфографического движения и дискуссий 1930-х и 1950-х гг. стали «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. — первый в истории пореформенной русской орфографии официально утвержденный документ, имеющий статус обязательного для всех пользующихся русским языком, утвержденный Академией наук, Министерством просвещения РСФСР и Министерством высшего образования. Однако с середины 1950-х гг. прошло уже более полувека,

произошли огромные языковые изменения, которые требуют кодификации. Вместе с тем до настоящего времени не появилось официально признанного обновленного свода современных правил русского письма.

Рассматриваемая в статье проблема разграничения слитных и дефисных написаний сложных существительных является одной из самых актуальных в современной орфографии. Она затрагивается в работах таких исследователей и ортологов, как Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова [1–5], Ван Имин [6], Н. А. Еськова [7; 8], С. Н. Зайцева [9], Е. А. Зюзина [10], В. В. Каверина [11], Е. М. Мельникова, А. С. Томина [12], И. В. Нечаева [13], Н. В. Перцов [14], Е. П. Снегова [15].

Исследуемая орфограмма до сих пор сохраняет крайнюю непоследовательность и неупорядоченность, несмотря на постоянное обращение к ней в течение последнего столетия, например, в трудах Букчиной Б. З., Калакуцкой Л. П. [16], В. Ф. Ивановой [17], С. Е. Крючкова [18], М. В. Панова [19], А. А. Реформатского [20; 21], В. Э. Сталтмане [22], А. Б. Шапиро [23]. Имея целью выявить причины данного положения дел, мы систематизировали правила правописания сложных существительных в соответствии с лежащими в их основании критериями. Исследование проведено с использованием следующих методов и приемов: методы лингвистического анализа — морфемный, словообразовательный, морфологический, синтаксический, семантический; индуктивный метод анализа материала, метод лингвокультурологического анализа, а также приемы направленной выборки из ортологических источников и иллюстративного материала, прием экстралингвистической интерпретации фактов языка.

Анализ Правил 1956 г. (Правила русской орфографии и пунктуации: Утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. образования СССР и М-вом просвещения РСФСР. Москва: Учпедгиз 1956. С. 36–40) показывает, что правописание сложных существительных в них базируется на основании различных критериев:

1. Графический

1.1. Пишутся через дефис... Сложные слова, первым элементом которых является числительное, если это числительное написано цифрами, например: 35-летие.

1.2. Пишутся через дефис... Специальные термины и наименования, в том числе и аббревиатуры, в состав которых входит отдельная буква алфавита, например β -лучи (бета-лучи), или числительное, написанное цифрами и стоящее на втором месте, например ТУ-104.

1.3. Пишутся через дефис... Пол- (половина) с последующим родительным падежом существительного, если существительное начинается с гласной буквы или согласной л, например: пол-оборота, пол-яблока, пол-лимина, но: полметра, полчаса, полкомнаты; через дефис пишутся также сочетания пол- с последующим именем собственным, например: пол-Москвы, пол-Европы.

2. Морфемно-словообразовательный

2.1. Пишутся слитно... Все сложносокращенные слова, например: колхоз, эсминец, профсоюз.

2.2. Пишутся слитно... Сложные имена существительные, образованные при помощи соединительных гласных... водопровод, земледелец, льнозаготовки, паровозоремонт.

3. Морфологический

3.1. Пишутся слитно... Сложные существительные, прилагательные и наречия, первым элементом которых является числительное, написанное буквами, например: *пятилетка, трёхтонка*.

3.2. Пишутся слитно... Склоняемые сложные имена существительные с глагольной первой частью на *-и*, например: *горицвет, держидерево, держиморда, вертишайка, вертихвостка, скопидом, сорвиголова*.

3.3. Пишутся через дефис... Сочетания слов, имеющие значение существительных, если в состав таких сочетаний входят: а) глагол в личной форме, например: *не-tronь-меня* (растение), *любишь-не-любишь* (цветок); б) союз, например: *иван-да-марья* (растение); в) предлог, например: *Ростов-на-Дону, Комсомольск-на-Амуре, Франкфурт-на-Майне*.

4. Словообразовательный и морфологический

Пишутся через дефис... Сложные существительные, имеющие значение одного слова и состоящие из двух самостоятельно употребляющихся существительных, соединённых без помощи соединительных гласных *о* и *е*, например:

а) *жар-птица, бой-баба, дизель-мотор, кафе-ресторан, премьер-министр, генерал-майор, Бурят-Монголия* (при склонении изменяется только второе существительное);

б) *изба-читальня, купля-продажа, паинька-мальчик, пила-рыба, Москва-река* (при склонении изменяются оба существительных).

5. Семантический

5.1. Пишутся через дефис... Составные названия политических партий и направлений, а также их сторонников, например: *социал-демократия, анархо-синдикализм, социал-демократ, анархо-синдикалист*.

5.2. Пишутся через дефис... Сложные единицы измерения, независимо от того, образованы ли они при помощи соединительных гласных или без них, например: *человеко-день, тонна-километр, киловатт-час*. Слово *трудодень* пишется слитно.

5.3. Пишутся через дефис... Названия промежуточных стран света, русские и иноязычные, например: *северо-восток* и т. п., *норд-ост* и т. п.

6. Списочный

6.1. Пишутся слитно... все образования с *аэро-, авиа-, авто-, мото-, вело-, кино-, фото-, стерео-, метео-, электро-, гидро-, агро-, зоо-, био-, микро-, макро-, нео-*, например: *аэропорт, авиаматка, автопробег, мотогонки, велодром, кинорежиссёр, фоторепортаж, стереотруба, метеосводка, электродвигатель, гидросооружения, агротехника, зоотехник, биостанция, микроснижение, макромир, неоламаркизм, веломотогонки, аэрофотосъёмка*.

6.2. Названия городов, второй составной частью которых является *-град* или *-город*, например: *Ленинград, Калининград, Белгород, Ужгород, Ивангород*.

Проведенный анализ формулировок свода 1956 г. показывает, что правописание сложных существительных базируется на целом ряде разнообразных принципов, которые можно подразделить на формальные и семантические. Формальный принцип учитывает строение слова, наличие или отсутствие соединительной гласной, грамматические категории слов, входящих в состав сложного существительного. В нашем своде на этом

основании базируются графические, морфемно-словообразовательные и морфологические написания (пп. 1–4). Несмотря на отсутствие четкости и единобразия формулировок, основанных на данных критериях, они представляются нам единственно приемлемыми для использования правила в практике письма без помощи словаря.

Графические правила 1 (*35-летие*) и 2 (*β-лучи*), описывающие цифро-буквенные и другие смешанные способы передачи сложных слов интуитивно понятны и практически не предполагают альтернативы. Орфограмма, регулирующая правописание образований с начальным *пол-*, тоже логична, хотя и может быть упрощена, ведь после упразднения реформой 1917–1918 гг. финального *ъ* основания разграничения слитных и дефисных написаний с начальным *пол-* оказались утрачены. Об этом можно сделать выводы из анализа дореформенного правила, который делает Я. К. Грот: «Для образования составных речений соединяются еще: Числительные то между собою, то с существительными или прилагательными: *полтора, полгода, полдюжины, полсотни, полчаса...* Перед существительными, начинающимися гласною, следует писать *поль* с черточкою, например: *поль-оборота*; кроме того: *поль-листа*» [\[25\]](#). Как видно, устранение разделяющей сложное слово буквы *ъ* приводит к утрате основания для дефисного оформления образований со второй частью на гласную и *л*. Однако правило по традиции остается неизменным.

Морфемно-словообразовательные правила (*колхоз, водопровод*) также могут быть без затруднения применены пишущим, так как не предполагают сложного анализа состава слова и соответствуют основным закономерностям дистрибуции оформления границы «контакт–дефис».

Несколько менее удобны морфологические правила, применение которых требует знания грамматики. Однако даже по сравнению с ними вовсе не выдерживают критики семантические и списочные правила, формулировки которых крайне неудобны для запоминания и использования. Семантический критерий, идущий в разрез с формальным, нередко нарушается на практике: «Многие сложные существительные... в современном узусе пишутся слитно вопреки действующим правилам. Так, в НКРЯ после 1956 г. не обнаружено ни одного случая дефисного написания слова *машино-место*, слово пишется только слитно: *машиноместо*» [\[6, с. 373\]](#). Кстати, именно такое написание считает правильным текстовый редактор Word. Кроме того, семантический принцип субъективен. Автор пособия или пишущий сам выбирает тот или иной компонент значения, который кладет в основу объяснения написания слова. На наш взгляд, формальный принцип в большинстве случаев предпочтительнее семантического. Он структурирует правило, делает его компактнее, удобнее для понимания и, главное, не предполагает двусмысленного толкования.

Многообразие оснований разграничения слитных и полуслитных написаний сделало правило трудным для восприятия и применения. При этом, как и следовало ожидать, одно и то же сложное слово может быть регламентировано разными пунктами правила. Поражает разнообразие мотивировок орфографии сложных существительных. Минимальное число вариантов объяснения правописания таких слов — три (*водопровод, земледелец, грамм-атом*), максимальное — десять (*аэропорт, лётчик-космонавт, пресс-атташе*) [\[11, с. 286\]](#).

Проиллюстрируем это положение на примере слова *пресс-атташе*, у которого в разных справочных и учебных изданиях было выявлено 10 вариантов объяснения дефисного написания.

1. Первая часть слова *блок-, пресс-, экс-, вице-, штаб-, обер-, унтер-, лейб-* (Иванова Е. В., Иванов А. Н. Русский язык без репетитора: Орфография. Пунктуация. Упражнения. Диктанты. Ответы. М.: Высш. шк., 2002). Данное объяснение основано на списочном критерии наличия определенного элемента в составе слова. При таком объяснении слово *пресс-атташе* входит в одну группу со словами *блок-система, пресс-центр, унтер-офицер, экс-президент, вице-премьер*. Очевидно, что слова данной группы не обладают общностью значения.
2. Наличие элементов *блок-, пресс-* (Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Под ред. И. Б. Голуб. М.: Айрис-пресс, 2020; Громов С. А. Русский язык. Курс практической грамотности для старшеклассников и абитуриентов. М.: Московский Лицей, 2022). В данном случае вновь использован списочный критерий, но слово *пресс-атташе*, в отличие от предыдущей формулировки, объединяется только со словами *блок-система, пресс-центр*.
3. Обозначение сложной единицы измерения, политической партии или направления, должности, звания, промежуточной страны света, специальных понятий (Селезнева Л. Б. Орфография и пунктуация русского языка. Три способа писать без ошибок. Учебное пособие. М.: Флинта, 2023). Данное объяснение основано на семантическом признаке, однако слово *пресс-атташе* здесь окружает очень неоднородный в смысловом отношении ряд образований: *человеко-день, социал-демократ, член-корреспондент, генерал-лейтенант, юго-запад, дизель-мотор*.
4. Названия механизмов, слов терминологического характера (Жестерева Е. В., Стерина Е. И. Русский язык: учебное пособие. М.: Вузовский учебник, 2011). Здесь *пресс-атташе* оказывается вместе со словами *стоп-кран, плащ-палатка, премьер-министр, пресс-конференция, социал-демократ*, которые хоть и объединены в группу по семантическому признаку, однако слишком разнородные, к тому же терминологический характер некоторых из них вызывает сомнение.
5. Названия партий, политических течений, их сторонников, должностей, званий (Балыхина Т. М., Маерова К. В., Шакlein В. М. Практикум по современной русской орфографии. М.: Изд-во РУДН, 1999). Данное объяснение основано на семантическом признаке, и лексема *пресс-атташе* входит в одну группу со словами *контр-адмирал, вице-чемпион, социал-демократ*.
6. Образование без соединительной гласной из двух самостоятельно употребляемых существительных (Панов М. В., Кузьмина С. М., Булатова Л. Н. и др. Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений/ под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. М.: Русское слово, 2013). Данное объяснение основано на признаке словообразования без соединительной гласной и морфологической характеристике частей сложного существительного. При таком объяснении слово *пресс-атташе* оказывается вместе с образованиями *жар-птица, дизель-мотор, премьер-министр, марксизм-ленинизм, плащ-палатка*.
7. Образование с нулевым интерфиксом (Шевченко Л. А., Пипченко Н. М. Русский язык. Для школьников и абитуриентов. Минск: Вышэйшая школа, 2008). Сложные существительные данной группы: *жар-птица, кафе-ресторан, марксизм-ленинизм, премьер-министр — объединены со словом пресс-атташе морфемно-словообразовательным критерием*.
8. Первая часть по форме может быть отождествлена с усеченной основой самостоятельно употребляющегося существительного или прилагательного (Селезнева

Л. Б. Русская орфография и пунктуация. Интенсивный алгоритмизированный курс: Пособие для поступающих в вузы. М.: Высшая школа, 2003). Примененный здесь критерий с некоторым допущением можно определить как морфемно-словообразовательный в сочетании с морфологическим. Пресс-атташе в таком случае находится в ряду со словами аудиенц-зал, зауряд-врач, компакт-диск, коммерц-коллегия, конференц-зал, пресс-атташе, приват-доцент, юстиц-коллегия.

9. Первая часть представляет собой полную основу самостоятельно употребляющегося существительного, имеющего в им. п. ед. ч. окончание (ненулевое) (Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. Под. ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006). Данная формулировка базируется на морфемно-словообразовательном и морфологическом принципах. При этом пресс-атташе окружают слова адмиралтейств-коллегия, кают-компания, мануфактур-коллегия, почт-директор, пресс-атташе, яхт-клуб.

10. Сочетания с препозитивным приложением и несклоняемым главным словом (Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями. Учебное пособие. Тамбов: ТОГОАОУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012). В таком случае наше слово оказывается вместе с меццо-сопрано, бард-кафе, рок-кафе, дизайн-бюро, файер-шоу (и др. слова со второй частью -шоу), балет-ревю. Здесь взаимодействуют сразу 3 критерия: морфемно-словообразовательный, морфологический и синтаксический.

В результате проведенного анализа выявлено, что варианты объяснения орфографии слова пресс-атташе базируются не только на основаниях, перечисленных в Правилах 1956, но и на некоторых других. Из этого следует, что авторов справочников и пособий не удовлетворяют данные правила, поэтому предлагаемые в официальном своде критерии дополняются синтаксическим принципом. Отметим, что в Правилах 1956 относительно образований типа пресс-атташе сказано очень просто: «Написание слитное и через дефис сложных иноязычных слов устанавливается в словарном порядке» (Правила 1956, с. 35). Однако рядом находим несколько пунктов, где даются крайне неудачные формулировки правила правописания таких слов на основе семантического и списочного критериев. Приведем лишь одну из них: «Слова, первой составной частью которых являются иноязычные элементы обер-, унтер-, лейб-, штаб-, вице-, экс-, например: обер-мастер, унтер-офицер, лейб-медик, штаб-квартира, вице-президент, экс-чемпион... пишутся через дефис» (Правила 1956, с. 40). Очевидно, официальный свод правил 1956 г. содержит противоречие, которое порождает дальнейшие попытки обосновать орфографию словарных слов.

Полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» 2006 г. (ПАС 2006). отражает нормы, зафиксированные в Правилах 1956 г., при этом дополняет и уточняет правила с учетом современной практики письма. Однако данное издание не получило официального признания в качестве нормативного свода правил. Кроме того, оно не решает проблемы создания общедоступных базовых правил орфографии сложных существительных. Первое, что обращает на себя внимание, — это объем правила. В своде 1956 г. общие положения и конкретные нормы слитного и дефисного написания имен существительных занимают всего 6 страниц. Между тем в ПАС 2006 на 5 страницах содержатся только общие для всех частей речи правила оформления «контакт-дефис-пробел». И еще целые 13 страниц посвящены кодификации орфографии сложных существительных, включая имена нарицательные, собственные и географические названия.

К сожалению, обновленный ПАС 2006 не лишен противоречий своего первоисточника —

Правил 1956. По-прежнему используются разные критерии слитного и полуслитного оформления сложных слов, только формулировки стали еще более громоздкими и трудными для восприятия. Так, сохраняется списочный принцип кодификации слитного оформления слов с начальными иноязычными элементами, при этом список их значительно расширен:

— авто-, агро-, астро-, ауди-, аэро, баро-, бензо-, био-, вело-, вибро, видео, гекто-, гелио-, гео-, гетеро-, гидро-, гомо-, дендро-, зоо-, изо- («равный, постоянный»), кило-, кино-, космо-, макро-, метео-, микро-, моно-, мото-, невро-, нейро-, нео-, орто-, палео-, пиро-, пневмо-, порно-, психо-, радио-, ретро-, сейсмо-, социо-, спектро-, стерео-, термо-, турбо-, фито-, фоно-, фото-, эвако-, экзо-, эко-, электро-, эндо-, энерго- (с конечным о);

— авиа-, дека-, мега-, медиа-, тетра-; теле-; деци-, милли-, поли-, санти- (с конечными а, е, и).

Кроме того, ПАС 2006 регламентирует дефисное написание «слов с первыми частями диско- (муз.), макси-, миди-, мини: диско-клуб, диско-музыка, макси-мода, миди-юбка, мини-платье, мини-трактор, мини-футбол, мини-ЭВМ» (ПАС 2006, с. 124). О противоречивости правил данного свода свидетельствует, наряду с кодифицированным на с. 124 дефисным оформлением мини-ЭВМ, рекомендация на с. 118 ПАС 2006 писать образование микроЭВМ слитно, вопреки общему запрету на употребление прописных букв в середине слитно оформленных слов.

Особое внимание ПАС 2006 г. уделяет заимствованным словам, орфография которых устанавливается в словарном порядке. Тем более странно стремление авторов справочника сформулировать правила их слитного и полуслитного оформления. Так, на с. 126–127 здесь «приводятся группы существительных сходного строения, пишущихся и через дефис, и слитно»:

«1. Сложные существительные, первая часть которых по форме может быть отождествлена а) с полной основой самостоятельно употребляющегося существительного, имеющего в именительном падеже единственного числа окончание (ненулевое); б) с усеченной основой самостоятельно употребляющегося существительного или прилагательного. Примеры дефисных написаний: а) адмиралтейств-коллегия, кают-компания, мануфактур-коллегия, почт-директор, пресс-атташе, яхт-клуб; б) аудиенц-зал, зауряд-врач, компакт-диск, коммерц-коллегия, конференц-зал, привет-доцент, юстиц-коллегия. Примеры слитных написаний: а) вахтпарад, секстаккорд, септаккорд; б) танцзал, фальшборт.

2. Сложные существительные, первая часть которых встречается только в составе сложных слов.

Примеры дефисного написания: арт-салон, бит-группа, берг-коллегия, брейд-вымпел, веб-страница, гранд-отель, далай-лама, дансинг-холл, крюйс-пеленг, лаун-теннис, мюзик-холл, поп-музыка, субалтерн-офицер, топ-модель, трин-трава.

Примеры слитных написаний: арксинус, арьерсцена, бельэтаж, бильдаппарат, бундесканцлер, ватермашина, вицмундир, гофмаршал, квинтэссенция, кольдкрем, кунсткамера, лейтмотив, лендлорд, рейхсканцлер, фельдмаршал, шмуцтитул.

3. Существительные, состоящие из двух или более элементов, отдельно в русском языке (в качестве самостоятельных либо повторяющихся частей сложных слов) не

употребляющихся.

Примеры дефисных написаний: *альма-матер, беф-брезе, буги-вуги, джиу-джитсу, кока-кола, ленд-лиз, люля-кебаб, ноу-хау, папье-маше, пинг-понг, рахат-лукум, тет-а-тет, уик-энд, файф-о-клок, фата-моргана, хеппи-энд, ча-ча-ча*.

Примеры слитных написаний: *андерграунд (и андеграунд), арьергард, бельканто, бефстроганов, бибабо, бланманже, бомонд, бонмо, бундестаг, верлибр, вундеркинд, дзюдо, диксиленд, женьшень, квипрокво, кикапу, кроссворд, ландвер, мейстерзингер, метрдотель, нотабене, портшез, прейскурант, тамтам, терменвокс, триктрак, флердоранж, хулахуп, чайнворд, шаривари»* (ПАС 2006, с. 126–127).

Приведенный фрагмент ярко иллюстрирует мысль о том, что данная работа не подходит на роль общеобязательного орфографического минимума, доступного любому пишущему по-русски.

Чрезмерной подробностью и многообразием критериев отличается и новейший электронный ресурс ОРОСС (Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Тенькова Е. В. Орфографическое комментирование русского словаря. URL: <https://oross.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.06.2023). Приведем перечень правил слитного и полуслитного оформления сложных существительных из данного ресурса:

Правило 1. Первая часть иноязычная, оканчивается на гласную и самостоятельно не употребляется (*авиа, санти, теле*)

Правило 2. Первая часть оканчивается на согласную и самостоятельно не употребляется (*бэк-вокал, бэкслеш*)

Правило 3. Обе части употребляются самостоятельно, вторая часть склоняется (*диван-кровать, агент-банк*)

Правило 4. Обе части употребляются самостоятельно, вторая часть – определение, не склоняется (*кофе глясе, величина икс*)

Правило 5. Обе части употребляются самостоятельно: вторая часть – определяемое, не склоняется (*балет-ревю, реалити-шоу*)

Правило 6. Первая часть употребляется самостоятельно, вторая часть самостоятельно не употребляется (*бодибилдинг, татумейкер*)

Правило 7. Первая часть – имя собственное (*Иван-царевич, Москва-река*)

Правило 8. Вторая часть – имя собственное (*царевич Иван, река Москва*)

Правило 9. Производные от существительных, пишущихся с дефисом (*унтер-офицерша, хард-рок-группа*)

Правило 10. Сложные существительные, имеющие форму словосочетания со служебным словом (*иван-да-марья*)

Правило 11. Сложные субстантивированные прилагательные (*военнопленный*)

Правило 12. Первая часть совпадает с формой повелительного наклонения глагола (*косисено*).

Данный список демонстрирует едва ли не большее разнообразие критериев

правописания сложных существительных, чем Правила 1956 г. К присутствующим там 6 позициям, подробно разобранным выше, добавлен синтаксический принцип.

Таким образом, действующие правила русской орфографии начиная с не отмененных до сих пор Правил 1956 и вплоть до новейшего электронного ресурса «Орфографическое комментирование русского словаря» не отвечают главному требованию, предъявляемому к общедоступному базовому своду правил, — требованию краткости, ясности и простоты в применении. Систематизировав современные правила правописания сложных существительных в соответствии с лежащими в их основании критериями, мы обнаружили крайнюю непоследовательность кодификации указанных норм, берущую начало в Правилах 1956 и, к сожалению, получающую дальнейшее развитие в современной справочной и учебной литературе. Обновленные формулировки только усложняются. Полагаем, что общедоступные базовые правила русской орфографии должны включать раздел, регулирующий слитные, раздельные и дефисные написания, однако в своде основных правил должны быть изложены только те нормы, которые отражают основные закономерности русской орфографии и помогут каждому овладеть грамотным письмом. Эти правила лягут в основу школьной программы, владение ими подлежит контролю при завершении разных этапов обучения, а также при поступлении на государственную службу. Поэтому не надо пытаться формулировать правила правописания словарных слов, особенно редких, не входящих в активный словарный запас рядового носителя языка. Это усложняет понимание системы норм, необходимое для того, чтобы постичь стройность и красоту нашего языка и достойного его облачения — русской орфографии.

Библиография

1. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Сложные существительные и сочетания с приложениями как объект орфографического описания // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2. С. 57–76.
2. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правописание сложных существительных и сочетаний с приложением или неизменяемым определением // Русское письмо в правилах с комментариями. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 172–189.
3. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Проблемы нормы и кодификации правописания сложных существительных // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 1. М., 2014. 456 с. С. 119–198.
4. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСРУС, 2016. 424 с.
5. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Аспектное описание русской орфографии. Очерки теории. Правила. Словарь. М.: ЛЕКСРУС, 2018. 567 с.
6. Ван Имин. Орфография сложных существительных с соединительными гласными в истории русского письма // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3(100). С. 370–374.
7. Еськова Н. А. Слитные/дефисные написания существительных и цельнооформленность слова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. Российская академия наук. Институт русского языка им В. В. Виноградова. Под ред. В. В. Лопатина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. С. 59–68.
8. Еськова Н. А. Избранные работы по русистике. Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: Языки славянских культур, 2011. 646

с.

9. Зайцева С. Н. Дифференцирующие написания в русском языке и их функции // Русская речевая культура: теория и практика филологического образования в школе и в вузе: сб. науч. статей и метод. рекомендаций по матер. Всерос. научно-практической конференции (г. Иваново, 30–31 марта 2017 г.). / сост. и науч. ред. И. А. Сотовой (отв. ред.) и др. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 352 с. С. 210–215.
10. Зюзина Е. А. О правописании заимствований конца XX века в русском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 32. Вып. 3. С. 77–85.
11. Каверина В. В. Правописание сложных существительных в современном русском языке: проблемы кодификации // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». М.–Ярославль: Ремдер, 2015. С. 286–289.
12. Мельникова Е. М., Томина А. С. Орфография сложных существительных с компонентами *био-*, *эко-*, *органик-* // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 334–344.
13. Нечаева И. В. К типологии орфографической вариантности в русском языке // Русская речь. 2022. № 3. С. 47–59.
14. Нечаева И. В., Перцов Н. В. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 10–35.
15. Снегова Е. П. Сложные слова со «сложным» характером: дискуссионный статус номинативных единиц типа «фитнес-клуб» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. № 2. С. 581–597.
16. Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Сложные слова. М.: Наука, 1974. 151 с.
17. Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. М.: Просвещение, 1982. 175 с.
18. Крючков С. Е. О спорных вопросах современной русской орфографии. М.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1954. 55 с.
19. Панов М. В. О дефисных написаниях // Труды по общему языкоznанию и русскому языку. Т. 1. / Под ред. А. Е. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 554–558.
20. Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания. Русский язык в школе. 1937. № 1. С. 63–70.
21. Реформатский А. А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 146–150.
22. Сталтмане В. Э. Слитные, дефисные и раздельные написания // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1965. С. 296–321.
23. Шапиро А. Б. Русское правописание. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 248 с.
24. Каверина В. В. Пореформенная орфография: история нормирования // Stephanos. 2017. № 3 (23). С. 11–25.
25. Грот Я. К. Русское правописаніє. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ Я. К. Гротомъ. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1894. 120 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Критерии оформления сложных существительных (контакт-дефис) в современной русской орфографии», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», представленная на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду повышения требований к грамотности в современном мире, знанию родного языка. Кроме того, важно отметить, что современный этап нормализации орфографии характеризуется отсутствием единого общепринятого свода правил, один из пробелов в которых может восполнить данная статья.

Рассматриваемая в статье проблема разграничения слитных и дефисных написаний сложных существительных является одной из самых актуальных в современной орфографии.

Исследуемая орфограмма до сих пор сохраняет крайнюю непоследовательность и неупорядоченность, несмотря на постоянное обращение к ней в течение последнего столетия. Целью статьи является выявление причины данного положения дел, для чего автор систематизировал правила правописания сложных существительных в соответствии с лежащими в их основании критериями.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Исследование проведено с использованием следующих методов и приемов: методы лингвистического анализа — морфемный, словообразовательный, морфологический, синтаксический, семантический; индуктивный метод анализа материала, метод лингвокультурологического анализа, а также приемы направленной выборки из ортологических источников и иллюстративного материала, прием экстралингвистической интерпретации фактов языка.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Слабой стороной исследования является практический материал. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает всего 25 источников исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории русского языка, так и в рамках практикумов по орфографии, а также в практической подготовке переводчиков. Статья, несомненно, будет полезна широкому

кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Критерии оформления сложных существительных (контакт-дефис) в современной русской орфографии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Оу М. — Неевклидовы геометрии как источник веры в Бога для Ф.М. Достоевского и его героев (на примере Ивана Карамазова) // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.41030 EDN: TNDYQL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41030

Неевклидовы геометрии как источник веры в Бога для Ф.М. Достоевского и его героев (на примере Ивана Карамазова)

Оу Мэнлянь

кандидат философских наук

аспирант, кафедра культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет

190121, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Халтурина, 15, кв. 211

✉ omenglian@gmail.com

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.41030

EDN:

TNDYQL

Дата направления статьи в редакцию:

18-06-2023

Аннотация: Кошмар Ивана Карамазова отражает его глубокий идеологический кризис. В истории «бунта» Ивана Карамазова против Бога большую роль играют его рассуждения о недавно открытых в науке неевклидовых геометриях. Признаваясь, что он не может понять и принять идею неевклидовой геометрии и представление о мирах, устроенных по иным законам, чем наш мир, Иван именно поэтому отрицает возможность для себя искренне поверить в Бога. Странную связь неевклидовых геометрий и веры в Бога подтверждает эпизод романа «Братья Карамазовы», в котором Ивану в видении является черт. Описывая рай, черт прибегает к новейшим научным понятиям и к неевклидовой геометрии, наглядно демонстрируя, что новые научные теории могут помочь человеку обрести веру. Эту связь, важную для истории Ивана Карамазова, можно объяснить тем фактом, что в философском мировоззрении Достоевского наличие «иных миров» играет очень большую роль как выражение необычной интерпретации идеи бессмертия. Если принять идею существования людей после смерти в «иных мирах», то научные теории об «иных мирах» можно рассматривать как раскрытие тех измерений бытия, где человек наглядно поймет существование Бога и возможность

бессмертия.

Ключевые слова:

неевклидовы геометрии, религиозный кризис, бессмертие, философское мировоззрение Достоевского, Иван Карамазов, иные миры, вера в Бога, источник веры, поиск Бога, бытие

Введение

Евклидова геометрия рассматривается как одна из базовых аксиом пространства. Ведь в рамках обыденного мироизречания, пространство, где мы живем, всегда может быть измерено и оценено. Однако, понимание пространства на уровне Аристотелевской концепции пространства в античности и естествознания ученых в Новое время игнорирует метафизические специфики пространства, которое уже превышает такие классические свойства пространства, как трехмерность, непрерывность, бесконечность, безграничность, однородность, изотропность, и абсолютные метрические свойства. С развитием науки стало ясно, что различные реальные обстановки могут характеризоваться пространствами с различными свойствами. Например, метрические свойства пространства не применены в теории относительности. Была сформирована Риманом геометрия сферических пространств, что вызывало споры о таких вопросах, как вечность и временность, конечность и бесконечность и др. Впоследствии это способствует пониманию пятого измерения пространства, которое тесно связано с духовной ипостасью человека. В исследовании о квантовой космологии А. Д. Линде также смело предположил: «Не может ли быть так, что сознание, как и пространство-время, имеет свои собственные степени свободы, без учета которых описание Вселенной¹ будет принципиально неполным? Не окажется ли при дальнейшем развитии науки, что изучение Вселенной и изучение сознания неразрывно связаны друг с другом и что окончательный прогресс в одной области невозможен без прогресса в другой?» [9, с. 248].

Поэтому для нас все еще актуально реляционное направление понимания пространства, которое стремится к выявлению характера его бытия, т.е. имеет ли оно объективный характер, или же проистекает из особенностей нашего сознания. Как В. М. Самсонов задавал вопрос в статье, «пространство – абстрактное понятие или материальная реальность?», и делал вывод, что «необходимостью обратить особое внимание на ошибочность интерпретации трехмерного и четырехмерного пространства как деформируемой материальной среды, подобной твердому телу» [10, с.18]. Самый известный ответ на эти вопросы дан Кантом, который создал известную концепцию пространства как априорной (субъективной) формы нашего созерцания, определенной особенностями нашего сознания, а не объективным бытием вне сознания. Он сделал еще один шаг до тезиса о том, что евклидова геометрия, как «встроенная» в наш аппарат чувственного восприятия, представляет собой трансцендентное явление. Далее на основе анализа опытного происхождения неевклидовой геометрии ее философский смысл был раскрыт Г. Гельмгольцем в статье «О происхождении и значении геометрических аксиом», опубликованной в журнале «Знание» за 1876 г. Г. Гельмгольц придал значительное значение «обсуждению философского значения новейших изысканий в области геометрических аксиом» и также открыл перспективу «создания аналитическим путем новых систем геометрии с иными аксиомами, чем у Эвклида» [7, с. 122]. В этом

смысле неевклидова и евклидова геометрия становится ключом для глубокого понимания категории пространства и важным философским тезисом

Под влиянием популярности неевклидовой геометрии, Достоевский также интенсивно размышляет об этом вопросе, что явно отражает в своей рабочей тетради. «В бесконечности должны слиться параллельные линии, но – бесконечность эта никогда не придет. Если б пришла, то был бы конец бесконечности, что есть абсурд. Если б сошлись параллельные линии, то был бы конец миру и геометрическому закону и Богу, что есть абсурд, но лишь для ума человеческого. Реальный (созданный) мир конечен, невещественный же мир бесконечен. Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. Ибо если б не было бесконечности, не было бы и конечности, немыслима бы она была. А если есть бесконечность, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир» [\[6, с. 43\]](#). Это показывает его особенное геометрическое понимание, которое уже связано с религиозным поиском. Баршт утверждал, что «идея бесконечности пространства смыкалась в сознании Достоевского с идеей вечности, его можно считать одним из первых мыслителей, которые выстраивали модель многослойного пространственно-временного континуума» [\[1, с. 136\]](#). К этому мнению присоединяется К. Г. Исупов, указывая, что «Достоевский упрямо верит в “неевклидову” гармонию, гармонию, в которой не будет места страданиям, сомнениям и мукам. Эта вера, к которой он пришел в конце своего творческого пути, одно из самых ценных приобретений Достоевского» [\[8, с. 30\]](#). Из этого следует, что для Достоевского неевклидова геометрия, в некотором смысле, уже превращается в метафизический пространственный образ. Этот образ символизирует достижение идеального состояния существования человека, основанного на целостном восприятии своего бытия и преодолении пределов позитивистского-теоретического мышления, которое упрощает реальность. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» Иван неожиданно начинает рассуждать о пространстве, о его этическом и религиозном смыслах, исходя из своего несовершенного знания естественных наук, что позволяет нам рассмотреть вопрос о метафизическом смысле неевклидовой геометрии в стремлении Ивана к вере в Бога.

Евклидова дилемма мышления Ивана

Фраза Ивана очень хорошо обозначает заявленную тему: «Если Бог есть и если он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал он ее по евклидовой геометрии, а ум человеческий с понятием лишь о трех измерениях пространства. Между тем находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже из замечательнейших, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная или, еще обширнее – всё бытие было создано лишь по евклидовой геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две параллельные линии, которые, по Евклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности. Я, голубчик, решил так, что если я даже этого не могу понять, то где ж мне про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум евклидовский, земной, а потому, где нам решать о том, что не от мира сего» [\[4, с. 264\]](#). Таким образом, Иван, воспринимает земное пространство на основе принципов элементарной, евклидовой геометрии, т. е. на основе рационального познания, не претендующего даже на те необычные вводы, которые дает современная, «неклассическая» наука. Причем неспособность понять данные науки становится для него аргументом для признания своей слабости в вере. В Бога он верит, но только формально, не признавая того, что Он может реализовать свое всемогущество в

радикальном преображении земной действительности. Свою неспособность признать могущество Бога по отношению к земной действительности прямо связывается Иваном с невозможностью представить неевклидову геометрию. Законы геометрии Иван считает незыблемыми, поэтому в нашем мире не может произойти ничего, что выходит за пределы разума. А это приводит к тому, что и благие поступки людей он воспринимает только с точки зрения рациональных мотивов, только в их обусловленности реальными обязательствами и законами. Он не верит в возможность действия людей непосредственно с искренней религиозной любовью, он предполагает только действие «с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за наташенней на себя эпитетии» [4, с. 265]. Это совпадает с мнением Губайловского: «При этом Иван поступает именно как математик — он рассматривает мир (бытие, пространство) как замкнутую систему, которую можно описать, перечислив набор аксиом и указав логически корректные правила вывода. Ум Ивана, вопреки его словам, совсем неевклидов. “Эвклидов ум” не может рефлексировать по поводу собственной евклидовости» [3, с. 156]. Иностранный ученый Кимберли Янг также утверждал, что «придерживаясь эмпирических фактов в замкнутом пространстве-времени, Иван устраняет противоречия и парадоксы божественных или метафизических концепций, ограничивая горизонты смысла конечными, уплощенными плоскостями (буквального и символического) евклидова пространства» [11, с. 55].

В Иване Достоевский показывает бессмысленность догматической, формальной веры. Иван вроде бы смиренно подчиняется догматическим убеждениям, но сомневается в этических правилах, которые кажутся ему бессмысленными, и в том, что созданный Богом мир может быть преображен, в то время как именно преображение мира и является главным в истинной вере, которую предполагает писатель: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убежден, как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусненькое измышление малосильного и маленького, как атом человеческого евклидовского ума, что, наконец, в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми, — пусть, пусть это все будет и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять!» [4, с. 214].

Формально Иван говорит о новом мире, где будут искуплены страдания людей, но он не видит прямой преемственности между этим новым миром и нашим реальным миром, поэтому не может принять искупления страданий как реальное и действенное. В итоге, Иван попадает в ловушку последовательного рационального мышления. Обладая страстным желанием веры, но требует, чтобы вера была рационально обоснованной и удовлетворяла критериям его ясного сознания. Но поскольку вера не может быть рационально обоснованной, он оказывается в неразрешимом противоречии между желанием веры и невозможностью ее обрасти по тем критериям, которые требует его разум.

В этой связи можно сказать, что он относится к земному миру и его законам негативно с точки зрения своей веры, которая не может быть совмещенной с законами мира, допускающими зло. Но вместе с тем он не может признать возможность другого мира или преображения земного, евклидова мира.

Борьба между рациональным сознанием и верой

Иван часто считается как откровенный атеист исходя из его слов «все позволено». Хотя на деле его сомнения в отношении Бога отражают его глубинное стремление к Нему, к человеческой гармонии и счастью. Поэтому, уважая Алешу за твердость его религиозных убеждений, Иван говорит ему: «Братишка ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть с твоего устоя, я, может быть, себя хотел бы исцелить тобою» [4, с. 215]. Иван – ищущий человек, который стремится найти решение своей проблемы и обрести истинную веру. Главным помощником в его поисках оказывается даже не Алеша, а старец Зосима, который наглядно показывает, каким образом проблема Ивана может быть разрешена.

Вера Алеши прямо обусловлена убежденностью в верности учения старца Зосимы. По сути, разговаривая с Алешей, Иван спорит со старцем Зосимой, и главной проблемой в их заочном споре оказывается возможность или невозможность человеку представить бытие других миров и других пространств (неевклидовых). Иван уповаает только на рациональность и логическое мышление, поэтому не принимает идею множественности миров: «Пусть даже параллельные линии сойдутся и я это сам увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму» [4, с. 215]. В этом сознательном принижении своего существа до прямолинейной рациональности, которая доказывает полное подчинение человека законам природы, Иван называет себя «клопом»: «Я клоп и признаю со всем принижением, что ничего не могу понять, для чего всё так устроено. Люди сами, значит, виноваты: им дан был рай, они захотели свободы и похитили огонь с небеси, сами зная, что станут несчастны, значит, нечего их жалеть. О, по-моему, по жалкому, земному евклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что всё одно из другого выходит прямо и просто, что всё течет и уравновешивается, — но ведь это лишь евклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться!» [4, с. 222]. Иван сопоставляет себя с насекомым, ползающим по поверхности евклидова пространства и не способного почувствовать другое измерение пространства, благодаря которому евклидово пространство может стать «искривленным» и неевклидовым.

Борьба между рациональным сознанием и верой Ивана ярко проявляется в его ночном кошмаре. Черт в этом его видении говорит о Боге и «иных мирах», получается, что он выражает как раз ту идею, в которую хочет поверить Иван, но он не может поверить и в самого черта. Вместе с чертом он признает иллюзией и Бога, и «иные миры»: «Не знаешь, а Бога видишь? Нет, ты не сам по себе, ты — я, ты есть я и более ничего! Ты дрянь, ты моя фантазия! — То есть, если хочешь, я одной с тобой философии, вот это будет справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю наверно, остальное же всё, что кругом меня, все эти миры, бог и даже сам сатана — всё это для меня не доказано, существует ли оно само по себе или есть только одна моя эманация, последовательное развитие моего я, существующего довременно и единолично...» [4, с. 77].

Тем не менее черту удается заставить его сделать шаг к принятию за правду его рассказа о райском мире за счет того, что он дает очень бытовой и реалистичный портрет «неверующего философа», который поверил в Бога, попав в рай и почувствовав райское наслаждение. «А только что ему отворили в рай, и он вступил, то, не пробыв еще двух секунд — и это по часам, по часам (хотя часы его, по-моему, давно должны были бы разложиться на составные элементы у него в кармане дорогой), — не пробыв двух секунд, воскликнул, что за эти две секунды не только квадриллион, но квадриллион квадриллионов пройти можно, да еще возвысив в квадриллионную степень!» [4, с. 79]. Черт подкупает Ивана научообразной точностью расчетов времени и расстояния в

райской «местности», причем и здесь появляется мысль о различии законов земного мира и того райского, о котором рассказывает черт: «Да ведь ты думаешь всё про нашу теперешнюю землю! Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась; ну, отживала, леденела, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода, яже бе над твердию, потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля — ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и всё в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...» [\[4, с. 79\]](#). Показательно как в одной фразе черт соединяет чисто научное описание природного процесса и библейскую фразу из рассказа о создании мира Богом. Черт заманивает сознание Ивана в ту область, где его научное сознание сможет примириться с религиозной верой.

Для Ивана этот рассказ становится откровением — он осознаёт, что иное пространство существует, причем оно основано на других законах, чем пространство материального мира. Сделав один шаг к признанию «иных миров», он оказывается на правильном пути, который может привести его к окончательной вере.

Открытие неевклидовых миров

Тот факт, что именно признание существования «иных миров», существующих по иным законам, чем законы земного мира, является главным основанием веры, Достоевский показывает на примере старца Зосимы.

Только начав разрабатывать образ старца Зосимы, Достоевский в своей рабочей тетради записывает самое главное, что он угадал в его образе и в его вере: «Он понял, что знание и вера — разное и противоположное, но он понял — постиг, по крайней мере, или почувствовал даже только, — что если есть другие миры и если правда, что человек бессмертен, то есть и сам из других миров, то, стало быть, есть и всё, есть связь с другими мирами» [\[4, с. 201\]](#). Как и Иван, Зосима понял, что вера и знание несовместимы, что они «противоположное», но если Иван не смог соединить знание и рациональность с верой, то Зосима соединил их, поверив в другие миры как в дополнение земного мира. В мире Достоевского вера не обретается на пути полного отречения от знания, его герой не принимают максиму Тертуллина «верую, ибо абсурдно». Вера должна дополнять и обогащать знание, а не отрицать его, при всей их кажущейся несовместимости. Открытие неевклидовых геометрий в науке стало для Достоевского нагляднейшим выражением возможности такого «расширения» науки, когда она оказывается согласованной с верой. Важнейший пункт его веры — существование «иных миров». Когда наука признала их существование, да еще с законами, резко отличающимися от законов земного мира, она встала на путь союза с верой.

Черт из видения Ивана наглядно соединяет наш земной мир с «иными мирами», ставит их в один ряд, когда говорит о совращении некоторых особенно «ценных» душ: «Весь мир и миры забудешь, а к одному этакому прилепишься, потому что бриллиант-то уж очень драгоценен; одна ведь такая душа стоит иной раз целого созвездия — у нас ведь своя арифметика. Победа-то драгоценна!» [\[4, с. 80\]](#).

Принципиальное значение «иных миров» в понимании Достоевским сути религиозной веры и их непосредственная связь с многообразием людей, обладающих собственными оттенками веры, отмечал К. А. Баршт: «...герои Достоевского уверены в том, что лишь предполагал их автор: миров во Вселенной столько же, сколько людей, и каждому из них присущ свой набор пространственно-временных горизонтов со своей степенью искривления бытийных зон, перспектив и маршрутов спасения» [\[1, с. 140\]](#). Самым важным

пунктом здесь оказывается тот факт, что «иные миры» определяют посмертную судьбу людей, как это следует из известного рассуждения Свидригайлова о приведениях (роман «Преступление и наказание»): «Привидения — это, так сказать, клочки и обрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир». Я об этом давно рассуждал. Если в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить» [\[4, с. 221\]](#).

Вероятно, на Достоевского произвело большое впечатление открытие неевклидовых геометрий (миров) именно в связи с его мыслью о других мирах как наиболее точном выражении религиозной идеи бессмертия. Такое схождение религиозной идеи и идеи научной делает возможным принятие веры даже для крайне рационального сознания. Именно по этому пути идет Иван, благодаря тем «научным» рассуждениям, которые приводят черт в его видении.

Черт не отворачивает его от веры, а, напротив, умело подталкивает к ней, используя ходы, допустимые для рационального мышления Ивана: «Новая метода-с: ведь когда ты во мне совсем разуверишься, то тотчас меня же в глаза начнешь уверять, что я не сон, а есмь в самом деле, я тебя уж знаю; вот я тогда и достигну цели. А цель моя благородная. Я в тебя только крохотное семечко веры брошу, а из него вырастет дуб — да еще такой дуб, что ты, сидя на дубе-то, в “отцы пустынники и в жены непорочны” пожелаешь вступить; ибо тебе оченно, оченно того втайне хочется, акриды кушать будешь, спасаться в пустынью потащишься!» [\[4, с. 80\]](#).

Баршт также указывал на различие между стремлением к «гармонии» Ивана и стремлением к «раю» старца Зосимы. Гармония может возникнуть в земной реальности по законам этой реальности, она не требует мистической отмены законов природы для перехода в совершенное состояние. Здесь снова на первый план выходит рациональное сознание Ивана, которое даже совершенство хочет реализовать по законам земной природы. Зосима же говорит о рае, причем он понимает его именно в смысле мистического дополнения земной реальности, невыводимого из земной реальности и даже невидимого из нее (как не видны иные измерения пространства), но постоянно существующего рядом. Чтобы увидеть это дополнение и соединить земной мир с раем в своей жизни, нужно движение веры, которое точно так же должно дополнить, но не отменить рациональное сознание; «жизнь есть рай, ключи у нас», как говорит старец Зосима в черновиках Достоевского к «Братьям Карамазовым». Дополнительности человека вместе с земным миром, с одной стороны, и райского совершенства, с другой, посвящены его слова, записанные Достоевским в черновиках: «Кругом человека тайна Божия, тайна великая порядка и гармонии» [\[4, с. 246\]](#). Возможно, что Достоевский здесь не случайно поставил слово «гармония», намекая на то, что представления об идеале у Ивана и у Зосимы сходятся по своей сущности, но расходятся по методу реализации. Иван мыслит только рациональные методы, Зосима же знает, что идеал достичим лишь мистической переделкой мира и человека, причем даже больше самого человека, чем мира.

Заключение: «Идеал» Достоевского

Эта мысльозвучна с трактовкой Достоевским «идеала» в его дневниковой записи от 16 апреля 1864 г.: идеал – это не отвлеченная идея нравственного совершенствования, но живая личность, а достижение идеала – это полнота преображения, облечения «в я Христа», вхождения в Его «синтетическую натуру», пресуществления бытия из смертного, разрозненного, страдающего в бессмертное, всеединое, исполненное блаженства, где «мы будем – лица, не переставая сливаться со всем» [4, с. 174]. Такой «идеал» указывает на необходимость перехода в трансцендентное измерение бытия, что на научном языке означает переход в иные миры, существующие по неевклидовым законам. Таким образом, для Достоевского даже преображение человека к идеалу Христа косвенно связано с идеей иных миров, на которую намекает открытие неевклидовых геометрий.

Вслед за славнофилами Достоевский полагал, что человек является цельным в своей сущности и именно как цельное существо связан с Богом. Это означает, что все его способности, даже отделившиеся от цельной сущности, все равно имеют внутреннюю связь с ней и могут выявить в себе содержание, связанное с Богом. Достоевский резко критиковал научный разум за его формальность и за противостояние вере. Но он был уверен, что разум может испытать преображение и восстановить свою связь с цельной сущностью человека и с Богом. Этот процесс начался после открытия неевклидовых геометрий и внедрения в науку идеи существования иных миров, которые функционируют по законам, резко отличающимся от законов нашего мира. Бог не подчинен рациональным законам земного мира и не может быть найден в нем, но Он существует в сердце каждого верующего человека. И он может и должен раскрыть себя в сердце каждого. Как указывала А. Г. Гачева, «правда, основанная на сверхприродном законе, чтобы дать человечеству реальную почву спасения, не может быть внесена извне, напротив, должна возникнуть из самой его среды» [2, с. 57]. Вера в Бога для Достоевского – это вера в то, что человек сам станет подобным Богу.

Но можно ли предположить, что мир совсем лишен божественного начала? В мировоззрении Достоевского это невозможно, для него природа тоже имеет скрытое божественное начало и ей можно поклоняться, как это делает Марья Лебядкина в романе «Бесы». Бог должен каким-то образом «выступить» в мире вокруг нас, стать явным в этом мире. Это присутствие Бога в природном мире постепенно становится зримым даже для науки благодаря тому, что она открыла «иные миры», существующие по иным законам и иным геометриям.

Раскрытие божественного начала в человеке и человечестве неизбежно должно было вести к раскрытию его и в природе. Человек, открывая в себе Бога, не мог не открыть его и в природе. Достоевский первым обозначил это совпадение пути к Богу внутрь себя и вовне, его наследники в русской философии конца XIX – начала XX века гениально развили это его откровение. «Догмат о Богочеловечестве – по-настоящему вселенский, космический, корни которого достигают “до глубины земли и неба, до сокровенных тайн Св. Троицы и тварной природы человека”, которая изначально софийна. Путь от его исповедания к исполнению равен соборованию человечества, преображению мира в Царство Христово» [2, с. 61], – пишет А. Г. Гачева со ссылкой на труды известного религиозного философа С. Н. Булгакова. Таким образом, идея о богочеловечестве, подхваченная дальнейшей русской религиозной философией у Достоевского, была неразрывно связана с представлением о «Богоматерии» (по выражению В. С. Соловьева) и с верой в преображение мира к состоянию Царства Небесного. И, как это ни парадоксально, Достоевский в самой науке видел предугадывание этого мистического процесса через новейшие теории об иных мирах и неевклидовых

геометриях.

Библиография

1. Баршт К. А. «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского: неевклидова геометрия и вопрос о преодолении зла // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 134–144.
2. Гачева А. Г. «Идеал есть у меня, дан, Христос»: Христология Достоевского в контексте традиции нравственного истолкования догмата // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал, 2021. № 2 (14). С. 37–64.
3. Губайловский В. А. Геометрия Достоевского. 2006. Новом мире. № 5. С. 141–159.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. 624 с.
5. Достоевский Ф. М. Статьи и заметки, 1862–1865 // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 20. Л., 1980. 432 с.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1881. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 27. Л., 1984. 463 с.
7. Кийко Е.И. Восприятие Достоевским неевклидовой геометрии // Достоевский. Материалы и исследования. № 6. Л.: Наука, 1985. С. 120–128.
8. Клейман Р.Я. Вселенная и человек в художественном мире Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. № 3. Л.: Наука, 1978. С. 21–40.
9. Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М.: Наука. 1990. 280 с.
10. Самсонов, В. М., Петров, Е.К. Пространство: абстрактное понятие или материальная реальность? 2020. Вестник ТвГУ. Серия: Философия (4). С. 7–20.
11. Kimberly Young. Ivan Karamazov's Euclidean Mind: the "Fact" of Human Suffering and Evil. 2020. The Polish Journal of Aesthetics. 56. Pp. 49–62.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования, как обозначил автор в заголовке («Неевклидовы геометрии как источник веры в Бога для Ф. М. Достоевского и его героев (на примере Ивана Карамазова)»), — художественный образ «неевклидовых геометрий» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Автор последовательно отстаивает позицию, что Фёдор Михайлович, вслед за своим героем Иваном Карамазовым, отождествляет евклидову геометрию с рациональным («уплощенным») «научным» обоснованием возможности гармоничной соразмерности мира с тем единственным отличием, что одновременно признает неевклидовые геометрии, якобы доказывающие параллельное существование иных не зримых Иваном миров (т. е. множества миров). Безусловно, в плане интерпретации художественной реальности романа и позиции Достоевского автор не только в праве, но и обязан отстаивать собственную позицию.

Если взять во внимание, что автор анализирует исключительно сферу художественной реальности, составной частью которой являются и философские представления Фёдора Михайловича, то можно заключить, что предмет исследования изучен на достаточном теоретическом уровне, допускающем субъективный идеализм.

Вместе с тем, рецензент отмечает, что дескриптивные модели реальности, которых может быть бесконечное множество (сколько человек, столько и миров) и к которым следует

отнести художественную реальность любого произведения искусства, и сама реальность — не одно и то же. Так евклидова геометрия, дошедшая до нашего времени в «Началах» (III в. до н. э.), и образ евклидовой геометрии в самосознании персонажа художественного произведения — не одно и то же. Это различные дескриптивные модели реальности: различные модели одной и той же планиметрической реальности, аксиомы которой справедливы исключительно на плоскости. Причем опровержение этих различных моделей познания нет необходимости искать в иных мирах. К примеру, суждение, что две параллельные прямые никогда не пересекаются, опровергается не в какой-то иной реальности, а при непосредственном наблюдении параллельно расположенных железнодорожных рельсов в перспективе горизонта наблюдателя (это пример зависимости представлений о реальности от позиции наблюдателя). Другой пример, — меридианы на плоской карте параллельны и не пересекаются, но стоит придать карте шаровидный объем, как на глобусе (максимально приближенной к реальности объемной модели Земли), так становится очевидным, что «параллельные» меридианы пересекаются на полюсах (это пример зависимости представлений о реальности от способов её измерения). Легко усмотреть, вслед за упомянутым автором И. Кантом, независимость реальности (объекта) от позиции наблюдателя или способов (инструментов) наблюдения. Поэтому, относительно мнения автора о том, что наука, приоткрыв неевклидовы способы измерения реальности, по убежденности Ф. М. Достоевского, приблизилась к доказательству Бога, следует высказать сомнение в справедливости синонимичного отождествления неевклидовых геометрий (способов измерения) и неевклидовых миров (объектов измерения, т. е. реальности / реальностей) как в методологическом приеме. Допущенная Достоевским синонимия неевклидовых геометрий и множественности реальности является, по мнению рецензента, исключительно художественным приемом метафорического расширения языка, поскольку язык остается всего лишь несовершенным инструментом познания. Как отмечает упомянутый автором К. А. Баршт, Ф. М. Достоевскому близка не сама идея множественности измерений искривленных пространств в интерпретации Гельмгольца, а допущение пересечения геометрического пространства Эвклида с особым образом организованным нравственным пространством, взгляд из которого раскрывает искривленность именно евклидовой плоскости, мира «клопа». Рецензент подчеркивает, что существенно именно требующее веры допущение, а не ограниченное рациональностью восприятие реальности.

Учитывая субъективистский подход автора, следует признать, что автором приведено достаточно аргументов в пользу своей позиции, чтобы считать предмет исследования (образ «неевклидовых геометрий» в романе Ф. М. Достоевского) проблематизированным и достойным дальнейшего изучения в том числе и в плане обобщения уже имеющегося опыта прочтения пространственных метафор «Братьев Карамазовых» от Вяч. И. Иванова до А. Г. Гачевой.

Актуальность обращения к философской проблематике нравственного пространства Ф. М. Достоевского автором обосновывается измеряемостью обжитого человеком пространства ценностными мерами духовной ипостаси человека. Особенно важно обращение к фундаментальным вопросам нравственного бытия в современных условиях усиления ценностной неопределенности социальной реальности. В этой связи сама постановка экзистенциальных вопросов и поиск их решения в русской литературной классике представляется ценным опытом, по-новому интерпретирующими окружающую действительность.

Научная новизна работы отражена в авторской подборке проанализированного эмпирического материала и тематической научной литературы.

Стиль в целом выдержан научный, хотя отдельные описки требуют дополнительной

авторской вычitки (например: «... понимание пространства на уровне Аристотелевской концепции...», «... которое тесно связано с духовной ипостаси человека...», «при дальнейшем развитии», «Он еще сделал один шаг до тезиса о том, что евклидова геометрия, как «встроенную» в наш аппарат чувственного восприятия, представляет собой трансцендентная.», «Гельмгольц придал значительное значение "...обсуждению философского значения"...», «Из этих следует...», «... преодоления предел позитивистского-теоретического мышления...», «Янг также утверждал...», «... он пытается найти решений своей проблемы...», «Этот процесс, считал, Достоевский...», «... после открытия неевклидовых геометрий и внедрения в науку идею иных миров...» и др.).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография раскрывает предметную область исследования, отдельные описки в оформлении описаний незначительны.

Апелляция к оппонентам в целом корректна и достаточна.

После вычitки описок статья достойна публикации и будет интересна читательской аудитории журнала «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Litera» автор представил свою статью «Неевклидовы геометрии как источник веры в Бога для Ф.М. Достоевского и его героев (на примере Ивана Карамазова)», в которой проведено исследование метафорического соединения пространства и Бога в произведениях великого русского писателя.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что понимание пространства на уровне Аристотелевской концепции пространства в античности и естествознания ученых в Новое время игнорирует метафизические специфики пространства, которое уже превышает такие классические свойства пространства, как трехмерность, непрерывность, бесконечность, безграничность, однородность, изотропность, и абсолютные метрические свойства. Как заключает автор, различные реальные обстановки могут характеризоваться пространствами с различными свойствами, что способствует пониманию пятого измерения пространства, которое тесно связано с духовной ипостасью человека. Поэтому автор считает важным реляционное направление понимания пространства, которое стремится к выявлению характера его бытия: имеет ли оно объективный характер, или же проистекает из особенностей нашего сознания. Неевклидова и евклидова геометрия становится для автора ключом для глубокого понимания категории пространства и важным философским тезисом.

К сожалению, автором не представлен материал по актуальности исследуемой проблематики. В работе отсутствует также и анализ научной обоснованности изучаемой темы, что делает затруднительным вывод о научной новизне исследования. Методологическую базу исследования составили философский и художественный анализ. Теоретической основой исследования выступают работы таких литературоведов и философов как И. Кант, Е.И. Кийко, В.А. Губайловский, К.А. Баршт и др. Эмпирическую базу исследования составило произведение Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Соответственно, цель данного исследования заключается в изучении определения метафорической связи божественного и пространственного начала в философии Достоевского.

Для достижения цели автор проводит философский анализ образа Ивана Карамазова, его мышления, воззрений и делает заключение, что метафизический пространственный

образ символизирует достижение идеального состояния существования человека, основанного на целостном восприятии своего бытия и преодолении пределов позитивистского-теоретического мышления, которое упрощает реальность. Рассуждения Ивана о пространстве, о его этическом и религиозном смыслах, исходя из своего несовершенного знания естественных наук, позволяет автору рассмотреть вопрос о метафизическом смысле неевклидовой геометрии в стремлении Ивана к вере в Бога.

Автор в исследовании детально анализирует Евклидову дилемму мышления Ивана, борьбу между рациональным сознанием и верой Карамазова и приходит к выводу, что писатель через них передает собственные идеи и философские воззрения. Автор утверждает, что на Ф.М. Достоевского произвело большое впечатление открытие неевклидовых геометрий именно в связи с его мыслью о других мирах как наиболее точном выражении религиозной идеи бессмертия. Писатель в самой науке видел предугадывание этого мистического процесса через новейшие теории об иных мирах и неевклидовых геометриях. Такое схождение религиозной идеи и идеи научной делает возможным принятие веры даже для крайне рационального сознания.

Проведя исследование, автор представляет выводы по изученным материалам.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение выражения философской и духовной позиции автора в своих произведениях представляет несомненный теоретический и практический культурологический и философский интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 11 источников, что представляется недостаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике, так как автор не опирался на научные источники по исследуемой проблематике.

Однако автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании после устранения указанного недостатка.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Любимов Н.И. — Образ рощи как средство выражения аксиологической концепции автора в лирике З. Дудиной // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43484 EDN: TNFHNQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43484

Образ рощи как средство выражения аксиологической концепции автора в лирике З. Дудиной

Любимов Николай Иванович

ORCID: 0000-0002-0879-0890

аспирант, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424000, Россия, республика Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, площадь Ленина, 1

✉ nikolay_lyubimov@inbox.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43484

EDN:

TNFHNQ

Дата направления статьи в редакцию:

02-07-2023

Аннотация: Данное исследование связано с аналитическим рассмотрением системы поэтических образов натурфилософской направленности в современной марийской философской лирике. Цель работы – выявить этноценностные смысловые составляющие мифопоэтического образа рощи в лирике Зои Дудиной и способы их художественного воплощения. Материалом исследования стали стихотворения, вошедшие в ее сборник «Куанышым, куэм Ӯндал...» (Обрадовалась, обняв берёзу...) (2012). Методологию исследования определяет структурно-семантический анализ лирических текстов, который позволяет выявить и описать основные структурные компоненты поэтического образа, а также понять их взаимосвязи и смысловую организацию на уровне авторской аксиологии. В статье автором исследования доказано, что в лирике марийского поэта Зои Дудиной воссоздается многогранный образ марийской рощи; В частности, он представлен как часть божественного мира, часто конкретизирован и дан в виде священного дерева. Центральное место в образе рощи отведено автором этнозначимому и сакральному содержанию и мифопоэтике, что не ограничивает его и в выражении индивидуально-творческих устремлений, в утверждении универсальных ценностей. Роща для лирической героини Зои Дудиной – это символ надежды, духовно-нравственной

опоры, спасения души, а также сохранения народа мари.

Ключевые слова:

марийская литература, современная марийская поэзия, лирика, Зоя Дудина, авторская концепция, образ рощи, художественная аксиология, поэтика, лирическая героиня, этно-аксиосфера

Для народа мари роща (по-марийски *ото*) – это священное (сакральное) место; символ связи между человеком и природой, между народом мари и его богами. Мари собираются в рощах на моления, отмечают религиозно-языческие праздники, совершают ритуально-обрядовые действия. Все это сохраняет свою значимость до настоящего времени, что актуализирует комплексное научное исследование марийских священных рощ (*күсoto*) и мероприятия по сохранению уникальных культурных ландшафтов Республики Марий Эл. На сегодняшний день в единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации внесены сведения о 327 священных рощах [\[15\]](#).

Марийская священная роща представляет интерес для исследователей разных гуманитарных наук: истории [\[19\]](#), лингвистики [\[11\]](#), религиоведения [\[14\]](#), этнографии [\[2\]](#), экологии [\[13\]](#), культурологии [\[5\]](#), филологии [\[8\]](#) и др. Слово «роща» 21 февраля 2023 года, в Международный день родного языка, в рамках культурно-просветительского проекта «Наше слово» было объявлено в Республике Марий Эл словом года [\[9\]](#).

Образ рощи – это неотъемлемая часть не только культурного опыта народа, но и очень яркая составляющая этнического, «национального пейзажа» [\[20, с. 156\]](#) (М. Н. Эпштейн), реализующего в современной марийской поэзии тему родных просторов.

Цель данной статьи – выявить этноценностные смысловые составляющие мифopoэтического образа рощи в лирике Зои Дудиной и способы их художественного воплощения. Материалом исследования стали стихотворения, вошедшие в ее сборник «Куанышым, куэм □ндал...» (Обрадовалась, обняв берёзу...) (2012), который впервые рассматривается в вышеуказанном научном ракурсе. Некоторые (преимущественно общие) подходы к исследованию мифopoэтики творчества Зои Дудиной заявлялись в рамках изучения образной системы и цветосимволики поэта – в работах С. П. Манаевой-Чесноковой [\[12\]](#), в монографии «Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности» [\[16\]](#), Р. А. Кудрявцевой и Т. Н. Беляевой [\[8\]](#), а также в некоторых публикациях автора данной статьи [См.: 10: 11]; но образ рощи не получает в них конкретно-аналитического рассмотрения.

Методологию нашего исследования определяет структурно-семантический анализ лирических текстов, который позволяет выявить и описать основные структурные компоненты поэтического образа, а также понять их взаимосвязи и смысловую организацию на уровне авторской аксиологии. Автор статьи также опирался на работы марийских литературоведов, посвященные выстраиванию этноаксиологической парадигмы марийской литературы [\[3; 7; 21\]](#).

Образ рощи в сборнике Зои Дудиной «Обрадовалась, обняв берёзу» в первый раз появляется в стихотворении «Аралтыш» (Оберег), написанном в июле 2004 года и в

котором в качестве эпиграфа использована фраза, имеющая бытование в народной среде: *Марий калыкым Юмо арален коден* (Марийский народ сохранен Богом). Эта фраза многое проясняет в этнокультурном коде народа мари, который смог сохранить свою традиционную веру и сохранил сам себя, свою самобытность благодаря этой вере и особой божественной благодати. Возникающий в таком контексте образ рощи легко вписывается в парадигму языческого мировосприятия и мироустройства народа и наполнен безусловным мифопоэтическим и этнозначимым смыслом (*чимарий ото* – языческая роща):

Кажне калыкын уло ончалтыш,

Кажне калыкын уло йўла.

Мыланна ўмырешлан аралтыш –

Чимарий ото, юмынйўла... [6, с. 57. Подстрочный перевод на русский язык здесь и далее везде наш. – Н. Л.]

(У каждого народа есть свой взгляд,

У каждого народа есть традиция.

Для нас на всю жизнь оберег –

Языческая [некрещенных мари. – Н. Л.] роща, религия).

Слово «роща» в приведенном фрагменте стихотворения поставлено через запятую рядом со словом «религия» (как в синонимическом ряду). Автор таким способом сознательно сближает их, подчеркивая сакральность использованного им природного образа.

Значение оберега (*аралтыш*) и хранителя (*серлагыш*), изначально, согласно языческим канонам, заложенное в этот образ, помимо начала стихотворения, встречается в нем еще два раза, каждый раз актуализируя и усиливая авторскую мысль о ценности божественной защиты.

Мыланна курымешлан серлагыш –

Ош пўртўс Юмына, онапу [6, с. 57]

(Для нас на всю жизнь хранитель –

Наш белый природный Бог, священное дерево [«дерево, перед которым совершалось моление». См.: 4, с. 222]).

Образ молельной рощи как часть божественного мира в данном случае конкретизирован и метонимизировано представлен в образе священного дерева, которое, как и все составляющие языческого мира, способно оберегать и защищать народ мари. Историческую верность своих сородичей традиционной вере (в прошлом и настоящем) Зоя Дудина осмыслияет как любовь к народу, которая непобедима, и вспоминает трагическую судьбу классика марийской литературы Сергея Чавайна, еще в начале XX века создавшего образ рощи в первом оригинальном стихотворении на марийском языке и пострадавшего именно за любовь к своему народу, бросившего вызов тем, кто считал любовь к народу и его вере преступлением. Его расстреляли, но марийская вера не погибла, она жива в воспетой классиком священной роще, тихой, мирной, излучающей свет и добро, рождающей силу и побеждающей тьму:

...Но кодыныс **ото**,

Тымык отышто тыныс ила.

Нерештеш тышан кумыл – чон сото,

Орлык-ойго тул-шикш ден илна [\[6, с. 57\]](#)

(...Но осталась роща,

В тихой роще живет мир.

Рождается здесь вдохновение – душевный свет,

Побеждая огонь-дым страдания-беды).

Этнозначимость веры максимально усиlena в последней строфе, возвращающей читателя к началу стихотворения, и создается кольцевое обрамление, основанное не только на единой синтаксической и стиховой организации текста, на буквальном повторе трех стихов из четырех, но и на мотиве божественной защиты. Но если в начале стихотворения в различающемся стихе автор говорит о защитной силе священной рощи, используя местоименный субъект (*мыланна*), отмечая то, что эта защита на всю жизнь, то в конце стихотворения Зоя Дудина акцентирует внимание на том, что она направлена на народ мари и что она надежна (*Марий-влаклан ۋاشانلە ارالтыش*) Таким образом, с помощью образа рощи автор провозглашает и актуализирует иерархию этноценностных установок в жизни народа: уважение и верность традициям, почитание Бога со стороны народа и максимальная защита народа со стороны Бога. В сохранении этой иерархии – залог дальнейшего существования марийского мира, древнего народа и древней земли. Автор искренне верит в продолжение этого мира. В стихотворении «Чимарий тұңя» (Языческий мир):

Ила чевер пүртүс лонгасе калық,

Кова-кочанан сугынъжым шукталын,

Поян йўла гычын поген вий-алым,

Куатле шочмо мланым йёрлаталын,

Кугу Ош Юмылан чолган кумалын [\[6, с. 136\]](#)

(Живет в глубине красивой природы народ,

Исполняя заветы предков,

Набирая силу из богатых обычаем,

Мощную родную землю любя,

Большому Белому Богу активно молясь [живёт. – Н. Л.]).

В религиозный контекст вставлено и упоминание о роще в стихотворении «Агавайрем годым» (Во время Агавайрема [Агавайрем – «праздник перед весенними полевыми работами». – См.: 4, с. 12]):

Поро тазалыкым шулыкым пу(ы)за.

Нур ото гай атыланыл илалын,

Нур куэ гай йолвалалт ошемалын, <...>

Ий гычын ийыш ашнаш йодына [6, с. 138–139]

(Доброго здоровья дайте.

Живя, развиваясь [букв. буйно рasti. – Н. Л.], как роща в поле,

Серёжками белея, как береза в поле, <...>

Просим содержать нас год от года)

О религиозном контексте образа свидетельствует, прежде всего, форма стихотворения: оно построено как молитва, обращение к семи языческим божествам плодородия, земли и силам природы, которые перечислены в первой строфе, с просьбой обильного урожая, защиты их трудов, а также радости, благополучия и здоровья домашнему скоту, членам семьи. Слово «ашнаш» (содержать) также из языческого лексикона мари; используемое в молитвенном тексте, оно имеет уже указанный нами глубокий смысл: народ под Богом, охраняемый и оберегаемый им. А сочетающееся со словом «роща» определение (*нур ото гай*) намекает на традиционное расположение священных рощ (в поле). Да и указание «Буйно рasti, как роща» для любого верующего имеет сакральный смысл: в священной роще все растет, цветет, благоухает, живет лучше, чем в обычной роще, ибо в нем живет божественное сознание, в нем все радует глаз особой, божественной силой и неимоверной красотой. Вспомним Сергея Чавайна, который именно об этом писал в своем стихотворении «Ото» (Роща):

Шога тудо ото кугу ер серыште.

Тушто ладыра деч ладыра пушенге күшкеш,

Тушто мотор деч мотор саска шочеш,

Тушто, ужар лышташ лонгаште, шүшпүк мур,

Тудо ото гыч ерышке яндар памаш йога.

Тушто шудыжат ужаргырак,

Тушто пеледышат сылнырак [18, с. 9]

(На берегу большого озера она.

Деревья там раскидистей раскидистых растут,

Цветы прекраснее прекраснейших цветут,

В густой листве там распевают соловьи,

Там к озеру, журча, ручей стремит струи.

Там и трава любой травы свежей,

Там и цветы любых цветов нежней [17].

Синтаксический, ритмический и композиционный строй стихотворения напоминает речь

марийских жрецов во время молений в священных рощах, содержит все компоненты языческой молитвы, расположенные в определённом порядке. Зоя Дудина усиливает эту речь за счет поэтических средств лиризма и экспрессии, направленных на выражение глубинной связи между живой и неживой природой, между богом и человеком:

*Кумыл ойнажым, ўлўл тўтыра,
Кўш кўзыктал, а тидечын вара
Йодын кумалымым, кўшўл тўтыра,
Ўлык волтен пу да йывыртыктал* [\[6, с. 139\]](#)

(Вдохновенные наши слова, нижний туман,
Подними на небеса, а потом
То, что просили, молясь, верхний туман,
Спусти вниз и подари радость).

Как видим, роща в лирике Зои Дудиной несёт в себе важную культурную информацию, отражает систему духовных ценностей марийского народа. «Согласно религиозным воззрениям мари, священная роща – место временного пребывания богов. Сюда они спускаются во время молений. Именно в священной роще мари общаются с богами, прося процветания для семьи, рода, народа; мира и взаимопонимания между народами; плодородия земли, изобилия хлеба, плодовитости скота и пчел, здоровья и благополучия», – пишет Л. А. Абукаева [\[2\]](#).

Религиозно-мифологический и этноценностный контекст имеет место и в стихотворении «Отышто ойлыашаш кумалтыш мут» (Молитвенные слова в роще) [\[6, с. 152\]](#), также написанном в форме молитвы. Само слово «ото» встречается в нем только в рамочном тексте (в заглавии), в основном же тексте представлена метонимия «онапу» (священное дерево как часть целого – священной рощи). В отличие от традиционной молитвы, в нём представлено обращение не только к богам, но и к национальным героям-богатырям (Чумбылату, Акпатыру, Болтушу), к которым лирическая героиня обращается с похожими просьбами – обеспечить добротную жизнь (*Поро илышым ме с□рвален йодынđ*. При этом и бога, и народ, с которым себя отождествляет, она называет белым (*ош марий калыкет, Ош марий улына*), подчеркивая природную его чистоту и причастность к божественному миру. В стихотворении присутствует не только образ священного дерева, но и все остальные атрибуты религиозного действия, связанного с рощей: угождения богу; жертвоприношение (*немыр подым сакен, / Т□сан комбо ден лудым тылат п□леклен* [\[6, с. 152\]](#) – подвесив котёл с кашей, / Принося тебе в дар тебе определенного цвета гуся и утку); переодевание в белое; произнесение молитвы на родном языке; серебряные свечи и т.д. Четко обозначен и смысловой алгоритм молитвы. Но просьбы сформулированы не только с помощью традиционно-народных изречений, обращенных к богу (*й□ным ыште илаш, тушман дечын утлаш, поро серлагышым пу, поро шулыкым пу, перке деке шке лук, поро илышым*), но и в виде индивидуально-авторских вкраплений, выражающих голос из современности, в результате чего к адресату-богу добавляются такие неожиданные для молитвенной формы адресаты, как родное слово и марийское жилище (дом с постройками), традиционная просьба дополняется актуальными для современного марийского мира (по)желаниями:

Түнэмбал кумдыкеш раш йонгальт, шочмо мут,
 Түнэмбал кумдыкеш чапланал, марий сурт <...>.
 Ты серлагыш пелен яндарештше уш-акыл,
 Шинчымаш дene илыже калык шўм-чон.

Тыршымаш дene толжо куатле мастерлык... [\[6, с. 152\]](#)

(Звучи в мировом пространстве, родное слово,
 Славься в мировом пространстве, марийское жилище <...>.
 Пусть рядом с этим хранителем просветляется разум,
 Пусть знаниями живет душа народа.
 Пусть через усердие придет мастерство...).

В пожеланиях выражены важнейшие ценностные устремления, которые в понимании автора, важны для развития этноса в настоящем и для его сохранения в будущем.

В стихотворении «Ош лумын ошыжо...» (Белизна снега...) образ рощи представлен непосредственно в варианте «күсoto» (мольбище, священная роща), который прямо ассоциирован с божественным светом и спасением:

А мүндирнö марий *күсoto*

Волгалт шога – йылт Пиямбар [\[6, с. 230\]](#)

(А вдали марийская священная роща
 Светится – словно Пророк).

В качестве эпиграфа к стихотворению неслучайно даны слова марийского поэта, драматурга и переводчика В. Абукаева-Эмгака: *Ала мый тиде йёршин мый омыл?* (Может, я – это вовсе не я?). Они выражают основную проблему стихотворения – это поиск себя, формирование себя как личности. Она отчетливо видна, когда к словам из эпиграфа, в почти неизменном виде повторенным в основном тексте стихотворения (*Ала мый – йоршинат мый омыл...*) Зоя Дудина добавляет выражение «*Талемын кдынь иланен?*» (Приживвшись возле друга?) и делает всё предложение вопросительным, призывающим читателя к размышлению. Поиск себя – это постоянное испытание на прочность (*Аланыш корно пеш агар* – Дорога до поляны очень коварная [букв. алчная, ненасытная; нахальная, грубая, наглая. – Н. Л.], преодоление себя и познание закономерностей и противоречий мира и его единства в них. Преодоление / познание одного явления – это необходимая ступенька к пониманию другого (контрастного) явления, к вознаграждению, это мощный способ саморазвития и самовоспитания:

Ош лумын ошыжым ом кел гын,
 Кенеж ужаргыжым ок пу.
 Ом жапле гын вўдшорын келгым,
 Шем шыжын шёртнышым ом му. <...>

*Пычкемыш рўпыштö – чон сoto,
Йўд вудакаште – ош яндар* [\[6, с. 230\]](#)

(Если не буду проходить по глубокому белому снегу,
Лето не даст свою зелень.
Если не уважу глубину половодья,
Не найду золото осени. <...>
В сплошной темноте – душевный свет,
В глубокой ночи – белая чистота).

В этом поиске себя некой путеводной звездой для Зои Дудиной уже в ранней ее лирике (стихотворение написано в 1998 году) становится традиционная вера мари со светлым образом священной рощи, поэтический текст автора уже был отмечен мифопоэтикой, что в полной мере проявится в последующем опыте поэта, в частности, в стихотворении «Мый тымык отышко толам...» (Я в тихую рощу приду...) (2005) и одноименном лирическом цикле, где данное стихотворение в идейном плане является ключевым [см. их анализ в статье: 8]. В стихотворении представлен архетипический сюжет пребывания в роще: лирическая героиня благодарно и с наслаждением совершает весь традиционный набор действий в священном тихом месте (обнимает раскидистое дерево, разговаривает с соловьем, родником, слушает растения, разговаривает с родником и т.д.), ощущая божественную красоту леса и свою неразрывную связь с богом, и возвышается к богу. Соприкосновение с рощей воспринимает как возможность сохраниться мари как уникальному этнос, как способ сохранить не только традиции, но и марийскую душу. Как раз в этом контексте автор вспоминает в своем стихотворении о Сергее Чавайне, также выражавшем свою любовь к роще и оставившем завет потомкам мари:

*Тыге ме **отым** йёратен,
Поэтын сугынъжым шуктен,
Марий чоннам аралена,*

Ош Юмылан тауштена [\[6, с. 146\]](#)

(Так рощу мы любя,
Исполняя завет поэта,
Храним марийский дух,
Благодарим Белого Бога).

Отсюда неслучайно Зоя Дудина в качестве эпиграфа к своему произведению выбрала начальный стих стихотворения Сергея Чавайна «Ото» (Роща) (1905), в котором звучит завет поэта-классика:

*Тудо **отым** мый йёратем,
Тушто пушенгे руышым мый вурсем* [\[18, с. 10\]](#)
(Ту рощу я люблю,

Того, кто рубит там деревья, ругаю я).

В свой лирический цикл «Я в тихую рощу приду» Зоя Дудина включила кантату «Күсotto» (Священная роща) (музыку к ней написал марийский композитор Сергей Маков), в которой роща – это и место лирического действия, и предмет размышлений автора.

Ош Кугу Юмо!

Күсотышко толын уло марий калыкет.

Йодына:

Полшо илаш мыланна Онар семын.

Тые кодет гын,

Ме йылт йомына [6, с. 168]

(Белый Большой Бог!

В рощу пришёл весь твой марийский народ.

Просим:

Помоги жить нам, как Онар.

Если ты оставишь,

Мы совсем пропадём).

Отталкиваясь от образа рощи, автор размышляет и о марийской вере, в целом, и о судьбе народа, и о своей собственной судьбе в единстве с богом. Вера – это духовная опора лирической героини и её родного народа.

Итак, на основе структурно-семантического анализа лирических текстов, включенных в поэтический сборник «Обрадовалась, обняв берёзу...») и содержащих мифopoэтический образ рощи, мы доказали, что в лирике Зои Дудиной воссоздается многогранный образ марийской священной рощи; центральное место в нем отведено этнозначимому и сакральному содержанию и мифopoэтике, что не ограничивает автора в выражении и индивидуально-творческих устремлений, в утверждении универсальных ценностей. Роща для лирической героини Зои Дудиной – это символ надежды, духовно-нравственной опоры, спасения души и сохранения народа марии.

Библиография

1. Абукаева Л. А. Концепт күсoto / ото 'священная роща' в марийской лингвокультуре // Финно-угроведение. 2022. № 1(63). С. 5-18. DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_01. EDN YVZLAV
2. Абукаева Л. А. Концепт күсoto 'священная роща' в системе марийских табу // Функциональная грамматика: теория и практика: сб. науч. статей по итогам Всерос. с между. участием науч.-практ. конф., посв. 70-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Л. Н. Оркиной (Чебоксары, 25 февраля 2021 года). Чебоксары: Чув. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковleva, 2021. С. 400-405. EDN CUSORL
3. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: коллективная монография / Мар. гос. ун-т; Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева, Г. Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. 353 с. EDN IDOLVU

4. Васильев В.М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марла-рушла мутер. Марийско-русский словарь: Около 20 000 слов с приложением краткого грамматического очерка марийского языка. 2-е изд. с измен. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.
5. Герасимов О. М. Марийская традиционная религия (язычество) и творчество Сергея Макова (кантата «күсөто» и воплощение в ней национальной традиции) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4. С. 108–112. EDN YLQDWU
6. Дудина З. Кум томан ойпого. Икымше том: Куанышым, куэм ёндал. – Йошкар-Ола: «Марий Эл» газета» ООО, 2012. – 464 с.
7. Кудрявцева Р. А. Аксиологическая парадигма марийской литературы: состояние и горизонты научного изучения проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1 (57). С. 25–29. EDN VKNUHX
8. Кудрявцева Р. А., Беляева Т. Н. Символика языческого мира в современной марийской женской поэзии (на примере лирического цикла З. Дудиной «Я в тихую рощу приду») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63). Ч. 3. С. 31–37. EDN WKDWXT
9. Любимов Н. И. В Марий Эл назвали слово года на марийском языке // Кидшер [сайт]. URL: <https://kidsher.ru/ru/news/41818> (дата обращения: 01.07.2023).
10. Любимов Н. И. Мифopoэтический образ серебра в философской лирике Зои Дудиной // Филология: научные исследования. 2021. № 7. С. 73–83. DOI 10.7256/2454-0749.2021.7.36066. EDN LLTDGZ
11. Любимов Н.И. Символика природных образов в лирике З. Дудиной // Litera. 2022. № 8. С. 271–282. EDN VPLPLQ
12. Манаева-Чеснокова С. П. Драматизм поэзии Зои Дудиной // Манаева-Чеснокова С. П. Художественный мир марийской поэзии: монография / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2004. – С. 170–185.
13. Рублев С. И., Алексеев И. А., Иванов А. А. Священные рощи северо-востока Республики Марий Эл: санитарное состояние, природоохранные и правовые аспекты / Поволжский гос. технол. ун-т; под общ. ред. С. И. Рублёва. – Йошкар-Ола, 2022. – 228 с.
14. Саберов Р. А. «Место силы» в марийской религиозной традиции // Colloquium Heptaploides. 2014. № 1. С. 136–141. EDN TJWIKL
15. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [сайт]. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 01.07.2023).
16. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности / Мар. гос. ун-т; Р. А. Кудрявцева, Н. Н. Старыгина, Н. И. Любимов и др. Йошкар-Ола, 2022. 181 с. EDN TOHSQG
17. Чавайн С. Роща / пер. с марийского А. Казакова // URL: <https://www.stihi.ru/2017/08/07/7434> (дата обращения: 01.07.2023).
18. Чоткар патыр. Сергей Чавайн: палыме да палыдыме: почеламут, поэмe, пьесe, статья, шарнымаш / Г.З. Зайниев ямдылен. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2013. – 240 с.
19. Чемышев Э. В. Традиционные марийские верования на рубеже XX–XXI вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1(57). С. 109–119. EDN ZMWGYH
20. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник Вселенной... Система пейзажных образов в

- русской поэзии. – М.: Высш. Шк., 1990. – 303 с.
21. Kudryavtseva R/, Belyaeva T., Antonov Ju. Value opposition in the structure of the modern story of the volga region (on the material of the mari, chuvash and tatar literatures) // *Abstracts & Proceedings of INTCESS 2019 – 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019 – Dubai, UAE / International Organization Center of Academic Research (OCERINT). Dubai, 2019. PP. 411–416. URL: http://www.acerints.org/intcess19_e-publication/papers/258.pdf (дата обращения: 01.07.2023). EDN VXWFZ*

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Марийская священная роща представляет интерес для исследователей разных гуманитарных наук: истории, лингвистики, религиоведения, этнографии, экологии, культурологии, собственно филологии. Некий культ данной номинации отрицать действительно сложно, причем «слово «роща» 21 февраля 2023 года, в Международный день родного языка, в рамках культурно-просветительского проекта «Наше слово» было объявлено в Республике Марий Эл словом года». Автор рецензируемой статьи пытается систематизировать имеющийся блок данных для определения аксиологический роли «образа рощи» в лирике Зои Дудиной, а также верифицировать собственную точку зрения с опорой на теоретико-культурологический базис. Работа продумана, выбранная литературная основа интересна, мало исследована с указанной методологической стороны, поэтому материал нов, актуален, интересен. Как отмечает автор данного труда, «цель статьи – выявить этноценностные смысловые составляющие мифопоэтического образа рощи в лирике Зои Дудиной и способы их художественного воплощения. Материалом исследования стали стихотворения, вошедшие в ее сборник «Куанышым, куэм □ндал...» (Обрадовалась, обняв берёзу...) (2012), который впервые рассматривается в вышеуказанном научном ракурсе». Замечу, что тема раскрывается полновесно на протяжении всего сочинения, примеры, аналитический блоки, рецептивный пласт все органично совмещается в единое нарративное полотно. Стиль данной статьи имеет явные приметы научного типа речи: «образ рощи в сборнике Зои Дудиной «Обрадовалась, обняв берёзу» в первый раз появляется в стихотворении «Аралтыш» (Оберег), написанном в июле 2004 года и в котором в качестве эпиграфа использована фраза, имеющая бытование в народной среде: Марий калыкым Юмо арален коден (Марийский народ сохранен Богом). Эта фраза многое проясняет в этнокультурном коде народа мари, который смог сохранить свою традиционную веру и сохранил сам себя, свою самобытность благодаря этой вере и особой божественной благодати», или «этнозначимость веры максимально усиlena в последней строфе, возвращающей читателя к началу стихотворения, и создается кольцевое обрамление, основанное не только на единой синтаксической и стиховой организации текста, на буквальном повторе трех стихов из четырех, но и на мотиве божественной защиты. Но если в начале стихотворения в различающемся стихе автор говорит о защитной силе священной рощи, используя местоименный субъект (мыланна), отмечая то, что эта защита на всю жизнь, то в конце стихотворения Зоя Дудина акцентирует внимание на том, что она направлена на народ мари и что она надежна (Марий-влаклан □шанле аралтыш). Таким образом, с помощью образа рощи автор провозглашает и актуализирует иерархию этноценностных установок в жизни народа: уважение и верность традициям, почитание Бога со стороны

народа и максимальная защита народа со стороны Бога» и т.д. Материал может быть использован при изучении литературы народа Мари, национальной культуры республики Марий Эл. Хорошо, что примеры / иллюстративный фон дается и на языке оригинала, и в переводе: «Ила чевер п□рт□с ло□гасе калык, // Кова-кочанан сугынъжым шукталын, Поян й□ла гычын поген вий-алым, // Куатле шочмо мландым й□раталын, // Кугу Оι Юмылан чолган кумалын. (Живет в глубине красивой природы народ, // Исполняя заветы предков, // Набирая силу из богатых обычаев, // Мощную родную землю любя, // Большому Белому Богу активно молясь [живёт. – Н. Л.])» и т.д. Суждения объективны, точны, нарастание / усиление позиции исследователя порой достигается за счет некоего повтора, однако, это не мешает воспринимать текст целостно и объемно: «в стихотворении представлен архетипический сюжет пребывания в роще: лирическая героиня благодарно и с наслаждением совершает весь традиционный набор действий в священном тихом месте (обнимает раскидистое дерево, разговаривает с соловьем, родником, слушает растения, разговаривает с родником и т.д.), ощущая божественную красоту леса и свою неразрывную связь с богом, и возвышается к богу. Соприкосновение с рощей воспринимает как возможность сохраниться мари как уникальному этнос, как способ сохранить не только традиции, но и марийскую душу. Как раз в этом контексте автор вспоминает в своем стихотворении о Сергее Чавайне, также выражавшем свою любовь к роще и оставившем завет потомкам мари...». Основные части работы выверены, формальные требования издания учтены. Тема раскрыта, целевая составляющая работы достигнута: в финальном блоке автор отмечает, что «на основе структурно-семантического анализа лирических текстов, включенных в поэтический сборник «Обрадовалась, обняв берёзу...») и содержащих мифопоэтический образ рощи, мы доказали, что в лирике Зои Дудиной воссоздается многогранный образ марийской священной рощи; центральное место в нем отведено этнозначимому и сакральному содержанию и мифопоэтике, что не ограничивает автора в выражении и индивидуально-творческих устремлений, в утверждении универсальных ценностей. Роща для лирической героини Зои Дудиной – это символ надежды, духовно-нравственной опоры, спасения души и сохранения народа мари». Библиографический список объемен, его можно продуктивно использовать при написании тематически смежных работ; техническая правка текста излишня. Рекомендую статью «Образ рощи как средство выражения аксиологической концепции автора в лирике З. Дудиной» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ма Ж. — Метатекст как средство проявления языковой личности автора-повествователя в тексте мемуаров // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43565 EDN: TNNFFD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43565

Метатекст как средство проявления языковой личности автора-повествователя в тексте мемуаров

Ma Ju

ORCID: 0000-0003-4942-4093

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра Русский язык и русская литература, Шаньсийский университет

030006, Китай, Шаньси, г. Тайюнь, ул. Учэн, 92

✉ maruye2020@qq.com

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43565

EDN:

TNNFFD

Дата направления статьи в редакцию:

12-07-2023

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению языковой личности автора-повествователя в тексте мемуаров посредством используемых в нем метатекстовых средств. Предметом исследования являются языковые личности авторов отобранных нами двух мемуаров - К.К. Рокоссовский в мемуарах "Солдатский долг" и М.Т. Калашников в "Записках конструктора-оружейника". Объектами исследования являются метатекстовые средства, которые участвуют в структурной организации текста и отражают отношение автора к окружающему миру и своему повествованию. Автор уделяет особое внимание метатекстовым средствам с субъективной модальностью, в частности метасредствам с глаголами "говорить-сказать", "называть-назвать". Основными выводами проведенного исследования являются выявление метатекстовых средств, употребляемых в мемуарах как жанре и характерных для конкретного автора, определяемых его личностью, его деятельностью, характерами черты, переживаниями и т.д., и проявленные в этих средствах языковые личности авторов рассматриваемых мемуаров. Новизна исследования заключается в рассмотрении метатекстовых средств, употребляемых автором в повествовании от первого лица с учетом жанровых

особенностей мемуаров и индивидуальной реализации самого автора. Особым вкладом автора в исследование темы является выделение двух констант языковой личности автора текста мемуаров – константа логики в сообщении событий и константа присутствия автора-повествователя, большую роль в которых играют метатекстовые средства.

Ключевые слова:

метатекст, языковая личность, мемуары, субъективная модальность, автор-повествователь, индивидуальные особенности автора, Солдатский долг, Записки конструктора-оружейника, своя речь, чужая речь

Возрастающий интерес читателей и исследователей к повествованию от первого лица, в частности мемуарам как рассказам о прошлых событиях, участником или свидетелем которых был автор, определяется в значительной степени уникальностью личности автора, его саморефлексией, самоощущением и ощущением времени. В ходе создания мемуаров как специфической социально-антропологической деятельности возникает как свидетельствующее Я, так и сам акт свидетельствования [1]. Одним из первых ученых, обращающих внимание на изучение личности автора, является В.В. Виноградов, который считает, что личность отражается и в плане истории тесно связанных с развитием общества событий и изменений в личной жизни, и в плане развития творческой деятельности и мировоззрения самого автора [2, с. 34]. Лингвисты интересуются взаимодействием между текстом или дискурсом и стоящей за ним «языковой личностью», которая была введена в научный обиход Ю.Н. Кацулов [3, с. 3]. Такое «антропоцентрическое, автороцентрическое лингвистическое мышление» [4, с. 11] дает возможность познакомиться с определенной личностью через призму ее речевых произведений, анализ которых позволяет «реконструировать содержание мировоззрения личности [3, с. 6]. С.Е. Никитина отмечает, что главный признак языковой личности – это «наличие языкового сознания и языкового самосознания», причем если языковое сознание реализуется в вербальном поведении, то языковое самосознание – как в вербальном, так и в невербальном поведении с использованием метатекстовых средств [5, с. 35]. Так что метатекст выполняет функцию не только структурно организующую, но и автокомментирующую, т.е. функцию выражения субъективной модальности автора.

Таким образом, цель данной статьи заключается в изучении роли метатекстовых средств в выявлении личности автора-повествователя мемуаров, в которых восстанавливаются прошлые общественно значимые события и события из личной жизни автора. В качестве материалов выступают мемуары К.К. Рокоссовского «Солдатский долг» [6] с описанием конкретных сражений во время Великой Отечественной войны и М.Т. Калашникова «Записки конструктора-оружейника» [7], в большей степени ориентированные на становление и развитие творческой личности автора.

Рассмотрение личности автора-повествователя по целым его мемуаров, по нашему мнению, осуществляется в двух аспектах, или с учетом двух констант: а) константа логики в сообщении событий и б) константа присутствия автора-повествователя. Структурно-композиционный и содержательно-смысловый анализ отобранных нами мемуаров показывает, что различие в личности проявляется в представлении действительности (объективности) и выражении точки зрения (субъективности), а

различие в языковой личности – в логике, приеме представления действительности и использовании языковых средств для введения авторского отношения к окружающему миру и своему повествованию.

Первую константу можно изучить посредством информационной структуры на макротекстовом уровне – индивидуальная организация нарратива и взаимодействие разных дискурсивных пассажей текста мемуаров (секвентный, интродуктивный, фоновый, ретроспективный и объяснительный пассажи по В.А. Плунгяну [8, с. 20-21]). Повествование К. Рокоссовского является событийно концентрированным, а повествование М. Калашникова – индивидуализированным. Кроме деятельности, которой занимается автор и его социального статуса и роли, характеров черты, на основной характер повествования влияет и отрезок времени в мемуарах. Короткий отрезок времени мемуаров К. Рокоссовского (только четыре года войны) заставляет его сосредоточить внимание на сообщении действительности, так сохраняется мемуарный нарратив в нормативном виде. А длинный отрезок времени у М. Калашникова (до 90-х годов прошлого века) позволяет ему углубиться в саморефлексии, что определяет обилие в нарративе личной актуализации компонентов сообщения, например, включение живого разговора и масса информации о психологического состояния автора-персонажа. Но уже здесь широко используются метатекстовые средства, которые участвует в организации повествования, например, во введении ретроспективных и проспективных компонентов текста: **Возвращаясь вновь в 1940 год, скажу, что идея создания прибора захватила меня [6, с. 9]. Мы поблагодарили его за поддержку. Забегая вперед, уточню, что принятый позже на вооружение армии наш единый пулемет ПК более пяти лет, вплоть до его полной модернизации, обеспечивался треножным станком конструкции Саможенкова [7, с. 249].**

О присутствии автора-повествователя в мемуарах непосредственно свидетельствует использование метатекстовых вводных слов и конструкций, которые отражают отношение автора к высказыванию, его содержанию или форме, и позволяют вводить информацию в последовательнодвигающееся содержание. Именно этой группе метатекстовых средств, выполняющие автокомментирующую функцию будет уделено главное внимание в данной статье для исследования конкретной языковой личности.

Стоит отметить, что кроме специально выделенных нами двух констант, непосредственно связанных с информационной структурой текста в ее синтагматическом или парадигматическом плане, существуют и другие языковые явления, которые позволяют судить о языковой личности автора, например, использование простой синтаксической конструкции при изложении содержания распоряжения и т.п. у К. Рокоссовского свидетельствует о краткости и четкости речи военной личности, а метафоризация в языке Калашникова – об образности речи творческой личности.

И.А. Федорченко, рассматривая языковую личность академика В.В. Виноградова отмечает, что для исследования конкретной языковой личности необходимо акцентировать оценочность в употреблении метатекста, которая отражает аксиологические установки конгниции языковой личности. При таком подходе метатекст является средством оценки речи и субъективности и служит экспликатором языковой личности. Исследователь считает пригодной классификацию М.В. Ляпона, который рассматривает метатекст как оценка используемой словесной форме (способу вербализации) и делит метатекстовые элементы на четыре группы [9, 10]:

1. Метатекстовые элементы, с помощью которых говорящий фиксирует внимание на

семантике употребляемых им словесных знаков, оценивая их соответствие референту:

а) элементы, адекватно представляющие референт: *можно сказать, в буквальном/полном смысле слова и т.д.*;

б) элементы, неадекватно представляющие референт, подчеркивающие условность, относительность выбора словесной формы: *я бы сказал, мне кажется, я назвал бы и т.д.*;

2. Метатекстовые элементы, с помощью которых говорящий подчеркивает стандартность обозначения: *как говорят, как говориться, как принято говорить и т.д.*;

3. Метатекстовые элементы, с помощью которых говорящий указывает на индифферентность выбора языкового знака;

4. Метатекстовые элементы, предусматривающие восприятие слушающего: *читатель помнит и т.д.*

Третий тип (например, *назовите это как угодно*) не характерен для текстов К. Рокоссовского и М. Калашникова, это может объясняться тем, что создание мемуаров – это активное воспроизведение и представление прошлой действительности, автор стремится к точной и адекватной передачи информации и выражению мысли.

Все остальные типы метатекстовых элементов наблюдаются в текстах обеих мемуаров. Жанр мемуаров представляет собой некое макрообразование, в котором соединяются функционально-смысловые типы речи: повествование, описание, рассуждение; монологическая и диалогическая речь; официальный и неофициальный стили и т.д., так что этот жанр редко сталкивается с ограничением в использовании языковых средств, в том числе метатекстовых.

Среди метатекстовых элементов, с помощью которых автор подчеркивает стандартность обозначения можно выделить особые, помимо *как говорится, как говорят и т.п.*, характерные для автора-конструктора технического профиля. Мемуары М. Калашникова ориентированы на широкий круг адресатов, возможно не знающих специальных терминов данной области, так что часто используются такие метатекстовые средства: *Ковровцы стали разработчиками нового метода формообразования – путем выдавливания нарезов, или, говоря техническим языком, метода дорнирования* [\[7, с. 109\]](#). Мы подходили к отработке всех деталей, каждого узла очень внимательно, старались, чтобы они были, *как принято говорить у оружейников*, эргономически вылизаны, чтобы ничего лишнего оружие не имело [\[7, с. 216\]](#). В использовании этих метатекстов стандартность для оружейника является нестандартностью для читателя. Кроме этого, включение метатекста такого типа предусматривает восприятие читателя – впереди будет специальное, возможно непонятное обозначение. Это определяется индивидуальными особенностями М. Калашникова как специалиста, хорошо разбирающегося в своих делах и зрелого автора, который заботится о воспринимаемости читателя.

Стандартность обозначения иногда условна во времени, используя глагол в форме прошедшего времени и временной показатель, что характерно для мемуаров, посвященных прошлой действительности: *Он был, как говорилось тогда, «академиком»* [\[6, с. 61\]](#).

Использование последнего типа метатекстовых средств в жанре мемуарах тесно связано с двумя грамматическими категориями текста – ретроспекцией и проспекцией: *Может*

быть, читатель помнит ту дивизию московских ополченцев, с которой мы встретились, выходя из-под Вязьмы четыре месяца назад, и встали на позициях под Волоколамском [6, с. 126]. Мне, как увидит читатель, недолго пришлось командовать 9-м мехкорпусом в период войны [6, с. 7]. Установка автора на присутствие читателя отражается в наличии собственно слова читатель и использование глагола в форме третьего лица единственного числа. Но возможно еще употребление первого лица единственного или множественного числа, последнее приблизит автора и читателя и поставляет их в едином локально-временном пространстве, общем наблюдательном пункте: *К событиям в Варшаве я еще вернусь, а сейчас обратимся к борьбе, которую вели наши войска* [6, с. 308]. Метатекст данного типа с глаголом второго лица множественного числа типа *помните, увидите и т.п.* не характерен для рассматриваемых обеих мемуаров, что объясняется тем, что при написании письменного текста мемуаров, автор, предвосхищая присутствие читателя, представляет себе для читателя не столько как собеседника, сколько путеводителя по изображаемому миру в памяти.

Учет восприятия читателя у М. Калашникова проявлен более имплицитно, с помощью других типов метатекста (говоря техническим языком и т.д.).

Выше представлен только один из возможных подходов к изучению языковой личности с точки зрения использования метатекстовых средств. И.А. Федорченко на основе типологии М.В. Ляпона выделяет два референциальных метатекстовых элемента в языке работ В.В. Виноградова: а) метатекстовые элементы, «характеризующие отношение автора к выбору собственной номинации», вводя метафорические выражения; б) метатекстовые элементы, «характеризующие отношение автора к выбору номинации других» с выражением оценку научного направления [9, с. 148]. Данная классификация базируется на разделении своей и чужой речи, которое подходит для анализа метатекстовых средств в мемуарах К. Рокоссовского и М. Калашникова, но конечно, со своими индивидуальными и жанровыми особенностями.

Главное внимание в данной работе уделено метатекстовым средствам с глаголами *говорить-сказать, называть-назвать*, были отобраны 154 единиц, среди них 61 в текстах К. Рокоссовского (43 для введения собственной речи, 18 – чужой) и 93 в текстах М. Калашникова (70 – собственной, 23 – чужой). Рассмотрим сначала метатекстовые средства в текстах Рокоссовского.

1. Метатекстовые средства, вводящие свою речь.

В языке Рокоссовского существуют метасредства, характеризующие **отношение автора к собственной номинации и характеристики**, которая часто представлена в кавычках: *Фашистское командование нас «признало», если так можно сказать. Оно подтягивало и подтрягивало свои войска в район Ярцева, наносиломассированные удары авиацией по переправам и боевым порядкам нашей группы* [6, с. 40]. Употребление слова *признать*, имеющего значение выражения согласия является неуместным на первый взгляд, если так можно сказать отражает не категоричное отношение автора к отбору данного глагола. Но *признать* демонстрирует увеличенную силу советских войск перед противником, который все время пользовался преимуществом. А метафорическое описание военной тактики более наглядно и воспринимаемо для читателей: *Если бы этот маневр удался, получился бы так называемый слоеный пирог – окружение в окружении* [6, с. 179].

Метасредства данной группы часто привлекают внимание читателя на выделенную ними

авторскую оценку: надо/можно/нужно/должен сказать, иногда глагол сказать окрашен наречием или существительным в творительном падеже, например, можно смело сказать, надо прямо сказать, можно было с уверенностью сказать. В редких случаях глагол сказать употребляется в личной форме: я бы сказал, прямо скажем, откровенно скажу. Например, Отношение к военнопленным со стороны бойцов и командиров Красной Армии было поистине гуманным, я бы сказал больше – благородным [6, с. 206]. Слово больше показывает отношение автора к выбору прилагательного, которое отличается от гуманный степенью характеристики.

Оценка может быть положительной и отрицательной, при выражении отрицательной оценки часто добавляется вспомогательное метасредство для смягчения категоричности и отражает ответственную личность командующего, который считает необходимым высказать свое мнение: Откровенно говоря, такие операции, можно сказать, местного значения, проводившиеся оторванно от общих на отдельных армейских участках, никогда себя не оправдывали и влекли за собой значительные потери [6, с. 125].

Отдельно выделяем **анализ силы или позиции противника:** Надо сказать, что немецко-фашистское командование стало все чаще допускать просчеты. Вот и сейчас оно не разобралось вовремя в обстановке и не успело парировать удар [6, с. 259].

Рассуждение автора часто носит итоговый характер, так что употребляются метасредства с глаголом сказать для **введения заключительного комментария:** Подведя итог, можно сказать, что группа фронтов под руководством Ставки блестяще осуществила Белорусскую операцию [6, с. 302]. Подведя итог указывает на итоговый статус последующего высказывания. Здесь, как уже проанализировано выше, тесно совмещены оценка и действительность.

Наконец хотим отметить еще одни штрихи: Рокоссовский не человек, который любит хвастаться своей заслугой, но он и не скрывает факт своих усилий: Надо сказать, что и эти четыре дня отсрочки мы получили только после того, как я раскрыл все трудности, которые стояли перед нами [6, с. 372].

2. Метатекстовые средства, вводящие речь других.

Данную функцию выполняются прежде всего **так называемый и как говорят/говорится**, которые могут характеризовать **номинацию противника:** Операция вышла суженной, поскольку все внимание и значительные силы были отвлечены на так называемую группу Манштейна [6, с. 217]. Пытаясь задержать их, немецко-фашистское командование выдвинуло сюда свежие резервы – так называемую боевую группу «Ост-Зее», одну из офицерских школ и 1-ю дивизию морской пехоты [6, с. 388]. Но здесь отсутствует ярко выраженная отрицательное отношение к противнику.

Так называемый часто передает **отрицательную оценку автора**, что особо характерно в начальной части мемуаров, когда армия была плохо обеспечена и страдала из-за недоучета Ставки, либо были приняты не логичные стратегии и тактики: Совершив в первый день 50-километровый переход, основная часть корпуса, представлявшая собой пехоту, выбилась совершенно из сил и потеряла всякую боеспособность. <...> Это обстоятельство вынудило сократить переходы для пехоты до 30–35 км, что повлекло за собой замедление и выдвижение вперед 35-й и 20-й так называемых танковых дивизий [6, с. 12]. Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячеекной системе [6, с. 48]. Метасредство так называемый в приведенных

примерах отражает неодобрительное, даже ироничное отношение автора к номинации.

Метатекстовые средства вводят и **общепринятую номинацию**, обозначающую человека, войска, военное событие т.д., например, В конце декабря началась так называемая Житомирско-Бердичевская наступательная операция [6, с. 278]. Среди них прежде всего хочется выделить начальника штаба тридцатидевятилетнего генерал-майора Алексея Гавриловича Маслова. Он был, как говорилось тогда, «академиком» (то есть закончил академию имени М.В. Фрунзе) [6, с. 6]. Номинация представлена в кавычках, а после нее – дополнительное объяснение в скобках.

Использование фразеологизмов (в широком понимании этого термина) в мемуарах Рокоссовского является не частотным, они включаются в речь автора с помощью метасредств как говорят, как говорится и т.д.: В числе этих товарищей был подполковник Сергей Павлович Тарасов. Он стал начальником нашего импровизированного штаба, он же возглавил и оперативный отдел. Как говорят, «и швец, и жнец...» [6, с. 37]. Фразеологизм употребляется для образной и адекватной характеристики описываемого человека или предмета.

Следует отметить, глагол сказать в этих случаях может быть замен другими глаголами, в частности объяснить, заметить, не умолчать и т.д.: Нужно заметить, что к этому времени, о котором упоминаю, с информацией войск о положении на фронте дело обстояло из рук вон плохо [6, с. 27].

Теперь обращаем внимание на метатекстовые средства в текстах М. Калашникова. Сразу отмечаем, М. Калашников в своих записках предпочитает использовать глаголы сказать, назвать в личной форме (вместо можно сказать употребляется могу сказать) или добавить глагол в личной форме, который отражает модус говорения (не боюсь сказать). Среди 94 отобранных нами единиц 54 – в личной форме.

1. Метатекстовые средства, вводящие собственную речь.

М. Калашников больше желает дать **собственную номинацию и характеристики**, чем К. Рокоссовский. Для этого употребляются такие метасредства, как как я их называю, скажем так, я их называю, я назвал бы. Например, И здесь произошел, скажем так, незапланированный прокол [7, с. 104]. Можно понять молодых специалистов: они еще в институте настраивались сказать свое, неповторимое слово в конструировании. А то, что существует практический, я назвал бы его, алфавит - эскизы, чертежи, детализировка механизмов, узлов, переключение на конструирование несложных деталей, изготовление, сборка, отладка их в опытном цехе, испытания в тире, - у некоторых как-то не укладывается в голове [7, с. 222-223]. Алфавит – это совокупность букв, которые являются базой определенного языка. В данной случае метафорическая номинация автора передает мысль о том, что перечисленные аспекты (эскизы, чертежи и т.п.) необходимы для становления и развития конструкторской личности с укрепленной основой знаний и умений.

Отношение автора к своей речи можно классифицировать по модальности **уверенности/неуверенности** в свое изложение, или адекватности/неадекватности выражения. Употребляются метасредства, выражающие утвердительное отношение: могу сказать, можно смело/со всей ответственностью сказать, точнее сказать, и метасредства, выражающие неадекватность выражения: не могу сказать, недостаточно сказать. Например, Можно смело сказать, что именно работа на полигоне дала Николаю Михайловичу путевку в большую конструкторскую жизнь. Он стал одним из ведущих

конструкторов авиационного вооружения [7, с. 86]. Если сказать, что меня охватила тогда радости, этого, наверное, будет недостаточно. Я словно крылья обрел. Хотелось петь [7, с. 41].

Другой парой является оппозиция **краткость и подробность изложения**, которые осуществлены метасредствами с глаголами говорить-сказать с дополнительным модусом, например: не вдаваясь в подробность, скажу..., Не стану их перечислять. Скажу лишь..., есть необходимость сказать подробнее об этой заводе и т.д.

В записках М. Калашникова **иллюстрация** вводится в текст словом скажем: Полковник В. В. Глухов не случайно говорил об умении заводчан оперативно маневрировать в ходе производства. <...> Вот, скажем, получив задание на изготовление противотанковых ружей в ноябре 1941 года, завод наладил выпуск ПТРД уже в конце месяца, а ружье ПТРС - во второй половине декабря того же года [7, с. 147].

Метатекстовые средства передают **авторскую оценку**, причем одно и то же метасредство может носить разные тональности в разных ситуациях, в качестве примера рассмотрим прямо скажем: В своей публикации, очевидно, желая как-то «поярче» показать характер профессора, он (журналист – Ж.М.), прямо скажем, искал образ Благонравова [7, с. 45]. Прямо скажем отражает отрицательное отношение автора к искашению журналиста, он считает необходимым высказать факт, вскрытие которого может быть неприятным для некоторых людей (но автор не указывает на фамилию данного журналиста, сохранив пощаду). А в следующем примере чувствуется положительное отношение, точнее сказать,уважение автора к заслугой завода перед Родиной во время войны: Так что Так что считаю, есть необходимость сказать, подробнее об этом заводе, дать несколько штрихов из его, прямо скажем, боевой биографии [7, с. 108-109].

2. Метатекстовые средства, вводящие речь других.

По принадлежности речи можно выделить следующие: а) к **отдельному человеку**: «вечно предпоследнем», как назвал меня старшина роты (М.К.: 7); б) к **коллективу, в котором участвует автор**: У нас в КБ есть, можно сказать, постоянно действующая выставка. Мы ее называем коллекцией оружия наших и зарубежных образцов [7, с. 142]; в) к **специализированному коллективу**: осуществлялась так называемая расцеховка [7, с. 188]; г) **ко всему**, не зависимо от сферы деятельности: Барышев, как говорится, без отрыва от научной работы продолжал конструировать [7, с. 90]. Сюда относим и введения фразеологизмы: Баллистика для меня являлась еще, можно сказать, тайной за семью замками [7, с. 92].

Как К. Рокоссовский, М. Калашников тоже использует заметить, отметить, не умолчать для замены глаголов сказать. Но в текстах М. Калашникова к этому разряду относятся и глаголы рассказать и написать: мне хочется рассказать подробнее об этом конструкторе [7, с. 151]. Еще об одной встрече не могу не написать [7, с. 288]. Два глагола характеризуют автора как рассказчика и пишущего и текст как повествовательный жанр и письменную речь. В этих метасредствах проявляется сильное стремление автора к дальнейшему повествованию, в первом это реализовано посредством безличное предложение, а во втором – двойное отрижение.

Следует отметить еще одно графическое метатекстовое средство – скобка, которое

наблюдается в обеих мемуарах. Иногда рассмотренные метасредства с глаголами сказать и назвать расположены в скобках, например, Делалось все, что было в пределах наших сил и прав <...> К сожалению, в гражданских организациях этому вопросу не уделяли должного внимания. (Скажу сразу: в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся с 22 июня в приграничной зоне, 9-й межкорпус не получил ни одной машины из приписанных по плану мобилизации; она, кстати, была объявлена уже в момент выступления корпуса в боевой поход.) [6, с. 9] И Судаев стремительно врывается (иначе это и не назовешь) в ряды конструкторов-оружейников [7, с. 72]. Цель скобки состоит в введении в текст дополнительную информацию (объяснение, уточнение, оценку, выражение психологического состояния и т.д.) при минимального прерывания последовательности повествования.

Таким образом, наблюдение за метатекстом, содержащим в себе субъективную модальность позволяет судить об особенностях индивидуальной личности автора и жанра его произведения. Метатекстовые средства, вводящие свою и чужую речь, служат для выражения авторского отношения к окружающей действительности и отобранных им языковых средств, включения своей оценки в сообщения о событиях, сближения с читателем и облегчения его восприятия, и тем самым, проявления языковой личности автор-повествователя.

Библиография

1. Аникудимова Е., Швец А. Личное повествование как проблема [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/3/lichnoe-povestvovanie-kak-problema.html>
2. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. 613 с.
3. Карапулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
4. Копытов О.Н. Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 11-14.
5. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 34-40.
6. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Вече, 2015. 400 с.
7. Калашников М.Т. Записки конструктора-оружейника. М.: Военное издательство, 1992. 300 с.
8. Плунгян В.А. Предисловие. Дискурс и грамматика // Исследование по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Ред. В.А. Плунгян, В.Ю. Гусеев, А.Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. С. 7-34.
9. Федорченко И.А. Метафорическая и метатекстовая константа языковой личности академика В.В. Виноградова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 23 с.
10. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. М., 1986. 199 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Метатекст как средства проявления языковой личности автора-повествователя в тексте мемуаров», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду повышения интереса как к исследованию метатекста, так и к изучению особенностей реализации личности автора в произведения, феномену языковой личности. Кроме того, феномен языковой личности как предмет изучения языкоznания признается не всеми учеными, поэтому данная статья вносит определенный вклад в упрочнение теоретических основ лингвистического изучения данного феномена.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Практическим материалом являются мемуары К.К. Рокоссовского «Солдатский долг» с описанием конкретных сражений во время Великой Отечественной войны и М.Т. Калашникова «Записки конструктора-оружейника», в большей степени ориентированные на становление и развитие творческой личности автора. Текстовыми фрагментами из данных произведений иллюстрированы теоретические положения в статье.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование (всего 6 строк!!!). Выводы требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает всего 10 источников исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу. Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации усилило бы теоретическую составляющую исследования.

При оформлении библиографии нарушены принципы ГОСТа, а именно алфавитный порядок выстраивания источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Метатекст как средства проявления языковой личности автора-повествователя в тексте мемуаров» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чаплик В.А. — Некоторые лексикологические особенности современной франкоязычной прессы // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43567 EDN: TNRSTR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43567

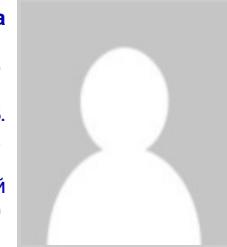
Некоторые лексикологические особенности современной франкоязычной прессы

Чаплик Варвара Андреевна

ORCID: 0000-0002-9416-8933

аспирант филологического факультета, кафедра французского языкознания, МГУ им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, ГСП-1, оф. 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)

✉ varvaratarapova@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43567

EDN:

TNRSTR

Дата направления статьи в редакцию:

12-07-2023

Аннотация: В работе анализируются актуальные тенденции политического и общественного дискурса современного французского языка. Предметом проведенного на материале франкоязычных изданий исследования являются лексические инновации, встречающиеся в языковом материале современной франкоязычной прессы. В ходе исследования рассматриваются наиболее интересные случаи эпонимических и телескопических новообразований от имен собственных: фамилий известных деятелей и названий общественных и политических организаций. Основной фокус предлагаемой работы направлен на словообразовательный и семантический аспекты таких неологизмов, а также на анализ случаев реального употребления самых частотных примеров данного типа лексических новообразований, в том числе с помощью платформы статистических данных Néouveille. Материал исследования был отобран путем сплошной выборки на основе анализа текстов известных периодических франкоязычных печатных изданий и медиа в период с 2016 по 2023 год, что обуславливает актуальность исследования и дает возможность рассмотрения французского языка в его развитии. Приведенные в работе результаты исследования позволяют констатировать широкую

распространенность эпонимических неологизмов в политическом и социальном франкоязычном дискурсе, определить распространенные словообразовательные механизмы, а также отследить случаи реального использования этих лексических образований в языке прессы (от самого раннего до самого позднего), а также в ходе значимых социальных событий.

Ключевые слова:

неология, лексикология, словообразование, телескопия, эпонимия, игра слов, франкоязычная пресса, языковая экспрессивность, корпус, суффиксация

Одной из имманентных характеристик современной франкоязычной прессы является актуальность ее дискурса, которая проявляется не только в затрагиваемых темах, но и в использовании новых форм выражения, игры слов и неологизмов. Известный французский социолингвист Марина Ягелло (Marina Yaguello) объясняет эту зависимость экспрессивным и игровым потенциалом неологизма: «*le néologisme est souvent un moyen économique de répondre à des besoins spécifiques, parfois éphémères, de la communication* [\[10, p.68\]](#).

В нашей статье рассматривается морфологический и семантический аспект этих лексических нововведений, а также предлагается исследование на базе особенно интересных случаев эпонимических и телескопических образований, созданных на основе имен заметных политических и общественных деятелей и организаций. Материал нашего исследования был отобран путем сплошной выборки на основе анализа текстов периодических франкоязычных печатных изданий в период с 2016 по 2023 год: BFM TV, Courrier International, Marianne, Nouvel Observateur, La Croix, Le Canard Enchaîné, L'Express, L'Humanité, Le Monde, Le Parisien, Le Point, Le Progrès, Le Figaro и некоторых других.

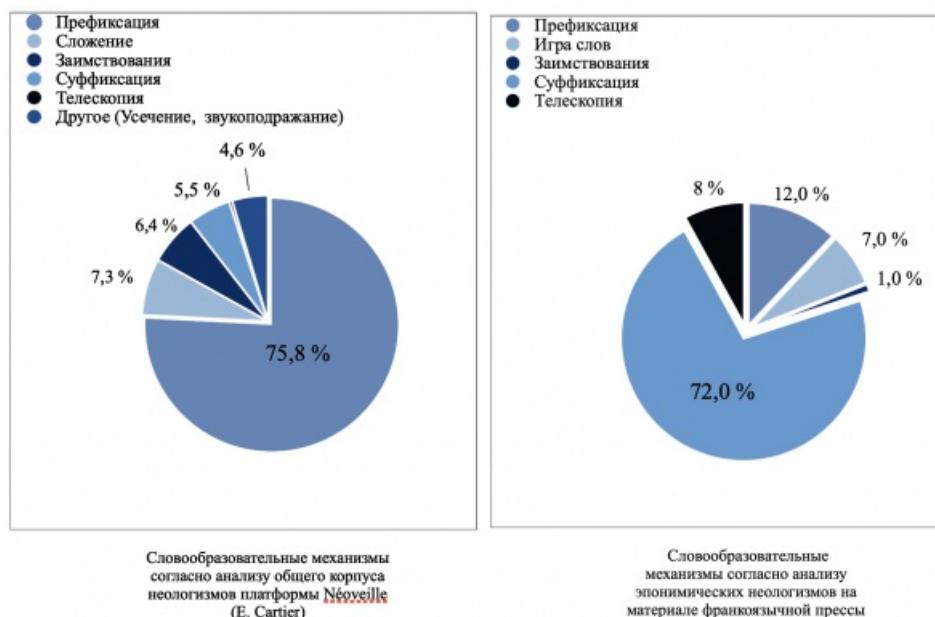
Совокупность отобранных нами неологических образований была также проанализирована с помощью платформы Néoveille университета Sorbonne-Paris-Cité.

Проект Néoveille (само название данной платформы представляет собой телескопический неологизм: *néo(logisme) + veille*) был создан в рамках совместного международного исследования статистического метода машинного обучения к обнаружению формальных неологизмов в современном французском языке. Целью проекта было создание многоязычной (на данный момент система позволяет работать с материалами на английском, немецком, китайском, греческом, русском, польском и чешском языках) платформы для поиска, обнаружения и, самое важное, отслеживания использования неологизмов в рамках объемных динамичных корпусов прессы с помощью внедрения алгоритмов для автоматического обнаружения неологических форм, а также заимствований, и их функционирования. Создатели платформы оперировали тремя основными видами неологических образований: формальными, морфологическими и семантическими (или контекстуальными) неологизмами. Как подчеркивают исследователи и авторы проекта (E. Cartier, J.-F. Sablayrolles, N. Boutmgharine, J. Humbley, C. Jacquet-Pfau, G. Tallarico и другие), последний тип ранее не использовался в качестве категории анализа неологизмов в рамках языковой системы в целом и предоставляет возможность анализа семантического контекста новых слов. Так, по результатам работы платформы исследователи пришли к заключению, что формальные признаки неологизма могут быть полезны в первую очередь для задач общей

классификации, в то время как морфологические и семантические признаки лучше справляются с задачей собственно определения неологических форм.

Фокус нашего исследования в первую очередь направлен на морфологический и семантический аспект этих лексических нововведений, а также предлагает к изучению примеры на базе экономической и политической тематик, многие из которых связаны с именами современных французских и других известных политических деятелей. Наш анализ направлен в том числе на определение функции такого рода неологизмов в журналистском дискурсе, а также о перспективах их включения в стандартный лексикон.

{График}

Как уже говорилось выше, характерной чертой фамилий и/или наименований, которые служат основой для формирования анализируемых единиц, является определенная известность в культурном коде данного сообщества. Так, в исследуемом нами материале часто используются фамилии как французских (*Mélenchon* > *mélenchonisme*, *Chirac* > *Chiraquisme*, *Le Maire* > *lemairiste*), так и иностранных политиков (*Trump* > *trumpiste*, *Assad* > *anti-assad*). Характерно, что политическая тематика с одной стороны, ограничивает набор основных имен собственных, но в то же время фамилия любого политического и/или общественного деятеля может при необходимости стать основой для лексических новообразований. При этом продолжительность использования в речи полученных таким образом лексем различна и, по сути, напрямую зависит от экстраграмматических факторов: некоторые элементы могут закрепиться в языке, тогда как большая часть из них достаточно быстро выходят из употребления. Но именно последние, ввиду своей выразительности, являются наиболее распространенными. Что касается распределения по частям речи, понятие эпонимическая неология применимо в первую очередь к именам существительным (например, *macronisation*, *macronade*, *macronie*), прилагательным (например, *macronien*, *trumpiste*, *trumpien*) и глаголам (*balladuriser*, *obamatiser*, *trumpiser*, *jean-mariser*).

Следует отметить также некоторую специфичность словообразовательных механизмов, свойственных эпонимическим неологизмам. Согласно результатам исследования корпуса Néouveille [3], наиболее продуктивными оказываются механизмы префиксации (75,8%), тогда как большинство эпонимических неологизмов из текстов политической тематики, согласно нашему исследованию, образуются при помощи суффиксации (72%).

Так, самыми продуктивными суффиксами среди обнаруженных нами примеров оказались:

— *-iser* для глагольных неологизмов. Например^[11]:

- ***talibaniser*** > 20 контекстов использования, «[...] qui **talibanise** en couleurs la parole et l'air ambiant. Car autant s'adapter» (*Agora Vox* 12.06.2021), «L'Iran **se talibanise-t-il** ?» (*Styles* 14.03.23).

- ***se trumpiser*** > 15 контекстов, «Le concept a d'ailleurs été repris par Manuel Valls en début d'année, qui accusait la droite de **se trumpiser**» (*Le Parisien* 09.11.16), «Reste à savoir si à force de **se trumpiser**, ils ne risquent pas de s'aliéner les électeurs modérés qui leur préfèreront un démocrate en novembre» (*L'Express* 15.05.22);

- **(se) balladuriser** > 7 контекстов, «il est sur une position de deuxième tour de l'élection présidentielle, il se balladurise» (*LCP* 16.06.16), «[...] voudra pousser son raisonnement et balladuriser Juppé [...]» (*Le Progrès* 04.11.2016);

— *-isme, -(a)tion, -âtre, -phile, -ade, -phobie* для имен существительных:

- ***macronisme*** > 50 контекстов, «La droite n'est pas soluble dans le **macronisme**» (*France Soir* 05.09. 18), «[...] le socialiste converti au **macronisme** François Rebsamen a voté pour faire battre [...]» (*Le Figaro* 26.01.23);

- ***hollandisme*** > 49 контекстов, «Jean-Christophe Cambadélis, l'homme gauche du **hollandisme**» (*L'Express* 25.04.16), «ce déçu du **hollandisme** a auparavant été longtemps directeur du cabinet de Bertrand Delanoë, [...]» (*Le Monde* 11.07.22);

- ***macronisation / macronisable*** > 43 контекста, «Le militant du rail fustige une **macronisation** des transports» (*Midi Libre* 25.09.16), «Ils ne savent plus trop s'ils sont **macronisés, macronisables** ou en voie de **macronisation**[...] » (*Le Huffington Post* 25.10.22);

- ***talibanisation*** > 15, «La **talibanisation** du pays est presque achevée» (*Le Huffington Post* 11.15.22), «Des hommes et des femmes très liés aux religieux ultra-conservateurs, et qui n'agissent jamais seuls. Tout ça, à mon sens, va de pair avec la **talibanisation** du pouvoir depuis ces dernières années» (*Elle* 16.03.23).

- ***sarkolâtre*** > 27 контекстов, «Les **sarkolâtres**, empêtré dans leur haine de holland, divisent le monde en 2 [...]» (*Le Journal du dimanche* 02.05.16), «[...]même **sarkolâtre** en 2007, avant de " se fâcher " avec la politique, trop " cynique " à son goût [...]» (*Le Point* 25.04.17);

- ***Macronophile*** > 6, «[...]attraction croissante sur les **macronophiles** de droite, qui regagneront progressivement ses rangs» (*Nouvel Observateur* 12.06.17), «Les **macronophiles**, mélanchophiles, jadeauphiles et lepenophiles d'aujourd'hui sont [...]» (*Agora Vox* 01.07.22);

- ***macronophobie*** > 1, «Premier ministre, il s'acharne sur Twitter contre Emmanuel Macron, au point d'être accusé de **macronophobie**» (*Nouvel Observateur* 20.04.17);

— *-(i)ste* для имен прилагательных:

- ***sarkozyste*** > 49 контекстов, «Autre candidat **sarkozyste** à l'investiture, dans le Nord Vienne, Romain Bonnet acquiesce [...]» (*La Nouvelle République* 20.09.16); «l'ancien

ministre **sarkozyste** Éric Woerth apporte son soutien à l'actuel président Emmanuel Macron [...]» (*BFM TV* 09.02.2022);

- **trumpiste** > 36 контекстов, «Bientôt un groupe de médias **trumpistes** ?» (*Libération* 07.01.21), «Problème: cela avait rendu hysteriques les **trumpistes**, cœur de l'audience de la chaîne» (*L'Humanité* 10.03.23);

- **mairiste** > 5 контекстов, «[...]Sarkozystes, Le **Mairistes**, Fillonistes, Copéistes espèrent se rappeler au bon souvenir de leur favori s'il accède à une [...]» (*L'Indépendant* 14.10.16), «Si vous regardez les signataires, il y a des Sarkozystes, des **Le Mairistes**, des Juppéistes [...]» (*20 Minutes* 03.03.17).

Также в нашем исследовании мы можем констатировать и достаточно высокую продуктивность механизма префиксации. Для эпонимических неологизмов в нашем корпусе самыми частотными были префиксы *anti-* , *pro-* , *post-* , *ultra-* для прилагательных и (реже) для существительных:

- **anti-Macron** > 47 контекстов, «François Bayrou, l'arme **anti-Macron** du candidat Fillon ?» (*Nouvel Observateur* 18.01.17), «Marine Le Pen cherche à faire échec au " front républicain ", actionné en 2002 contre son père puis en 2017 contre elle-même pour faire barrage à l'extrême droite, et plaide pour un "front anti-Macron" dimanche» (*Charente Libre* 24.04.2022);

- **anti-Trump** > 48 контекстов, «Dans la journée de vendredi, la tension était montée dans la ville de Barack Obama, où des manifestants **anti-Trump** s'était rassemblés » (*Courrier International* 16.03.16), «Ce mercredi matin, les premiers résultats sont tombés: la vague **anti-Trump** n'a pas eu lieu mais les démocrates prennent le contrôle du Congrès» (*Le Dauphiné Libéré* 17.11.18);

- **anti-Assad** > 45 контекстов, «[...] dans tout le sud de la Syrie, notamment à Deraa, berceau de la révolution **anti-Assad** de 2011» (*Le Monde* 18.04.16), «Manifestations **anti-Assad** dans une région du sud de la Syrie » (*Courrier International* 14.02.22);

- **pro-Moubarak/ post-Moubarak** > 49 контекстов, «[...] s'attirant des critiques virulentes dans les médias et sur les réseaux sociaux, d'Égyptiens **pro-Moubarak**» (*Le Parisien* 10.03.16), «Durant la transition **post-Moubarak**, Tantaoui avait souvent été perçu comme un potentiel candidat...» (*Sud Ouest* 21.09.21);

- **Post-macron** > 26 контекстов, «Hollande préside le premier Conseil des ministres de l'ère **post-Macron**» (*L'Express* 30.08.16), «pour Valls, la recomposition politique **post-Macron** va se poursuivre» (*BFM TV* 27.11.17);

- **pro-Morsi** > 47 контекстов, «Dans les semaines qui ont suivi la destitution, plus de 1400 manifestants **pro-Morsi** [...]» (*L'Express* 18.04.16), «le militaire est apparu sur le devant de la scène, lançant une répression sanglante contre les **pro-Morsi**...» (*L'Express* 02.06.18);

- **ultrasarkozyste / ultra-hollandais** > 10 контекстов, « Ce noyau d'**ultrasarkozystes** hyper motivés est une force : ceux-là ne rateront pas le jour J l'occasion de soutenir [...]» (*Nouvel Observateur* 30.08.16), «[...] s'inquiétait-elle auprès du ministre **ultra-hollandais** Michel Sapin» (*Le Journal du dimanche* 29.10.16);

В исследуемом нами материале для неологических глаголов самым продуктивными оказался префикс *dé-*, маркирующий отмену, отрицание или отсутствие какого-либо действия:

- (**se) démacroniser** > 18 контекстов, «[...] réconcilier les Français avec leur identité franco-européenne, dédiaboliser la mondialisation, mais aussi **se démacroniser** un peu» (*Courrier International* 09.05.17), «Plusieurs sources internes évoquent surtout les efforts déployés par le directeur de la rédaction pour dépolitisier, voire **démacroniser** le journal [...]» (*Le Monde* 08.04.22);
- **déschröderiser** > 1 «ont contribué à **déschröderiser** le travail, par exemple en mettant en place le salaire minimum en 2015» (*Libération* 25.09.17).

Другими важными механизмами образования неологизмов в языке прессы является телескопия. Напомним, что данный механизм словообразования (*télescopage* или *mots-valises* в французской лингвистической традиции) заключается в образовании новой лексемы путем слияния двух (и более) уже существующих в языке слов в один новый элемент с сохранением узнаваемости исходных форм: «Fréquemment utilisé (...) le *mot-valise* mélange deux mots en imbriquant astucieusement les syllabes» [4, c.68]. Однако следует отметить, что анализ отобранного материала показал достаточно невысокую степень распространенности данного механизма для неологизмов, образованных от имен собственных политических и общественных деятелей, в отличие неологизмов «классических», которые при этом имеют тенденцию быстрого распространения не только в речи, но и в нормированном языке:

- **stagflation (stagnation + inflation)** > 49 контекстов, «[...] De plus en plus d'analystes et d'économistes commencent à s'inquiéter d'un risque de **stagflation**» (*Courrier International* 29.07.20), «Deloitte en août 2022 déclaraient s'attendre à voir les Etats-Unis entrer dans une période de **stagflation** en 2023» (*Challenges* 13.01.23);
- **docufiction (documentaire + fiction)** > 48 контекстов, «[...] L'enterrement à Vercel est rejoué dans le Doubs pour un **docufiction**» (*L'Est Républicain* 11.04.16), «[...] extraits devaient être mixés avec d'autres entretiens et insérés dans un " **docufiction** "» (*Marianne* 10.02.23);
- **clavardage (clavier + bavardage)** > 47 контекстов, «[...] l'aide aux devoirs par **clavardage** et par textos» (*Le Journal de Québec* 07.09.16), «Dix mots québécois que nous ferions bien d'emprunter: pourriel, **clavardage**» (*Le Figaro* 19.06.19);

Другой распространенный языковой механизм, используемый в языке прессы и медиа, не ведет напрямую к созданию новых лексем как таковых, однако обыгрывает форму и/или значение уже существующих слов и имен собственных. Важно отметить, что игра слов функционирует в рамках строго определенного речевого и экстралингвистического контекста (слоганы, заголовки) и часто сопровождается различного рода изображением: плакаты, карикатуры, обложки изданий. Языковая игра, безусловно, является одним из самых экспрессивных механизмов, моментально реагирующих на изменяющиеся реалии, но для адекватного ее восприятия часто требуется дополнительное подкрепление в виде зрительного образа:

- *La retraite d'Elisabeth dépasse les bornes* (*Elisabeth Borne* - действующий премьер-министр Франции // *borne* в значении *limites*);
- *Macron, l'heure est grève* (*l'heure est grave*) — слоган на плакате протестующих против пенсионной реформы, февраль 2023;
- *Réforme des retraites vs vraie forme en retraite* — слоган на плакате протестующих против пенсионной реформы (март 2023);

- *Mal traité, mal retraité (traiter qqn // retraite)* — слоган на плакате протестующих против пенсионной реформы (апрель 2023);

- *Je ne ferai ma Chine arrière (faire machine arrière)* — заголовок издания Le Canard Enchaîné 30.10.22;
- *Non, rien de rien, je ne retraite rien (je ne regrette rien)* — заголовок издания Le Canard Enchaîné 22.02.23;

- *Tu nous mets 64, on te mai 68 (mettre // mai 1968)* — граффити в Париже, зима-весна 2023;
- *Députés // dépités* — карикатура издания Ouest France;

Как упоминалось выше, журналистский дискурс, несомненно, отличается повышенной степенью языковой креативности, что выражается в относительной свободе использования различного рода новообразований и игры слов. Согласно нашему исследованию, наиболее продуктивным словообразовательным процессом в рамках франкоязычного медиа-дискурса является создание эпонимов. Однако, в зависимости от степени известности и влияния политических и общественных деятелей и/или организаций (от имен которых образуются лексемы) нам представляется необходимым различать два случая.

В первом случае образованные слова обычно имеют только базовые, стилистически нейтральные формы, предназначенные в первую очередь для обозначения сторонников кого-либо, как в случае с суффиксами *-iste* / *-isme* (*gaulliste*, *jospiniste*, *ségoléniste*, etc.). В данном случае речь идет о простых производных существительных или прилагательных, используемых в основном из-за краткости их формы и однозначности значения.

Во втором случае устойчивая известность деятелей политического мира часто трансформируется в некоторый стереотипный образ в социокультурном восприятии, что придает их фамилиям определенное коннотативное значение: аффиксы *-ade*, *-âtre*, *phile*, *-pro*, *-anti* и др., как в примерах *anti-macron*, *macronisables*, *macron-compatible*, *macronie*. Широкая распространенность данных слов является результатом их выразительности, обусловленной, в первую очередь, их лексической основой, но также и словообразовательной моделью, придающей данным лексемам особую семантическую точность или стилистический оттенок.

Политические эпонимы, так широко используемые в журналистском дискурсе, представляют собой лексические инструменты, которые одновременно выразительны, устойчивы в своем употреблении, но при этом значительно экономичнее, чем другие механизмы языковой игры, и выполняют все языковые функции, требуемые в языке прессы: потребность в точности, экспрессивности и игре смыслов. Однако их включение в стандартный язык остается открытым вопросом, что, несомненно, напрямую связано с формируемым историческим контекстом — насколько серьезной и значимой для будущего оказывается роль той или иной политической фигуры и/или явления.

[1] Здесь и далее мы приводим примеры самого раннего и последнего из нами обнаруженных контекстов употреблений неологизмов.

Библиография

1. Береговская Э. М. Стилистика однофразового текста. На материале русского, французского, английского и немецкого языков. М.: Ленанд, 2015.
2. Кузнецова И.Н. Паронимическая неология во французском языке // Риторика – лингвистика. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2008. С. 100–108.
3. Cartier E. Emprunts en français contemporain: étude linguistique et statistique à partir de la plateforme Néoveille. L'emprunt en question(s) : conceptions, réceptions, traitements lexicographiques. HAL, 2019. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02537344>
4. Cartier E. Neoveille, système de repérage et de suivi des néologismes en sept langues. *Neologica: revue internationale de la néologie*. 2016. doi 10.15122/isbn.978-2-406-06279-0.p.0101
5. Dubois J. Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain. Paris, France: Larousse, 1962.
6. Jouve M. La communication publicitaire. Rosny: Bréal, Coll. Synergies, 1994.
7. Marcellesi Chr. Néologie et fonction du langage. *Langages*. 1974. No 36. Pp. 95-102. doi: <https://doi.org/10.3406/lge.1974.2278>
8. Mortureux M.-F. La lexicologie entre langue et discours. Paris: Armand Colin, 2001.
9. Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les néologismes. Paris: Presses Universitaires de France, "Que sais-je?", 2003.
10. Yaguello M. Alice au pays de langage, pour comprendre la linguistique. Paris: Editions du Seuil, 1981.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Некоторые лексикологические особенности современной франкоязычной прессы», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса исследователей к изучению особенностей языка СМИ.

В рецензируемой статье рассматривается морфологический и семантический аспект этих лексических нововведений, а также предлагается исследование на базе особенно интересных случаев эпонимических и телескопических образований, созданных на основе имен заметных политических и общественных деятелей и организаций.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике как в отечественном языкознании, так и в зарубежном.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе сравнительно-сопоставительный концептуальный анализ, семантический анализ и контент-анализ, а также методология корпусного и статистического исследования. Также автор применял электронную платформу Néoveille университета Sorbonne-Paris-Cité.

Практическим материалом исследования явился языковой франкоязычный корпус

сплошной выборки на основе анализа текстов периодических франкоязычных печатных изданий в период с 2016 по 2023 год: BFM TV, Courrier International, Marianne, Nouvel Observateur, La Croix, Le Canard Enchaîné, L'Express, L'Humanité, Le Monde, Le Parisien, Le Point, Le Progrès, Le Figaro и некоторых других.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Выводы, представленные в заключении, не в полной мере отображают проведенную работу и требуют усиления.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на французском языке. Автор прибегает к таблицам и диаграммам для облегчения восприятия информации читателем, а также приводит фотографии плакатов и копии страниц газет. Библиография статьи насчитывает 10 источника, среди которых представлены научные труды на русском и французском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, практике французского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Некоторые лексикологические особенности современной франкоязычной прессы» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Аринова Б.Н. — Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.38583 EDN: TOJBWQ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38583

Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя

Аринова Байрта Николаевна

ORCID: 0000-0002-5598-0718

Старший преподаватель, кафедра Иностранных языков, МГУ им. МВ.Ломоносова, Юридический факультет

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

 b.arinova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.38583

EDN:

TOJBWQ

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2022

Аннотация: В настоящей статье автор рассматривает письменный судебный дискурс Великобритании. Предметом исследования является law report – краткий отчет о вынесенном решении, публикуемый в открытых источниках и судебных сборниках. Данные тексты фиксируют наиболее важные решения высших судебных инстанций. Подробный юридический анализ и трактовка применимых источников права в судебном решении приобретают вид компактного сжатого текста, с точным и последовательным изложением аргументации суда. Тексты судебных отчетов являются образцом современного письменного юридического языка, в них вновь и вновь актуализируются принципы и нормы общего права. Как единица дискурса судебный отчет – это с одной стороны комплексный речевой акт, с другой стороны – это текст, который несет определенное риторическое (прагматическое) воздействие на читателя. Применяя метод лингвистического анализа, автор анализирует презентацию события в ходе аргументации и выявляет различные дискурсивные механизмы взаимодействия между автором и читателем. Автор считает, что такие характеристики можно поделить на ретроспективные и проспективные в зависимости от их риторического воздействия на читателя. В частности, автор анализирует функциональный статус и прагматическое

значение таких явлений как косвенная речь, придаточные условия, глаголы эпистемической модальности. По мнению, автора анализ таких характеристик может существенно дополнить изучение интертекстуальности (диалогичности) письменного судебного дискурса, и соответственно расширить наше понимание формирования и влияния правового контекста.

Ключевые слова:

язык права, судебный дискурс, судебный отчет, диалогичность, механизмы дискурсивного взаимодействия, юридический дискурс, характеристики дискурсивной ретроспекции, характеристики дискурсивной проспекции, косвенная речь, эпистемическая модальность

Введение

Предметом обсуждения являются тексты судебных решений, публикуемые в судебных сборниках судов Великобритании. В таких сборниках представлены краткие версии решений, именуемые *law reports* (далее *судебный отчет*).

Публикация судебных отчетов получила широкое распространение в 19 веке в силу стремительного развития судебной практики англо-саксонской системы права. Согласно выработанным принципам не все судебные решения попадают в сборники: только те, которые вводят новый юридический принцип или правило, или значительно меняют существующий принцип или правило; решения, которые вносят ясность в вопросах, связанных с надлежащим толкованием закона, и иные важные решения [4, с.35]. Со временем также сформировались высокие требования к составителям судебных отчетов: точное и последовательное изложение; ясный, недвусмысленный стиль изложения; оперативная подготовка (вскоре после оглашения решения) [4, с.35]. Практика составления судебных сборников претерпела значительные изменения — современные судебные отчеты можно назвать образцом письменного юридического дискурса.

Как предмет лингвистического исследования данные тексты представляют большой интерес, так как их изучение позволит расширить наши представления о судебном дискурсе системы прецедентного права Великобритании. В частности, мы проанализируем различные элементы текстов судебных докладов, составляющие более широкое дискурсивное явление — диалогичность или полифония. Диалогичность в письменном дискурсе скорее имеет форму внутреннего диалога, в котором содержание одного высказывания зависит от предыдущего, т.е. под диалогичностью мы подразумеваем процесс конструирования дискурса при помощи различных лексико-грамматических и синтаксических средств. На наш взгляд к таким элементам текста можно отнести не только средства, обеспечивающие когезию текста (например, референциальные выражения, цитаты, и т.д.) т.е. тех явлений, которые выстраивают обратную перспективу изложения, обозначая тему повествования и связывая между собой смысловые элементы повествования. К ним также относятся средства проспективного изложения или дискурсивного взаимодействия автора и читателя, позволяющие читателю участвовать в процессе повествования. Иными словами, наша цель — рассмотреть процесс конструирования дискурса прецедентного права через призму лингвистических явлений и их прагматического значения в рамках письменного дискурса.

В данной работе мы проанализируем функции косвенной речи и условных предложений в судебных докладах. Под косвенной речью мы понимаем предложения, состоящие из двух частей: 1) то, что сообщается; 2) именные конструкции, указывающие на лицо, которое передает сообщаемую информацию, [\[8, с.124\]](#) например, « [They said] [they would endorse the proposal]». Условные конструкции включают сложные предложения с придаточными условиями с контрафактуальным значением.

И косвенная речь, и условные предложения создают определенный риторический эффект отстранения, при этом условные предложения также рассматриваются нами как средства проспективного конструирования дискурса.

Основная часть

Косвенная речь в судебном отчете — это с одной стороны, его сущность, т.к. это свидетельство третьего лица о произошедшем событии, с другой, косвенная речь имеет функциональное значение в тексте судебного доклада, являясь его лингвистическим обрамлением. При помощи косвенной речи автор структурирует свое повествование, выборочно показывая наиболее важные, на его взгляд, смыслы исходного сообщения, автор также взаимодействует с читателем, т.к. его изложение должно быть достоверным и последовательным. Иными словами, косвенная речь имеет не только грамматическую функцию, но и pragmatische, —то есть ее значение выходит за рамки отдельного предложения. Tannen (2007) описывает косвенную речь как «сконструированный диалог» - повторение или воспроизведение уже прозвучавшего отрывка в новой речевой ситуации, тем самым разграничивая косвенную речь и цитаты (прямую речь), которые по общему представлению дословно воспроизводят исходные высказывания [\[10, с.17\]](#). Такое понимание косвенной речи также подразумевает, что автор изложения фактически создает новый текст с определенными смыслами и рамкой их восприятия, нежели просто ссылается на те или иные высказывания [\[7, с.52\]](#). Повествование в косвенной речи подразумевает, что у автора есть относительная свобода усмотрения, т.е. нет обязательства точно воспроизводить оригинал, в то же время его изложение должно быть точным и достоверным, т.е. не искажать исходное высказывание.

В судебном отчете косвенная речь выполняет функцию презентации (demonstration) и доказательства или подтверждения (endorsement). Функцию презентации иногда связывают с функцией прямой речи, а именно с использованием цитат. Кларк и Герберт описывают различные характеристики цитат: цитаты представляют некий референт (событие, высказывание), нежели описывают его; цитаты имеют большее варьирование в устном дискурсе, нежели в письменном; цитаты необязательно имеют лексико-синтаксическую форму (*non-linguistic quotes*); цитирование подразумевает нейтральность позиции говорящего, то есть говорящий не несет ответственности за содержание сообщения (прямое цитирование); при цитировании мы переживаем опыт автора [\[5, с.786\]](#).

Интересным примером косвенного цитирования в судебном докладе является вступление (headnote), в котором автор предъявляет заключение суда относительно основного/-ых вопросов (legal issue/-s) и процессуальную предысторию. С точки зрения трансформаций текста-источника заключение — это так называемый «перевернутый» вопрос (*a reversed issue*). Сравним два отрывка, один из судебного решения (СР), второй — из судебного отчета (СО).

СР: *The central issue on this appeal is whether, in general, a person under criminal*

investigation has, prior to being charged, a reasonable expectation of privacy in respect of information relating to that investigation [\[15\]](#).

CO: *A person under criminal investigation had, prior to being charged, a reasonable expectation of privacy in respect of information relating to the investigation* [\[11\]](#).

Как мы видим, автор судебного отчета меняет исходный косвенный вопрос на утверждение, демонстрируя результат судебного разбирательства. Безличная, нейтральная формулировка заключения придает ему вид обобщающего высказывания. Отделяя заключение в самостоятельное предложение, автор судебного отчета придает ему вид свободной цитаты [\[5, c.787\]](#), в то же время автор судебного решения вводится во втором предложении, но уже в составе сложного предложения. Основным маркером косвенной речи является сочетание **so held**: где *so* —выполняет референциальную функцию, заменяя предыдущее предложение, *held* вводит цитируемое сообщение. Полный вариант вступления (headnote) представлен далее:

Example A

- S1 *A person under criminal investigation had, prior to being charged, a reasonable expectation of privacy in respect of information relating to the investigation.*
- S2 *The Supreme Court **so held** in **dismissing** the appeal of the defendant, Bloomberg LP, from a decision of the Court of Appeal (Lord Justice Underhill, Lord Justice Bean and Lord Justice Simon) (*The Times*, June 30, 2020; [\[2020\] EWCA Civ 611](#)) **upholding** the decision of Mr Justice Nicklin ([\[2019\] EWHC 970 \(QB\)](#))**who had granted** judgment to the claimant, ZXC, for misuse of private information and awarded him an injunction and £25,000 in damages. Antony White QC and Clara Hamer for Bloomberg; Tim Owen QC, Sara Mansoori and Edward Craven for ZXC* [\[11\]](#).

Процессуальная история представляет собой краткую аннотацию описываемого события – она описывает исторический фон судебного решения, для читателя же – это ориентир, указывающий на достоверность и весомость (reliability and authority) судебного отчета, а также иллюстрация прототипа “процессуальной истории”, т.е. общепринятой последовательности инстанций рассмотрения апелляций. Основные смысловые элементы этого прототипа выражены глаголами, обозначающими процессуальные действия ‘allow the appeal’, ‘dismiss the appeal’, ‘uphold the decision’, ‘grant judgment’, ‘award an injunction’. Прагматическое значение процессуальной истории заключается в том, чтобы придать силу (validate) решению Верховного Суда: все ранее принятые решения можно рассматривать как необходимые предварительные условия наступления окончательного решения.

Еще одна функция такой аннотации – именование или расстановка основных участников судебного разбирательства: *the defendant, Bloomberg LP; Antony White QC for Bloomberg; the claimant, ZXC; the Supreme Court; the Court of Appeal etc.*

Акцентируя внимание на аргументации суда, составитель судебного отчета “обезличивает” повествование, используя референциальные выражения (полные именные конструкции и местоимения) вместо имен собственных. Трансформируя прямую речь в косвенную при помощи референциальных выражений, автор судебного отчета

также дистанцируется от оригинального сообщения, т.е., являясь сторонним наблюдателем (*neutral observer*), он прежде всего описывает мнение суда, показывая, что он не вовлечен лично в то, что он описывает [8, с.133]. Например:

CP: Before this court Mr Westaway for CPRE-Kent advanced arguments which in their essence were ...

CO: Before the Supreme Court Counsel for CPRE Kent advanced arguments which in their essence were ... [11]...

Дистанция между автором и сообщением и читателем намного меньше в тексте судебного решения, где часто используются утвердительные конструкции [личное местоимение + глагол] в настоящем времени. Повествование от первого лица подразумевает намерение, обязательство (*commitment*) автора писать / говорить искренне и ясно.

Например:

CP: I discuss Coulson LJ's reasoning in paras 28-29 below.

CP: For the reasons which I set out below, I am satisfied that it has not and that the appeal must be dismissed [16].

Вступление (headnote) к судебному отчету по своей структуре напоминает высказывание, состоящее из цитаты и отсылки к говорящему. Начиная повествование с решения, составитель отчета отклоняется от линейного изложения текста-источника (судебного решения), выдвигая на передний план новую информацию. Это, с одной стороны разворачивает текст к читателю, (в первую очередь, к юристам, которые могут цитировать решения в аналогичных делах), с другой стороны, это говорит о том, что составитель судебного отчета не воспроизводит текст судебного решения, а перерабатывает его для целевой аудитории, выдвигая на первый план те элементы судебного решения, которые образуют основную линию аргументации суда.

Во второй части судебного отчета автор дает краткое описание фактов, представляет позицию заявителя, ее правовую оценку, а также оценку решений нижестоящих судов относительно принципов права, применимых источников и прецедентов. Процесс аргументации включает в себя множество иллютивных актов, включая допущения, сравнения, объяснения и констатацию, т.е. динамика рассуждения реализуется при помощи различных лексико-грамматических средств (модальность, конструкции с контрафактуальным значением, отрицательные конструкции). Автор таким образом демонстрирует читателю возможные и невозможные линии аргументации, вовлекает его в процесс рассуждения, мотивируя читателя выдвигать свои гипотезы, догадки о том, каким может быть ответ судьи. Такие предложения вводят предположения, открывают читателю другую точку зрения, иную перспективу. В то же время, автор демонстрирует читателю степень юридической неопределенности, которую можно свести к минимуму, если рассмотреть ситуацию с разных позиций и найти правильный угол зрения. В английском языке значения вероятности, возможности, и необходимости относят к категории эпистемической модальности. В контексте правовой аргументации глаголы эпистемической модальности часто используются в составе предложений с придаточными условиями.

Example C

CO: If the appeal succeeded, the legal landscape regarding the remedies available in discrimination and victimisation cases would change significantly. Although the jurisdiction of employment tribunals was derived entirely from statute, the effect would be that an interim remedy would be created in a far wider range of cases than those expressly provided for by parliament [12].

В Ex.C сложноподчиненное предложение с условным придаточным описывает цепочку возможных последствий (ripple effect) в рамках регулирования. Модальный глагол *would* не только обозначает контекстуальный грамматический перенос формы будущего времени в прошедшее, но и выражает эпистемическую модальность т.е. уверенность говорящего в наступлении описываемых последствий.

Кроме собственно придаточных условия можно также отметить примеры косвенного или редуцированного условия. В примерах из другого судебного отчета Ex.D фразы '*on the claimants' approach*' и '*on that approach*', можно_перефразировать как в '*if we accepted / took the claimant's approach*'. Эти предложения также вводят новые возможные ответвления ситуации.

Example D

CO: On the claimants' approach, one might have expected such criteria (if intended to have the uniform and prescriptive rigidity that they advocated) to be set out in the Dublin III Regulation, or in some other European law act.

At all events, it would appear that, on that approach, all member states should be expected to have the same, or substantially the same, objective criteria in the national law of each of them [13].

Конструкция с модальным глаголом – *one might have expected* – выражает логически обусловленное (inferential), но маловероятное допущение. Низкая вероятность такого допущения далее усиливается следующим логически обусловленным допущением – *member states should be expected to have* – глагол *should* (форма *shall* в прошедшем времени) выражает деонтическую модальность, то есть в нашем контексте подразумевается возможное обязательство для стран ЕС, которое можно вывести из позиции заявителя.

Глагол **expect** в обоих предложениях описывает ожидаемые или возможные действия, что также направляет внимание читателя на возможные последствия в связи с позицией истца, и косвенно указывает на непрочность тезиса его аргумента. Как мы видим, при помощи придаточных условия и средств эпистемической и деонтической модальности автор выстраивает возможный сценарий развития событий. Показывая слабые стороны аргументации заявителя, автор выводит читателя за рамки рассматриваемой ситуации, как бы настаивая на необходимости рассмотреть то, что могло бы произойти. Такие конструкции, на наш взгляд, можно отнести к средствам *проспекции*, так как они создают новые проекции той или иной ситуации, чтобы читатель мог не только следить за ходом рассуждения, но и предугадывать его.

Другие сочетания с союзом **if** могут указывать на низкую вероятность описываемого события.

Example E

1. It was the potential for future emotional and psychological harm arising, either directly

from the fact, if fact it be, that the surviving parent had caused the death of the other [17] ...

2. In each case it would be a matter for the judge in the family court to decide, in the circumstance of each individual case, whether some or all of the issues that related directly to the death needed to be investigated in the family proceedings and, if possible, determined [17].

3. It did not follow that it would also be necessary for the court to determine precisely how the death had occurred and the role, if any, that the surviving parent had played in it [17].

Приведенные примеры указывают на вероятностный характер аргументации, т.е. «она практически никогда не приводит к формированию абсолютно истинной и однозначно понимаемой позиции» [20].

При помощи предложений с контрафактуальным значением в контексте аргументации автор проводит “мыслительный эксперимент” [4, с.15-18] с целью продемонстрировать, подтвердить или объяснить определенное утверждение. В Ex. F автор, описывая применимые правила (the rules), выстраивает обратную перспективу событий, которые привели бы к заключению договора (the contract / agreement). Эти события являются необходимым условием применения описываемого правила к рассматриваемой ситуации (the present case).

Example F

Part 1. First, the rules relating to rectification of a commercial contract assumed that the parties had, in some sense, negotiated that contract. The rationale of the authorities was that **there would have been exchanges** or discussions that led to the written agreement in question.

Part 2. In the present case, there had been no such discussions on the trial judge's findings, and more importantly, nor could there have been. [14]

Если выделить контрафактуальное высказывание из первых двух предложений (Part 1), то получится следующее высказывание: *If the parties had negotiated the contract, they would have had exchanges or discussions that led to the written agreement in question.*

Хотя грамматические формы в данном предложении, как правило, описывают ситуации в прошлом, в рассматриваемом отрывке конструкция “would have had”, на наш взгляд, также описывает то, как автор оценивает рассматриваемую ситуацию (the present case). Иными словами, используя контрафактуальные конструкции, автор “отрицает” возможность применения правила к рассматриваемой ситуации. В второй части (Part 2) автор уже констатирует невозможность применения правила, используя утверждение “*there had been no such discussions*”, которое затем усиливается при помощи отрицательной конструкции с модальным глаголом “*nor could there have been*”.

Контрафактуальные конструкции в Ex.E представляют собой неполные контрафактуальные предложения. Выбирая отдельные контрафактуальные конструкции, автор намечает ту линию рассуждения, которая более важна в контексте рассматриваемой ситуации; соответственно, читатель, ориентируясь на контрафактуальные рассуждения участует в “мыслительном эксперименте”, может предугадать вывод.

В данной части работы мы рассмотрели примеры дискурсивного взаимодействия автора и

читателя в письменном судебном дискурсе, выраженные при помощи средств косвенной речи, конструкций со значением эпистемической модальности и контрфакутальности, а также придаточных условия. Все перечисленные средства часто составляют отдельный вид иллокутивного речевого акта – “inferential” – в силу их особого риторического (перлокутивного) воздействия на читателя. Используя средства косвенной речи, придаточные условия, а также конструкции с глаголами эпистемической модальности, автор также отстраняется или дистанцируется от объекта повествования, – сокращая или увеличивая риторическую дистанцию автор конструирует различные направления (ретроспективное и проспективное) дискурса, это отчасти объясняет когнитивную сложность судебных отчетов.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что обсуждение обозначенных лингвистических характеристик судебных отчетов имеет несколько перспективных направлений. В частности, одно из них может быть связано с изучением роли автора в письменном судебном дискурсе и механизмов дискурсивного взаимодействия автора и читателя, которые конструируют дискурс. Несмотря на то, что тексты судебных отчетов и судебные решения имеют общие дискурсивные характеристики (иерархичность, институциональность, формальный юридический язык, стандартный вариант английского языка [2, с.7-21]), каждый судебный отчет – это новый текст, новое высказывание. Значительную часть в этом высказывании занимает правовая аргументация, однако в судебных отчетах правовая аргументация не сводится лишь к логическим приемам доказывания, «правовая аргументация всегда глубоко личностное индивидуальное рассуждение, проявляющееся в незнакомой, нередко и нестандартной ситуации» [3, с.21-25].

Продвигаясь по тексту читатель выявляет структурные связи внутри текста, (логические и референциальные связи) однако, понимание смысла текста как целой единицы подразумевает понимание не только функциональной роли средств лексико-грамматической связи, но и оценку их риторического эффекта в рамках текста – речь о воздействии (перлокутивной силе) на читателя, то есть текст – это дискурсивный процесс “проживания” смысла (experiencing of meaning) [9, с.15-17] осуществляемый через взаимодействие автора и читателя. Иными словами, судебный отчет – это одновременно процесс взаимодействия автора и читателя, в нем прослеживаются диалогичность и динамика, выстраиваемые при помощи дискурсивных механизмов, и решение, которое становится частью более обширного дискурса прецедентного права.

Изучение прагмалингвистических характеристик судебных отчетов в британском судебном дискурсе очевидно приведет нас к анализу интертекстуальности [6, с.33-36] или пресуппозиций, «которые входят в семантику предложения как «фонд общих знаний» собеседников» [1, с.84-89], то есть может вывести исследователя за рамки текста. Однако более глубокое понимание комплексных явлений, которые образуют, диалогичность юридического дискурса и процесса реконтекстуализации достигается прежде всего через анализ текста и тех дискурсивных механизмов, которые придают дискурсу осозаемую форму (tangible form).

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. 1973. Т. 32. Вып. I. С. 84-89.

2. Дубровская Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Изд-во "Академия МНЭПУ", 2010. С.351.
3. Пригарина Н.К. Риторическая аргументация. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2010. С.71.
4. Albrecht A., Danneberg L. First steps toward an explication of counterfactual imagination // Counterfctual thinking, counterfactual writing / Eds. Birke D., Butter M., & Köppe T. — Walter de Gruyter 2011. P. 12-30
5. Brian, M. The modern history of law reporting./ University of Melbourne Collections, issue 11,2012. P.32-36. Retreived from https://library.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0010/1379026/07_Bryan-LawReport11.pdf
6. Clark, H., Richard, G. (1990). Quotations as Demonstrations (p. 764–805). Language, vol. 66, no. 4.
7. Fairclough, N. (2004). Analysing discourse textual analysis for social discourse (p.270). London: Routledge.
8. Hodges, A. (2015). Intertextuality in discourse. In D.Tannen,H.E. Hamilton, Deborah Schiffrin (Eds.), The handbook of discourse analysis (p.42-61). Second edition. John Wiley & Sons.
9. Nikitina, T., Spronk, S. (2019). Reported speech forms a dedicated syntactic domain(p. 119-159). Linguistic Typology, vol. 23, no. 1, 2019. doi.org/10.1515/linty-2019-0005
10. Sinclair, J. (2004).Trust the text. In M.Coulterd (Ed.) Advances in written text analysis(p.12-26). London: Routledge.
11. Tannen, D. (2007). Talking voices: repetition, dialogue and imagery in conversational (p.234). Cambridge University Press.
12. <https://www.thetimes.co.uk/article/persons-right-to-privacy-when-under-criminal-investigation-2p5mhqh88> Law report: Person's right to privacy when under criminal investigation
13. <https://www.thetimes.co.uk/article/times-law-report-lack-of-interim-relief-in-employment-tribunal-for-sex-discrimination-claims-ds90w22bg>
14. <https://www.thetimes.co.uk/article/rules-for-detaining-asylum-seekers-compliant-with-european-union-law-db9pczjr7>
15. <https://www.thetimes.co.uk/article/lack-of-common-intention-between-family-prevents-rectification-of-land-registry-form-smh02dn8s>
16. <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2020-0122-judgment.pdf>
17. <https://www.casemine.com/judgement/uk/610924b92c94e0239c457edc/amp>
18. <https://www.thetimes.co.uk/article/criminal-law-concepts-do-not-apply-in-family-court-hearings-vqmtqw70g>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя» предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду как возрастающего интереса исследователей к изучению теории дискурса, так и ориентации иностранного языка в

прикладную область, в данном случае правоведение, которое имеет отличия в Соединенном королевстве от принятой у нас романо-германской модели права.

Предметом обсуждения являются тексты судебных решений, публикуемые в судебных сборниках судов Великобритании. Исходя из этого материалом послужили англоязычные тексты судебных решений. Отметим скрупулезный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Однако автор не приводит информации об объеме отобранных корпуса в целом, принципах отбора, однородности или неоднородности корпуса (временной, локальной). В списке литературы указаны исключительно ссылки на электронный вариант "The Sunday Times", который доступен исключительно по абонементу, поэтому оценить качество текста и возможный объем корпуса не удается. Цель работы заявлено рассмотрение процесса конструирования дискурса прецедентного права через призму лингвистических явлений и их прагматического значения в рамках письменного дискурса.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В качестве основных методов исследования применяются методы лингвистического анализа, как описательный метод, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод свободных ассоциаций, метод контекстного толкования примеров, метод количественной обработки данных и др. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в теории языкознания, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса.

Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Письменный судебный дискурс: механизмы дискурсивного взаимодействия автора и читателя» может быть рекомендована к публикации в научном журнале, входящим в перечень ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кузьмина Ю.А. — «Бытик профессорских квартирочек»: презентация повседневности «отца-позитивиста» в мемуарах русского символизма // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43551 EDN: TPNNNI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43551

«БЫТИК ПРОФЕССОРСКИХ КВАРТИРОЧЕК»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ «ОТЦА-ПОЗИТИВИСТА» В МЕМУАРАХ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Кузьмина Юлия Алексеевна

магистр, кафедра культурологии, Российский государственный гуманитарный университет

109544, Россия, Московская область, г. Г. Москва, ул. Вековая, 21, строение 1, 3

✉ kuzminaulia983@gmail.com

[Статья из рубрики "Символизм"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43551

EDN:

TPNNNI

Дата направления статьи в редакцию:

10-07-2023

Аннотация: Оформление символизма как художественного и мировоззренческого явления происходило в интеллектуальной и культурной оппозиции к традиции русского академического позитивизма. В статье позитивизм и символизм рассматриваются как два конкурирующих за влияние в русской интеллектуальной среде дискурса, состязание которых нередко принимало черты конфликта «отцов и детей». Одним из способов «борьбы за авторитет» становилось конструирование символистами образа «отца-позитивиста» в мемуарах и дневниковых заметках. Объектом исследования выступает презентация бытовой культуры условного «отца» в мемуаристике А. Белого, Г. И. Чулкова, В. Я. Брюсова, Н. Петровской, Б. М. Рунт и З. Н. Гиппиус. Предметом – те дискурсивные механики, за счет которых достигается презентация идентичности и «другоизация» («othering») такого быта. Методология работы выстраивается вокруг оптик переводческого поворота (*translation turn*), позволяющего взглянуть на сцены из мемуаров как на «промежуточные пространства» (*«third space»*), где за счет презентативных практик разворачивается борьба дискурсов. Новизна исследования проявляется как в привлечении внимания к данной проблематике, так и в выстраивании

актуальной методологической базы. По результатам анализа были выделены такие механики «другоизации», как: унификация и обобщение, бинарность и ассиметричность, приданье Другому статуса вневременности и внеисторичности, использование уничтожительных категорий, нарративная техника двойной репрезентации и умалчивание. Целью «другоизации» отцов становились конструирование личной идентичности и собственной «самости», а также попытка определения себя через конституирующего Другого.

Ключевые слова:

символизм, позитивизм, конфликт поколений, повседневность, познание, мемуары символистов, репрезентация, переводческий поворот, Другой, дискурс

Введение

Русский символизм оформился на рубеже XIX-XX в. вокруг принципиально нового представления о возможностях интуитивного познания [\[1, с. 55\]](#). Отчасти символистская гносеология была сконструирована под влиянием идей В. С. Соловьева о «мистической интуиции» [\[2\]](#). Она строилась на разрушении границ субъектности в «имманентном единении с темой» (Белый, 1989). Такого рода познание, подразумевающее сверхсубъектную позицию познающего и постижение «сущности» предмета за счет единения с ним, стояло в оппозиции к русскому академическому позитивизму с его представлениями о непознаваемой сущности вещей (вместо которой следовало концентрироваться лишь на явлениях, доступных опыту) [\[3, с. 168\]](#), а также строгим разграничением объектов («явления, существующие вне человека») и субъекта («человека, наблюдающего и подтверждающего их») познания [\[3, с. 174\]](#).

Уникальность противостояния двух концепций проявлялась в том, что к философскому спору о сущности познания добавлялся еще и поколенческий конфликт «отцов и детей». «Если бы был составлен каталогный список символов (кто их отцы, из какой они среды и так далее), отметился бы весьма любопытный факт; отцы большинства символов — образованные позитивисты; и символизм в таком случае является собой интереснейшее явление в своем “декадентском” отрыве от отцов» (Белый, «На рубеже двух столетий», 1989, с. 203). Так, описывая родословные символов, А. Белый заключает: «Я — сын крупного математика [прим.: Н. В. Бугаева], вылез на свет из квартир, переполненных разговорами о Дарвине, Спенсере, Милле; Блок — сын профессора [А. Л. Блок], внук известнейшего ботаника, профессора же [А. Н. Бекетова], женатый на дочери профессора [Д. И.] Менделеева; Эллис — побочный сын известнейшего московского педагога [Л. И. Поливанова]; С. М. Соловьев — внук знаменитого историка [С. М.] Соловьева (профессора же) [...] Шершеневич — сын профессора [Г. Ф. Шершеневича]; Шервинский — сын профессора медицины [В. Д. Шервинского] и тд» (Белый, 1989, с. 204).

Безусловно, в символистской среде оказывались выходцы и из купеческих семей, однако интеллектуальная мода конца XIX в. диктовала стандарты не только профессуре. Самый яркий пример — сын «купца-папаши» В. Я. Брюсов, детство которого ярко представлено в мемуарах: «Игрушки у меня были только разумные... Родители мои очень низко ставили фантазию... Мне никогда не читали сказок... Я знал имя Дарвина и, будучи трех лет... — проповедовал на дворе... его учение... С детства меня приохотили к

естественной истории... Любимейшим моим наслаждением было ходить в Зоологический сад...» (Белый, 1989, с. 206).

Символистский «отрыв от отцов» имел место не только в вопросах об осуществлении познания, но и в бытовой культуре и практиках повседневности. Потому в формировании гносеологической парадигмы русского символизма философский аспект не является единственным. Становление художественных и теоретических принципов на начальном этапе протекало не в формировании собственной позитивной программы, а апофатически к дискурсу «отцов-позитивистов»: «наше "нет" брошено на рубеже двух столетий — отцам» (Белый, 1989, с. 35) и их «бытику». О том же свидетельствуют и работы исследователей символизма. В частности, отметим положение А. Жеребина, заявляющее, что и венский, и русский символизм «зарождался как сыновний бунт, как молодежная контркультура» [4, с. 287]. Или же вспомним концепцию Н. А. Хренова, представляющую символизм альтернативной культурой и рассматривающую отношения двух поколений как столкновение антропоморфизма (в символизме) и дезантропоморфизма (в позитивизме) [5].

Борьба двух дискурсов за главенство протекала различными путями. В первую очередь она разворачивалось в образных и сюжетных системах литературных произведений «детей». Образы отцов в художественных текстах младосимволистов неоднократно становились предметом исследования [6-9], потому в данной статье позволим себе опустить их. Вместо этого обратимся к той области, которая осталась без надлежащего исследовательского внимания. Речь идет о тех фигурах «отцов», которые «дети» проектировали в собственных мемуарах. На их страницах символисты ретроспективно использовали детские воспоминания о реальной бытовой культуре родителей и создавали конструкты их повседневности путем «другоизации» («othering») и презентации инаковости. Таким образом, социальное и культурное поле русского позитивизма намеренно искажалось, трансформировалось и как бы переводилось на язык символистского дискурса ради конституирования собственной «самости».

Репрезентация инаковости в оптике переводческого поворота

В рамках статьи будет произведена попытка рассмотреть способы другоизации «отцов-позитивистов» в символистском дискурсе за счет обращения к той исследовательской оптике, которая была сформирована вокруг идеи переводческого поворота (*translation turn*). В 1980-х г. понятие перевода в науках о культуре существенно расширилось и концептуализировалось за счет его соотнесенности с такими концептами «как культурная презентация и трансформация, чуждость и несходесть» [10, с. 284]. Так, в результате «переориентации от текста к дискурсу» [10, с. 289], оно стало применяться не только к переводу речи, но и к переходу от одного способа осуществления культурных практик к другому [11-13], а также к репрезентациям на языке собственной культуры жизненных форм, личностей, практик и мыслей иной культуры [10, с. 316]. При этом акцент все чаще делался на том, что подобные процессы перехода протекают в результате асимметричного распределения власти. Перевод происходит «между группами интересов и дискурсами, которые соревнуются за превосходство» [10, с. 303]. Привилегированный дискурс же, в таком случае, получает главенство за счет трансформации иного дискурса, в рамках его якобы «перевода» (а на самом деле лишь презентации) на собственные языки и способ организации. В сущности, когда символисты описывали поведение «отцов», то делали они это, во-первых, в собственном дискурсивном пространстве (мемуары, совместные творческие вечера) и, во-вторых, на языке

собственных категорий, а потому трансформация содержания такого поведения становилась неизбежной.

Оптика, выстроенная переводческим поворотом, рассматривает культурные явления (в нашем случае, сцены из мемуаров) как «промежуточные пространства» («third space»), «области пересечения» или «зоны контакта» противостоящих дискурсов [10, с. 286]. В конечном счете подобные пространства и есть места осуществления «репрезентативной практики» [14, с. 5-6]. В ситуации же, когда перевод осуществляется асимметрично, репрезентация преследует целью конструирование Другого и демонстрацию его инаковости. Причем ощущение инаковости возникает из-за того, что чужой дискурс репрезентируется только привычными средствами собственного. Потому природа чуждости здесь парадоксальна: инаковость выстраивается за счет дискурсивной унификации.

Инаковость «отцов» в мемуарах русского символизма

Прежде всего постараемся воспроизвести то содержание повседневности «отцов», которое конструируется в мемуарах и дневниковых заметках А. Белого, Г. И. Чулкова, В. Я. Брюсова, Н. Петровской, Б. М. Рунт и З. Н. Гиппиус. Оно представляет собой полученный в результате перевода реальных бытовых практик академиков на язык символистов конструкт, прошедший многочисленные этапы трансформации господствующим дискурсом. Раскроется такой конструкт как иерархически упорядоченная структура, состоящая из знаковых элементов и совокупности принципов их организации.

Опишем портрет «отца-позитивиста», сконструированный мемуаристами. В репрезентации символистов этот «отец» часто не связан напрямую с реальным родителем и представляет собой обобщающую мифологему. Он является всегда небогатым интеллигентом, выходцем из «образованных разночинцев» шестидесятников или «захудалых дворян, давно забывших о своем дворянстве» (Белый, 1989, с. 204). Его мировоззрение выражается как «позитивный либерализм и либеральный позитивизм» (Белый, 1989, с. 149), а карьера чаще всего строится вокруг Университета. Отказ от персонализации и сведение реальных людей к единой обобщающей фигуре является той самой насильтвенной дискурсивной унификацией, создающей образ нечленимого, а потому абсолютного Другого. Кроме того, такая унификация создает структуру четкой бинарности (Мы — Они), являющейся важнейшим признаком асимметричного перевода [10, с. 304]. Бинарное мышление же, как правило, раскрывается как мышление «сущностями» [10, с. 304]. Претензия на понимание «сущности» Другого, в свою очередь, обеспечивает переводящему главенство над переводимым в дискурсивном поле.

Бытовая культура такого «отца» конструировалась мемуаристами как «бытие профессорских квартирок» (Белый, 1989, с. 45) и «торжество пошлости» [15, с. 94], где унижение повседневности родителей прослеживалось уже на уровне выбираемой терминологии (в том числе активного использования диминутивов). Обобщая многочисленные замечания о «пошлой» повседневности «отцов», отметим, что ее основу составлял *принцип незыблемости и неизменности*: «эпоха, нас родившая, была статична» (Белый, 1989, с. 200). Следствием неизменности же становилась скучка как главное умонастроение эпохи: «Так однообразно. Так скучно» (Гиппиус, «Петербургские дневники», 1982, с. 64). Систематизируя заметки мемуаров, можем заключить, что конструкт незыблемости «бытия профессорских квартирочек» строился на четырех различных уровнях организации: 1) визуальной обстановки, 2) социальной

регламентации, 3) принципе обоснованности любых повседневных практик и 4) определенных правилах поведения.

Первый уровень — *принцип визуальной неизменности*. Он касался как обустройства квартиры «отцов», так и внешнего вида остальных ее обитателей. Расстановка предметов быта и мебели не допускала даже мельчайших изменений. Если уж мифологический «отец», например, вешал в своем кабинете портреты каких-либо культурных деятелей, то они, «так и оставались висеть до самой его смерти» [15, с. 30] нетронутыми. Символами же неизменности внешнего облика жителей такой квартиры становились мужской черный фрак и женские прюнелевые башмаки. Кроме того, особое место занимала нижняя женская юбка, которая, как знак чистоплотности хозяйки, обязательно должна была быть белой и накрахмаленной. Незыблемость костюма и обстановки «квартирочки» требовала особого способа их консервации. Символистский дискурс рисовал этим способом фетишизм. «Надо было насквозь перетлевшему быту держаться; уже внутри не было кумиров, "традиции" под шумок обходились, и только фетиш мог извне их поддерживать» (Белый, 1989, с. 113). Фетишизм отцов конструировался символистами как форма без содержания, бесконечно воспроизводящая саму себя и замкнутая на себе самой: «Культуры — не было, а был — быт» (Белый, 1989, с. 113). Кроме того, незыблемость и неизменность считывались в необычайной визуальной «размеренности» жизни, в которой господствовали «неспешность», «тишина и безмятежность» (Чулков, «Годы странствий», 1930, с. 5), «обывательская скуча» (Чулков, 1930, с. 6).

Вторым уровнем принципа незыблемости являлась *рутинизация социального поведения*. «Выходы в люди» и разговоры «отцов» репрезентировались «детьми» строго регламентированными: «обывательски-комнатное брало свое, сонно укачивало, влекло по инерции, [...]. Театры, улицы, карты, сиденье за столами, ломящимися от еды, которой и есть-то никому не хотелось, ликеры, вина, фрукты, цветы, сборища нарядных и тщательно замаскированных людей. [...] вся эта разукрашенная на краю бездны пошлость тогдашней русской жизни являлась базисом не только одного моего существования» (Петровская, «Воспоминания», 1989, с. 20).

Жизнь «отцов» в трансформации символистским дискурсом рисовалась проходившей согласно определенному распорядку. Его кульминацией становились походы в гости, игра в карты и чаепития по выходным. В рутинизации социальных связей и повседневных практик, с ними связанных, «отец-позитивист» должен был найти гарантии незыблемости основ своего бытия. Потому рутина велась торжественно и предельно серьезно. Она выстраивалась как магический ритуал, а своей патетичностью и провозглашала, и обеспечивала непоколебимость бытовой культуры: «серьезность и претенциозность бытовой жизни — возглашает святость и незыблемость общих мест быта: незыблемость разговора о прекрасной погоде и незыблемость торта, им [профессором Н. А. Умовым] послыаемого; являлся он к нам, как будто произошло величайшее космическое событие; садился и умолкал; и после провозглашал:

— Погода прекрасна!» (Белый, 1989, с. 84).

Серьезность и торжественность как главная характеристика повседневных практик «отцов» требовала соответствующих культурных примеров. По этой причине они якобы обращались к претенциозному, но понятному «серьезному искусству», отсылающему к образцам прошлого: «искусство, прославляемое этой квартирой: с Мачтетом и Потапенкой, с Клевером и Константином Маковским, с академиком Беклемишевым и с Надсоном вместо Пушкина» (Белый, 1989, с. 91).

Третьим уровнем организации бытовой культуры русского интеллигента конца XIX века в конструкте символистов становился *принцип научной обусловленности* любой повседневной практики. Он регулировал любые действия, протекающие в «квартироочке», ведь для каждого из них был обусловленный наукой образец: «На все он имел свой метод: метод насыпания сахара, метод наливания чаю, метод держания крокетного молотка, очинки карандаша, заваривания борной кислоты, запоминания, стирания пыли и тд» (Белый, 1989, с. 91). Рационализацию бытовых практик символистский дискурс наделял значением того, что тот самый «позитивистский метод» потерял в руках «отцов» подвижность и стал закостенелой догмой. Такая позиция обеспечивала символистам определенный интеллектуальный снобизм и уверенность в том, что именно их поколение по-настоящему глубоко понимает Конта, Спенсера, Милля и Дарвина. «Отцы» же, находясь в заложниках у догмы, уже не способны осуществлять истинное познание. Таким образом, презентация научной обусловленности направлена на выстраивание властного дискурса и асимметричного перевода реального поведения отцов и дедов русских символистов ради конструирования «самости» говорящего.

Наконец, последний уровень организации незыблемости, «главный канон русской интеллигенции»: «быть как все» и вести себя «как полагается» (Белый, 1989, с. 67). Эти каноны выражались в принципе наследования детьми от отцов того, что полагалось. В первую очередь, определенного мировоззрения — позитивизма и либерализма: «Я всосал это все в себя еще с карачек: на то “мы” — профессорский круг, чтоб младенцы у “нас” не так ползали, как у всех прочих, а конституционно и позитивистически» (Белый, 1989, с. 107). Вторым этапом наследования становился выбор факультета. Еще Белый заметил, как мало среди символистов «словесников»: «Я — естественник; Балтрушайтис — естественник; издатель “Скорпиона” по образованию — математик; Эллис — образованнейший экономист» (Белый, 1989, с. 201). Продолжалось наследование занятием должностей при Университете: «Позитивисты — говорили мы с Блоком в юности; и “тип” вставал, не только “папаши”, сколько Паши, Аркаши, Николаши [детями позитивистов], иль как его там; еще с “папашами” я боролся; с Аркашами, с Николашами — никогда; их я слишком знал в их “статусе наследники”, они шли в услужение в университет; и нанимались в педелей, охраняющих папашины достижения». Завершалось же наследование окончательной передачей традиций «бытия» в виде самой «профессорской квартички».

Таковым конструировали символисты условный образ мифологического «отца» — выходца из академической среды русских позитивистов. Рассмотрев принципы его презентации, нельзя не отметить, что большинство из них базируются на постулате неизменности. Таким образом, создается типичная для механики другоизации ситуация, в которой тот самый Другой выступает как постоянное, вневременное, а следовательно и внеисторическое существо, всегда равное самому себе. В конечном итоге такого рода мыслительные операции приводят к «отрицанию способности [Другого] быть современником» [\[10, с. 199\]](#). В дискурсивном отношении подобная позиция создает дополнительную дистанцию и снимает с иного дискурса статус конкурента. Соперничество за гегемонию «здесь и сейчас», таким образом, объявляется завершенным.

Отметим и более простые механики. Конструирование дискурсом «детей» бинарного стиля мышления неизменно приводит к тому, что символисты в глазах читателей мемуаров начинают приобретать качества противоположные качествам «отцов». Они как бы априори становятся 1) подвижными субъектами исторического времени, 2)

спонтанными в проявлениях социальности, 3) лишенными склонности к мещанству, обывательской пошлости и уюту, 4) способными на несерьезность бытового поведения, 5) глубоко понимающими позитивистскую философию, 6) свободными и не зависящими от опор на прошлое, 7) ставящими культуру превыше быта и 8) не зависящими от финансовых и социальных достояний «отцов». Таким образом, репрезентация инаковости Другого выполняет задачу конструирования собственной идентичности.

Репрезентация репрезентации

Как известно, культура Серебряного века строилась вокруг идей жизнетворчества [16, с. 10-57] и театрализации повседневности [17]. В совокупности данные феномены привели к высокой распространенности игрового поведения в среде русских символистов. Потому в мемуарах эпохи часто встречаются воспоминания о творческих вечерах, где «дети» в своих игровых практиках пародировали бытовое поведение «отцов». Безусловно, структура игр также подвергала его трансформации. Само по себе устройство миметической игры, где игрок разыгрывает «отца» собственным телом, побуждает к персонификации и подражанию индивидуальным чертам (мимика, жесты, интонации и тд). Однако, нельзя не отметить, что такая персонификация поверхностна. Ведь сам нарратив игры, как мы увидим, выстраивался исходя из общего представления о мифологическом «отце-позитивисте».

Отметим, что подобные сцены интересны с точки зрения переводческого поворота еще и тем, что представляют собой репрезентацию репрезентации. Первый ее уровень разворачивается непосредственно в игре и раскрывается как репрезентация образа «отца» за счет использования игроком тех категорий и представлений, которые могут быть верно считаны узким кругом присутствующих на вечере символов. Второй ее уровень обнаруживается в структуре самого мемуара, где рассказчик представляет игру, представляющую образ «отца», пользуясь при этом языком символистского дискурса и внося в описание игры собственные коррективы. Таким образом, в мемуарах осуществляется своеобразный двойной перевод одной культуры на язык другой.

В качестве примера, рассмотрим воспоминание об игровых практиках Эллиса: «великолепнейшим номером Эллиса была лекция профессора В. М. Хвостова, якобы прочитанная в психологическом О-ве: мешковато усаживаясь на стул, морща лоб, громко чмокая по-хвостовски губами, он делался вылитым В. М. Хвостовым, гудя:

— Милостивые государыни и милостивые государи! Некоторые уважаемые мыслители говорят, что свободы воли нет, а другие, не менее уважаемые, утверждают обратное; есть группа столь же уважаемых мыслителей, которая утверждает сперва, что свободы воли нет, а потом, впадая в явное и в кричащее противоречие с собою, приходит к заключению, что свобода воли есть; и есть группа уважаемых и столь же замечательных мыслителей, которая сперва утверждает, что свобода воли есть, а потом впадает в не менее явное и не менее кричащее противоречие, приходя к заключению, что свободы воли нет. Милостивые государыни и милостивые государи: коли свобода воли есть, так она есть; а коли ее нет, так ее нет. Разберем же эти группы и подгруппы в их отношениях к проблеме свободы воли и тд. Крутом хохот; Эллис же, совершенно перевоплотившийся в В. М. Хвостова, развертывает часовую лекцию о свободе воли всю сплошь состоящую из набора слов» (Белый, «Начало века», 1990, с. 297).

Опишем механики первого уровня репрезентации (самой игровой практики Эллиса). Несложно увидеть, что за кажущейся персонификацией скрываются все те же обобщенные принципы культуры «отцов», которые мы описали выше. В первую очередь,

отметим стремление игрока передать догматизм и закостенелость мышления позитивиста, а также его веру в авторитеты. Монолог профессора построен таким образом, что концепции мыслителей (сущностные явления) не важны. Важно лишь то, что сами мыслители «уважаемые», заработавшие себе имя. Может предположить, что таким образом Эллис «перевел» на язык символизма установку позитивизма на «накопление позитивного знания». Кроме того, заметим, что в структуре данной игры такое знание не имеет ценности, ведь оно 1) актуализируется как «набор слов», 2) не стремится постичь сущность явления («коли свобода воли есть, так она есть; а коли ее нет, так ее нет»), 3) замыкается на себе самом (важна не сущность свободы воли, а то, какие мнения по данной проблематике существуют: «разберем же эти группы и подгруппы»).

Второй уровень репрезентации (нarrатив мемуариста) раскрывается во-первых, в послесловии: «рассказывали впоследствии [...] В. М. Хвостов таки взял и прочел в Психологическом О-ве лекцию о свободе воли, которая была удивительным повторением пародии Эллиса». Описание же настоящей лекции профессора в данном дискурсе опускается, потому сущность и степень таких «повторений» проверить невозможно. Такое умалчивание, типичное для асимметричных переводов, создает иллюзию, что игровая и реальная лекции идентичны, а потому образ профессора не является конструктом. Во-вторых, рассказчик добавляет значимое «кругом хохот», задающее бинарность, ведь если «Мы» смеемся над Ним, значит «Мы» не «Он» и обладаем противоположными Ему качествами.

Другим ярким примером выступают буффонады С. М. Соловьева, рисующие принципы научной работы воображаемых профессоров из будущего: «мы появлялись в пародиях перед нами же “сектою блоковцев”; контуры секты выискивает трудолюбивый профессор культуры из XXII в.; С. М. ему имя измыслил: то был академик, философ Lapan, выдвигавший труднейший вопрос: существовала ли “секта”, подобная нашей, — на основании: стихотворений А. Н., произведений Владимира Соловьева и “Исповеди” А. Н. Шмидт. Lapan пришел к выводу: С. П. Х. [С. П. Хитрово], друг Владимира Соловьева, конечно же — не была никогда; С. П. Х. — символический знак, криптограмма, подобная первохристианской: С. П. Х. — есть София, Премудрость Христова. “София Петровна” — аллегорический знак: София, иль Третий Завет, возникающий на камне второго, — на камне “Петре”: вот что значило “Софья Петровна”, из биографии Соловьева: она есть легенда, составленная учениками философа. Мы — хохотали. Тогда, разошедшийся в шутках С. М., объявлял: ученик же Lapan'a очень-очень ученый Rampan, продолжая лапановский метод, пришел к заключению, что А. А. [А. Блок] никогда не женился: супруги по имени “Любовь Дмитриевна” не существовало; и это легенда “блокистов”: у Блока София Мудрость становится новой “Любовью”, которая из элевсинской мистерии в честь Деметры, “Дмитриевна” — Деметровна» (Белый, Воспоминания о Блоке, 1995, с. 68).

Вымышленные С. М. Соловьевым позитивисты Lapan и Rampan и их научная деятельность являются тем «промежуточным пространством» для репрезентации, к которому «дети» прибегали в процессе конструирования образа «отцов». Бинарность как механизм «другоизации» в данной культурной практике выражается наиболее ярко. На первом уровне репрезентации (игры С. М. Соловьева) она проявляется в структуре игровой практики, где позитивисты прямо противопоставлены «блоковцам». Кроме того, сам позитивистский («лапановский») метод «в игре маркирует тот тип познания, который приводит к неполному пониманию» [\[18\]](#). В отличии от блоковцев, игровые позитивисты не осознают саму сущность предмета их исследования: существующих в действительности и телесно воплощенных С. П. Хитрово и Л. Д. Блок. Второй уровень репрезентации

(описание мемуаристом игры С. М. Соловьева) продолжает формировать бинарность за счет предоставления читателю единствено верной в рамках данного дискурса реакции на образы Laran [] а: «мы — хохотали».

Заключение

Выстраивание собственных теоретических и эстетических концепций русскими символистами происходило в оппозиции к философским взглядам и бытовому укладу повседневности «отцов-позитивистов» и зачастую приобретало черты конфликта «отцов и детей». В борьбе за утверждение нового символистского дискурса «дети» трансформировали и искажали культуру «отцов». В частности, использовали детские воспоминания о повседневности родителей, чтобы сконструировать в своих мемуарах такой тип репрезентации «отцов», который поставил бы их в заведомо проигрышное положение. Бытовая культура русского интеллигента конца XIX в. рисовалась мемуаристами стоящей на принципе незыблемости и неизменности. Символисты приписывали ей такие категории, как рутинизация быта, серьезность и патетичность, размеренность и неспешность, принцип научной обусловленности, семейственность и наследственность, а также принцип «как полагается».

Выстраивание подобного конструкта в мемуарах осуществлялось в практиках «другоизации» и репрезентации инаковости. По результатам анализа в статье были выделены такие механики «другоизации», как: унификация и обобщение, бинарность и ассиметричность, приданье Другому статуса вневременности и внеисторичности, использование уничижительных категорий и диминутивов, нарративную технику двойной репрезентации и умолчание. Так как на начальных этапах формирования нового направления русские символисты еще не обладали позитивной программой, целью «другоизации» отцов становилось конструирование личной идентичности и собственной «самости», попытка определения себя через Другого.

Библиография

1. Гофман В. Язык символистов // Литературное наследство [Символисты]. М.: Объединение, 1937. Тт. 27/28. С. 54-105.
2. Балановский В.В. Гносеология Владимира Соловьева как проявление особого типа рациональности // Соловьевские исследования. 2011. № 2(30). С. 117–134.
3. Емельянов Б.В. Русский позитивизм XIX в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: общественные науки. 2010. № 2(77). С. 163–177.
4. Жеребин А.И. Вертикальная линия: венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2011.
5. Хренов Н.А. Символизм в контексте столкновения антропоморфной и дезантропоморфной тенденций в культуре // Культура и искусство. 2013. № 1(13). С. 26–40.
6. Сарычев В.А. «... Помню его кровно» (А.Л. Блок в жизни и творческой судьбе А.А. Блока) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 1(23). С. 7–28.
7. Разумова А.О. Культурная модель «отец и сын» в романе А. Белого «Петербург» // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2005. № 6(50). С. 28–32.
8. Трошин А.С. Эмблематический и знаковый строй поэмы А. Блока «Возмездие» // Вестник Бурятского Государственного Университета. 2014. № 10. С. 134–138.
9. Енишерлов В. Судьба отца // Вопросы литературы. 1980. № 10. С. 228–242.
10. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре /

- Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
11. Basso E.B. Translating "Self-Cultivation" // Translation and ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. Tucson: The University of Arizona Press, 2003. Pp. 85–101.
 12. Papastergiadis N. The Turbulence of Migration: Globalization, Deterritorialization and Hybridity. Padstow: Polity Press, 2000.
 13. Okazaki A. "Making Sense of the Foreign": Translating Gamk Notions of Dream, Self, and Body // TRANSLATION AND ETHNOGRAPHY. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. Tucson: The University of Arizona Press, 2003. Pp. 152–171.
 14. Maranhao T., Streck B. Translation and ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. Tucson: The University of Arizona Press, 2003.
 15. Молодяков В. Валерий Брюсов: Биография. М.: Вита-Нова, 2020.
 16. Страшкова Е.К. Феномен театрализации в жизни и искусстве как форма воплощения концепции жизнетворчества в эстетике модернистов // Вестник Ставропольского государственного университета. 2004. № 39. С. 154–160.
 17. Ханзен-Леве Аге А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифopoэтический символизм начала века. Космическая символика: монография. СПб.: «Академический проект», 2003.
 18. Кузьмина Ю.А. Игровые практики С. М. Соловьева как рефлексия младосимволистов над идеями В. С. Соловьева и позитивистским методом // Человек и культура. 2023. № 3. С. 110–124.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является репрезентация повседневности «отца-позитивиста» в мемуарной литературе русских символистов, что нашло отражение в заголовке («“Бытик профессорских квартирочек”: репрезентация повседневности “отца-позитивиста” в мемуарах русского символизма»). В качестве объекта исследования, соответственно, выступает мемуарная проза А. Белого, Г. И. Чулкова, В. Я. Брюсова, Н. Петровской, Б. М. Рунт и З. Н. Гиппиус, являющаяся одновременно источником анализируемого эмпирического материала.

Во введении, помимо контурного обозначения программы исследования, которая отходит на второй план, автор вскользь касается исторической социокультурной атмосферы поиска «принципиально нового представления о возможностях интуитивного познания» и намечает рассмотрение проблемы самоидентификации символистов посредством теории дискурса.

В разделе «Репрезентация инаковости в оптике переводческого поворота» с опорой на работы Дорис Бахманн-Медик и Эллен Б. Бассо автор уделяет внимание наиболее существенной в методическом подходе позиции главенства привилегированного дискурса в рамках его «перевода-репрезентации» оппонирующего дискурса «на собственные язык и способ организации».

Далее следует анализ эмпирического материала, проиллюстрированный ссылками на работы коллег, входе которого последовательно раскрываются инаковость «отцов» в мемуарах русского символизма с опорой на четыре принципа организации незыблемости

бытия (визуальной неизменности, рутинизации социального поведения, «научной» обусловленности повседневных практик и наследования), а также широко применяемый символистами прием «репрезентации репрезентации», рассмотренный на примере анализа воспоминаний о воспоминаниях (пересказа) и игровых досуговых практик театрализации. Основные аргументы автором рассмотрены достаточно подробно, так что итоговые выводы логичны и обоснованы.

Таким образом, предмет достаточно исследования изучен на хорошем теоретическом уровне.

Методология исследования опирается на структурированный дискурс-анализ представленного в мемуарной прозе эмпирического материала. Несмотря на то, что программа исследования не формализована в тексте статьи, она хорошо просматривается в структуре его изложения: её элементы выстроены в логичной последовательности (задачи решены с использованием релевантного инструментария, цель достигнута). Применение приемов дискурс-анализа к раскрытию мотивации обращения к одной из определяющих тем творчества русских символистов, ярко представляющей специфику их интуитивного познания и реконструкции действительности, представляется достойной внимания находкой автора.

Актуальность темы автор поясняет тем, что к философскому спору о сущности познания символистов и позитивистов добавлялся еще и вечная экзистенциальная проблема конфликта «отцов и детей», обретающая сегодня особую остроту в силу переживаемого современными обществами кризиса ценностной неопределенности. Автор затрагивает существенный, на взгляд рецензента, аспект конфликта традиции и новации, несмотря на то что он прикрыт теоретической рефлексией «репрезентации репрезентации», который особенно актуален для современного российского общества.

Научная новизна работы, выраженная в итоговом обобщающем выводе утверждением автора: «Так как на начальных этапах формирования нового направления русские символисты еще не обладали позитивной программой, целью “другоизации” отцов становилось конструирование личной идентичности и собственной “самости”, попытка определения себя через Другого», — хорошо аргументирована и не вызывает сомнений. Стиль текста статьи научный, отдельные описки могут быть исправлены редактором без вреда авторской мысли (например: «... незыблемость и неизменность считывались в необычайной визуальной “размеренности” жизни...», «... уровень репрезентации (нarrатив мемуариста) раскрывается во-первых, в послесловии...» [пунктуационная описка употребления вводного выражения], «... унификация и обобщение, бинарность и асимметричность...», а также употребление автором вслед за цитатами А. Белого ненормативного сокращения «тд»).

Структура в полной мере соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография отражает проблемную область. По её оформлению существенных замечаний нет.

Апелляция к оппонентам вполне уместна и корректна.

Статья, безусловно, представляет интерес читательской аудитории журнала «Litera» и может быть рекомендована к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Карташева А.О., Кихней Л.Г., Осипова О.И. — К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого // Litera. – 2023. – № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43618
EDN: TQFBBS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43618

К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого

Карташева Анна Олеговна

аспирант, кафедра Истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С.Грибоедова

111024, Россия, г. Москва, ул. Шоссе Энтузиастов, 21

✉ Anna.kartasheva@internet.ru

Кихней Любовь Геннадьевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра истории журналистики и литературы, Московский университет им. А. С. Грибоедова

111024, Россия, Москва, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ lgkikhney@yandex.ru

Осипова Ольга Ивановна

ORCID: 0000-0001-6783-9378

доктор филологических наук

доцент, кафедра русского и иностранных языков, Дальневосточный государственный технический рыбозаводский университет

690087, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Луговая, 52 б, оф. 320

✉ osipova.oi@dgtru.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.43618

EDN:

TQFBBS

Дата направления статьи в редакцию:

21-07-2023

Аннотация: Объектом настоящей статьи является стихотворная переписка Валерия

Брюсова и Андрея Белого 1900-х годов. Анализ позволил сделать ряд выводов о коммуникативных стратегиях русского модернизма. Во-первых, в структуре переписки вычленяется доминирующая жанровая установка на диалог с адресатом, позволяющая идентифицировать эти стихотворения как послания. Это, с одной стороны, дает возможность вписать послания Брюсова и Белого в общесимволистский поэтический-коммуникативный контекст начала XX века, когда этот жанр был своего рода мейнстримом. А с другой стороны, анализ жанровых доминант позволяет обозначить их жанровое обновление, связанное с образованием оригинального метаструктурного цикла, напоминающего «роман в письмах», героями которых выступают Брюсов и Белый, одновременно соединяющие в себе роли автора и адресата. Во-вторых, в заголовках рассматриваемых стихотворений («Бальдеру Локи», «Бальдеру II», «Старинному врагу», «Маг») выявляются мифологические коды, устанавливаются генетические связи с христианскими апокрифами и скандинавскими преданиями, в системе которых авторское «я» и «ты» адресата ассоциируются с образами светлых и темных сил, укорененных в религиозной и языческой традициях. В-третьих, с помощью биографического метода устанавливаются параллели лирических сюжетов стихотворений с жизненными и творческими взаимоотношениями поэтов. В итоге, стихотворная переписка мэтров символизма трактуется как мировоззренческая дуэль, имплицитно реализующая драматические ситуации личных и «цеховых» отношений, с четким разделением эстетических и этических ролей. Эти роли структурируют сюжет эпистолярного «романа», перипетии которого сводятся к бинарным оппозициям «света» и «мрака», небесного и земного, божественного и демонического начал. Однако одновременно этот обмен посланиями предстает как диалог о роли поэта в символистском дискурсе, диалог, отражающий разные векторы творческих устремлений символистов и, следовательно, амбивалентные тенденции течения как к консолидации, так и к размежеванию.

Ключевые слова:

Валерий Брюсов, Андрей Белый, заголовочный комплекс, послание, жанр, стихотворная переписка, автор, адресат, символизм, миф

В атмосфере литературной борьбы Серебряного века особо возрастает интерес символистов к жанру послания. Причем послания символистов нередко образовывали целые циклы, обращенные как к конкретному поэту, так и к группе единомышленников или оппонентов. Это циклы «Оды и послания», «Близким», «Послания» В. Брюсова; цикл «Послания» А. Блока; циклы А. Белого, обращенные Брюсову; а также циклы Вяч. Иванова - «Современники», «Товарищам», «А. Блоку», «Лира и Ось» и ряд других. Сам факт циклизации посланий свидетельствует о том, что поэты сознательно прибегали к этому жанру. Циклы тех или иных посланий являлись новыми жанровыми образованиями. Они, как правило, были связаны единой авторской установкой, сквозными мотивами и обладали определенной эстетической цельностью и законченностью.

Своеобразие жанра послания у символистов можно выявить при рассмотрении его в контексте их литературного быта (личного общения, частной переписки). Для символистов характерны «панэстетизм» мироощущения, представления о «теургической» миссии искусства [1, 241-242]. «Литературная» модель поведения и поведение поэта в жизни рассматривались как идентичные понятия, грань между искусством и жизнью стиралась: реальный поступок трактовался как факт искусства, а «художественное» поведение – как часть личной биографии. Если романтиками прошлого века искусство

воспринималось все-таки отстраненно (они не отождествляли его с реальным бытом), то для символистов оно было неотделимым жизненным элементом и стало естественной формой и творческого, и личностного общения.

Послание, как средство поэтической коммуникации символов (в тех случаях, когда оно предполагало конкретного автора и адресата), распадается на несколько подтипов, в зависимости от характера диалогического контакта автора и адресата (конституирующих жанр), от ролей, им приписываемых, от конкретной целевой установки стихотворного письма. В посланиях варьируется три типа диалогических отношений между автором и индивидуальным адресатом. *Первый тип* предполагает монологическое раскрытие авторского «я» (автохарактеристика, декларация взглядов). Адресат здесь образно не воплощен, оставаясь вне рамок послания, он служит лишь объектом авторского воздействия. При *втором типе* отношений, напротив главный акцент делается на образном раскрытии адресата, на комментировании его жизненной и творческой позиции. Автор играет здесь роль «повествователя». *Третий тип* основан на диалогическом контакте автора и адресата уже в рамках послания. Поэтому здесь явлены как автор, так и адресат (в образном отражении или в изложении их точек зрения), а художественная идея послания воплощается через сопряжение или противопоставление этих двух начал.

Знаменательно, что для Валерия Брюсова в период становления символизма был характерен первый тип отношений. Он нередко позиционировал адресата как объект воздействия, внушения (вспомним его послание «Юному поэту») или «слушателя», которому он излагает свою философию жизни или эстетические принципы. Ср. послание «З.Н. Гиппиус» (1901):

Неколебимой истине

Не верю я давно,

И все моря, все пристани

Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала

Свободная ладья,

И Господа и Дьявола

Хочу прославить я...

[\[9, 354–355\]](#)

Разумеется, Брюсов учитывает и позицию адресата. Более того: подобные послания, как правило, включены в контекст предыдущих встреч или переписки обоих художников, что часто отражается в подтексте послания (понятном лишь им двоим). Так, к примеру, процитированное послание было откликом на один из разговоров Брюсова и Гиппиус, в котором затрагивались темы религии и искусства. Кроме того, оно, — как вспоминала З.Н. Гиппиус, — явилось разрешением одной из частных задач версификации, которой коснулись они в этом разговоре (речь зашла о том, как трудно подобрать рифму к слову «истина») [\[9, 617–619\]](#).

Его послания при их внешнем протеизме часто имеют назидательную направленность, Брюсов ставит задачу убедить адресата в правоте своих суждений, опровергнуть точку

зрения оппонента.

Коммуникативная установка посланий Андрея Белого резко отличается и от этико-эстетического протеизма и «учительной» интенции посланий В. Брюсова. Его послания можно отнести к третьему типу (в рамках предложенной классификации). Белый выступает в стихах, обращенных к своим литературным соратникам, как носитель четко обозначенной жизненной, идеологической, философской позиции, глубоко убежденный в ее абсолютной значимости. Причем он отождествляет свою позицию с самыми высшими ценностями бытия, т. е. выступает как прозелит и проповедник определенного учения. В аргонавтический период у Белого гораздо сильнее выражена коммуникативная интенция младосимволизма. Если ранний Блок дает воплощение идеала соловьевства («Стихи о Прекрасной Даме»), то Андрей Белый дает платформу: он поворачивает соловьевскую концепцию не как учение об идеале, замкнутое в самом себе, а как жизнетворческую идею, способную сплотить людей, жаждущих «подвига». Стремясь связать единой платформой больших художников, он обращается с посланиями к К. Бальмонту, В. Брюсову, А. Блоку, С. Соловьеву, Эллису. В этих обращениях Белый старается облечь свою проповедь в привлекательные для адресатов эстетические «одежды», давая портретные характеристики корреспондентов и прибегая обильным аллюзиям из их творчества.

Подобная диалогическая позиция гораздо более уязвима чем другие, прежде всего потому, что она не учитывает существования чужих сознаний с иными мировоззренческими ценностями. Кружковое и одновременно эгоцентрическое сознание автора стремится навязать собственные представления собеседнику, поставить его перед выбором: «свой или чужой».

Вполне естественно, что столкновение с другим лирико-философским мироощущением оборачивается для него глубочайшим кризисом.

С этой точки зрения интересно рассмотреть стихотворную переписку Валерия Брюсова и Андрея Белого. Содержательной доминантой этой переписки была идея связи, по сути дела, нерасчлененности жизненного и творческого поведения художника. Исследователями не раз отмечалось стремление к созданию смыслового центра вокруг творчества, эта особенность определяется особыми формами самовыражения и самосознания, вбирающих в сферу влияния нравственно-этический, социально-философский, религиозно-мифологический аспекты. В этом смысле коммуникативные стратегии авторов символизма направлены на связь между текстами, сложную ассоциативность, символичность и метафоричность.

«Умственный поединок» между Брюсовым и Белым, их идеологическое и философско-этическое противостояние, «текущая диалектика» сложных взаимоотношений и взаимооценок двух крупных художников, не укладывающихся в узкие рамки однозначных определений, выразились с наибольшей отчетливостью именно в посланиях, которыми обменивались поэты. Современники Серебряного века отмечали, что для Брюсова это была прежде всего игра в мага: «Других символистов тянуло к мистике, – Брюсов, для знания, забавы или из любопытства мог заниматься «оккультными науками», Кабалой, Черной мессой – но от мистики был бесконечно далек» [\[2, 231\]](#).

В посланиях к Андрею Белому Брюсов предстает в личине «мага», «демона», что характерно для стиля жизненных отношений поэтов в 1903-1904 годах и частично было инспирировано поэтическими портретами и характеристиками, данными Брюсову Белым в

заглавиях и в самих текстах стихотворений, к нему обращенных. Важным моментом для понимания коммуникативных интенций авторов является и то, что параллельно с текстами поэтическими можно найти интонационно похожие высказывания и в дневниковых записях поэтов, и в их воспоминаниях, например, у Белого: «С Брюсовым устанавливаются холодные, жуткие отношения, кроме того: я чувствую, что какая-то дверь, доселе отделявшая меня от преисподней – распахнулась: точно между мной и адом образовался коридор...» [\[3, 102\]](#)[\[11\]](#). Брюсов тех лет воспринимается Белым как «противленец, союзник, враг, друг, символист» [\[5, 473\]](#). Сам же Брюсов о своих отношениях с А. Белым в 1904-1905 гг. пишет: «Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов» [\[5, 136\]](#).

Брюсов тех лет в восприятии современников был поэтом-«магом», что в известной степени вызвано увлечением Брюсова в те годы спиритизмом, «оккультными науками», интересом ко всему тайному, «инферициальному». И Белый своими посланиями способствовал канонизации этой «личины» художника.

Так, в 1903 г. Белый посвятил Брюсову послание (в альманахе «Гриф») под заглавием «Валерию Брюсову», вошедшее в сборник «Золото в лазури» под названием «Маг»:

В венце огня, над царством скуки,
над временем вознесены,—
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

[\[6, 117\]](#)

В письме к Э.К. Метнеру от 25 июля 1903 г. Андрей Белый дает обоснование своей поэтической интерпретации «мэтра»: «Среди официальных выразителей магизма, с сознательным актерством ретуширующих себя перед обществом, пальма первенства принадлежит, конечно, Брюсову, который «играет роль» с чувством, с пафосом, исполняя свою миссию (миссию показного мага) перед целой Россией, и, конечно, заслуживает уважение и признание за это, ибо он же – громоотвод, принимающий львиную долю грязи, оскорблений на себя, приучающий нашу мужиковато удивляющуюся толпу не удивляться. Не знаю, понятно ли характеризуют его, но для меня понятен и по-своему близок *an sich* Брюсов. Вот почему в своем стихотворении я и постарался дать изображение идей и прототипа Брюсова» [\[7, 332-333\]](#). Таким образом, для Белого эта «маска» Брюсова имела и общественное значение [\[8, 85-87\]](#).

Первое послание Брюсова «Андрею Белому» (1903), вошедшее впоследствии в сборник «Stephanos», явилось откликом на «Золото в лазури» Белого. В стихотворении, как указывают комментаторы переписки Брюсова и Белого, «в первый раз намечена оппозиция, приобретшая определенность в последующих личных отношениях поэтов» [\[7, 334\]](#) и наиболее отчетливо отразившаяся в их дальнейшем обмене посланиями.

Поэтические образы послания вступают в интертекстуальные связи со стихотворениями Белого из сборника «Золото в лазури» («Маг» с посвящением «В.Я. Брюсову», «На горах», «Гном» и др.), в нем подхватываются, продолжаются мотивы этих стихотворений. Брюсов, заимствуя у Белого некоторые образы, характеризующие его самого, переадресовывает их Белому же. Так происходит, например, в стихотворении «Маг».

Забегая вперед, отметим, что трактовка образа Брюсова как мага получит дальнейшее развитие и обоснование в последующих посланиях Белого, написанных в 1904 году.

Белый называет Брюсова пророком, «вознесенным над временем» («пророк безвременной весны»), стоящим в «холодной вышине», «на утесе». Брюсов же в своем послании прибегает к инверсии образной системы стихотворения Белого. «Мутные высоты», «внemирность», «пророчество» — все это атрибуты, взятые у Белого и относящиеся к Брюсову, перенесены в брюсовское послание и являются уже атрибутами Белого. В этом своеобразный завуалированный полемический прием, который часто использовал Брюсов в идеино-литературных спорах с Белым. Исследователи отмечают, что разность взглядов на искусство сознавалась поэтами всегда, но это не мешало им работать в «Весах», позиционируя журнал как рупор нового искусства, и только после 1904 года начинается сознательное заострение противоречий, усиленное еще и личными перипетиями жизни поэтов, оказавшимися возлюбленными одной женщины.

Поэтическая коммуникация мэтров символизма предстает как своего рода эпистолярный «роман», построенный на одних и тех же ключевых образах, отраженных в заголовочных комплексах стихотворений.

Первое брюсовское послание «Андрею Белому» (1903) можно рассматривать как завязку и — одновременно — как пролог этого романа в письмах. «Одиночество в бездне» («как глухо в безднах, где одиночество» [\[9, 353\]](#)) — символическое отражение душевного состояния Брюсова 1903-1904 гг. Мотив «одиночества» в послании предваряет ретроспективный мотив «веры» («Я многим верил до иступленности» [\[9, 353\]](#)). Темы одиночества, веры и разуверения, духовного перепутья звучат в лирике Брюсова 1900-1903 гг. («Дон Жуан», 1900; «К портрету М. Ю. Лермонтова», 1900; «Мечтание», 1900-1901; «Блудный сын», 1903 и др.). Но там эта тема развертывается опосредованно, через образы Лермонтова, евангельского блудного сына, Дон Жуана и т. д.

У Брюсова, по воспоминаниям Белого, до «Urbi et Orbi» не было веры в то, что кто-то из символистов способен на подвиг, а потому не было веры в саму идею жизнетворчества. Свидетельство тому находим в комментарии Белого к письму Брюсова после 12 августа 1904 г., отраженном в его мемуарах: «Был осознанным противоречием он, Брюсов, с откровенным отказом от выхода, не находя его, но допуская, что может быть, выход есть коли так, — пусть покажут ему: ощущает ею, деловито оценит» [\[3, 151\]](#). Отсюда культивируемый им лозунг «чистого искусства»: «Только литература!» Послание «Андрею Белому» раскрывает психологическую подоплеку той эстетической и жизненной концепции Брюсова, суть которой он выразил строками в «абстрактном» послании «К поэту»: «Быть может все в жизни лишь средство / Для ярко-певучих стихов» [\[9, 447\]](#). В этом контексте становится понятным, почему Брюсов в начале 1900-х годов с одинаковым пылом «прославляет» (т. е. «вылепляет в слове») «и господа и дьявола». Во многом подобный «панэстетизм» определяется особенностями сформированного воспитанием мировоззрения поэта, о котором он говорит в своих мемуарах: «От сказок и всякой «чертовщины» меня усердно оберегали. Зато об идеях Дарвина и о принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножению. Нечего и говорить, что о религии в нашем доме и помину не было: вера в Бога мне казалась таким же предрассудком, как и вера в домовых и русалок» [\[10, 66\]](#).

Своим первым стихотворным сборником «Золото в лазури» Белый заявил об ином жизнеотношении, связанном с предчувствием больших социальных перемен и с надеждой на грядущее обновление мира. В сборнике в образах зари, неба, солнца и т.

п. отразились мистические чаяния символистов второй волны, аргонавтов, которых отличали, как пишет Т. Хмельницкая, «коллективные поиски идеальной свободы и духовного очищения жизни, иллюзорное жизнетворчество, оторванное от конкретной социальной и народной почвы» [11, 16]. И в этом контексте послание Брюсова явилось как бы «испытанием» Белого, истинности его прозрений, крепости его веры. Послание развертывается в трех временных планах – прошлое, настоящее и будущее. В прошлом – вера лирического героя-автора «многим», стоявшая ему горьких разочарований («...бред влюбленности, / Огнем сожженный залитый кровью» [9, 353]). В настоящем – путь души от одиночества разуверения к надежде на новую веру:

Как глухо в безднах, где одиночество,

Где замер сумрак молочно-сизый...

Но снова голос! зовут пророчества!

На мутных высях чернеют ризы!

[9, 353]

Через реминисценцию «чернеют ризы» (заимствованную из стихотворения Белого «Маг»: Ср.: Я в свисте временных потоков / Мой < ...> плащ мятежно рвущих [6, 117].) Брюсов дает мифологизированный портрет Белого.

С самого начала Брюсовым композиционно «прочерчена» вертикаль: Белый – «на мутных высях», автор – «в безднах». В послании разворачивается диалог, концептуально важный для Брюсова. На вопрос, автора: «Брат, что ты видишь?» – следует ответ, построенный на интертекстуальном использовании ключевых образов из «Золота в лазури»:

«В сиянии небо – вино и золото! –

Как ярки дали! Как вечер пышен!»

[9, 353]

Смысл этого «ответа» – в причастности адресата к мировой гармонии, открывающейся ему через различные «световые» символы, в обнаружении их каких-то новых перспектив. Далее развивается мотив «новой» веры («отдавшись снова») – как восхождение из бездны «неверия и одиночества» на «кручи», откуда доносится «внemирный» голос лирического героя «Золота в лазури». Но символическое восхождение – новая вера в идеалы Белого – омрачена тенью подозрения, недоверия к адресату и к его пророчествам. Это вызвано отчасти и романтической иронией автора сборника «Золото в лазури», раздвоенностью образного строя стихов Белого, для которого «одновременно предстает и уродливо-гротескный облик явления, и его «светлая суть».

В послании Брюсова ирония представлена опять же через аллюзии (но уже другого порядка) из сборника «Золото в лазури»:

Мне режут руки цветы колючие,

Я слышу хохот подземных гномов.

[9, 353]

Таким образом, автор воплощает в художественной ткани послания сопутствующие мистическим прозрениям Белого мотивы неверия, иронии и даже глумления над «святынями», мотивируя ими собственный скепсис и сомнения.

Отсюда и парадоксальность загадочных, на первый взгляд, финальных строк послания, звучащих как угроза:

Я многим верил. Я проклял многое,

Я мстил неверным в свой час кинжалом.

[\[9, 353\]](#)

Образ автора демонизирован в последних строках, это — герой-мститель. Таким образом, духовному «я» автора свойственно переплетение веры-сомнения в «прозрения» Белого, а также тайное подозрение в отступничестве Белого от собственных идеалов («я мстил неверным»). Сам Белый воспринимал эти стихи следующим образом: «В стихах, посвященных мне, он <т. е. Брюсов — Л. К., А.К., О.О.> угрожает мне: если я приму «серебренники», — то кинжал ожидает меня» [\[3, 147\]](#). Значит Белый соотносил это послание с евангельской легендой о предательстве Иуды (новозаветные аллюзии такого же порядка будут и в брюсовском послании Белому 1909 г.).

В свете этого замечание комментаторов переписки Белого и Брюсова о том, что «Белый воспринимал это стихотворение исключительно в личном плане, связывая его с обострением отношений между ним, Брюсовым и Н.И. Петровской [см. подр.: 7, 334], представляется излишне категоричным. Первое брюсовское послание Белому выполнено (и воспринимается) в философско-мировоззренческом ключе, а личный, жизненно-конкретный план отношений поэтов более отчетливо воплотился в посланиях Брюсова «Бальдеру Локи» (1904), «Бальдеру II» (1905) и в ответе Белого «Старинному врагу» (1904).

В стихотворении «Бальдеру Локи» в мифологизированном сюжете отражено реальное жизненное противостояние и идеально-философское противоборство Брюсова и Белого. Бальдер и Локи, как известно, герои скандинавских мифов. Бальдер — юный сын Одина, «светлый» бог; в мифах он играл роль пассивной жертвы. Локи отнесен чертами демонизма, стихийности; в мифах для него характерна роль ссорящего богов [см.: 12, 81-82]. В послании Белый — Бальдер наделен цельностью, лучезарностью, он — носитель светлых начал мира, приобщен к мировой гармонии:

Светлый Бальдер! мне навстречу

Ты, как солнце, взносишь лицо.

Чем лучам твоим отвечу?

Опаленный, я поник.

Я въбегу к снегам, на кручи:

Ты смеешься с высоты!

Я взнесусь багряной тучей:

Как звезда сияешь ты!

[9, 388]

В брюсовском восприятии адресата сказалась концепция «света» Белого, восходящая к философии Вл. Соловьева и отразившаяся в «Золоте в лазури». Брюсов же, напротив, в этом послании воплощает «темное начало» («Сумрак, сумрак – за меня»). Он как бы надевает демоническую маску и завершает стихотворение угрозами Бальдеру, пророчеством о его гибели – т. е. гибели светлого начала мира, «небесных сил», и о победе тьмы:

Но мне явлен Нервой мудрой

Призрак будущих времен,

На тебя, о златокудрый,

Лук волшебный наведен.

<...>

Я слепцу вручу стрелу, —

Вскрикнешь ты от жгучей боли,

Вдруг повергнутый во мглу!

[9, 389]

В свете своих философских построений Белый воспринял послание Брюсова как нападение на свои жизненные устои. И отвечает ему стихотворным посланием «Старинному врагу» (1904), утверждая победу «света» над «тьмой», своего мироощущения над брюсовским.

Ты над ущельем, демон горный,

Взмахнул крылом и застил свет.

И в туче черной, враг упорный,

Стоял. Я знал: пощады нет —

И длань воздел – и облак белый

В лазурь меня – в лазурь унес...

Опять в эфирах, вольный, смелый.

Омытый ласковостью рос.

<...>

Ты пылью встал. Но пыль, но копоть

Спалит огонь, рассеет гром.

Нет, не взлетишь: бесцельно хлопать

Своим растрепанным крылом,

Моя броня горит пожаром.

Копье мне – молnya. Солнце – щит.

Не приближайся: в гневе яром

Тебя гроза испепелит.

[\[6, 465\]](#)

Белый придавал этому посланию мистическое, «заклинательное» значение; его отправление Брюсову должно было отвести от него «дьявольское» наваждение адресата: «Пока писал – чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и – знал: на клочке посылая заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии – раз навсегда, грохотала во мне сила света» [\[4, 387\]](#).

В посланиях поэтов разыгрывается психологический поединок. Такая установка со стороны Брюсова была исполнением взятой на себя роли. Но она имела под собою и глубокое внутреннее противостояние всей его мировоззренческой системы этическим и эстетическим взглядам А. Белого. Эта стихотворная переписка отразила не только мучительную личную борьбу Белого с Брюсовым, но и противостояние младосимволистов декаденству «старших», представление о котором связывалось у Белого с именем Брюсова. Подтверждение этому – письмо Брюсову (около 28 сентября 1905 г.), в котором Белый формулирует отличия декадентов от символистов: «Разве мое присоединение к вам было основано на литературном знакомстве, а не на общности в деятельности работе творчества – не форм искусства, а форм жизни (между прочим искусства). <...> Оба <т. е. Брюсов и Бальмонт – Л. К, А. К., О.О.>вы догматики. Оба вы еще в старом. К «новому» вы относитесь одними знаками «минус». <...> Я не с вами. <...> Может быть, вы улыбнетесь наивности моих слов: искать неподдельности, общения, души – это старо, скучно, не дельно: но я заявляю, я хочу только человеческого, а если и говорю о несказанном, то уповаю его найти в сказанном. Я ищу символов ... вы разлагаете символ. Вы не символисты. Я человек. Человека во мне попрали в вашем круге, превратили в «арабеску». <...> Извне нас принимают за одно. Я заявляю, что нет у меня с вами ничего общего» [\[7, 387-389\]](#). Как видим, здесь намечается важная особенность коммуникативной стратегии модернизма: судьба направления решается не только в манифестах старших и младших символистов, не только в поэтической дуэли, но и на страницах частной переписки, что определяет значимость роли творца как вершителя судьбы эстетического направления.

Эту своеобразную духовную дуэль поэтов завершило послание Брюсова «Бальдеру II» (с многозначительным эпиграфом из З.Н. Гиппиус: «Тебя приветствую, мое поражение»), в сюжете которого ретроспективно отражен и личный конфликт поэтов, сложные, запутанные отношения между Брюсовым, Белым и Н. Петровской:

Кто победил из нас, – не знаю!

Должно быть, ты, сын света, ты!

И я, покорствуя встречаю

Все безнадежные мечты.

Своим и я отметил знаком

Ту, за кого воздвигся бой,

Ей на душу упал я мраком
 И в бездны ринул за собой.
 Но в самом ужасе падений,
 На дне отчаянья и тьмы,
 Твой дальний луч рассеял тени,
 И в небеса взглянули мы! ...

[\[7, 338\]](#)

Каждый из корреспондентов связывает свой образ (и образ адресата) с некоторыми сущностными чертами мироздания (Белый – воплощение светлого начала мира, Брюсов – темного). Брюсов как бы примеряет маску горного демона, мага, который «испытывает» своего адресата. Поскольку стихотворение не было опубликовано, то есть предположение, что Белый не знал о нем.

В феврале 1904 г. А. Белый пишет ряд стихотворений, упоминая позднее из которых в «Материале к биографии», он отмечал влияние брюсовской поэтики на свое творчество: «Я пишу несколько отрывков стихотворных, посвященных Брюсову, и с удивлением вижу по ним, что от ритмов «Золота в лазури» и следа не осталось; влияние поэзии Брюсова на себя я ощущаю болезненно; в этом влиянии точно сламывается во мне что-то; февраль могу назвать перегоранием «Золота в лазури» в «Пепел» [\[7, 334-335\]](#). Новое стихотворение 1908 г. «Маг» (ср. одноименным посланием 1904 года) ярко отражает новое восприятие Белым магического облика Брюсова.

Упорный маг, постигший числа
 И звезд магический узор,
 Ты – вот: над взором тьма нависла ...
 Тяжелый, обожженный взор.

<...>

Ты знаешь: мир, судеб развязка,
 Теченье быстрое годин –
 Лишь снов твоих пустая пляска;
 Но в мире – ты, и ты – один...

[\[6, 282-283\]](#)

Как бы итогом семилетней полемики писателей явились последнее послание В. Брюсова Белому (1909) и ответ на него А. Белого. В брюсовском послании развернута поэтическая характеристика отношений поэтов, которые расцениваются как «путь к высотам». В этом послании Брюсов анализирует их тайную вражду и тайную близость:

Нас не призвал посланник божий
 В свой час, как братьев, от сетей.

И долго были непохожи
Изгибы наших двух путей

[\[9, 540\]](#)

Сюжет стихотворения построен на евангельских аллюзиях. Ср.: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел Двух братьев, Симона, названного Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы, и говорил им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мтф. IV: 18-19).

Брюсов считает, что они с Белым, изначально – братья, «апостолы новой веры», но как бы недовоплотившиеся («...не призвал посланник божий»). Ключ к этому стихотворению – в письме Брюсова к Андрею Белому (после 12 августа 1904 г.). В этом письме Брюсов поднимает вопрос об общественной значимости искусства, о назначении современного художника: «Нет в нас достаточной воли для подвига. То, чего мы все жаждем, есть подвиг, и никто из нас на него не отваживается. Отсюда все. Наш идеал – подвижничество, но мы робко отступаем перед ним и сами сознаем свою измену, и это сознание в тысячах разных форм и мстит нам. Измена евангельскому завету: «Кто возлюбит мать и отца больше меня...» <...> А мы, пришедшие для подвига, мы, ищащие восторга, покорно остаемся в четырех условиях «светской жизни ... и покорно повторяем слова, утратившие и первичный и даже свой вторичный смысл. Мы привычно лжем себе и другим. И вдруг удивляемся, что не дано нам чудотворить, не дано нам просиять! <...> Да, я знаю, наступит иная жизнь для людей... – жизнь, когда все будет «восторгом и исступлением». <...> Нам не вместить сейчас всей этой полноты. Но мы можем провидеть ее, можем принять ее в себя, насколько в силах, – и не хотим. <...> Мы не смеем. Справедливо, чтобы мы несли и казнь» [\[7, 378-379\]](#).

Финальное послание В. Брюсова «Андрею Белому», с одной стороны, дает ретроспективную характеристику прежнего мироощущения автора, с другой – анализирует «изгибы двух путей», – своего пути и пути адресата. Он отмечает их уже изначальное несходство; «И долго были непохожи / Изгибы наших двух путей» [\[9, 540\]](#). Но, считает Брюсов, они, хотя и разными путями, но оба шли «на высоты»:

Ты был безумием и верой
На высь Фавора возведен;
Как Данте, яростной пантерой
Был загнан я на горный склон.

[\[9, 540\]](#)

В ответном стихотворении «Встреча», обращенном Брюсову, Белый также символически изображает их былую борьбу и то положительное, что они оба из этой борьбы вынесли:

«Высоких искусств науку
И марева пустынных скал
Мы поняли», — ты мне сказал:
Братоубийственную руку

Я радостно к груди прижал.

<...>

Нам с высей не идти назад:

Мы смотрим на одни вершины.

[\[6, 285\]](#)

Примирение в дуэли настало, неразрывная связь двух поэтов, их поэтический диалог сгенерировали новый диалогический жанр поэтического послания, вбирающего совокупность околовитературных, биографических смыслов, мифологических, архетипических коннотаций.

Таким образом, коммуникативная стратегия поэтической переписки Брюсова и Белого опирается на ряд аспектов. Прежде всего очевидно философско-эстетическое противостояние двух поэтов. В брюсовских «нападениях» на жизненную позицию Белого сказалось его глубокое неверие в теургическую миссию младосимволистов, «пророчества» которых объективно ложны, поскольку в жизнь они так и не воплощаются. Но если Белый, судя по общей тональности его посланий, воспринимал эти эпистолярные пассажи серьезно – в духе своих эсхатологических построений, то в посланиях Брюсова проглядывает некоторый налет литературно-психологической игры. Особенно заметна эта игра в момент работы над романом «Огненный ангел», когда, по свидетельствам современников, автор ставил психологические эксперименты над участниками, проверяя жизненность текста жизнью. Впоследствии Белый скажет, что только после прочтения романа понял ту игру, в которой ему против воли была отведена главная роль, и осознал те события, героям которых оказался. Установка символистского искусства на стирание границ между искусством и жизнью как никогда ярко отразилась в поэтической коммуникации двух поэтов.

Установка на диалог поднимает не только биографический и метафизический пласт «романа в стихах», но и выявляет уровень ассоциаций и символов, дешифровка которых позволяет увидеть скрытые художественные смыслы. Мифологическая подоплека посланий определяется эсхатологическим мифом об убийстве Бальдера. При этом оба поэта примеряют на себя маски богов, актуализируя с некоторыми изменениями и их функции. Мaska Локи-трикстера, не имеющий четких нравственных представлений и границ, хорошо легла на лицо Брюсова, современники которого отмечали его темное, демоническое «я» – имидж столь трепетно им поддерживаемый. Кстати, также как и Локи, проделки которого становились катализатором для действий богов Асгарда, Брюсов в литературной жизни Москвы играл активную роль. Бальдер как образ, воплощающий чистоту и свет, подходил А. Белому (здесь обыгрывается и псевдоним поэта и его философские и поэтические искания). Сохраняя традиционную интерпретацию героев скандинавской мифологии, наделяя свой литературный образ чертами богов, поэты воспроизводят архетипический конфликт добра и зла, выраженный в противостоянии темного и светлого начал.

Стратегически однородными произведенияния поэтов оказываются в силу доминирующей жанровой установки на диалог с адресатом, позволяющей идентифицировать эти стихотворения как послания.

Особо отметим, что философско-эстетическими установками определяется выбор амплуа автора и адресата (брата, врага, теурга, пророка, мага, трикстера, посланца неба или

демона), которые индексируются в заголовочных комплексах посланий и несут в себе не только эстетический, но и некий провиденциально-магический заряд, реализующийся в моделях поведения и творчестве обоих поэтов.

Главным при этом является принципиальная готовность признать за собеседником право на особую роль, находящуюся в определенном ценностном отношении со своей собственной ролью. Существенным оказывается также и то, что сама система ролей, почти всегда имеющих мифологическую проекцию, не задана предварительно. Коррелятивный выбор ролей создается непосредственно в процессе эпистолярного общения, рассчитанного на адресата, предрасположенного к подобной «игре». При этом заголовочный комплекс приобретает функцию символико-мифологической свертки, которая задает ассоциативный ряд для интерпретации текстов. Причем с типом заглавия (именного, ориентированного на биографическую конкретику или же мифологизированного, ориентированного на ту или иную культурную роль) соотносится функциональное назначение письма в стихах. Символистские послания могли брать на себя функции отражения жизненно-биографических отношений, эстетического манифеста, лирического портрета, литературной рецензии, творческой и метафизической полемики.

Библиография

1. Круглова Т.С. Коммуникативно-эстетическая функция стихотворных обращений в дискурсе русского символизма // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 8. Симферополь: Крымский Архив, 2010. С. 241-250.
2. Валентинов Н. Два года с символистами. М.: Издательский дом XXI век; Согласие, 2000.
3. Белый А. Начало века. М.: Худож. лит., 1990. 704 с.
4. Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). М.: Наука, 2014. 1064 с.
5. Брюсов В. Дневники 1891 – 1910. М: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. 215 с.
6. Белый А. Стихотворения и поэмы. 2-е изд. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 668 с.
7. Брюсов В. Переписка с Андреем Белым. 1902-1912 / Вступ. ст. и публ. С.С. Гречишко и А.В. Лаврова // Литературное наследство Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 326-427.
8. Круглова Т.С. Коммуникативные установки Андрея Белого в лирических обращениях к поэтам-современникам // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (15). С. 85-90.
9. Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892 – 1909. М.: Худож. лит., 1973. 672 с.
10. Брюсов В.Я. Автобиография // Брюсов В.Я. Из моей жизни. М.: Терра, 1994.
11. Хмельницкая Т. Поэзия Андрея Белого // Белый А. Стихотворения и поэмы. 2-е изд. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 5-66.
12. Младшая Эда. Л.: Наука, 1970. 178 с.
13. Гаспаров М.Л. Эпистолярное творчество В.Я. Брюсова // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1991. С. 12-29.
14. Протасова Н.В. Жанр поэтического послания в творчестве Валерия Брюсова. Автореф. дис. ... к. филол. н.. Ставрополь, 2001. 20 с.
15. Кихней Л.Г., Круглова Т.С. Коммуникативные стратегии Валерия Брюсова в поэтологическом диалоге с собратьями про перу // Брюсовские чтения 2013 года.

Ереван: Ереванский гос. ун-т им. В.Я. Брюсова, 2014. С. 294-306.

16. Кихней Л.Г., Ламзина А.В. Стихотворный диалог В. Брюсова и А. Белого: между текстом и жизнью // Язык и культура. 2022. № 60. С. 38-56.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей развития русского модернизма в произведениях поэтов Серебряного века. Автор обращается к своеобразию жанра послания у символистов через призму их литературного быта на материале стихотворной переписки В. Брюсова и А. Белого. Данные произведения, называемые еще «Умственный поединок» (послания, которыми они обменивались) между Брюсовым и Белым, раскрывающие идеологическое и философско-этическое противостояние, демонстрирующие сложные взаимоотношения двух выдающихся поэтов, действительно актуальны и сегодня для изучения.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слабо представлена разработанность заявленной проблематики в науке, что не позволяет в полной мере оценить авторскую новизну.

Кроме того, выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным трудам по схожей научной проблематики, несомненно, обогатило бы работу.

Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, усилили бы теоретическую составляющую исследования.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее

положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов литературоведению, отечественной филологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества, а также теории литературы. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «К коммуникативным стратегиям русского модернизма: стихотворная переписка В. Брюсова и А. Белого» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

The problem of implementing the cultural-forming function in the Russian media

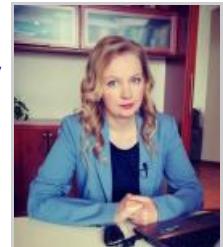
Baranova Ekaterina Andreevna

Doctor of Philology

Professor, Department of Communication Management and Relationship Management, RSSU

4 Wilhelm Peak str., Moscow, 129226, Russia

✉ kat-journ@yandex.ru

Bocharov Ivan Il'ich

Student, Department of Communication Management and Relationship Management, RSSU; Senior Content Analyst, Presidential Foundation for Cultural Initiatives

129226, Russia, Moscow, Wilhelm Peak str., 4

✉ sergdvmgoncharov@yandex.ru

Abstract. In the context of the development of the information and ideological war between Russia and the West, the role of the media in the formation of cultural values is increasing. It is directly related to ensuring national security. One of the most important problems of our time is related to the fact that culture in the media has ceased to be a powerful tool for shaping the value system of society.

The article analyzes stories published during the period from December 2022 to May 2023 in the thirteen most cited Russian media (Rbc.ru, Russian.rt.com, Gazeta.ru, Lenta.ru, 360tv.ru, Kp.ru, Tsargrad.tv, iz.ru, Life.ru, Mk.ru, Aif.ru, Fontanka.ru, Mosregtoday.ru).

Approximately 2,000 stories related to the topic of "culture" in these media were analyzed. The stories were analyzed for compliance with the culture-forming function, which consists in promoting and disseminating high cultural values in society, educating the masses on samples of global culture, contributing to the comprehensive humanistic development of man.

The authors come to the conclusion that 1) samples of high, elite culture rarely come to the attention of the media. In stories on cultural topics, gossip, rumors, events from the life of show business stars are replicated. 2) On some media sites, there is no "culture" section at all. In the field of view of the reader who goes to the websites, cultural news rarely falls. 3) The same names appear in the news about culture, famous personalities from the world of show business predominate, and there is not a word about new, young, talented artists. 4) Culture on media sites covers large-scale events, Hollywood premieres, but news about regional festivals, the achievements of creative individuals, and folk crafts rarely get into the headings. 5) Culture on media sites is being replaced by entertainment.

Keywords: Cultural agenda, Functions of journalism, Functions of the Russian media, culture-forming function of the journalism, Society's value system, Quality journalism, Cultural and educational journalism, Culture and the media, Cultural stories, Problems of Russian media

References (transliterated)

1. Baranova, E. A. Konvergentnaya zhurnalistika: uchebnoe posobie dlya vuzov / E. A. Baranova. — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2023.
2. Baranova E. A. Zhurnalistika v kiberprostranstve: ukhod ot traditsionnykh norm i pravil

- professii // Sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh tomakh. Tom 1. Pod obshchei redaktsiei A. V. Dolzhikovoi, V. V. Barabasha. 2018.-S. 157-162.
3. Belotserkovskaya Ya. S. Spetsifika publikatsii na temu kul'tury v usloviyakh razvitiya internet-tehnologii // Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2016.-№1 (147).-S. 40-47.
 4. Vinokurova A. E., Panteleeva I. A. Osobennosti realizatsii kul'turno-prosvetitel'skoi funktsii v programmakh sovremennoogo televizionnogo kanala o kul'ture // Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 30, № 2. S. 211-218.
 5. Dzyaloshinskii I.M. Tvorcheskaya individual'nost' v zhurnalistike. M., 1984.-S.60.
 6. Duskaeva L. R., Tsvetova N. S. Zhurnalistika sfery dosuga: uchebnoe posobie dlya studentov i magistrantov fakul'tetov zhurnalistik. – Spb., Institut «Vysshaya shkolka zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii», 2012. – 304 s.
 7. Zheltukhina M.R., Radkhi V.S. Analiz kul'turnykh programm irakskikh sputnikovykh telekanalov // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2023. T. 28. №. 1. S. 122-131.
 8. Zharovskii E.R. Kommunikativnye sredstva v tekstakh krymskikh zhurnalistov na kul'turnyu tematiku. Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2020. № 1.
 9. Kolesnichenko A. V. Multimediiyne zhanry sovremennykh SMI // Vestn. Mosk. Un-ta. Ser.
 10. Zhurnalistika. 2023. № 2 (49). 10. Lukina M. M. Sovremennaya zhurnalistika: tematika i problematika. Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2021. № 5.
 11. Lebedeva E. G. Zhurnalistika i kul'tura / E. G. Lebedeva — «Avtor», 2022. C. 7-12.
 12. Lukina M. M., Tolokonnikova A. V. Konflikt v povestke dnya Rossiiskikh informatsionnykh agentstv: issledovanie v kontekste konstruktivnoi zhurnalistik. Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2021. № 5.
 13. Mashkova S. G. Internet-zhurnalistika: uchebnoe posobie.-Tambov: Izd-vo TGTU, 2006. – 79 s.
 14. Palagina I. V., Burdovskaya E.Yu. Epatazh i skandal kak instrument formirovaniya obshchestvennogo mneniya v SMI // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2018.-№1.-S. 139-148.
 15. Polyakov M. L., Sleptsov N. A. Sdvig mediapotrebleniya v Rossii: obzor tendentsii (2016–2021) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2022. T. 27. No 3. S. 615–630.
 16. Pershina E. D. Podkhod Rossiiskikh SMI k rabote so svoim kontentom v sotsial'nykh setyakh. Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2022. № 3.
 17. Perevalov V.V. Deyatel'nost' zhurnalista v prostranstve khudozhestvennoi kul'tury. Uchebnoe posobie.-M., MGUP,-2011.
 18. Prokhorov E. P., Vvedenie v teoriyu zhurnalistik: Uchebnik dlya studentov vuzov / E. P. Prokhorov – 8*e izd., ispr. — M.: Aspekt Press, 2011. — 351 c.
 19. Pel't V.D. Literaturnye materialy v gazete // Voprosy zhurnalistik. M., 1962.-S. 109.
 20. Shpengler, Osval'd. Zakat Evropy. [vступ. G. V. Dracha].-Rostov-na-Donu: Feniks, 1998.-637 s.
 21. Shelkovin Yu. A. O prirode i funktsiyakh massovoi kommunikatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Zhurnalistika. 1967. № 6. -S. 41-58.
 22. Horkheimer M., Adorno T. W. Dialektik der Aufklarung. Philosophische Fragmente [Dialektik of enlightenment. Philosophical fragments]. Jena: Gustav Fischer Verlag,

1988. 288 p.
23. Simons, G., & Strovsky, D. (2022). Factors transgressing journalism's contemporary mission and role. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 27(1), 109–121.
 24. Toulmin S. Rationality and scientific discovery.-In: Boston studies in the philosophy of science Boston; Dordrecht, 1974, vol.20. p.

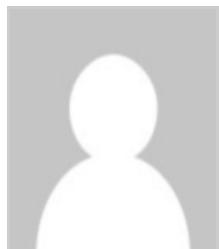
Synthesis of Arts in N. V. Gogol's "Evenings on a Farm Near Dikanka"

Yarovoys Sergey Aleksandrovich

Postgraduate student at the Department of the History of Russian Literature, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

 yarovoysa@my.msu.ru

Abstract. The article analyzes N. V. Gogol's views, expressed in his articles of the 1830-40s, on the problem of interaction of painting, architecture, music, literature. The various functions that Gogol ascribes to art are determined by the main idea of the writer – serving the saving mission of literature. The article also deals with Gogol's thoughts on the need to create a universal art, which would amaze reader's imagination by applying effects borrowed from other types of art. Thus, the goal of this article is to examine aesthetic searches of N.V. Gogol expressed in his articles about art, included in short story collection "Arabesques", educe examples of the use of artistic techniques of the "new" synthetic art in the works of the cycle "Evenings on a Farm Near Dikanka". In the course of the study, it is suggested that the writer had been developing stories from "Evenings..." in accordance with visual perception laws, had been using methods in prose including dramatic skill, for instance, unfolding the action by means of statements and characters' acts, fast change of events and locations. The article established that in order to create a comprehensive world view which is meant to shock reader's imagination and amaze him, Gogol develops his own unique manner of narration – he uses a fragmentary division of stories, saturation of episodes with actions, fully and brightly describes the details, which allows us to conclude that the writer uses the effects of the same "synthetic" art, theoretical basis of which were described by him in articles "Sculpture, Painting, and Music", "On Present-Day Architecture", "The Last Day of Pompeii" and some other essay.

Keywords: theatricality, synthetic art, manner of narration, functions of art, effect, visual perception, Gogol, literary work, synthesis of arts, the visuality of the work

References (transliterated)

1. Bakhtin M. M. Rable i Gogol': (Iskusstvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura) // Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. S. 484–495.
2. Belinskii V. G. O russkoi povesti i povestyakh g. Gogolya («Arabeski» i «Mirgorod») // Belinskii V. G. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. / red.: N. F. Bel'chikov i dr. M.: Izdvo AN SSSR, 1953. T. 1: Stat'i i retsenzii. Khudozhestvennye proizvedeniya. 1829–1835 / Podgot. teksta i komment. V. S. Spiridonova; red. V. A. Desnitskii. S. 259–307.
3. Vaiskopf M. Ya. Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst. 2-e izd., ispr. i

- rasshir. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2002. 686 s.
4. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. / Sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. M.: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, 2009–2010. Sochineniya i perepiska Gogolya tsitiruyutsya po etomu izdaniyu. V dal'neishem ssylki na nego dayutsya v tekste s ukazaniem toma (rimskimi tsiframi) i stranitsy.
 5. Goncharov S.A. Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskem kontekste. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1997. 340 s.
 6. Ivanitskii A. I. Gogol'. Morfologiya zemli i vlasti. K voprosu o kul'turno-istoricheskikh osnovakh podsoznatel'nogo. M.: Izdatel'stvo RGGU, 2000. 188 s.
 7. Lotman Yu. M. Gogol' i sootnesenie «smekhovoi kul'tury» s komicheskim i ser'eznym v russkoj natsional'noi traditsii // Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam. Tartu, 1974. Vyp. I (5). S. 131–133.
 8. Lotman Yu. M. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya // Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'. M.: Prosveshchenie, 1988. S. 251–292.
 9. Moren E. Kino, ili voobrazhaemyi chelovek (fragmenty) / Per. s fr. M. Yampol'skogo // Kinovedcheskie zapiski. M., 1996. № 26. S. 193–203.
 10. Rozov V. A. Traditsionnye tipy malorusskogo teatra XVII–XVIII vv. i yunosheskie povesti N. V. Gogolya // Pamyati N. V. Gogolya: sb. rechei i statei. Kiev: Tipograf. Imper. un-ta sv. Vladimira, 1911. S. 99–169.
 11. Faustov A. A. Esteticheskaya teologiya N. V. Gogolya (shest' lektsii o poverstiyakh «tret'ego toma»). Voronezh: Nauka-Yunipress, 2010. 131 s
 12. Eikhenbaum B. M. O literature: Raboty raznykh let. M.: Sovetskii pisatel', 1987. 540 s
 13. Yampol'skii M. B. Demon i labirint (Diagrammy, deformatsii, mimesis). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 336 s.
 14. Drubek-Meyer, N. (1998) *Gogol's eloquentia corporis. Einverleibung, Identität und die Grenzen der Figuration* [Gogol's eloquentia corporis. Incorporation, identity, and the limitations of figuration]. München: Verlag Otto Sagner.
 15. Fusso, S. (1992). The Landscape of Arabesques. In S. Fusso & P. Meyer (Eds.), *Essays on Gogol: Logos and the Russian Word* (pp. 112–125). Northwestern University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv47w2mm.13>

Traditions of N. V. Gogol in prose by Jia Zhifang

Wang Zhuangchu

PhD in Philology

Graduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Buryat State University

670011, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Energetik Microdistrict, 60A, sq. 28

 msdevine@126.com

Abstract. The subject of the research in the article is the features of the reception of the works of N. V. Gogol in the works of the Chinese writer of the XX century Jia Zhifang. The methods of comparative and structural-semiotic analysis using elements of cultural analysis are used in the work, the method of interpretation of a separate text, the analysis of individual stylistic elements is also used. In the era of the formation of a multipolar world, the study of the reception of the work of Russian writers in foreign-language cultures is becoming

especially in demand. Russian classics, true to the traditions of preserving eternal values and giving the key to understanding the Russian national character, remains an object of scientific interest for domestic and foreign researchers. The novelty of the research lies in the fact that the name of the famous Chinese realist writer Jia Zhifang and a number of his works in their connection with the satirical traditions of N. V. Gogol are introduced into scientific circulation for the first time. The phenomenon of Jia Zhifang's "gogolization of prose" involves several components. At the level of the plot, these are direct or indirect references to the elements of N. V. Gogol's works (deceptive "demonic night", misleading the hero, ridiculing the "little man", piling up the "vulgaries of life", changing the "mimicry of laughter" to the "mimicry of sorrow"); roll call of details; the use of elements of fiction. At the level of stylistics, Jia Zhifang, in his novels and short stories, retains the techniques of Gogol's grotesque depiction of reality, the basis of which is the opposition of the "living-dead": puppetry in the portrayal of characters; the satirical technique of "reverse comparison"; the satirical technique of "the logic of the reverse". Preserving Gogol's traditions, Jia Zhifang transforms them, forcing them to work on the disclosure of the author's idea. He uses his own artistic techniques, which together with the details of the objective world allows him to represent the historical epoch, relying on the basic formula of Gogol's works "laughter through tears".

Keywords: satirical reception, influence of Gogol, creation of Jia Zhifang, literary traditions, reception of creations, Russian literature, Gogol's novels, satire of Gogol, creation of N. V. Gogol, Chinese literature

References (transliterated)

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. – Moskva: Khudozh. lit., 1979. – 412 s.
2. Van Yui. Iskusstvo i problemy lyudei: kratkoe obsuzhdenie rasskazov pisatelya Iyul'skoi shkoly Tszya Chzhifana = 艺术直面“人”的问题 — 七月派作家贾植芳小说简论 / Van Yui // Zhurnal Universiteta Sansya. – 2016. – № 4. – S. 44-48.
3. Vu Peisyan'. Mirovaya literatura i sovremennaya kitaiskaya literatura: issledovaniya novykh proizvedenii Tszya Chzhifana = 吴培显,"世界的文学"与中国现代文学—贾植芳先生的新文学研究的启示述要 / Vu Peisyan' // Obzor Yantszy. – 2010. – № 4. – S. 23-25.
4. Gogol' N. V. Noch' pered Rozhdestvom // Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii: [V 14 t.] / AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). – [Moskva; Leningrad]: Izd-vo AN SSSR, T. 1. – 1940. – S. 201-243.
5. Gogol' N. V. Nevskii prospekt // Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii: [V 14 t.] / AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). – [Moskva; Leningrad]: Izd-vo AN SSSR, T. 3. Povesti. – 1938. – S. 7-46
6. Li Chun'sya. O fenomene «gogolizatsii» prozy Tszya Chzhifana = 论贾植芳作品的果戈里化现象 / Li Chun'sya // Zhurnal Universiteta Kheksi. – 2016. – № 6. – S. 83-88.
7. Mann Yu. V. Poetika Gogolya / Yu. Mann. – 2-e izd., dop. – Moskva: Khudozh. lit., 1988. – 412 s.
8. Nikolaev D. P. Smekh-oruzhie satiry / D. P. Nikolaev. – Moskva: Iskusstvo, 1962. – 223 s.
9. Stanichuk I. A. Fenomen nochi v tvorchestve N. V. Gogolya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk / I. A. Stanichuk. – Tver', 2014. – 24 s.
10. Sun' Yulin. Dukhovnaya bditel'nost' i kul'tura: analiz voennykh rasskazov Tszya Chzhifana = 灵魂警醒与文化思索—贾植芳战争小说探析 / Sun' Yulin // Zhurnal universiteta

- Khesi. – № 3. – S. 76-79.
11. Tszya Chzhifan. Vse nizhe i nizhe = 贾志芳.《再往下》/ Tszya Chzhifan // Izbrannye rasskazy Tszya Chzhifana. Khuaiin': Tszyansuskoe narodnoe izdatel'stvo, 1983. – S. 91-98.
 12. Tszya Chzhifan. Proza zhizni = 贾志芳《生活散文》 / Tszya Chzhifan // Izbrannye rasskazy Tszya Chzhifana. Khuaiin': Tszyansuskoe narodnoe izdatel'stvo, 1983. – S. 41-90.
 13. Tszya Chzhifan. Chelovecheskie pechali = 贾志芳. 人间悲哀 / Tszya Chzhifan // Izbrannye rasskazy Tszya Chzhifana. Khuaiin': Tszyansuskoe narodnoe izdatel'stvo, 1983. – S. 1-40.
 14. Tsyan' Litsin'. Kartiny obychaev doistoricheskogo chelovechestva: chitaya «Sbornik rasskazov» Tszya Chzhifana» = 人类史前时期的风俗画 — 读《贾植芳小说选》/ Tsyan' Litsin' // Zhurnal Fudan'. – 2005. – № 4. – S. 5-13.
 15. Chzhu Tszyan'khun. Idei rasskazov Tszya Chzhifana i masterstvo povestvovatelya = 浅谈贾植芳小说的思想与艺术/ Chzhu Tszyan'khun // Zhurnal kolledzha Kheksi. – 2017. – № 4. – S. 88-91.
 16. Yan Van'shou. Tszya Chzhifan i sovremennaya kitaiskaya literatura = 贾植芳与中国现代文学 / Yan Van'shou // Zhurnal universiteta Khesi. – 2018. – № 6. – S. 66-69.

The specifics of the coverage of the topic of creative industries in federal and district media

Abilkenova Valeriya

PhD in Sociology

Associate Professor, Higher School of Humanities, Yugra State University

628007, Russia, Chekhov str., 16 Autonomous Okrug, Khanty-Mansiysk, Chekhov str., 16, of. Chekhov str., 16

✉ kab-valeriya@mail.ru

Galt Lolita Yur'evna

Graduate Student of the Higher School of Humanities, Yugra State University

628007, Russia, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Khanty-Mansiysk, ul. Chekhov, 16, office 239 (2)

✉ kab-valeriya@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the specifics of the coverage of the topic of creative industries in federal and district media. The object of the research is creative industries as a subject of journalistic creativity.

In our country, there is an increasing interest in the field of creative industries, as a sector of the economy that has high development opportunities. In this regard, the role of journalism is also increasing, which not only informs readers about this area, but also attracts the attention of investors, the state, and business to it. Therefore, an effective presentation of the topic of creative industries on the pages of the media is a fairly new and urgent task for both federal and regional communities. Moscow and the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra are currently examples of successful development of the creative industries in the country. The article analyzes the materials published in the newspapers "Evening Moscow", "Arguments and Facts", "News of Ugra" and "Arguments and Facts – Ugra" from October 2022 to May 2023.

The authors come to the conclusion that 1) in the federal media, when choosing a genre, preference is given to such a genre as news, the main goal is to entertain the reader, to demonstrate the level of support for local initiatives by the authorities. 2). In the district media, on the contrary, creative industries are often covered in the genre of reportage, immersing the reader in a creative atmosphere, familiarity occurs not only with the product, but also with the process of its creation, with the emotions that interaction with the product gives. 3). In the federal media, there is a tendency to focus on the consumer properties of the creative product, the profitability indicators of the project, the possibilities of using the product in a new area, compliance with trends. 4). There is a tendency in the district media to increase interest in local projects that are based on historical and cultural heritage and art.

Keywords: creative projects, creativity and journalism, subjects of creative industries, topical issues of journalism, regional journalism, cultural and educational journalism, quality journalism, culture and journalism, functions of journalism, creative industries

References (transliterated)

1. Belkovskii S. V., Savinova O. N. Kontent-analiz v zhurnalistikovedcheskikh issledovaniyakh: Uchebno-metodicheskoe posobie. – Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet, 2017.– S.10.
2. Gol'dentsvaig G. Zhurnalistika vynuzhdena borot'sya za pozitsiyu osnovnogo istochnika informatsii // Mediatarendy. – 2010.-№ 2.-S. 2.
3. Doroshchuk, E.S. Soderzhatel'naya kharakteristika kul'turnoi bezopasnosti v kontekste problematiki mediakontenta // Mediaobrazy kul'tury v sovremennoi informatsionnom prostranstve. Sbornik nauchnykh statei /nau. red. E.S. Doroshchuk.-Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2014.-S.82-91.
4. Zalevskaya M.A., Mordanov M.A. Sostoyaniei perspektivyrazvitiya kreativnykh industrii: opyt Yugry // Etap. – 2022. – № 1.
5. Issledovaniya zhurnalistskogo tvorchestva: sovremennye podkhody: Pamyati A. A. Tertychnogo / E. L. Vartanova, I. N. Denisova, S. B. Steblovskaya [i dr.]. – M.: Fakul'tet zhurnalistiki Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova", 2021. – 195 s.
6. Kiuru K.D., Lin'kov S.V. Dramaturgicheskii dizain, narrativnyi dizain i vizual'nyi storitelling kak etapy sozdaniya mediaproducta // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. – 2022. – № 3 (45).
7. Komarova, K. S. Rol' mass-media v razvitii kreativnykh (tvorcheskikh) industrii v Rossii / K. S. Komarova // Aktual'nye issledovaniya. – 2022. – № 39(118).-S. 46-48.
8. Kontseptsii razvitiya tvorcheskikh (kreativnykh) industrii i mekhanizmov osushchestvleniya ikh gosudarstvennoi podderzhki v krupnykh i krupneishikh gorodskikh aglomeratsiyakh do 2030 goda
<http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBcjIAAtAya8FAVDUFp.pdf>
9. Korkonosenko S.G. Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti zhurnalista. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://evartist.narod.ru/text5/58.htm> (data obrashcheniya: 9.03.2023).
10. Oleshko V.F. Zhurnalistika kak tvorchestvo: uchebnoe posobie dlya kursov «Osnovy zhurnalistiki» i «Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti zhurnalista». Seriya: Prakticheskaya zhurnalistika / V.F. Oleshko. – M.: RIP-kholding, 2004. – 222 s.
11. Oleshko, V. F. Tvorcheskaya realizatsiya zhurnalista v delovykh izdaniyakh / V. F. Oleshko, E. V. Tarkhanova // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1:

- Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. – 2016. – T. 147, № 1.-S. 30-39.
12. SMI igrayut vazhnuyu rol' v razvitiu kreativnykh industrii. – [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.culturepartnership.eu/article/media-plays-important-role-in-the-development-of-creative-industries> (data obrashcheniya: 9.03.2023).
 13. Fominova, L. A. Rol' sredstv massovoi informatsii v sfere kreativnykh industrii / L. A. Fominova, A. G. Shkurat // Sovremennye issledovaniya v gumanitarnykh i estestvennonauuchnykh otrasyakh: sbornik nauchnykh statei. Tom Chast' VII. – Moskva : Izdatel'stvo "Pero", 2021.-S. 37-43.
 14. Khokins Dzh. Kreativnaya ekonomika. Kak prevratit' idei v den'gi. – M.: Izdatel'skii dom «Klassika – XXI», 2011. – 256 s.
 15. Tsukanov, E. A. Mediakul'tura i mediatvorchestvo za predelami tekhnologii / E. A. Tsukanov // Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm. – 2019. – № 9. – S. 162-166.
 16. Americans for the Arts. – URL: <http://www.americansforthearts.org> (dataobrashcheniya: 9.03.2023).
 17. Creative economy: a feasible development opinion. – URL: http://unctad.org/es/Docs/ditctab20103_en.pdf (dataobrashcheniya: 9.03.2023).
 18. Guide on Surveying the Economic Contribution of the Copyright-based Industries, Geneva: WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/copyright/893/wipo_pub_893.pdf (dataobrashcheniya: 9.03.2023).
 19. Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. – London: Sage Publications, 2002. – 480 p.
 20. International Flows of Selected Cultural Goods and Services 1994-2003: Defining and Capturing the Flows of Global Cultural Trade, Montreal: UIS. – URL: https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/international-flows-of-selected-cultural-goods-and-services-1994-2003-en_1.pdf (dataobrashcheniya: 9.03.2023).
 21. Throsby D. Economics and Culture. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 208 p.

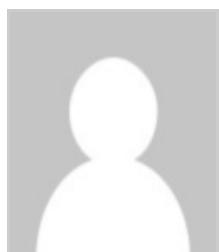
Media information support of bank's credit activity: themes and key meanings

Kuzin Alexander Dmitrievich

Graduate of the Faculty of Economics, Master in Management, Lomonosov Moscow State University, Entrepreneur.

117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya str., 44

✉ z1587963@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the media information content that accompanies the processes of bank lending. The author examines the key parameters of the credit policy through the prism of their coverage in specialized media texts from the point of view of lexical and semantic meanings. The subject of the study is the peculiarities of understanding the main lexical-semantic units (words and phrases) denoting the criteria and parameters of banking activities related to credit policy, the key concepts of the credit and financial sphere, which constitute the main content of media texts as a terminological and categorical apparatus, are required to be used, when promoting banking credit products, but require clarification for a mass audience in connection with the need to minimize credit risks. The article shows how semantic frames are formed, the most important thematic sections are

systematized and keywords and expressions are suggested, including the terminological sphere. The most significant semantic positions have been identified and it has been determined that thematically framed textual media accompaniment, focused on the promotion of lending services, reduction of credit risks and credit information education of the audience, is becoming a critical condition for effective media management in the banking sector today. It has been determined that the media information policy of the bank, related to the text support of lending, should be based on the interpretation of key concepts, their intelligible explanation to the mass audience.

Keywords: interpretation, mass audience, promotion, meaning, vocabulary, frame, credit risks, media information policy, bank lending, media support

References (transliterated)

1. Lazutina G. V. Terminy — khranilishche kontseptsii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2012. № 1. S.41-59
2. Vartanova E. L. O neobkhodimosti modernizatsii kontseptsii zhurnalistiki i SMI // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2012. № 1., 2011: 9. S. 8-15
3. Trofimova G. N. K probleme formirovaniya smyslov sovremennymi media // Mediaskop. 2021. Vyp. 1. Rezhim dostupa: <http://www.mediascope.ru/2694>
4. Endovitskii D. Sistematisatsiya metodov analiza i otsenka investitsionnogo riska / D. Endovitskii, S. Komendenko // Investitsii v Rossii. – 2001. – № 3. – S. 39–46
5. Zhovanikov V. N. Risk-menedzhment v kommercheskom banke v usloviyakh perekhodnoi ekonomiki // Den'gi i kredit. –2002. – № 5. – S. 60–65
6. Kinev Yu. Yu. Otsenka riskov finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti predpriyatii na etape prinyatiya resheniya // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. – 2000. –№ 5. – S. 73–83
7. Krivov V. Problema riskov pri prinyatii upravlencheskikh reshenii // Upravlenie riskom. – 2000. – № 4. – S. 15–17
8. Filin S. Neopredelennost' i risk. Mesto innovatsionnogo riska v klassifikatsii riskov // Upravlenie riskom. – 2000. – № 4. – S. 25–30.
9. Balabanov I. T. Risk-menedzhment. – M. : Finansy i statistika, 1996. – 192 s
10. Maslenchikov Yu. S. Sistemnoe i situatsionnoe upravlenie bankovskoi deyatel'nost'yu / Yu.S.Maslenchikov, Yu. N. Tronin // Biznes i banki. – 1998. – № 3. – S. 2–5
11. Seregin E. V. Predprinimatel'skie riski. – M.: Finansovaya akademiya, 1994. – 364 s.
12. Tronin Yu. N. Mozhno li upravlyat' riskami? // Bankovskie tekhnologii. – 2000. – № 3. – S. 60–63
13. Shapkin A. S. Ekonomicheskie i finansovye riski. Otsenka, upravlenie, portfel' investitsii. – 3-e izd. – M. : «Dashkov i Ko», 2004. – 544 s.
14. Nait F. Kh. Risk, neopredelennost' i pribyl'. – M. : Delo. – 2003. – 360 s
15. Ivanova E.V. Funktsii kreditnoi politiki kommercheskogo banka na makro i mikrourovne // Studencheskaya nauka XXI veka.-2016.-№2-2(9).-S. 115.
16. Litvinenko V. S. Rol' i znachenie kreditnoi politiki kommercheskogo banka // Vestnik nauchnykh konferentsii.-2016.-№2-6 (6).-S. 68.
17. Zaitseva M. V. Optimizatsiya kreditnogo portfelya kommercheskogo banka: Dis. ... kand. ekon. nauk. – M., 2014. – S. 113-114.
18. Koval'chuk D. S. Problemy realizatsii effektivnoi kreditnoi politiki bankov // Science Time.-2016.-№2(26).-S. 265.

19. Kolomiets V. P. Kontseptualizatsiya mediakommunikatsii // Mediaskop. 2019. Vyp. 4. Rezhim dostupa: <http://www.mediascope.ru/2575> DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.

Unrealized speech of A.P. Chekhov's characters in the aspect of family communication

Si Hongfeng

Postgraduate student, Department of Russian language, South Federal University

344010, Russia, Rostov region, Rostov On Don, Sorge str., 21

 jerry_on_don@qq.com

Abstract. The article presents an analysis of fragments of unrealized speech of A.P. Chekhov's heroes in the texts of novels and short stories written in 1888-1904: "Women", "Wife", "Neighbors", "Fear", "Black Monk", "The Story of an unknown person". Typical ways of introducing unrealized speech into the author's context are revealed. In the course of the study, it was found that unrealized speech conveys the innermost thoughts and emotional state of the main characters, being an important factor for understanding the essence of many events that occur in the adult life of A.P. Chekhov's characters. Unrealized speech is a significant component of the text that contributes to the correct interpretation of a particular situation that is associated with the family communication of Chekhov's characters. Unrealized speech, internal in nature, has an extra-verbal reason why it cannot be expressed verbally. In most cases, such a reason is the emotional state of the character, represented in the Chekhov text by a description of facial expressions or gestures, an out-of-speech situation that does not allow you to express the programmable so as not to offend the other. Analyzing fragments of stories from this period of Chekhov's work, representing family communication, one can come to the conclusion that unrealized speech actualizes the internal speech situation in the texts under study. Typical ways of transmitting unrealized speech are improper-direct, direct or indirect speech, thematic speech in the author's narrative is less common in this function. A typical input for unrealized speech is a modal verb with the meaning of desire or expression of will + an infinitive with the meaning of speech activity in a construction with a contrastive conjunction: I wanted to say, but ...; I wanted to say, but ...; I wanted to answer, but... etc.

Keywords: the story, character, speech of heroes, Chekhov, unrealized speech, family communication, speech, story, author's context, the main character

References (transliterated)

1. Goncharova T.S. Rossiiskaya sem'ya: istoriya i sovremennost'. FGBOU VPO «Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet». Voronezh, 2013.
2. Dement'ev V.V. Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i grammatike. M.: Global Kom, 2013. 336 s.
3. Kozubovskaya G. P., Sabadash D. «Poprygun'ya» A. P. Chekhova i poetika zhesta. Nerealizovannyi mif o Pigmalione i Galatee // Kul'tura i tekst. 2005. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poprygunya-a-p-chehova-i-poetika-zhesta-nerealizovannyy-mif-o-pigmalione-i-galatee> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
4. Khodus V.P. Metapoetika dramaticeskogo teksta A.P. Chekhova: lingvisticheskii aspekt. 2009.

5. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. T. 7. M., 1978.
6. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. T. 8. M, 1978.
7. Shcherbaeva A.A. Diskursivnye osobennosti rechi personazhei v proizvedeniyakh A. P. Chekhova // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-osobennosti-rechi-personazhey-v-proizvedeniyah-a-p-chehova> (data obrashcheniya: 15.02.2023).

The Comparative Analysis of the Image of the "German-Nazi" in the German Literature about the Second World War

Pokhalenkov Oleg Evgen'evich

Doctor of Philology

Professor, Department of Literature, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

248002, Russia, Kaluzhskaya oblast', g. Kaluga, ul. Nikolo-Kozinskaya, 56, kv. 8

 olegpokhalenkov@rambler.ru

Abstract. In the presented work, the author examines the German-language prose about the Second World War. The comparative analysis is carried out on the material of the novel by one of the most famous German prose writers and anti-fascist writers "Time to live and a Time to Die" by Erich Maria Remarque and the novel by the modern German prose writer Uwe Timm "By the example of my brother". The object of the study is the poetics of the above-mentioned works in a comparative aspect. The subject is the realization of the central image of the work - the image of a "German-Nazi" who is a participant in the Eastern campaign. The author dwells in detail on the realization of the image, including in the analysis the image of the artistic space of works and the motivic system. The main conclusion of the study is based on a different approach to the interpretation of the image of the "German-Nazi" by Remarque and Timm. In his novel, Remarque clearly points to the guilt of his compatriots in unleashing war and mass killings of civilians. The image of a "German-Nazi" is associated with the image of an ideological enemy. The modern German author adheres to a different point of view, which, in many respects, is based on his personal experience, because the hero of the novel is the writer's brother. The image of a "German-Nazi" in his work correlates with the image of a lost German who believed patriotic rhetoric and carried out an order.

Keywords: narrator, Uwe Timm, motif, German prose, Second world war, image, Erich Maria Remarque, poetic space, comparative analysis, structural analysis

References (transliterated)

1. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze. URL: https://modernlib.net/books/ginzburg_lidiya/o_psihologicheskoy_proze/ (Data obrashcheniya 26.04.2020)
2. Nikanova T.A. Voina v literature 40-kh – 60-kh godov // Russkaya literatura XX veka. Voronezh, 1999. S. 505-515.
3. Remark E.M. Vremya zhit' i vremya umirat'. Gor'kii, 1983. 287 s.
4. Timm U. Na primere brata. URL: https://royallib.com/book/timm_uve/na_primere_brata.html (Data obrashcheniya 20.12.2020)
5. Freidenberg O.M. Poetika syuzheta i zhanra. M.: Labirint, 1997. 449 s.

6. Bond B. The Unquiet Western Front: Britain's role in Literature and history. Cambridge: Cambridge UP, 2007. 140 p.
7. Fussel P. The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford UP, 2005. 368 p
8. Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. London: Bodley Head, 1990. 514 p.

Existential and psychological grounds of criminal behavior of the heroes of Mikhail Lermontov and Fyodor Dostoevsky

Mysovskikh Lev Olegovich □

Postgraduate Student, Philological Faculty, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

620083, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Lenin str., 51, office 336

✉ levmisov@yandex.ru

Abstract. In the article, through the prism of the philosophy of existentialism and social psychology, the prerequisites of the criminal behavior of the main characters of the novels by Mikhail Lermontov "Hero of Our Time" and Fyodor Dostoevsky "Crime and Punishment" – Grigory Pechorin and Rodion Raskolnikov are investigated. The author of the article claims that the reasons for the criminal behavior of both Pechorin and Raskolnikov are intrapersonal. However, the personal characteristics of an individual are formed under the influence of the society in which he exists, which is demonstrated by the example of the main characters of the novels of Lermontov and Dostoevsky. Thus, the article clearly shows the main principle of the philosophy of existentialism in action: the existence of a person precedes his essence. The author of the article comes to the conclusion that Pechorin and Raskolnikov have many similar character traits, and the main difference between them lies in the social status of the characters. In both novels, the writers decry the vices of Russian class society. The author of the article summarizes that from the point of view of religious existentialism, Pechorin's fate is much more gloomy than Raskolnikov's fate, since Pechorin's soul is taken away by an all-consuming nothingness, while Raskolnikov's soul gets a chance for salvation. Dostoevsky's heroes always have hope, because God shows them the way by which a person can come to grace. This is where the main difference between Lermontov and Dostoevsky lies.

Keywords: Dostoevsky, Lermontov, philosophy, artistic literature, theory of literature, russian literature, psychologism, existentialism, Pechorin, Raskolnikov

References (transliterated)

1. Zamanskaya V. V. Ekzistentsial'naya traditsiya v russkoi literature XX veka. Dialogi na granitsakh stoletii: Uchebnoe posobie / V. V. Zamanskaya / – M.: Flinta: Nauka, 2002. – 304 s.
2. Zamanskaya V. V. Ekzistentsial'nyi tip khudozhestvennogo soznaniya v KhKh veke / V. V. Zamanskaya // Nauka o literature v KhKh veke: (istoriya, metodologiya, literaturnyi protsess). – M., 2001. – S. 144–160.
3. Koshechko A. N. Formy ekzistentsial'nogo soznaniya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk / A.N. Koshechko. – Tomsk, 2014. – 480 s.
4. K'erkegor, S. Bolezn' k smerti / S. K'erkegor. – Moskva, Akademicheskii proekt, 2014. – 160 s.

5. Lermontov M. Yu. Sobranie sochinenii: V 4 t. T. 4. Proza. Pis'ma / M. Yu. Lermontov. – Sankt Peterburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2014.
6. Moskvin G. V. Zapros lyubvi (istochnik i energiya prozy M. Yu. Lermontova) // Vestnik MGU. Seriya 9. 2011. № 1. – S.57–68.
7. Mysovskikh L. O. Grigorii Aleksandrovich Pechorin – lishnii chelovek ili russkii ekzistentsial'nyi geroi? // Kul'tura i tekst. 2022. №2. – S. 77–85. DOI: 10.37386/2305-4077-2022-2-77-85.
8. Mysovskikh L. O. Pisatel' i ekzistentsializm: khudozhestvennaya literatura kak sredstvo vyrazheniya ekzistentsial'nykh idei // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2022. № 4. – S. 29–41. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.4.37743.
9. Mysovskikh L. O. Fenomen konformizma vo frantsuzskoi sotsiologii kul'tury // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2021. № 3 (101). S. 58–63. DOI: 10.24412/1997-0803-2021-3101-58-63.
10. Sartr Zhan-Pol'. Bytie i nicto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii. – M.: Respublika, 2000. 639 s.
11. Sartr Zhan-Pol'. Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya. – SPb.: Nauka, 2001. 319 s.
12. Sartr Zhan-Pol'. Chto takoe literatura? – M.: AST, 2020. 448 s.
13. Sartr Zhan-Pol'. Ekzistentsializm – eto gumanizm / Zh.-P. Sartr // Sumerki bogov. – Moskva, Politizdat, 1990. – S. 319–344.
14. Sozina E. K. Dinamika khudozhestvennogo soznaniya v russkoi proze 1830 – 1850-kh godov i strategiya pis'ma klassicheskogo realizma: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk / E. K. Sozina. – Ekaterinburg, 2002. – 35 s.
15. Ulitina N. M. Ekzistentsial'nye problemy cheloveka v tvorchestve M. Yu. Lermontova: opyt kul'turologicheskoi interpretatsii: Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kul'turologii. – Ekaterinburg, 2017. – 175 s.
16. Frank S. L. Dostoevskii i krizis gumanizma. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.vehi.net/frank/dost1.html> (data obrashcheniya 09.10.2021).
17. Shcherbina Yu. I. S. L. Frank o gumanizme Dostoevskogo // Chelovek. 2019. T. 30, № 4. S. 149–155.
18. Yaspers, K. Smysl i naznachenie istorii / K. Yaspers. – Moskva, Politizdat, 1991. – 527 s.
19. Gosetti-Ferencei J. A. The Ecstatic Quotidian: Phenomenological Sightings in Modern Art and Literature. Penn State Press, 2007. 280 p.
20. Kirillova N., Ulitina N. Soren Kierkegaard and Mikhail Lermontov as first existentialist philosophers. European Journal of Science and Theology, 2017, Vol. 13, no 1. PP. 95–100.
21. Montgomery M. R. Out of your existential mind: Madonna, relevance and nuance. Existential Analysis: Journal of the Society for Existential Analysis, 2020, no 31 (2). PP. 247-277.
22. Mysovskikh L. O. Existential type of artistic consciousness: genesis and ways of development in the literature of the XIX century. Litera. 2022. No. 4. PP. 83–92. DOI 10.25136/2409-8698.2022.4.37521.
23. Sartre Jean-Paul. Literature and Existentialism. New York: The citadel press, 1962. 164 p.
24. Sartre Jean-Paul. On The Sound and the Fury: Time in the Work of Faulkner. [Electronic

- resource]. Access mode:
<https://drc.usask.ca/projects/faulkner/main/criticism/sartre.html> (accessed 02. December's 2021).
25. Turcan C. Rousseau and Kierkegaard: authenticity of human existence. European Journal of Science and Theology, 2017, Vol. 13, no 1. PP. 5–14

Categories of hero and character in drama in the light of historical poetics (in the non-classical period of the epoch of modality)

Krasnikov Yaroslav Evgen'yevich □

Senior Lecturer, Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities;
 Senior Lecturer, Department of Humanity Disciplines, Institute of Theatre Art named after People's Artist of USSR
 I.D. Kobzon

141446, Russia, Moscow, Musskaya Ploshchad str., 6

✉ yar-krasnikov@yandex.ru

Abstract. The purpose of the proposed article is to consider the key trends occurring with the categories of the hero and character of the dramatic text in the third global period of historical poetics – the era of poetic modality (in its non-classical period), since it is at this stage of the literary process that the most attention is paid to the subjective sphere of the work. The author of the work, among other things, notes: transformations of images of actors caused by both actual social realities and crises of their identity; changes in terms of communicative interaction and speech of heroes and characters; transformation of dramatic conflict from external (event) to internal (personal), etc. The key methods used in the work include comparative typological analysis, descriptive and hermeneutic. The novelty of this scientific research lies in the systematization of existing ideas concerning this issue, as well as in the breadth of the material concerned (from European and domestic dramaturgy of the turn of the XIX and XX centuries, plays of symbolists and absurdists to the domestic "new drama" of the XX – XXI centuries). A special contribution to the development of the poetics of dramaturgy is the theoretical justification and practical application of the term "image-silhouette" proposed by the author (by analogy with the concepts of "image-type", "image-character" and "image-personality" proposed in the concept of historical poetics by S. N. Broitman) demonstrated in the article.

Keywords: image-silhouette, image-personality, subjective neosyncretism, poetics of modality, historical poetics, combination of characters, character, hero, dramaturgy, poetics of drama

References (transliterated)

1. Bagdasaryan O. Yu. Postvampilovskaya dramaturgiya: poetika atmosfery : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.01/ Ur. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2006. – 20 s.
2. Broitman S. N. Istoricheskaya poetika // Teoriya literatury : uchebnoe posobie. V 2 t. T. 2 / pod red. N. D. Tamarchenko. – Moskva : Akademiya, 2004. – 368 s.
3. Denisova T. N. Kontsepsiya geroya v russkoi dramaturgii 2-oi poloviny XX veka : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.01 / Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M.V. Lomonosova. Arkhangelsk, 2014. – 22 s.
4. Domanskii Yu. V. Variativnost' dramaturgii A. P. Chekhova. – Tver' : Liliya Print, 2005.

- 160 s.
5. Dreifel'd O. V. Naturalizm // Mirgorod. – 2016. – №1 (Suplement) – S. 109-115.
 6. Zingerman B. I. Ocherki istorii dramy 20 veka. – Moskva : Nauka, 1979. – 392 c.
 7. Ishchuk-Fadeeva N. I. Svyatye i greshnye: Dramaturgiya i drama Aleksandra Vampilova// Literatura («PS»). – 2001 – № 2. – Rezhim dostupa: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200100205>.
 8. Kozlova S. M. Bezlichnyi geroi sovremennoi dramy // Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog / redaktor: T. L. Rybal'chenko. Tom Vypusk 10. – Tomsk : Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2009. – S. 341-356.
 9. Krasnikov Ya. E. Narrativnye osobennosti p'esy A. P. Chekhova «Chaika» // Litera. – 2023. – № 6. – S. 171-180.
 10. Krasnikov Ya. E. Restriktsiya vzglyada v mire geroev p'esy D. Danilova «Chelovek iz Podol'ska» // Real'nost' i «drugaya real'nost'» v literature i kul'ture: vizual'nye aspekty : Sbornik statei XII mezhvuzovskoi studencheskoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 11–12 marta 2021 goda. – Moskva: Editus, 2021. – S. 167-172.
 11. Lavlinskii S. P. «Teatr zhestokosti» po-russki (pozitsiya geroya i adresata v monodrame Yurya Klavdieva «Ya, pulemetchik») // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. – 2010. – №11 (54). – S 55-68.
 12. Lagoda M. A. Neosinkretizm dramaticheskii / M. A. Lagoda, A. M. Pavlov // Novyi filologicheskii vestnik. – 2011. – № 2 (17). – S. 118-121.
 13. Lipovetskii M. Rastratnye strategii, ili Metamorfozy «chernukhi» // Novyi mir. – 1999. – № 11. – S. 193-210.
 14. Lukov V. A. Ideal'nyi geroi v evropeiskoi drame XIX veka // Informatsionnyi gumanitarnyi portal Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2011. – № 2. – S. 11.
 15. Malkina V. Ya. Neosinkretizm // Poetika : Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. – Moskva : Intrada, 2008. – S. 143-144.
 16. Noveishaya drama rubezha XX-XXI vv.: predvaritel'nye itogi / kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. T. V. Zhurchevoi. – Samara : Samarskii gosudarstvennyi universitet, 2016. – 296 s.
 17. Pavi P. Slovar' teatra / per. s fr. – Moskva : Progress, 1991. – 504 s.
 18. Rybina P. Yu. Zapadnaya dramaturgiya XX veka // Zarubezhnaya literatura XX veka: ucheb. posobie dlya stud. vyssh ucheb zavedenii / pod red. V. M. Tolmacheva. – Moskva : Akademiya, 2003. – S. 357-390.
 19. Tatarinova L. N. Iстория зарубежной литературы конца XIX – начала XX века: Учебное пособие. – Краснодар: ЗАРЛИТ, 2010. – 204 s.
 20. Tyutelova L. G. Poetika sub"ektnoi sfery russkoi dramy XIX veka: ot dramaturgii romantikov k dramaturgii A.P. Chekhova : avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk : 10.01.01 / Samarskii gosudarstvennyi universitet. Samara, 2012. – 43 s.
 21. Khesle V. Krizis individual'noi i kollektivnoi identichnosti // Voprosy filosofii. – 1994. – № 10. – S. 112-123.
 22. Shaitanov I. O. Mezhdu viktorianstvom i antiutopiei. Angliiskaya literatura pervoi treti KhKh veka // Literatura. – 2004. – № 43. – S. 9-15.
 23. Eksperimental'nyi slovar' noveishei dramaturgii / gl. nauchn. red. S. P. Lavlinskii. – Siedlce : Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2019. – 391 s.

Russian and Chinese phraseological units of religious themes with components-numerals five, seven and ten

Ding Lina

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 21

✉ 1042215065@pfur.ru

Abstract. This article is devoted to the comparative analysis of the numbering phraseological units with a religious component in the Russian and Chinese linguistic cultures. The object of the study is phraseological units of the Russian and Chinese languages of religious themes containing components-numerals five, seven and ten. The subject of the study is the linguistic and national-cultural features of Russian and Chinese phraseological units with a religious component. In order to identify and describe the similarities and differences in the vision of the world peculiar to the Russian and Chinese peoples, such research methods and techniques as linguistic and cultural analysis, comparative method, descriptive method, etymological analysis, etc. were used. The tasks of this article are carried out with the help of linguistic and cultural analysis of some fragments of the national mentality reflected in the mirror of phraseology. The scientific novelty of the work consists in a detailed study of numeral phraseological units with a religious component in two languages. It seems that Russian phraseological units containing components- the numerals seven and ten, mainly carry a connotative meaning, denoting completeness and perfection. In Chinese, phraseological units with the above components have a closer connection with Taoist teaching than with Buddhism and Confucianism. The comparative study of numeral phraseological units in both languages contributes to the penetration into a different cultural reality, the understanding of the ethnocultural specifics of the numerical code associated with the religious sphere.

Keywords: Confucianism, Christianity, comparative analysis, linguistic picture of the world, religious themes, language and culture, numerical component, phraseological units, Taoism, Buddhism

References (transliterated)

1. Bugaeva I. V. Prazniki i ikh naimenovaniya v pravoslavnem sotsiolekte // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2008. № 1. S. 218-234.
2. Gizatullina L. R. Numerologicheskie frazeologicheskie edinitsy v angliiskom i tatarskom jazykakh: dis. ... kand. filol. Nauk. Ufa, 2004. 231 s.
3. Di Yaoguang, Kiseleva L. A. Otrazhenie etnokul'turnogo svoeobraziya chislovoi simvoliki v russkoi i kitaiskoi frazeologii // Vestnik BGU. Yazyk, literatura, kul'tura. 2018. №2. S.34-40.
4. Di Yaoguang, Kiseleva L. A. Frazeologizmy s chislovym komponentom v russkom i kitaiskom jazykakh: lingvokul'turologicheskii aspekt // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 6(60). Ch. 2. S. 75-77.
5. Ermakov N. Ya. Poslovitsy russkogo naroda / N. Ya. Ermakov. Sankt-Peterburg : tip. S.A. Kornatovskogo, 1894. 48 s.
6. Kalendarnye obychai i obryady narodov Vostochnoi Azii / Otv. red. R. Sh. Dzharylgasinova, M. V. Kryukov. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 1989. 360 s.

7. Lotman Yu. M. Semantika chisla i tip kul'tury // Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB. 2000. S. 430-433.
8. Lyu Ya. Sopostavlenie i sposoby perevoda frazeologizmov s chislitel'nyimi v kitaiskom i russkom yazykakh : magisterskaya dissertatsiya / Ya. Lyu ; Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, Ural'skii gumanitarnyi institut, Kafedra inostrannykh yazykov i perevoda. Ekaterinburg, 2020. 94 s.
9. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: : Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb, zavedenii. M.: Akademiya. 2004. 208 s.
10. Matematicheskaya entsiklopediya / Gl. red. I.M. Vinogradov. M.: Sov. entsiklopediya, 1982. 1151 s.
11. Men' A. [V.] K istorii russkoi pravoslavnoi bibleistiki // Bogoslovskie trudy. T. 28, 1987. S. 272-289.
12. Mechkovskaya N. B. Yazyk i religiya. M.: Agentstvo«FAIR», 1998. 350 s.
13. Men Tsinzhun. Lingvodidakticheskoe opisanie tsifr «Sem'» i «Devyat» v russkom i kitaiskom yazykakh // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2008. № 3. S. 11-15.
14. Pasechnik T. B. Lingvokul'turologicheskii analiz frazeologicheskikh edinits s chislovym komponentom v russkom yazyke v sopostavlenii s angliiskim: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009. 217 s.
15. Ranovich A. B. Ocherk istorii drevneevreiskoi religii. Vvodnaya stat'ya akad. N. Nikol'skogo "Nekotorye osnovnye problemy obshchey i religioznoy istorii Izraelya i Iudei" (s. III-LXXXIV). M.: Gos. antireligiozn. izd-vo. 1937. 400 s.
16. Slovar' russkoi frazeologii: Ist.-etimol. sprav. / A. K. Birikh, V. M. Mokienko, L.I. Stepanova; S.-Peterb. gos. un-t. Sankt-Peterburg: Folio-press, 1998. 700 s.
17. Utness Li. Bibliya (vosstanovitel'nyi perevod) / Pod red. otdela sluzheniya «Zhivot potok». Anakhaim: Living Stream Ministry, 1998. 898 s.
18. Tsui Khun En'. Semantika naimenovanii chisel v russkom i kitaiskom yazykakh: lingvokul'turologicheskii aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2003. 161 s.
19. Cherneva N. P. Semantika i simvolika chisla v natsional'noi kartine mira: Na materiale russkoi i bolgarskoi idiomatiki: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2003. 270 s.
20. Entsiklopedicheskii slovar' bibleiskikh frazeologizmov / K. N. Dubrovina. M. : Flinta : Nauka, 2010. 808 s.
21. 五謐| Perevod 五謐(academic.ru) [Elektronnyi resurs]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/chi_rus/29653/%E4%BA%94%E8%96%80?ysclid=1jrd253kpf281667796 (data obrashcheniya: 07.07.2023)
22. 朱瑞攷. 佛教成语. 格致出版社, 2006. Chzhu Zhuiven'. Buddiiskaya frazeologiya // Izdatel'stvo Gechzhi. Shanghai. 2006. 432 s

Semantic analysis of the words denoting the term "reason" in Persian

Dousti Niri Zohreh Mohammad-Ali

Postgraduate Student, Department of Russian Language and Literature, University of Tehran

1439813164, Iran, Tehran Province, Tehran, Karegar str., 1, of. Faculty of Foreign Languages and Literature of Tehran University

 druzh87@yandex.ru

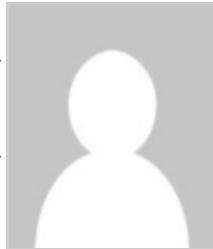

Sheykh Jolandan Nahid

PhD in Philology

Assistant Professor, Department of Russian Language and Literature, University of Tehran
1439813164, Iran, Tehran region, Tehran, Karegar str., 1, Faculty of Foreign Languages of Tehran University

✉ sheikhinahid@ut.ac.ir

Abstract. The term "reason" refers not only to linguistics, but also to a number of other sciences, including philosophy and logic.

In Russian and Persian there are different words denoting the cause. However, each of them has a specific shade of meaning that distinguishes it from the others. These words include: على (ellat), سبب (sabab), and دلیل (delilah), the reason, cause, etc. And there are also some cases when it is possible to replace these words, and in some cases it is impossible to replace them with each other. This work is devoted to the semantic properties of Persian words denoting the cause, as well as their relationship with similar Russian words. Here we briefly talk about the words that denote the term "reason" in Persian and their relationship, as well as the difference between them, and also compares them with Russian equivalents.

This study will help Russian-speaking students who study Persian in understanding of different Persian words - synonyms, as well as help Russian and Iranian translators to choose an adequate words when translating texts from Russian into Persian and vice versa.

Keywords: causation, synonym, Russian language, footing, linguistics, semantics, Persian language, conditionality, reason, implication

References (transliterated)

1. Kondakov I. N. Logicheskii slovar' – spravochnik. M.: Nauka. 1975.
2. Il'ichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. M: Sovetskaya entsiklopediya. 1983.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. 4-e izdanie. M., 1999.
4. Amatov A. M. Prichinnost' v yazykoznanii kak otrazhenie filosofskoi kategorii kauzal'nosti // Nauchnye vedomstva. Seriya gumanitarnye nauki. 2010. № 12. S. 5-12.
5. Gavrilova A. S. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennoego russkogo yazyka. M., Adelant, 2014.
6. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. 2-e izdanie. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999.
7. Amid Kh. Slovar' persidskogo yazyka. Tegeran: Rakh-e roshd, 2022.
8. Moin M. Persidskii slovar'. Moin (novaya redaktsiya). Tegeran: Bekhzad, 2018.
9. Khafiz Shirazi. Sbornik stikhov. Tegeran: Payam Edalat, 2022.
10. Afzali B. Golizade Kh. Prichina i sledstvie v poezii Mevlevi Rumi // Istoryya literaturnykh tekstov perioda Eraki. 2021. № 2. S. 2-20.
11. Nadzhafi P. Rakhimian Dzh. Prichinnost' v persidskom yazyke (na osnove rolevoi i etalonnoi grammatiki) // Zhurnal grammaticeskikh issledovanii. 2021. S. 25-50.
12. Shafai A. Nauchnye printsipy grammatiki persidskogo yazyka. Tegeran: Novin, 1984.
13. Voskanyan. G.A. Russko-persidskii slovar'. Tegeran: Sovremennaya kul'tura (Farkhang-e moaser), 2022.
14. Rubinchik. Yu.A. Persidsko-russkii slovar'. V 2 tomakh. T. 1. M.: Perska, 2019.
15. Nasir-Khosrov. Sbornik stikhov. Tegeran: Khudozhestvenno-literaturnyi dom Guya,

2022.

Criteria for writing compound nouns (contact-hyphen) in modern Russian orthography

Kaverina Valeria

Doctor of Philology

Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Moscow State University named after MV. Lomonosov

117149, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1-51, office 962

 kaverina1@yandex.ru

Wang Yiming

Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Moscow State University named after MV. Lomonosov

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1-51, office 962

 klaralera1@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the regularities of the distribution of merged and hyphenated spellings of complex nouns in modern rules. Special attention is paid to identifying the main criteria for the design of the words of the studied group in the "Rules of Russian spelling and punctuation" of 1956, which still have the status of a set of spelling norms of the state language. Since the current rules are outdated, the work also considers the prescriptions of updated, but not having an official status, academic rulebooks: the complete academic handbook of 2006 and the newest electronic resource of OROSS "Spelling commentary of the Russian Dictionary" by E. V. Beschenkova, O. E. Ivanova, E. V. Tenkova. The novelty of the study lies in the fact that for the first time it analyzes the modern rules of spelling of complex nouns and the criteria underlying them. The established inconsistency of codification of these norms originates in the "Rules of Russian Spelling and Punctuation" of 1956 and is further developed in modern reference and educational literature, in particular in the complete academic handbook of 2006. As a result, it is concluded that it is necessary to include in the basic set of spelling rules a section containing the basic rules for distinguishing between merged and hyphenated spellings, set out briefly, simply and clearly.

Keywords: semi - alphabetic writing, making a contact hyphen, difficult words, spelling, hyphenated spellings, merged spellings, Russian spelling, rules, compound nouns, codification

References (transliterated)

1. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Slozhnye sushchestvitel'nye i sochetaniya s prilozheniyami kak ob"ekt orfograficheskogo opisaniya // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2010. № 2. S. 57–76.
2. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Pravopisanie slozhnykh sushchestvitel'nykh i sochetanii s prilozheniem ili neizmenyaemym opredeleniem // Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami. M.: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2011. S. 172–189.
3. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Problemy normy i kodifikatsii pravopisaniya slozhnykh sushchestvitel'nykh // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 1. M., 2014. 456 s. S. 119–198.
4. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma. M.:

- LEKSRUS, 2016. 424 s.
5. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Aspektnoe opisanie russkoi orfografii. Ocherki teorii. Pravila. Slovar'. M.: LEKSRUS, 2018. 567 s.
 6. Van Imin. Orfografiya slozhnykh sushchestvitel'nykh s soedinitel'nymi glasnymi v istorii russkogo pis'ma // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023. № 3(100). S. 370–374.
 7. Es'kova N. A. Slitnye/defisnye napisaniya sushchestvitel'nykh i tsel'nooformlennost' slova // Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriya i praktika. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im V. V. Vinogradova. Pod red. V. V. Lopatina. M.: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2009. S. 59–68.
 8. Es'kova N. A. Izbrannye raboty po rusistike. Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 646 s.
 9. Zaitseva S. N. Differentsiruyushchie napisaniya v russkom yazyke i ikh funktsii // Russkaya rechevaya kul'tura: teoriya i praktika filologicheskogo obrazovaniya v shkole i vuze: sb. nauch. statei i metod. rekomendatsii po mater. Vseros. nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Ivanovo, 30–31 marta 2017 g.). / sost. i nauch. red. I. A. Sotovoi (otv. red.) i dr. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2017. 352 s. S. 210–215.
 10. Zyuzina E. A. O pravopisanii zaimstvovanii kontsa XX veka v russkom yazyke // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2017. T. 32. Vyp. 3. S. 77–85.
 11. Kaverina V. V. Pravopisanie slozhnykh sushchestvitel'nykh v sovremenном russkom yazyke: problemy kodifikatsii // Filologicheskoe obrazovanie v sovremennykh issledovaniyakh: lingvisticheskii i metodicheskii aspekti. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XVI Kirillo-Mefodievske chteniya». M.–Yaroslavl': Remder, 2015. S. 286–289.
 12. Mel'nikova E. M., Tomina A. S. Orfografiya slozhnykh sushchestvitel'nykh s komponentami *bio-, eko-, organik-* // Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Tom 7, № 2. S. 334–344.
 13. Nechaeva I. V. K tipologii orfograficheskoi variantnosti v russkom yazyke // Russkaya rech'. 2022. № 3. S. 47–59.
 14. Nechaeva I. V., Pertsov N. V. O variativnosti v russkoi orfografii // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2020. № 1. S. 10–35.
 15. Snegova E. P. Slozhnye slova so «slozhnym» kharakterom: diskussionnyi status nominativnykh edinits tipa «fitnes-klub» // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii. 2017. № 2. S. 581–597.
 16. Bukchina B. Z., Kalakutskaya L. P. Slozhnye slova. M.: Nauka, 1974. 151 s.
 17. Ivanova V. F. Trudnye voprosy orfografii. M.: Prosveshchenie, 1982. 175 s.
 18. Kryuchkov S. E. O spornykh voprosakh sovremennoi russkoi orfografii. M.: Uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1954. 55 s.
 19. Panov M. V. O defisnykh napisaniyakh // Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku. T. 1. / Pod red. A. E. Zemskoi, S. M. Kuz'minoi. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. S. 554–558.
 20. Reformatskii A. A. Uporyadochenie russkogo pravopisaniya. Russkii yazyk v shkole. 1937. № 1. S. 63–70.
 21. Reformatskii A. A. Defis i ego upotreblenie // O sovremennoi russkoi orfografii. M., 1964. S. 146–150.
 22. Staltmane V. E. Slitnye, defisnye i razdel'nye napisaniya // Obzor predlozenii po

- usovershenstvovaniyu russkoi orfografii (XVIII–XX vv.). M.: Nauka, 1965. S. 296–321.
23. Shapiro A. B. Russkoe pravopisanie. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 248 s.
 24. Kaverina V. V. Poreformennaya orfografiya: istoriya normirovaniya // Stephanos. 2017. № 3 (23). S. 11–25.
 25. Grot Ya. K. Russkoe pravopisanie. Rukovodstvo, sostavленное по поручению Второго оцеленя Императорской Академии наук академиком "Ya. K. Grotom". SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk", 1894. 120 s.

Non-Euclidean Geometries as a Source of Faith in God for F.M. Dostoevsky and His Characters (on the Example of Ivan Karamazov)

Ou Menglian

PhD in Philosophy

Graduate student, Department of Cultural Studies, St. Petersburg University

190121, Russia, Leningrad region, Saint Petersburg, ul. Khalturna, 15, sq. 211

 omenglian@gmail.com

Abstract. Ivan Karamazov's nightmare reflects his deep ideological crisis. In the story of Ivan Karamazov's "rebellion" against God, his arguments about recently discovered non-Euclidean geometries play a major role. Confessing that he cannot understand and accept the idea of non-Euclidean geometry and the idea of worlds arranged according to different laws than our world, Ivan therefore denies the possibility for himself to sincerely believe in God. The strange connection between non-Euclidean geometry and belief in God is confirmed by an episode in *The Brothers Karamazov*, in which Ivan has a vision of the devil. In describing paradise, the devil uses the latest scientific concepts and non-Euclidean geometry, clearly demonstrating that new scientific theories can help a person find faith. This connection, important for the story of Ivan Karamazov, can be explained by the fact that in Dostoevsky's philosophical worldview the existence of "other worlds" plays a very important role as an expression of an unusual interpretation of the idea of immortality. If we accept the idea of people's existence after death in "other worlds", then scientific theories about "other worlds" can be seen as revealing those dimensions of being, where man will visibly understand the existence of God and the possibility of immortality.

Keywords: search for God, a source of faith, faith in God, other worlds, Ivan Karamazov, Dostoevsky's philosophical worldview, religious crisis, immortality, non-Euclidean geometries, being

References (transliterated)

1. Barsht K. A. «Brat'ya Karamazovy» F.M. Dostoevskogo: neevklidova geometriya i vopros o preodolenii zla // Voprosy filosofii. 2018. № 5. S. 134–144.
2. Gacheva A. G. «Ideal est' u menya, dan, Khristos»: Khristologiya Dostoevskogo v kontekste traditsii nravstvennogo istolkovaniya dogmata // Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal, 2021. № 2 (14). S. 37–64.
3. Gubailovskii V. A. Geometriya Dostoevskogo. 2006. Novom mire. № 5. S. 141–159.
4. Dostoevskii F. M. Brat'ya Karamazovy. // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch. V 30 t. T. 14. L., 1976. 624 s.

5. Dostoevskii F. M. Stat'i i zamekki, 1862-1865 // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch. V 30 t. T. 20. L., 1980. 432 s.
6. Dostoevskii F. M. Dnevnik pisatelya, 1881. // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch. V 30 t. T. 27. L., 1984. 463 s.
7. Kiiko E.I. Vospriyatiye Dostoevskim neevklidovo geometrii // Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. № 6. L.: Nauka, 1985. S. 120-128.
8. Kleiman R.Ya. Vselennaya i chelovek v khudozhestvennom mire Dostoevskogo // Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. № 3. L.: Nauka, 1978. S. 21-40.
9. Linde A. D. Fizika elementarnykh chastits i infliyatsionnaya kosmologiya. M.: Nauka. 1990. 280 s.
10. Samsonov, V. M., Petrov, E.K. Prostranstvo: abstraktnoe ponyatie ili material'naya real'nost'? 2020. Vestnik TGU. Seriya: Filosofiya (4). S. 7-20.
11. Kimberly Young. Ivan Karamazov's Euclidean Mind: the "Fact" of Human Suffering and Evil. 2020. The Polish Journal of Aesthetics. 56. Pp. 49-62.

The image of the grove as a means of expressing the author's axiological concept in the lyrics of Z. Dudina

Lyubimov Nikolay Ivanovich □

Postgraduate student, Department of Finno-Ugrian Comparative Philology, Mari State University

424000, Russia, Republic of the Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Lenin Square, 1

✉ nikolay_lyubimov@inbox.ru

Abstract. This research is connected with the analytical consideration of the system of poetic images of a natural philosophical orientation in modern Mari philosophical lyrics. The aim of the work is to identify the ethnocentric semantic components of the mythopoetic image of the grove in the lyrics of Zoya Dudina and the ways of their artistic embodiment. The research material was the poems included in her collection "Kuanyshym, kuem öndal ..." (She was delighted, hugging a birch ...) (2012). The methodology of the research is determined by the structural and semantic analysis of lyrical texts, which allows to identify and describe the main structural components of the poetic image, as well as to understand their interrelationships and semantic organization at the level of the author's axiology. In the article, the author of the study proved that in the lyrics of the Mari poet Zoya Dudina, the multifaceted image of the Mari grove is recreated.

In particular, it is presented as part of the divine world, often concretized and given in the form of a sacred tree. The central place in the image of the grove is assigned by the author to the ethnically significant and sacred content and mythopoetics, which does not limit him in the expression of individual creative aspirations, in the assertion of universal values. The grove for the lyrical heroine Zoya Dudina is a symbol of hope, spiritual and moral support, salvation of the soul, as well as the preservation of the Mari people.

Keywords: lyrical heroine, poetics, artistic axiology, the image of the grove, the author's concept, Zoya Dudina, lyrics, modern Mari poetry, Mari literature, ethno-axiosphere

References (transliterated)

1. Abukaeva L. A. Kontsept kÿsoto / oto 'svyashchennaya roshcha' v mariiskoi lingvokulture // Finno-ugrovedenie. 2022. № 1(63). S. 5-18. DOI 10.51254/2312-

- 0312_2022_63_01. EDN YVZLAV
2. Abukaeva L. A. Kontsept kÿsoto 'svyashchennaya roshcha' v sisteme mariiskikh tabu // Funktsional'naya grammatika: teoriya i praktika: sb. nauch. statei po itogam Vseros. s mezhd. uchastiem nauch.-prakt. konf., posv. 70-letiyu so dnya rozhdeniya d-ra filol. nauk, prof. L. N. Orkinoi (Cheboksary, 25 fevralya 2021 goda). Cheboksary: Chuv. gos. ped. un-t im. I. Ya. Yakovleva, 2021. S. 400-405. EDN CUSORL
 3. Aksiologicheskaya paradigma mariiskoi literatury KhKh-KhKhI vekov: kollektivnaya monografiya / Mar. gos. un-t; R. A. Kudryavtseva, T. N. Belyaeva, G. E. Shkalina i dr.; sost. i nauch. red. R. A. Kudryavtseva. Ioshkar-Ola, 2019. 353 s. EDN IDOLVU
 4. Vasil'ev V.M., Savatkova A. A., Uchaev Z. V. Marla-rushla muter. Mariisko-russkii slovar': Okolo 20 000 slov s prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka mariiskogo yazyka. 2-e izd. s izmen. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1991. 512 s.
 5. Gerasimov O. M. Mariiskaya traditsionnaya religiya (yazychestvo) i tvorchestvo Sergeya Makova (kantata «kÿsoto» i voploschenie v nei natsional'noi traditsii) // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2017. № 4. S. 108–112. EDN YLQDWU
 6. Dudina Z. Kum toman oipogo. Ikymshe tom: Kuanyshym, kuem öndal. – Ioshkar-Ola: «Marii El» gazeta» OOO, 2012. – 464 s.
 7. Kudryavtseva R. A. Aksiologicheskaya paradigma mariiskoi literatury: sostoyanie i gorizonty nauchnogo izucheniya problemy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 3-1 (57). S. 25–29. EDN VKNUHX
 8. Kudryavtseva R. A., Belyaeva T. N. Simvolika yazycheskogo mira v sovremennoi mariiskoi zhenskoi poezii (na primere liricheskogo tsikla Z. Dudinoi «Ya v tikhuyu roshchu pridu») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 9 (63). Ch. 3. S. 31–37. EDN WKDWXT
 9. Lyubimov N. I. V Marii El nazvali slovo goda na mariiskom yazyke // Kidsher [sait]. URL: <https://kidsher.ru/ru/news/41818> (data obrashcheniya: 01.07.2023).
 10. Lyubimov N. I. Mifopoeticheskii obraz serebra v filosofskoi lirike Zoi Dudinoi // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2021. № 7. S. 73–83. DOI 10.7256/2454-0749.2021.7.36066. EDN LLTDGZ
 11. Lyubimov N.I. Simvolika prirodnnykh obrazov v lirike Z. Dudinoi // Litera. 2022. № 8. S. 271–282. EDN VPLPLQ
 12. Manaeva-Chesnokova S. P. Dramatizm poezii Zoi Dudinoi // Manaeva-Chesnokova S. P. Khudozhestvennyi mir mariiskoi poezii: monografiya / MarNIIYaLI. Ioshkar-Ola, 2004. – S. 170–185.
 13. Rublev S. I., Alekseev I. A., Ivanov A. A. Svyashchennye roshchi severo-vostoka Respubliki Marii El: sanitarnoe sostoyanie, prirodookhrannye i pravovye aspekty / Povolzhskii gos. tekhnol. un-t; pod obshch. red. S. I. Rubleva. – Ioshkar-Ola, 2022. – 228 s.
 14. Saberov R. A. «Mesto sily» v mariiskoi religioznoi traditsii // Colloquium Heptapleres. 2014. № 1. S. 136–141. EDN TJWIKL
 15. Svedeniya iz Edinogo gosudarstvennogo reestra ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii // Portal otkrytykh dannykh Ministerstva kul'tury Rossiiskoi Federatsii [sait]. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (data obrashcheniya: 01.07.2023).
 16. Sovremennaya mariiskaya lirika: khudozhestvennye modeli mira i poetika tvorcheskoi individual'nosti / Mar. gos. un-t; R. A. Kudryavtseva, N. N. Starygina, N. I. Lyubimov i

dr. Ioshkar-Ola, 2022. 181 s. EDN TOHSQG

17. Chavain S. Roshcha / per. s mariiskogo A. Kazakova // URL: <https://www.stihi.ru/2017/08/07/7434> (data obrashcheniya: 01.07.2023).
18. Chotkar patyr. Sergei Chavain: palyme da palydyme: pochelamut, poeme, p'ese, stat'ya, sharnymash / G.Z. Zainiev yamdylen. – Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 2013. – 240 s.
19. Chemyshev E. V. Traditsionnye mariiskie verovaniya na rubezhe XX-XXI vv. // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2021. № 1(57). S. 109–119. EDN ZMWGYH
20. Epshtein M. N. Priroda, mir, tainik Vselennoi... Sistema peizazhnykh obrazov v russkoj poezii. – M.: Vyssh. Shk., 1990. – 303 s.
21. Kudryavtseva R/, Belyaeva T., Antonov Ju. Value opposition in the structure of the modern story of the volga region (on the material of the mari, chuvash and tatar literatures) // *Abstracts & Proceedings of INTCESS 2019 – 6th International Conference on Education and Social Sciences, 4–6 February 2019 – Dubai, UAE* / International Organization Center of Academic Research (OCERINT). Dubai, 2019. PP. 411–416. URL: http://www.ocerint.org/intcess19_e-publication/papers/258.pdf (data obrashcheniya: 01.07.2023). EDN VXWFZ

Metatext as a means of expressing the linguistic personality of the author-narrator in the text of the memoirs

Ma Ruye

PhD in Philology

Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Shanxi University

030006, China, Shanxi, Taiyuan, Wucheng str., 92

✉ maruye2020@qq.com

Abstract. This article is devoted to the consideration of the linguistic personality of the author-narrator in the text of the memoirs by means of metatextual means used in it. The subject of the study is the linguistic personalities of the authors of the two memoirs selected by us - K.K. Rokossovsky in the memoirs "Soldier's Duty" and M.T. Kalashnikov in "Notes of the designer-gunsmith". The objects of research are metatext tools that participate in the structural organization of the text and reflect the author's attitude to the world around him and his narrative. The author pays special attention to meta-textual means with subjective modality, in particular meta-means with the verbs "to speak-to say", "to name". The main conclusions of the conducted research are the identification of metatextological means used in memoirs as a genre and characteristic of a particular author, determined by his personality, his activities, traits, experiences, etc., and the linguistic personalities of the authors of the memoirs under consideration manifested in these means. The novelty of the research lies in the consideration of the meta-textual means used by the author in the narrative in the first person, taking into account the genre features of the memoirs and the individual realization of the author himself. The author's special contribution to the research of the topic is the identification of two constants of the linguistic personality of the author of the memoir text - the constant of logic in the message of events and the constant of the presence of the author-narrator, in which metatextual means play an important role.

Keywords: once's own speech, Notes of the designer-gunsmith, Soldier's duty, individual

characteristics of the author, author-narrator, subjective modality, memoirs, language personality, metatext, someone else's speech

References (transliterated)

1. Anikudimova E., Shvets A. Lichnoe povestvovanie kak problema [Elektronnyi resurs] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/3/lichnoe-povestvovanie-kak-problema.html>
2. Vinogradov V.V. Problema avtorstva i teoriya stilei. M., 1961. 613 s.
3. Karaulov Yu.N. Predislovie. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya // Yazyk i lichnost'. M.: Nauka, 1989. S. 3-8.
4. Kopytov O.N. Obraz avtora i avtorskoe nachalo: razgranichenie i oblasti primeneniya ponyatiy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 334. S. 11-14.
5. Nikitina S.E. Yazykovoe soznanie i samosoznanie lichnosti v narodnoi kul'ture // Yazyk i lichnost'. M.: Nauka, 1989. S. 34-40.
6. Rokossovskii K.K. Soldatskii dolg. M.: Veche, 2015. 400 s.
7. Kalashnikov M.T. Zapiski konstruktora-oruzheinika. M.: Voennoe izdatel'stvo, 1992. 300 s.
8. Plungyan V.A. Predislovie. Diskurs i grammatika // Issledovanie po teorii grammatiki. Vyp. 4: Grammatische kategorii v diskurse / Red. V.A. Plungyan, V.Yu. Guseev, A.Yu. Urmanchieva. M.: Gnozis, 2008. S. 7-34.
9. Fedorchenco I.A. Metaforicheskaya i metatekstovaya konstanta yazykovoi lichnosti akademika V.V. Vinogradova: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2002. 23 s.
10. Lyapon M.V. Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i teksta. M., 1986. 199 s.

Lexicological features of modern french-speaking media

Chaplik Varvara Andreevna

Postgraduate student of the French Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., GSP-1, office of the 1st building of Humanities Faculties (1st GUM)

 varvaratarapova@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the analysis of current trends in the political and public discourse of the modern French language. The subject of the research conducted on the material of French-language periodicals is lexical innovations found in the language material of the modern press. It should be noted that some topics attract neology more than others, in particular, politics, which is directly due to its dynamics: the constant emergence of movements, groupings, ideas and ideologies that get their name. In this context a paradigm that includes units formed from proper names seems particularly productive. The main focus of the research is on the word-formation and semantic aspects of such neologisms, on the analysis of the most frequent examples of such lexical neoplasms. The results of the study allow us to state the wide prevalence of eponymous neologisms in the political and social French-speaking discourse, as well as to track the actual use of these lexical formations in the press using the Néoveille platform.

Keywords: suffixation, corpus, linguistic expressivity, French press, wordplay, eponymy, telescoping, word formation, lexicology, neology

References (transliterated)

1. Beregovskaya E. M. Stilistika odnofrazovogo teksta. Na materiale russkogo, frantsuzskogo, angliiskogo i nemetskogo yazykov. M.: Lenand, 2015.
2. Kuznetsova I.N. Paronimicheskaya neologiya vo frantsuzskom yazyke // Ritorika – lingvistika. Smolensk: Smolenskii gosudarstvennyi universitet, 2008. S. 100–108.
3. Cartier E. Emprunts en français contemporain: étude linguistique et statistique à partir de la plateforme Néoveille. L'emprunt en question(s) : conceptions, réceptions, traitements lexicographiques. HAL, 2019. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02537344>
4. Cartier E. Néoveille, système de repérage et de suivi des néologismes en sept langues. Neologica: revue internationale de la néologie. 2016. doi 10.15122/isbn.978-2-406-06279-0.p.0101
5. Dubois J. Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain. Paris, France: Larousse, 1962.
6. Jouve M. La communication publicitaire. Rosny: Bréal, Coll. Synergies, 1994.
7. Marcellesi Chr. Néologie et fonction du langage. Langages. 1974. No 36. Pp. 95-102. doi: <https://doi.org/10.3406/lge.1974.2278>
8. Mortureux M.-F. La lexicologie entre langue et discours. Paris: Armand Colin, 2001.
9. Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les néologismes. Paris: Presses Universitaires de France, "Que sais-je?", 2003.
10. Yaguello M. Alice au pays de langage, pour comprendre la linguistique. Paris: Editions du Seuil, 1981.

Written judicial discourse: mechanisms of discursive interaction between the author and the reader

Arinova Bayrta Nikolaevna

Senior lecturer, Lomonosov Moscow State University, Law Faculty

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

 b.arinova@yandex.ru

Abstract. In this article, the author examines the written judicial discourse of Great Britain. The subject of the study is the law report – a brief report on the judicial decision, published in open sources and judicial collections. These texts record the most important decisions of the highest courts. A detailed legal analysis and interpretation of the applicable sources of law in a court decision take the form of a compact, concise text, with an accurate and consistent presentation of the court's arguments. The texts of court reports are an example of a modern written legal language, in which the principles and norms of common law are updated again and again. As a unit of discourse, a judicial report is, on the one hand, a complex speech act, on the other hand, it is a text that carries a certain rhetorical (pragmatic) impact on the reader. Using the method of linguistic analysis, the author analyzes the representation of an event during argumentation and identifies various discursive mechanisms of interaction between the author and the reader. The author believes that such characteristics can be divided into retrospective and prospective, depending on their rhetorical impact on the reader. In particular, the author analyzes the functional status and pragmatic significance of such phenomena as indirect speech, subordinate clauses, verbs of epistemic modality. According to

the author, the analysis of such characteristics can significantly complement the study of the intertextuality (dialogicity) of written judicial discourse, and accordingly expand our understanding of the formation and influence of the legal context.

Keywords: epistemic modality, indirect speech, characteristics of discursive prospectus, characteristics of discursive retrospection, legal discourse, mechanisms of discursive interaction, dialogicity, court report, judicial discourse, the language of law

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Ponyatie presupozitsii v lingvistike // Izvestiya AN SSSR. 1973. T. 32. Vyp. I. S. 84-89.
2. Dubrovskaya Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov). M.: Izd-vo "Akademiya MNEPU", 2010. S.351.
3. Prigarina N.K. Ritoricheskaya argumentatsiya. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2010. S.71.
4. Albrecht A., Danneberg L. First steps toward an explication of counterfactual imagination // Counterfctual thinking, counterfactual writing / Eds. Birke D., Butter M., & Köppe T. — Walter de Gruyter 2011. P. 12-30
5. Brian, M. The modern history of law reporting./ University of Melbourne Collections, issue 11,2012. P.32-36. Retreived from https://library.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0010/1379026/07_Bryan-LawReport11.pdf
6. Clark, H., Richard, G. (1990). Quotations as Demonstrations (p. 764–805). Language, vol. 66, no. 4.
7. Fairclough, N. (2004). Analysing discourse textual analysis for social discourse (p.270). London: Routledge.
8. Hodges, A. (2015). Intertextuality in discourse. In D.Tannen,H.E. Hamilton, Deborah Schiffrin (Eds.), The handbook of discourse analysis (p.42-61). Second edition. John Wiley & Sons.
9. Nikitina, T., Spronk, S. (2019). Reported speech forms a dedicated syntactic domain(p. 119-159). Linguistic Typology, vol. 23, no. 1, 2019. doi.org/10.1515/lingty-2019-0005
10. Sinclair, J. (2004).Trust the text. In M.Coulard (Ed.) Advances in written text analysis(p.12-26). London: Routledge.
11. Tannen, D. (2007). Talking voices: repetition, dialogue and imagery in conversational (p.234). Cambridge University Press.
12. <https://www.thetimes.co.uk/article/persons-right-to-privacy-when-under-criminal-investigation-2p5mhqh88> Law report: Person's right to privacy when under criminal investigation
13. <https://www.thetimes.co.uk/article/times-law-report-lack-of-interim-relief-in-employment-tribunal-for-sex-discrimination-claims-ds90w22bg>
14. <https://www.thetimes.co.uk/article/rules-for-detaining-asylum-seekers-compliant-with-european-union-law-db9pczjr7>
15. <https://www.thetimes.co.uk/article/lack-of-common-intention-between-family-prevents-rectification-of-land-registry-form-smh02dn8s>
16. <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2020-0122-judgment.pdf>
17. <https://www.casemine.com/judgement/uk/610924b92c94e0239c457edc/amp>

18. <https://www.thetimes.co.uk/article/criminal-law-concepts-do-not-apply-in-family-court-hearings-vqmtqw70g>

"The babbity of professors' humble abodes": Representation of Everyday Life of the "Positivist Father" in Memoirs of Russian Symbolism

Kuzmina Yulia Alekseevna

Graduate student, Department of Culturology, Russian State University for the Humanities

109544, Russia, Moscow region, Moscow, 21 Vekovaya str., building 1, 3

✉ kuzminaulia983@gmail.com

Abstract. The formation of symbolism as an artistic and worldview phenomenon took place in intellectual and cultural opposition to the tradition of Russian academic positivism. In the article positivism and symbolism are viewed as two discourses competing for influence in the Russian intellectual environment, the competition of which often took on the features of a conflict between "fathers and children". One of the ways of "battle for the authority" was the construction of the image of "father-positivist" in memoirs and diary notes by symbolists. The object of the study is the representation of the everyday culture of the conventional "father" in the memoirs of A. Beliy, G. I. Chulkov, V. Y. Brusov, N. Petrovskaya, B. M. Runt and Z. N. Gippius. The subject is those discursive mechanics, through which the representation of otherness and "othering" of such everyday life are achieved. The methodology of the work is built around the optics of the translation turn, which allows us to look at the scenes from the memoirs as "third space", where the battle of discourses unfolds at the expense of representational practices. The novelty of the research is manifested both in drawing attention to this problem and in the development of an actual methodological base. Based on the results of the analysis, the following mechanics of "othering" were identified: unification and generalization, binarity and asymmetry, giving the Other the status of timelessness and non-historicity, the use of pejorative categories, the narrative technique of double representation and concealment. The aim of the fathers "othering" was the construction of personal identity and selfhood, as well as the attempt to define oneself through the constitutive Other.

Keywords: the Other, translation turn, representation, symbolist memoirs, cognition, everyday life, generation gap, positivism, symbolism, discourse

References (transliterated)

1. Gofman V. Yazyk simvolistov // Literaturnoe nasledstvo [Simvolisty]. M.: Ob"edinenie, 1937. Tt. 27/28. S. 54-105.
2. Balanovskii V.V. Gnoseologiya Vladimira Solov'eva kak proyavlenie osobogo tipa ratsional'nosti // Solov'evskie issledovaniya. 2011. № 2(30). S. 117-134.
3. Emel'yanov B.V. Russkii pozitivizm XIX v. // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: obshchestvennye nauki. 2010. № 2(77). S. 163-177.
4. Zherebin A.I. Vertikal'naya liniya: venskii modern v smyslovom prostranstve russkoi kul'tury. SPb.: Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova, 2011.
5. Khrenov N.A. Simvolizm v kontekste stolknoveniya antropomorfnoi i dezantropomorfnoi tendentsii v kul'ture // Kul'tura i iskusstvo. 2013. № 1(13). S. 26-40.

6. Sarychev V.A. «... Pomnyu ego krovno» (A.L. Blok v zhizni i tvorcheskoi sud'be A.A. Bloka) // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2018. №1(23). S. 7-28.
7. Razumova A.O. Kul'turnaya model' «otets i syn» v romane A. Belogo «Peterburg» // Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya). 2005. № 6(50). S. 28-32.
8. Troshin A.S. Emblematiceskii i znakovyi stroi poemy A. Bloka «Vozmezdie» // Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2014. № 10. S. 134-138.
9. Enisherlov V. Sud'ba ottsa // Voprosy literatury. 1980. № 10. S. 228-242.
10. Bakhmann-Medik D. Kul'turnye poveroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture / Per. s nem. S. Tashkenova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
11. Basso E.B. Translating "Self-Cultivation" // Translation and ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. Tucson: The University of Arizona Press, 2003. Pp. 85-101.
12. Papastergiadis N. The Turbulence of Migration: Globalization, Deterritorialization and Hybridity. Padstow: Polity Press, 2000.
13. Okazaki A. "Making Sense of the Foreign": Translating Gamk Notions of Dream, Self, and Body // TRANSLATION AND ETHNOGRAPHY. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. Tucson: The University of Arizona Press, 2003. Pp. 152-171.
14. Maranhao T., Streck B. Translation and ethnography. The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. Tucson: The University of Arizona Press, 2003.
15. Molodyakov V. Valerii Bryusov: Biografiya. M.: Vita-Nova, 2020.
16. Strashkova E.K. Fenomen teatralizatsii v zhizni i iskusstve kak forma voploschcheniya kontseptsii zhiznetvorchestva v estetike modernistov // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 39. S. 154-160.
17. Khanzen-Leve Age A. Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticeskii simvolizm nachala veka. Kosmicheskaya simvolika: monografiya. SPb.: «Akademicheskii proekt», 2003.
18. Kuz'mina Yu.A. Igrovye praktiki S. M. Solov'eva kak refleksiya mladosimvolistov nad ideyami V. S. Solov'eva i pozitivistskim metodom // Chelovek i kul'tura. 2023. № 3. S. 110-124.

Towards the Communicative Strategies of Russian Modernism: the Poetic Correspondence of V. Bryusov and A. Bely

Kartasheva Anna Olegovna

Postgraduate, Moscow University named after A.S. Gribodov

111024, Russia, Moscow, Highway Enthusiasts str., 21

✉ Anna.kartasheva@internet.ru

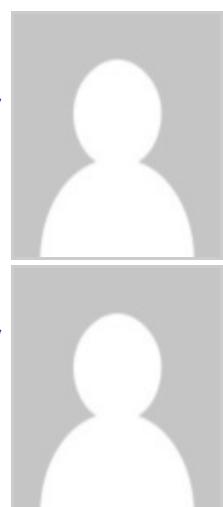
Kikhnei Lyubov' Gennad'evna

Doctor of Philology

Professor, Chair for History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Gribodov

111024, Russia, Moscow, Moscow, highway Enthusiasts, 21

✉ lgkikhney@yandex.ru

Osipova Olga Ivanovna
Doctor of Philology
Associate professor, Department of Russian and Foreign Languages, Far Eastern State Technical Fisheries University
690087, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Lugovaya str., 52 b, office 320
✉ osipova.oi@dgtru.ru

Abstract. The object of this article is the poetic correspondence of Valery Bryusov and Andrei Bely in the 1900s. The analysis allowed us to draw a number of conclusions about the communicative strategies of Russian modernism. Firstly, in the structure of the correspondence, the dominant genre setting for dialogue with the addressee is identified, which allows identifying these poems as messages. This, on the one hand, makes it possible to fit the messages of Bryusov and Bely into the all-symbolist poetological and communicative context of the early twentieth century, when this genre was a kind of mainstream. On the other hand, the analysis of genre dominants allows us to identify their genre renewal associated with the formation of an original metastructural cycle resembling a "novel in letters", the heroes of which are Bryusov and Bely, simultaneously combining the roles of author and addressee.

Secondly, in the titles of the poems under consideration ("Balder Loki", "Balder II", "Ancient Enemy", "Magician"), mythological codes are revealed, genetic links are established with Christian apocrypha and Scandinavian legends, in which the author's "I" and "you" of the addressee are associated with images of light and dark forces rooted in religious and pagan traditions.

Thirdly, with the help of the biographical method, the parallels of the lyrical plots of the poems with the life and creative relationships of the poets are established. As a result, the poetic correspondence of the masters of symbolism is interpreted as a philosophical duel implicitly realizing dramatic situations of personal and "workshop" relationships, with a clear separation of aesthetic and ethical roles, these roles structure the plot of an epistolary "novel", the vicissitudes of which are reduced to binary oppositions of "light" and "darkness", heavenly and earthly, divine and demonic principles.

However, at the same time, this exchange of messages appears as a dialogue about the poet's role in symbolist discourse, a dialogue reflecting different vectors of creative aspirations of symbolists and, consequently, the ambivalent tendencies of the current towards both consolidation and separation.

Keywords: symbolism, correspondence in verse, addressee, author, genre, epistle, title complex, Andrei Bely, Valery Bryusov, myth

References (transliterated)

1. Kruglova T.S. Kommunikativno-esteticheskaya funktsiya stikhhotvornykh obrashchenii v diskurse russkogo simvolizma // Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik. Vyp. 8. Simferopol': Krymskii Arkhiv, 2010. S. 241-250.
2. Valentinov N. Dva goda s simvolistami. M.: Izdatel'skii dom KhKhI vek; Soglasie, 2000.
3. Belyi A. Nachalo veka. M.: Khudozh. lit., 1990. 704 s.
4. Belyi A. Nachalo veka. Berlinskaya redaktsiya (1923). M.: Nauka, 2014. 1064 s.
5. Bryusov V. Dnevniki 1891 – 1910. M: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh, 1927. 215 s.

6. Belyi A. Stikhotvoreniya i poemy. 2-e izd. M.; L.: Sov. pisatel', 1966. 668 s.
7. Bryusov V. Perepiska s Andreem Belym. 1902-1912 / Vstup. st. i publ. S.S. Grechishkina i A.V. Lavrova // Literaturnoe nasledstvo T. 85: Valerii Bryusov. M.: Nauka, 1976. S. 326-427.
8. Kruglova T.S. Kommunikativnye ustanovki Andreya Belogo v liricheskikh obrashcheniyakh k poetam-sovremennikam // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. 2010. № 3 (15). C. 85-90.
9. Bryusov V. Sobr. soch.: V 7 t. T. 1. Stikhotvoreniya. Poemy. 1892 – 1909. M.: Khudozh. lit., 1973. 672 s.
10. Bryusov V.Ya. Avtobiografiya // Bryusov V.Ya. Iz moei zhizni. M.: Terra, 1994.
11. Khmel'nitskaya T. Poeziya Andreya Belogo // Belyi A. Stikhotvoreniya i poemy. 2-e izd. M.; L.: Sov. pisatel', 1966. S. 5-66.
12. Mladshaya Eda. L.: Nauka, 1970. 178 s.
13. Gasparov M.L. Epistolyarnoe tvorchestvo V.Ya. Bryusova // Literaturnoe nasledstvo. T. 98. Kn. 1. Valerii Bryusov i ego korrespondenty. M.: Nauka, 1991. S. 12-29.
14. Protasova N.V. Zhanr poeticheskogo poslaniya v tvorchestve Valeriya Bryusova. Avtoref. dis. ... k. filol. n.. Stavropol', 2001. 20 s.
15. Kikhnei L.G., Kruglova T.S. Kommunikativnye strategii Valeriya Bryusova v poetologicheskem dialogue s sobrat'yami pro Peru // Bryusovskie chteniya 2013 goda. Erevan: Erevanskii gos. un-t im. V.Ya. Bryusova, 2014. S. 294-306.
16. Kikhnei L.G., Lamzina A.V. Stikhotvornyj dialog V. Bryusova i A. Belogo: mezhdu tekstrom i zhizn'yu // Yazyk i kul'tura. 2022. № 60. S. 38-56.